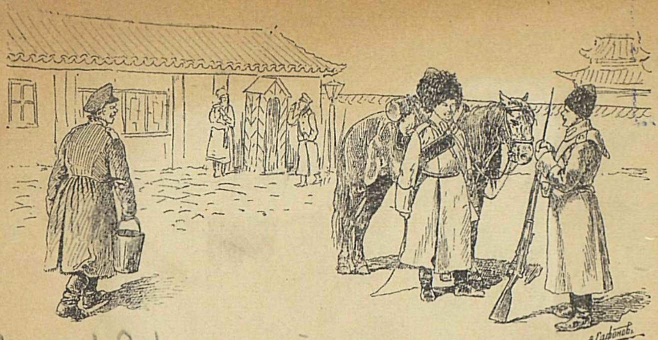
Ш 131/629
2.1.1

фб

И 131/629

М. Грулевъ

Въ Штабахъ и на Поляхъ Дальняго Востока

ВОСПОМИНАНІЯ ОФИЦЕРА ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА И КОМАНДИРА ПОЛКА О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ

[ч. 1]

Издалъ В. Березовский
Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній
С.-Петербургъ. Колокольная 14
1908

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
20789-44

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

2007096543

Предисловіе.

Еще не такъ давно принято было думать, что говорить и писать о пережитыхъ важныхъ историческихъ событіяхъ можно лишь по мнованіи многихъ лѣтъ: „огромные предметы слѣдуетъ разсматривать *издали*, удалившись отъ нихъ на значительное разстояніе“,—доказывали обыкновенно тѣ, которымъ хотѣлось заставить современниковъ отвести глаза отъ окружающей дѣйствительности, или безмолвно забыть только-что пережитыя жгучія событія. На основаніи такой метафизики въ удѣлъ исторіи отводились полуистлѣвшіе архивные документы, вмѣсто живыхъ людей и животрепещущихъ событій. Къ такъ называемымъ „урокамъ исторіи“ позволяли прикасаться только послѣ того, когда съ теченіемъ времени въ нихъ успѣли уже заглохнуть малѣйшіе проблески подлинной жизни, когда была достаточная увѣренность, что историку понадобится сначала раскопать многовѣковый курганъ всякаго историческаго сора,— прежде чѣмъ онъ доберется до архаическихъ

остатковъ нѣкогда живыхъ фактовъ. На моей памяти, при выпускѣ офицеровъ изъ академіи генеральнаго штаба въ 1888 году, когда одинъ изъ выпускныхъ офицеровъ позволилъ себѣ въ изложеніи исторической темы *весьма скромно* коснуться критической оцѣнки дѣйствій подъ Плевной, за которыми была уже даже 10-тилѣтняя давность,— то это произвело такой переполохъ среди присутствовавшихъ профессоровъ, что сдержанные мужи науки забыли всякую солидность и жестоко отразили этотъ робкій поискъ въ область исторической правды... „Какъ вы смѣете касаться критики, когда еще живы участники этихъ событій!“— указывали тогда профессора пытливому ученику, проявившему несвоевременную наклонность къ правдѣ.

Такимъ образомъ, темы изъ Русско-Турецкой войны академіей почему-то назначались, но освѣщать событія этой войны не позволялось. Какіе же поучительные уроки мы могли, въ такомъ случаѣ, вынести изъ Русско-Турецкой войны, когда готовились къ войнѣ съ Японіей?..

Теперь, очевидно, установился болѣе разумный взглядъ по этому вопросу. Самая безпощадная критика о событіяхъ минувшей войны на Дальнемъ Востокѣ раздалась прежде всего именно въ стѣнахъ академіи Генеральнаго Штаба — и раздалась немедленно, какъ только замолкъ послѣдній выстрѣлъ этой злосчастной войны, не заботясь о томъ, что скажутъ „живые участники“ событій.

Это исканіе правды — лучшій залогъ свѣтлаго будущаго для нашей арміи. Какъ въ жизни семейной, такъ и международной, важно, чтобы мужъ-хозяинъ первый узналъ о томъ, что у него дѣлается дома, — прежде чѣмъ стать предметомъ пересудовъ своихъ сосѣдей, которые не замедлятъ учесть то, что извѣстно имъ однимъ.

А арміи нашей нужна одна правда. Намъ ее стыдиться нечего. Пусть ее видитъ весь міръ! Если мы проиграли минувшую войну, то едва ли исторія всѣхъ временъ и народовъ представляетъ собою еще такой яркій примѣръ крѣпкаго союза всѣхъ злыхъ стихій, ополчившихся противъ одной лишь воюющей стороны.

Японскій солдатъ, говорятъ, — на рѣдкость; но до сихъ поръ ни у кого не поднялась рука, чтобы бросить камнемъ въ испытанныя вѣками доблести русскаго солдата.

Тактическая подготовка, говорятъ, у насъ хромаетъ; но развѣ тактическая подготовка японцевъ такъ ужъ много совершеннѣе нашей? Я ужъ доказывалъ однажды (въ „Разв.“), что не тактика служила причиной нашихъ неудачъ. Во всякомъ случаѣ, ничтожные дефекты въ этой области никоимъ образомъ не могли бы вызвать такое роковое постоянство нашихъ пораженій.

Командный составъ нашъ, говорятъ, слабъ. Но — право же японскіе офицеры ни въ отношеніи душевныхъ качествъ, ни по своему умственному и

образовательному развитію, отнюдь не стоятъ выше нашихъ офицеровъ. Говорю это по непосредственному знакомству съ японскими офицерами, сухопутными и морскими.

Не болѣе справедливы и упреки, обращаемые по адресу бывшаго главнокомандующаго ген.-ад. Куропаткина, котораго готовы сдѣлать единственнымъ козломъ отпущенія за всѣ неудачи. Если бы въ немъ одномъ сосредоточены были даже причины всѣхъ причинъ, то все же наши пораженія не могли бы имѣть такое злосчастное постоянство: нашелся бы начальникъ, случай, которые вырвали бы у него побѣду хоть разъ-другой.

Тѣмъ болѣе необходимо все пережитое въ этой войнѣ запечатлѣть по свѣжей памяти на страницахъ исторіи. Можетъ быть изъ общаго запутаннаго клубка только-что пережитыхъ событій, фактовъ и впечатлѣній, пытливому историку удастся извлечь руководящую нить для грядущей жизни.

Съ Высочайшаго соизволенія приступлено уже особой комиссіей къ составленію исторіи Русско-Японской войны, знаменуя собою съ высоты Престола отмѣченный выше животворный взглядъ на значеніе своевременно обнародованной исторіи въ жизни народной. Не подлежитъ сомнѣнію, что важнымъ пособіемъ для этой исторіи должны послужить живыя воспоминанія участниковъ этой войны.

Это единственная цѣль, которую я имѣлъ въ

виду, рѣшившись на изданіе настоящей книги,— представляющей собою, въ обработанномъ видѣ, дневникъ мой, веденный во время службы въ штабахъ и на поляхъ Дальняго Востока.

М. Грулевъ.

Содержаніе.

Предисловіе.

ГЛАВА I.

Передъ войной (стр. 1—35).

Нашъ Дальній Востокъ за 10 лѣтъ до Русско-Японской войны. Послѣдствія японско-китайской войны и Симоносекскаго договора. Исправленіе границы. Положеніе окраины въ экономическомъ и военно-политическомъ отношеніяхъ. Выводы изъ моей поѣздки по Манчжуріи. Проектъ „южнаго направленія" Сибирской желѣзнодорожной магистрали. Неудовлетворительность проекта въ военно-политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Мнѣнія Приамурскаго генералъ-губернатора С. М. Духовскаго и С. Ю. Витте. Портъ-Артуръ и Портъ-Лазаревъ. Занятіе Портъ-Артура. Мое пребываніе въ Японіи и Америкѣ. Наши секреты извѣстны нашимъ врагамъ раньше, чѣмъ Приамурскому генералъ-губернатору.

ГЛАВА II.

Неизбѣжность войны (стр. 36—69).

Ближайшія причины войны. Объясненіе этихъ причинъ съ точки зрѣнія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическія сношенія съ японскимъ правительствомъ. Вопросъ о Манчжуріи и Кореѣ. Объясненіе, присланное Стэду, издателю „Review of Reviews", изъ „авторитетнаго русскаго источника". Объясненіе причинъ войны съ точки зрѣнія японскаго правительства.

ГЛАВА III.

Подготовка къ войнѣ (стр. 70—94).

Общая характеристика подготовки къ войнѣ Японіи и Россіи. Подготовка морскихъ и сухопутныхъ силъ.

ГЛАВА IV.

Грянула война (стр. 95—118).

Грянула неожиданно. Пріѣздъ изъ Портъ-Артура въ отпускъ помощника главнаго военнаго инженера крѣпости. Непосредственное извѣстіе отъ намѣстника. Мы развлекаемся въ клубѣ. Взрывъ нашихъ броненосцевъ. Объявленіе войны. Штабная работа. Войны не будетъ. Обработка общественнаго мнѣнія. Пріѣздъ въ нашу провинцію офицеровъ генеральнаго штаба изъ столицы въ качествѣ гастрольныхъ лекторовъ о войнѣ и Японіи. Мобилизація и импровизація. Карты театра войны. Назначеніе генералъ-адъютанта Куропаткина командующимъ Манчжурской арміей. Приготовленіе къ походу. Выворачиваніе казеннаго кармана: — суммы экономическія, дождь денежныхъ пособій офицерамъ.

ГЛАВА V.

На войну (стр. 119—166).

Прощаніе съ городомъ. На войну со штабомъ. На войну съ полкомъ. Принятіе полка на лету, отъ поѣзда до поѣзда. Походъ. Сибирь и Манчжурія, прежде и теперь. Мои впечатлѣнія за 10 лѣтъ. Гор. Харбинъ. Дождевыя накидки для войскъ корпуса. Встрѣча съ Тифонтаемъ. Гор. Мукденъ. Посѣщеніе штаба Намѣстника. Атмосфера вражды и недовѣрія между адмираломъ Алексѣевымъ и генераломъ Куропаткинымъ. Ляоянъ. Залетныя птички, ищущія „попутчиковъ“ въ Россію.

ГЛАВА VI.

Въ Бенсиху—отдѣльнымъ отрядомъ (стр. 167—217).

Первый бивакъ подъ Ляояномъ. Вызовъ въ штабъ корпуса. Походъ въ Бенсиху. Соприкосновеніе съ противникомъ. Назна-

ченіе меня начальникомъ отдѣльнаго отряда. Первая тревога. Женщина-воинъ. Интендантство. Гастролеры изъ штаба Намѣстника. Тревожная телеграмма генералъ-адъютанта Куропаткина. Наши поиски на японскомъ берегу Тайцзыхе. Первый блестящій бой и первые японскіе плѣнные. Поздравительныя телеграммы отъ генерала Куропаткина и генерала Бильдерлинга. Неудачный поискъ генерала Любавина.

ГЛАВА VII.

Бенсиху—Ляоянъ (стр. 218—326).

Обратное движеніе въ Ляоянъ. Придуманный періодъ дождей. Метеорологическія данныя изъ моихъ инструментальныхъ наблюденій въ Манчжуріи за прежнее время. Умственная слѣпота нашего солдата. Тревожныя извѣстія о Бенсиху. Гроза надвигается. Возможность повторенія Седана. Моя телеграмма генералъ-адъютанту Куропаткину. Поиски позиціи. Встрѣча съ генераломъ Орловымъ. Мое обратное движеніе къ Янтайскимъ копямъ. Бой 20 августа. Насъ разносятъ японцы, разноситъ и генералъ Штакельбергъ, разноситъ и генералъ Столица, разноситъ и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Новая задача полку въ Тумынзы. Ст. Янтай. Флиртъ и шимозы. Отступленіе къ Мукдену. Вызовъ меня къ генералу Куропаткину. Ночное бдѣніе. Снова „подъ жестокимъ огнемъ“ въ вагонѣ командующаго арміей.

ГЛАВА VIII.

Мѣсяцъ „отдыха“ (стр. 326—367).

(26 августа—23 сентября).

Снова на передовой позиціи. Линшинпу и знаменитая кумирня. Появленіе дамы передъ аванпостами. Въ поискахъ за позиціей. „Мой домикъ“. Полковой праздникъ. Подарки отъ ген.-адъют. Куропаткина. Характеристика китайскихъ селеній. Китайцы, ихъ обычаи и церемоніи. Китайское гостепріимство. Характеристика японскихъ войскъ,—солдата и офицера. Подготовка къ наступленію. Рядовой Тыринъ и Судъ Божій.

Карты.

1. Общая карта Дальняго Востока (въ приложенiи).

2. Районъ Бенсиху—Ляоянъ—Мукденъ } (въ текстѣ).

3. Бой 20 августа у Янтайскихъ копей } (въ текстѣ).

ГЛАВА I.

Передъ войной.

Нашъ Дальній Востокъ за 10 лѣтъ до Русско-Японской войны. Послѣдствія японско-китайской войны и Симоносекскаго договора. Исправленіе границы. Положеніе окраины въ экономическомъ и военно-политическомъ отношеніяхъ. Выводы изъ моей поѣздки по Маньчжуріи. Проектъ „южнаго направленія“ Сибирской желѣзнодорожной магистрали. Неудовлетворительность проекта въ военно-политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Мнѣніе Приамурскаго генералъ-губернатора С. М. Духовскаго и С. Ю. Витте. Портъ-Артуръ и портъ Лазаревъ. Занятіе Портъ-Артура. Мое пребываніе въ Японіи и Америкѣ. Наши секреты извѣстны нашимъ врагамъ раньше чѣмъ Приамурскому генералъ-губернатору.

Мы переживаемъ теперь печальные итоги злосчастной войны съ Японіей. Весь міръ былъ удивленъ неслыханнымъ проваломъ военнаго могущества наиболѣе грозной въ Европѣ военной державы, обладавшей и въ мирное время арміей, равной по своей численности главнымъ европейскимъ арміямъ вмѣстѣ взятымъ,—гордой притомъ вполнѣ заслуженной былой славой, а также боевой подготовкой и организаціей по послѣднему слову военной науки. И все это сразу подкошено и опрокинуто маленькимъ народомъ, который въ общеніе съ Европой и со всѣмъ міромъ вошелъ, такъ сказать, со вчерашняго дня. У всѣхъ

невольно встаетъ неотступно все одинъ и тотъ же жгучій вопросъ: въ чемъ причина нашихъ пораженій?

Конечно, война представляетъ собою явленіе настолько сложное, что при желаніи пріурочить удачный или неудачный исходъ къ какимъ-нибудь однороднымъ, хотя бы и главенствующимъ, причинамъ, мы неизбѣжно рискуемъ впасть въ крайность. Въ дѣйствительности же война знаменуетъ собою всеобъемлющій экзаменъ всей жизнедѣятельности народной; и государство пожинаетъ на войнѣ то, что посѣяло задолго передъ тѣмъ во многихъ предшествовавшихъ поколѣніяхъ.

Но какъ бы сложны ни были слагаемыя, приводящія войну къ тому или иному общему итогу, не подлежитъ сомнѣнію, что цѣль войны, какъ важнѣйшій моральный импульсъ борющихся сторонъ, можетъ послужить рѣшающимъ привѣскомъ, могущимъ склонить вѣсы въ ту или другую сторону. Эта старая истина теперь лишній разъ подтверждается,—къ несчастью нашимъ собственнымъ горькимъ опытомъ— только что пережитой нами войной съ Японіей. Не даромъ бывшій главнокомандующій, генералъ адъютантъ Куропаткинъ, неоднократно объяснялъ наши пораженія эфемерностью причинъ и поводовъ, вызвавшихъ эту войну. И дѣйствительно: насколько каждому японскому солдату безъ лишнихъ поясненій были понятны причины войны,—настолько же у насъ, не только солдату, но и офицеру, рисовался въ туманѣ основной стимулъ войны, указанный главнокомандующимъ въ его извѣстномъ приказѣ отъ 15-го сентября 1904 г., что—„мы должны отстоять наши права на Дальнемъ Востокѣ“...

I.

Еще десять лѣтъ тому назадъ, непосредственно послѣ окончанія японско-китайской войны, когда дипломатическое вѣдомство наше начало вести агрессивную политику на Дальнемъ Востокѣ, было очевидно для каждаго здравомыслящаго наблюдателя, что мы пускаемся въ опасную игру, которая къ добру насъ не приведетъ. Находясь тогда въ Японіи, мнѣ неоднократно приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ нашимъ посланникомъ, покойнымъ М. А. Хитрово, который привлекалъ меня къ совѣщаніямъ, какъ офицера генеральнаго штаба, прослужившаго тогда уже семь лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ, и потому до извѣстной степени освѣдомленнаго съ нашимъ военно-политическимъ положеніемъ на Тихоокеанскомъ побережьѣ. Съ картой въ рукахъ я настойчиво и убѣдительно старался доказать, что лучше той границы, которая у насъ была тогда въ Приамурскомъ краѣ, и придумать трудно. Дѣйствительно, на всемъ протяженіи водной линіи, отъ Аргуни почти до Великаго океана, мы имѣли естественный рубежъ, на которомъ и въ силу трактатовъ съ Китаемъ, и благодаря фактическому положенію вещей, мы были абсолютными и безконтрольными хозяевами. Несмотря на то, что согласно Айгунскому договору право судоходства по Амуру одинаково принадлежало и Россіи, и Китаю,—въ дѣйствительности же ни одна китайская джонка не могла проникнуть въ воды Амура безъ нашего согласія. Даже всемогущій Ли-хунъчжанъ вынужденъ былъ въ 1889 г. обратиться съ унизительной челобитной къ бывшему тогда Приамур-

скому генералъ-губернатору барону А. Н. Корфу— разрѣшить провозъ по Амуру выписанныхъ имъ изъ Америки машинъ для эксплоатаціи принадлежащихъ ему Желтугинскихъ золотыхъ пріисковъ. И эти машины годъ слишкомъ валялись на пристани въ Николаевскѣ, пока это разрѣшеніе было дано.

Мало того. Наши прибрежные амурскіе и уссурійскіе казаки съ одинаковой свободой пользовались всѣми земельными угодьями какъ на нашемъ, такъ и китайскомъ берегу Амура: благодаря давности пользованія казаки смотрѣли какъ на свою собственность на луга и лѣса китайскіе, и все, вообще, для нихъ пригодное на правомъ берегу Амура. И китайцы не могли фактически этому препятствовать, если бы и хотѣли, потому что вся прилегающая къ Амуру часть Манчжуріи населена чрезвычайно рѣдко; и естественныя богатства страны, лишенныя всякаго хозяйскаго присмотра, были совершенно доступны для посторонняго пользованія. Всего сподручнѣе это было нашимъ сосѣднимъ казакамъ, которые безпрепятственно и пользовались выгодами своего положенія.

Рядомъ съ такими выгодами экономическаго положенія не менѣе благопріятствовали намъ и условія стратегическаго преобладанія на Дальнемъ Востокѣ. Достаточно сказать, что на всемъ огромномъ протяженіи нашей границы съ Китаемъ, длиною въ три слишкомъ тысячи верстъ, мы довольствовались всего шестнадцатью батальонами, стрѣлковыми и линейными, и небольшимъ числомъ кавалеріи и артиллеріи, которые признавались вполнѣ обезпечивающими наше положеніе на этой окраинѣ. Даже нѣкоторыя части Забайкальскаго казачьяго войска считалось возможнымъ уступить для службы министерства внутреннихъ

дѣлъ, въ виду того, что—„нашимъ границамъ здѣсь ни откуда не угрожаетъ опасность внѣшняго вторженія“,—какъ гласилъ документъ Главнаго Штаба 1889 года по вопросу о реорганизаціи Приамурскихъ казачьихъ войскъ. Конечно, и тогда уже нашъ Дальній Востокъ еле-еле окупалъ расходы государственнаго казначейства на содержаніе нашей дорогой администраціи и немногочисленныхъ вооруженныхъ силъ; но съ каждымъ годомъ этотъ балансъ замѣтно измѣнялся въ пользу метрополіи, которая очень скоро съ лихвой покрыла бы свои скромныя затраты на эту окраину. Не только общирнѣйшій Приамурскій край представлялъ собою безпредѣльное раздолье для переселенческаго движенія изъ нѣдръ Россіи, но и вся прилегающая Манчжурія, отрѣзанная отъ моря нашимъ Уссурійскимъ краемъ и охваченная съ трехъ сторонъ принадлежащими намъ однимъ судоходными рѣками, неминуемо должна была рано или поздно подпасть безраздѣльному экономическому господству Россіи, по мѣрѣ заселенія и экономическаго роста прилегающей нашей окраины.

Рядомъ съ самимъ собою создавшимся такимъ выгоднымъ для насъ положеніемъ на Амурѣ было очевидно, что какъ только мы перешагнемъ черезъ Амуръ, черезъ этотъ естественный пограничный рубежъ, и углубимся въ Манчжурію, мы, не пріобрѣтая ничего для насъ новаго, пускаемся навстрѣчу опаснымъ осложненіямъ и невѣдомымъ расплывчатымъ задачамъ; притомъ далеко къ югу отъ Амура, ни въ Застѣнномъ, ни въ Срединномъ Китаѣ, нѣтъ нигдѣ такого естественнаго рубежа, за который можно было бы зацѣпиться какъ за базу или какъ за этапъ въ своемъ наступательномъ движеніи на такомъ без-

брежномъ океанѣ суши, какой представляетъ собою сосѣдняя Манчжурія.

Все это казалось яснымъ до очевидности, даже и не для проницательныхъ политиковъ; и все это своевременно, по мѣрѣ силъ, докладывалось вершителямъ тогда нашихъ судебъ на Дальнемъ Востокѣ.

II.

Что же насъ толкнуло въ глубь Манчжуріи?

Конечно, намъ укажутъ на цѣлый ворохъ реальнѣйшихъ задачъ и даже нѣкоторый историческій прагматизмъ въ этомъ стихійномъ движеніи Россіи на Востокѣ и на югъ, къ незамерзающему морю, и т. п. Но истинная причина кроется въ легкомысленномъ преувеличеніи нашихъ силъ и умаленіи силъ противника, въ явномъ пренебреженіи чужими законными интересами и противопоставленіи имъ нашихъ собственныхъ, часто весьма проблематичныхъ, выдвинутыхъ не исторически сложившимися, ясно сознанными государственными потребностями, а придуманныхъ случайными дѣятелами, подъ вліяніемъ кажущихся благопріятныхъ обстоятельствъ.

Когда японцы послѣ побѣдоносной войны съ Китаемъ въ 1894—95 году сдѣлали попытку путемъ Симоносекскаго договора укрѣпиться на материкѣ Азіи, и когда эта затаенная мечта японскихъ патріотовъ, послѣ *пятивѣковыхъ* усилій, казалась близкой къ осуществленію — Россія первою выступила противъ этихъ притязаній Японіи. Что именно заставило насъ ополчиться противъ мирно настроен-

наго къ намъ сосѣда и нажить себѣ въ его лицѣ опаснаго врага—это секретъ нашихъ дипломатовъ.

Въ чемъ намъ могло быть опаснымъ материковое сосѣдство Японіи? Въ торговомъ отношеніи конкуренція Японіи была направлена, конечно, не въ сторону малолюдной и удаленной отъ моря Манчжуріи, а на югъ, по направленію густо населенныхъ прибрежныхъ провинцій Срединнаго Китая, которыя давно уже служили приманкой для японской промышленности;—это главнымъ образомъ и встревожило тогда Германію, охотно примкнувшую поэтому къ нашимъ воинственнымъ замысламъ противъ Японіи. При нащей же экономической слабости на Дальнемъ Востокѣ, когда вопреки нашей традиціонной торговой политикѣ, мы считали необходимымъ удерживать порто-франко для нашихъ собственныхъ владѣній, всякая торговая конкуренція въ отношеніи насъ наносила ударъ собственно по пустому мѣсту. Мнѣ лично пришлось посѣтить въ это время многія мѣста Манчжуріи во главѣ особой экспедиціи, отчасти научной, отчасти торговой, и убѣдиться на мѣстѣ, какъ далеко еще то время, когда не только прилегающій нашъ Приамурскій край, но и отдаленный московскій промышленный районъ смогутъ выступить конкурентами на рынкахъ Манчжуріи, несмотря на всѣ выгоды нашего положенія.

Эти заключительные выводы моей поѣздки по Манчжуріи оказались вѣрными не только для обстановки того времени, когда эта страна не была связана съ Россіей никакими путями, но вполнѣ оправдались и впослѣдствіи, послѣ постройки Восточно-Китайской желѣзной дороги, выступившей, казалось, такимъ могущественнѣйшимъ факторомъ въ пользу

нашихъ торговыхъ сношеній въ Манчжуріи. Нѣтъ надобности разбирать здѣсь причины этого явленія, которое стало чуть ли не общимъ мѣстомъ не только на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, но часто даетъ себя знать и въ центрѣ Россіи.

Тѣмъ не менѣе и эти дутыя торговыя фантасмагоріи играли извѣстную роль въ нашихъ завоевательныхъ замыслахъ въ Манчжуріи, гдѣ мы хотѣли упредить воображаемое нашествіе японскихъ фабрикатовъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ своей экспедиціи я узналъ, что по инціативѣ одного изъ нашихъ дипломатическихъ пограничныхъ дѣятелей на Дальнемъ Востокѣ,—стяжавшаго себѣ впослѣдствіи печальную славу и въ лѣсныхъ операціяхъ на р. Ялу,—вырабатывается обширный проектъ постояннаго срочнаго пароходства по р. Сунгари для торговыхъ сношеній въ Манчжуріи. Какъ водится у насъ на Руси, первые шаги этого пароходнаго общества обусловливались значительными субсидіями отъ казны въ видѣ помильной платы за каждый рейсъ и полученіемъ раньше всего огромнаго аванса. Вся эта затѣя, пущенная подъ флагомъ „насущнѣйшихъ отечественныхъ интересовъ“, будетъ понятна безъ лишнихъ словъ, если прибавить, что чиновные радѣтели нашей промышленности являлись сами отчасти явными, отчасти скрытыми пайщиками этого предпріятія.

Какъ ни плохо освѣдомлено было наше дипломатическое вѣдомство относительно взаимнаго торговаго положенія Россіи и Японіи на Дальнемъ Востокѣ, все же оно не могло заблуждаться такъ глубоко, чтобы воспротивиться утвержденію Японіи на азіатскомъ материкѣ изъ опасенія фантастическаго торговаго соперничества. Остаются въ такомъ случаѣ

соображенія военно-политическаго характера: нежеланіе имѣтъ на материкѣ своимъ сосѣдомъ въ лицѣ Японіи противника дѣятельнаго и энергичнаго, вмѣсто неподвижнаго и слабаго Китая.

Но, какъ я уже замѣтилъ выше, отрѣзанная отъ моря Манчжурія никогда и никоимъ образомъ не могла сдѣлаться объектомъ вожделѣній островной Японіи. Это не требуетъ никакихъ поясненій, и во всякомъ случаѣ подтверждается планомъ и ходомъ Японско-Китайской войны, во время которой японцы не обнаружили и малѣйшей попытки утвердиться хотя бы въ ближайшей, наиболѣе заселенной и плодородной Мукденской провинціи, а устремились раньше всего, какъ и слѣдовало ожидать, въ прибрежную часть Квантуна.

При такихъ условіяхъ появленіе Японіи на материкѣ Азіи не только не угрожало нашему положенію на побережьѣ Тихаго океана, а напротивъ—должно было встрѣтить поддержку и поощреніе съ нашей стороны, если только въ головахъ нашихъ дипломатовъ не роились обольстительныя и обманчивыя химеры—какъ это, однако, подтвердилось впослѣдствіи—смотрѣть на всю Поднебесную имперію, какъ на нераздѣльное наслѣдство Россіи, только благодаря слабости Китая и охватывающаго положенія нашихъ границъ. Дѣло въ томъ, что съ близкимъ сосѣдствомъ Японіи—если не на материкѣ, то на морѣ—мы обязаны были считаться и задолго до Японско-Китайской войны: огромный ростъ японскихъ морскихъ и сухопутныхъ вооруженныхъ силъ служилъ предметомъ постоянныхъ толковъ для каждаго офицера, побывавшаго въ Японіи. При такихъ условіяхъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны

нашу сравнительную слабость на водахъ Тихаго океана, а съ другой стороны—большее сравнительно развитіе нашихъ сухопутныхъ вооруженныхъ силъ и предстоящее близкое окончаніе постройки Сибирской желѣзной дороги, которая должна была еще больше усилить наше положеніе на тихоокеанскомъ побережьѣ — выходъ нашего вѣроятнаго противника изъ его островного, замкнутаго для насъ, положенія на материкъ, на арену родной намъ стихіи, увеличивалъ наши шансы на успѣхъ въ случаѣ столкновенія. Притомъ же выгоды нашего стратегическаго положенія на Уссури и прилегающей части Амура сами собой складывались въ нашу пользу, допуская возможность дѣйствовать въ тылъ наступательному движенію японцевъ на югъ. Ясно, какъ день, что японцы и шагу не могли бы ступить на материкѣ безъ одобренія и согласія Россіи; и въ то же время нашимъ владѣніямъ со стороны этого сосѣдства не угрожала никакая опасность,—какъ лежащимъ въ направленіи противоположномъ естественнымъ стремленіямъ японцевъ. Не даромъ Японія такъ долго и упорно искала союзъ съ Россіей, предпочитая его сближенію съ Англіей и американской республикой, которыя, казалось, могли быть болѣе полезны, или болѣе опасны островной Японіи своими могущественными флотами.

Во всѣхъ приведенныхъ мною сейчасъ посылкахъ я имѣлъ въ виду вѣроятныя притязанія съ нашей стороны лишь на сопредѣльныя съ нами провинціи Манчжуріи. Даже и это пріобрѣтеніе сомнительнаго свойства не сулило намъ въ будущемъ никакихъ выгодъ по сравненію съ тѣми, которыми мы уже пользовались, какъ это выяснено было выше. Во всякомъ

случаѣ, нарожденіе близкаго сосѣдства Японіи на материкѣ не угрожало никакой опасностью упроченію нашего вліянія въ Манчжуріи. Стремленіе же къ дальнѣйшему расширенію сферы нашего политическаго вліянія въ глубь Китая,—которое, можетъ быть, въ отдаленномъ будущемъ встрѣтило бы отпоръ со стороны упрочившейся на материкѣ Японіи,—едва ли могло быть серьезно принято во вниманіе въ данную минуту, представляя собою политику приключеній такого рода, которая не заслуживаетъ даже критики.

Такимъ образомъ, тревога, поднятая нами по случаю Симоносекскаго договора—какъ опаснаго, будто бы, для насъ пролога наступательнаго движенія японцевъ на материкъ Азіи—не оправдывается никакими соображеніями ни экономическаго, ни военно-политическаго характера. Ложная въ своихъ основныхъ положеніяхъ эта тревога послужила для насъ самихъ предательскимъ толчкомъ, заставившимъ насъ покинуть чрезвычайно выгодную границу на Амурѣ и увлечься въ глубь Манчжуріи.

Подъ вліяніемъ дешевой дипломатической побѣды, одержанной нами надъ Японіей въ союзѣ съ Германіей и Франціей, руководители нашей внѣшней политики стали сейчасъ же придумывать, какую бы мзду получить съ Китая взамѣнъ добрыхъ услугъ, оказанныхъ нами при выработкѣ окончательныхъ условій японско-китайскаго мирнаго договора; и выборъ палъ на сопредѣльную Манчжурію, которая представлялась намъ добычей подходящей и для округленія, будто бы, нашихъ границъ въ этой части азіатскаго материка, и открывающей собою новый горизонтъ для направленія строющейся Сибирской желѣзной дороги. Но едва ли будетъ преувеличеніемъ,

если сказать, что наши дипломаты въ этомъ случаѣ руководствовались не столько конкретными государственными задачами реальнаго характера, сколько тѣмъ трескучимъ эффектомъ, который это „великое“ пріобрѣтеніе должно было произвести въ глазахъ общественнаго мнѣнія России, и стяжать авторамъ этого проекта великую славу за ихъ заслуги предъ отечествомъ.

Такое предположеніе вытекаетъ, во-первыхъ, изъ того, что мною изложено было выше о положеніи России на Дальнемъ Востокѣ,—а именно: что оставленіе нашей вѣковой естественной границы на Амурѣ и наступательное движеніе въ Манчжурію не оправдывалось никакими соображеніями экономическаго, военно-политическаго или стратегическаго характера. Сколько мнѣ извѣстно, основательность этихъ соображеній не отвергалась и въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вопросъ же о направленіи Сибирской желѣзной дороги черезъ Манчжурію во всей этой эпопеѣ всплылъ совершенно неожиданно,—какъ это у насъ, впрочемъ, часто повторялось въ послѣдніе годы. Но главный стимулъ, передъ которымъ не устояли наши дипломаты въ вопросѣ о закрѣпощеніи Манчжуріи въ сферѣ нашего политическаго вліянія и присоединеніи впослѣдствіи Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова, это—„утереть носъ“ Японіи и насладиться великолѣпнымъ эффектомъ, который этотъ фейерверкъ долженъ былъ произвести въ глазахъ России и всей Европы. При политикѣ безпочвенной, лишенной прочно обоснованныхъ, исторически сложившихся государственныхъ задачъ, увлекающейся случайностями всякаго рода, при завѣдомомъ пренебреженіи законными интересами своего

противника—играетъ иногда извѣстную роль даже и такой эфемерный стимулъ, какой приведенъ мною сейчасъ. Въ исторіи, даже очень близкой къ намъ, такихъ примѣровъ не мало: какъ извѣстно, сокровеннымъ стимуломъ франко-прусской войны 1870 года было тоже желаніе Наполеона III „утереть носъ“ пруссакамъ за побѣды 1866 г. надъ австрійцами... Разница въ томъ, что наши дипломаты въ этомъ случаѣ пересолили еще больше: съ какой-то непонятной жадностью, какъ увидимъ сейчасъ, даже въ явный вредъ самимъ себѣ, они возымѣли желаніе вырвать изъ рукъ Японіи непремѣнно то самое, что ею добыто было цѣною огромныхъ жертвъ.

Такая своекорыстная политика никогда не проходитъ даромъ.

III.

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ вопросъ о занятіи Манчжуріи обусловливался необходимостью направленія Сибирской желѣзной дороги къ побережью Великаго океана.

Проектъ такъ называемаго „южнаго направленія“ Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути возникъ еще въ 1891 году, и тогда же послужилъ предметомъ оживленныхъ дебатовъ въ географическомъ, техническомъ и другихъ ученыхъ обществахъ. Какъ и слѣдовало ожидать, проектъ этотъ вызвалъ споры чисто академическаго характера, потому что никакихъ желѣзнодорожныхъ изысканій въ предѣлахъ Манчжуріи никѣмъ не производилось; даже на нашей собственной территоріи, вдоль проектированнаго на-

правленія этого рельсоваго пути по лѣвому берегу Амура, изысканія были еще въ зачаточномъ состояніи—кой-гдѣ намѣчены были лишь поверхностными рекогносцировками, поэтому тогда не могло быть и рѣчи о непреоборимыхъ техническихъ затрудненіяхъ, предполагавшихся при сооруженіи желѣзной дороги по лѣвому берегу Амура. Всѣ сужденія вращались около географической карты Азіи, на которой южное направленіе черезъ Манчжурію, какъ кратчайшее, связывающее Забайкалье и Уссурійскій край, представлялось болѣе выгоднымъ, какъ болѣе дешевое.

Были, конечно, и другія причины, заставлявшія предпочитать южное направленіе, обоснованныя отчасти на дѣйствительныхъ, отчасти на воображаемыхъ данныхъ.

Едва ли, однако, правы тѣ, которые предполагаютъ, что единственною побудительною причиною здѣсь служило поползновеніе завоевательнаго характера, или хотя бы даже болѣе справедливое стремленіе—въ видѣ капитальной поправки къ проекту постройки Сибирской желѣзной дороги путемъ выпрямленія приамурской дуги Чита-Благовѣщенскъ-Владивостокъ и сокращенія строительной смѣты на 75 милл. руб. Въ числѣ прочихъ и эти соображенія, конечно, чего-нибудь да стоятъ; но рѣшающаго значенія все-таки они не имѣли. Дѣло въ томъ, что при ближайшемъ изслѣдованіи приамурскаго побережья выяснилось, что постройка рельсоваго пути на лѣвомъ, русскомъ, берегу Амура отъ станицы Срѣтенской до Хабаровска, т. е. на протяженіи почти 1.800 верстъ, представляетъ собою почти неодолимыя затрудненія какъ въ техническомъ, такъ и впослѣдствіи—въ эксплоатаціонномъ отношеніи: на всемъ

этомъ протяженіи высокія скалистыя горы лѣваго берега подступаютъ къ Амуру почти вплотную, обрываясь въ самую воду крутыми утесами („быками“— по мѣстному выраженію), оставляя изрѣдка неширокую прибрежную полосу, на которой черезъ каждыя 25—50 верстъ, а то и рѣже, ютятся казачьи поселки и станицы; отъ поселка же Покровскаго до станицы Черняевской, на протяженіи 430-ти верстъ, нѣтъ почти никакихъ населенныхъ пунктовъ: вся населенность Приамурья на этомъ участкѣ ограничивается лишь семью почтовыми станціями, извѣстными подъ названіемъ „семи смертныхъ грѣховъ“, потому что въ былое время,—да и теперь, пожалуй,—проѣзжающимъ, застигнутымъ здѣсь мелководьемъ Амура или распутицей, угрожала часто голодная смерть при отсутствіи собственныхъ продовольственныхъ запасовъ. Преданіе гласитъ, что въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія застигнутые осеннею распутицею нижніе чины Николаевской мѣстной команды, возвращавшіеся въ Нерчинскъ, подъ давленіемъ голода съѣли сопровождавшаго ихъ юнкера. Да и въ позднѣйшее время, на моей памяти, самъ приамурскій генералъ-губернаторъ, покойный баронъ А. Н. Корфъ, застигнутый на этомъ участкѣ мелководьемъ Амура, вынужденъ былъ высадиться на пустынный берегъ, гдѣ очутился въ критическомъ положеніи.

Словомъ, постройка желѣзной дороги на этомъ участкѣ, а также и на всемъ протяженіи въ указанныхъ выше предѣлахъ сопровождалась бы на каждомъ шагу пороховзрывными работами, а по окончаніи постройки положительно некѣмъ было бы поддерживать эксплоатацію и ремонтъ пути при почти совершенномъ отсутствіи придорожнаго населенія. Къ

этому необходимо еще прибавить стихійныя особенности Амура—его чудовищные разливы: мнѣ лично пришлось однажды въ половодье плыть на пароходѣ по верхушкамъ прибрежныхъ телеграфныхъ столбовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что никакія техническія сооруженія не спасли бы и рельсовый путь отъ ежегоднаго затопленія.

Итакъ, самая прокладка пути по русской территоріи казалась неосуществимой въ техническомъ отношеніи, при успѣхѣ—недоступной для эксплоатаціи и ремонта и, во всякомъ случаѣ,—казалась подвергнутой ежегодному затопленію на значительномъ протяженіи. Тутъ еще не затрогивается вопросъ капитальной важности о направленіи міровой магистральной желѣзной дороги по странѣ пустынной и дикой,—будь то хотя бы родныя тундры,—если бы мы уклонили рельсовый путь далѣе къ сѣверу отъ Амура, и не лучше ли направить такую магистраль по странѣ культурной, сравнительно населенной, хотя бы и въ чужихъ владѣніяхъ.

Весьма естественно, что при всей заманчивости южнаго направленія проектъ этотъ не выходилъ изъ сферы академическихъ сужденій и очень скоро совсѣмъ былъ преданъ забвенію, потому что не выдерживалъ критики съ точки зрѣнія военной и экономической, оправдываемый лишь условіями техническаго свойства.

Раньше всего Сибирскому желѣзнодорожному пути пріурочивалась огромная рѣшающая стратегическая роль, которая должна была сдѣлать Россію вершительнецею судебъ на берегахъ Тихаго океана. Этотъ лейтъ-мотивъ былъ краеугольнымъ камнемъ во всѣхъ запискахъ, донесеніяхъ и ходатайствахъ, которыми

тогда муссировался вопросъ о постройкѣ этого гигантскаго рельсоваго пути. Насколько мы и въ этомъ вопросѣ не были чужды увлеченій, показала наглядно только что пережитая война съ Японіей, и будетъ нѣсколько пояснено ниже. Но и въ то время ясно было преувеличено военное значеніе, приписываемое Сибирской желѣзной дорогѣ. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ докладахъ и статьяхъ принято было плѣнять именно упомянутымъ магическимъ значеніемъ проектированнаго желѣзнодорожнаго пути, хорошо сознавая, что подъ такимъ флагомъ, въ угоду обуревавшаго насъ тогда слѣпого шовинизма, легче всего было провести какіе угодно грандіозные проекты. А разъ военно-стратегическое значеніе Сибирскаго рельсоваго пути должно было послужить краеугольнымъ камнемъ его направленія, то понятно само собою, что строить эту дорогу на значительномъ протяженіи на чужой территоріи, являлось чистѣйшимъ абсурдомъ; поэтому южное направленіе проектируемаго магистральнаго пути черезъ Манчжурію явилось проектомъ мертворожденнымъ и было отвергнуто въ самомъ началѣ.

Не выдерживалъ этотъ проектъ строгой критики и съ точки зрѣнія экономической, и государственной. Уклоняя магистральный путь къ югу, въ предѣлы Манчжуріи, и обходя нашъ собственный обширный Приамурскій край, мы надолго обрекали этотъ послѣдній на жалкое прозябаніе, неизбѣжное въ такомъ краѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, даже колесныхъ,— гдѣ сообщеніе поддерживается или вдоль берега Амура, верхомъ и на вьюкахъ, или по самому Амуру зимою по льду, а въ короткое время навигаціи двумя пароходными обществами, поглощающими изъ госу-

дарственнаго казначейства довольно солидныя субсидіи въ видѣ помильной платы. Притомъ необходимо имѣть въ виду, что на всемъ среднемъ теченіи Амура, отъ Покровки до гор. Благовѣщенска, и по Шилкѣ отъ Покровки до Срѣтенской станицы, пароходное сообщеніе весьма ненадежно и часто прерывается мелководьемъ, которое наступаетъ осенью, начиная уже съ августа, а иногда и посреди лѣта; такъ что, сколько-нибудь правильные рейсы по Амуру совершаются только отъ конца мая до конца іюля или средины августа. Во все же остальное время года, въ теченіе почти десяти мѣсяцевъ, обширнѣйшій Приамурскій край связанъ съ остальной Россіей—какъ и понынѣ—лишь телеграфной проволокой.

Между тѣмъ, по своимъ огромнымъ неисчерпаемымъ естественнымъ богатствамъ, окраина эта стоила того, чтобы не остаться обойденной проектированнымъ магистральнымъ рельсовымъ путемъ. Здѣсь сосредоточены богатѣйшіе въ мірѣ золотые пріиски, доставляющіе свыше 75% всего количества золота, добываемаго въ Россіи. Здѣсь же въ обширномъ бассейнѣ р. Зеи, лѣваго притока Амура, простираются богатые земледѣльческіе районы съ чисто русскимъ населеніемъ, вызвавшіе существованіе многочисленныхъ паровыхъ мукомольныхъ мельницъ. Все это, какъ и многія другія несмѣтныя богатства, таящіяся въ нѣдрахъ земли, или скрытыя въ иной формѣ, скованныя абсолютнымъ бездорожьемъ, глохнетъ и по нынѣшнее время въ этомъ русскомъ краѣ,—въ то время когда въ чуждой намъ Манчжуріи продукты сельскаго хозяйства возросли въ своей цѣнности втрое и вчетверо, значительно возросла производительность труда, а населеніе обогащается благодаря

постройкѣ на русскія народныя деньги грандіозной желѣзной дороги и притоку русскихъ капиталовъ.

Затѣмъ необходимо имѣть въ виду, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ постройки Сибирской желѣзной дороги было желаніе упорядочить наше переселенческое движеніе, которое становилось все болѣе и болѣе назрѣвшей государственной потребностью, какъ въ видахъ военно-политическихъ, требовавшихъ упроченія нашей окраины путемъ увеличенія тамъ численности русскаго населенія, такъ и въ виду все болѣе ощущавшагося земельнаго голода внутри Россіи. Ясно само собою, что постройка желѣзной дороги на русской территоріи привела бы къ заселенію такихъ мѣстъ, которыя въ настоящее время считаются недоступными земледѣльческой культурѣ. Говорятъ, вообще, о недостаткѣ пахотныхъ земель на лѣвомъ русскомъ берегу Амура, гдѣ, будто бы, нѣтъ свободныхъ участковъ для новоселовъ. Но кто это знаетъ? Кто можетъ утверждать это категорически, когда по всему протяженію Амура, отъ слiянія Шилки и Аргуни до устья Уссури, мы имѣемъ на географическихъ картахъ пустыя мѣста, усердно заполненныя неприступными горами. Я лично проѣхалъ верхомъ и на колесахъ обширныя пространства на самомъ гористомъ берегу Амура, а именно по среднему его теченію, и часто убѣждался, что скалистые обрывы у самой рѣки переходятъ на сѣверъ, въ незначительномъ удаленіи отъ Амура, въ обширныя равнинныя площади, вполнѣ пригодныя для хлѣбопашества; не говоря уже про такіе районы, какъ бассейнъ рѣки Зеи, гдѣ еще также не мало простора для новыхъ переселенцевъ.

Да и безъ лишнихъ доказательствъ понятно, что

никакія умозаключенія въ ту или другую сторону не могутъ быть категоричны въ отношеніи обширнѣйшихъ мѣстностей вдоль средняго теченія Амура, если онѣ и до сихъ поръ намъ извѣстны только по крайне отрывочнымъ поверхностнымъ даннымъ, добытымъ „Сибирской научной экспедиціей“ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Вполнѣ позволительно предположить, что въ предѣлахъ такого огромнаго неизвѣданнаго края, какъ Приамурскій, простирающійся на два милліона квадратныхъ верстъ, превосходящій въ 60 разъ Московскую губернію и насчитывающій въ настоящее время всего лишь одинъ милл. жителей,—т. е. 1 чел. (считая и грудныхъ младенцевъ) на двѣ квадратныхъ версты,—найдется еще не мало мѣста для новыхъ колонистовъ.

Сибирская желѣзная дорога и должна была послужить средствомъ для направленія колонизаціоннаго движенія изъ Европейской Россіи на нашу дальнюю окраину.

Обездоливая Приамурскій край уклоненіемъ магистральнаго рельсового пути на югъ, въ предѣлы чужого государства, и лишая нашу окраину притока переселенцевъ, мы тѣмъ самымъ совершали еще капитальную ошибку въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 80-хъ годовъ, китайское правительство обратило вниманіе на сопредѣльныя съ Приамурьемъ двѣ пустынныя провинціи Манчжуріи—Гиринскую и Хэйлунь-цзянскую, крайне рѣдко населенныя манчжурами. Царствующая въ Китаѣ Манчжурская династія всегда смотрѣла—смотритъ и понынѣ—на эту китайскую окраину, какъ на свою родную вотчину, которая можетъ послужить ей убѣжищемъ въ случаѣ необходимости покинуть Подне-

бесную имперію. Поэтому съ самаго начала воцаренія въ Китаѣ этой династіи изданъ былъ законъ, въ силу котораго китайцамъ воспрещалось переселеніе въ предѣлы Манчжуріи; имъ запрещалось пріобрѣтать тамъ земельную собственность, перечисляться въ ряды такъ называемыхъ восьми-знаменныхъ манчжуръ. Зная искони вѣковъ, что всѣ пришлые завоеватели, наводнявшіе Китай въ разное время, въ концѣ-концовъ терялись и глохли въ этой бездонной имперіи, манчжурская династія стремилась сохранить въ неприкосновенной чистотѣ свою вотчину, справедливо разсуждая, что достаточно открыть въ Манчжурію хотя-бы едва замѣтный переселенческій ручеекъ изъ нѣдръ Срединнаго Китая, какъ окраина эта будетъ залита колонизаціей китайцевъ и потонетъ въ общей китайской культурѣ.

Почти двѣсти лѣтъ царствующая въ Китаѣ династія ревниво, и не безуспѣшно, оберегала свою родину отъ безкровнаго завоеванія китайцевъ. Но во вторую половину минувшаго столѣтія опасность стала угрожать съ другой стороны. По мѣрѣ водворенія русскаго владычества на Дальнемъ Востокѣ обширная и безлюдная Манчжурія, лежащая о бокъ съ владѣніями Россіи и значительно удаленная отъ жизненныхъ центровъ Китая, могла легко сдѣлаться соблазнительной добычей сильнаго сосѣда. Руководствуясь такими соображеніями военно-политическаго характера, китайское правительство отказалось отъ своей традиціонной политики въ отношеніи Манчжуріи и начало стремиться, наоборотъ, къ заселенію этой окраины выходцами изъ внутренняго Китая. Постройка Россіей магистральной желѣзной дороги, прорѣзывающей Манчжурію изъ конца въ конецъ,

какъ-разъ совпадала наилучшимъ образомъ съ этими колонизаціонными стремленіями китайскаго правительства, въ явный ущербъ нашимъ собственнымъ интересамъ.

Наше желѣзнодорожное строительство давно уже прославилось своими премудрыми изысканіями, благодаря которымъ весьма часто проводятся у насъ желѣзныя дороги почему-то всегда въ обходъ большихъ городовъ. На этотъ разъ огромнѣйшая міровая магистраль, не довольствуясь обходомъ городовъ, проектировалась въ обходъ богатѣйшей и обширнѣйшей нашей окраины, для которой, строго говоря, самая идея о постройкѣ этой дороги и получала свой raison d'être.

Вопреки, однако, всѣмъ выясненнымъ въ свое время нашимъ государственнымъ задачамъ на Дальнемъ Востокѣ, вопреки простымъ соображеніямъ здраваго смысла, казавшійся похороненнымъ навсегда вопросъ о „южномъ направленіи" Сибирской желѣзной дороги всплылъ неожиданно въ тиши департаментскихъ кабинетовъ министерства путей сообщенія, и властной рукой бывшаго тогда министромъ финансовъ С. Ю. Витте былъ поставленъ сразу на практическую почву. Какъ только нашимъ дипломатамъ удалось добиться пересмотра Симоносекскаго договора и разрушить всѣ плоды японскихъ побѣдъ, одержанныхъ въ только что оконченную ими японско-китайскую войну, выдвинутъ былъ вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Манчжурію съ затаенной цѣлью присоединеніемъ этой обширной китайской окраины къ владѣніямъ Россіи затмить такой безкровной побѣдой всѣ побѣды японцевъ, одержанныя ими послѣ кровавыхъ жертвъ и усилій.

Скажутъ, пожалуй, что постройкой Восточно-Китайской желѣзной дороги черезъ Манчжурію преслѣдовались не завоевательные замыслы, а задачи экономическаго и финансоваго характера;—что и съ точки зрѣнія международнаго права все это предпріятіе было вполнѣ оформлено взаимнымъ соглашеніемъ обѣихъ сторонъ на мирныхъ договорныхъ началахъ;—что, наконецъ, нерѣдки случаи постройки желѣзныхъ дорогъ иностранными капиталистами въ чужихъ странахъ просто въ видѣ финансовыхъ предпріятій, каковой характеръ приданъ былъ и постройкѣ упомянутой дороги особо сформировавшимся частнымъ русско-китайскимъ обществомъ.

Но ни для кого не секретъ, что вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Манчжурію былъ выдвинутъ случайными обстоятельствами, всплывшими неожиданно послѣ японско-китайской войны. Какъ въ Россіи, такъ и во всемъ мірѣ, смотрѣли на эту затѣю не иначе, какъ на предпріятіе правительственное, имѣющее конечной цѣлью навсегда и прочно водворить въ Манчжуріи господство Россіи, усматривая въ этомъ законный реваншъ со стороны Китая за наши добрыя услуги, оказанныя при заключеніи окончательнаго мирнаго договора съ Японіей. Ни съ какой стороны Восточно-Китайская желѣзная дорога не можетъ быть приравнена къ аналогичнымъ предпріятіямъ европейскихъ капиталистовъ во внѣевропейскихъ странахъ. Раньше всего въ Россіи вовсе нѣтъ такого избытка капиталовъ, чтобы искать ихъ помѣщенія въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ въ чужихъ странахъ, въ то время, когда для этой цѣли у насъ имѣется налицо еще огромный просторъ и въ нашихъ обширныхъ владѣніяхъ въ Азіи, и даже въ

Европейской Россіи. Затѣмъ, Восточно-Китайская дорога задумана была какъ звено, соединяющее два конца огромной міровой магистрали, лежащей на всемъ своемъ протяженіи въ нашихъ предѣлахъ. Мыслимо ли допустить, что все это гигантское сооруженіе, всѣ скрытыя въ немъ надежды и сокровенныя государственныя задачи—не говоря уже вовсе про затраченные капиталы,—чтобы все это могло подвергаться испытанію во всякую минуту, когда китайскому правительству вздумалось бы вступить въ Манчжуріи въ права нераздѣльнаго хозяина.

Очевидно, въ сооруженіи такого магистральнаго рельсового пути чрезвычайной важности чрезполосица владѣній никоимъ образомъ не могла быть допущена на всемъ протяженіи. Такъ, именно, смотрѣло на этотъ вопросъ и наше правительство, отказавшееся отъ южнаго направленія Сибирской желѣзной дороги при возникновеніи этой идеи въ 1891 году, когда необходимо было во всей строгости считаться раньше всего съ неприкосновенностью Китая; но оно перемѣнило свой взглядъ по этому вопросу въ 1895 году, когда событія японско-китайской войны ослабили значеніе этого главнаго препятствія.

Все это представлялось яснымъ задолго до боксерскаго движенія и разразившейся впослѣдствіи русско-японской войны. Въ 1898 году мнѣ пришлось слышать отъ С. М. Духовского въ Петербургѣ объ оживленномъ обмѣнѣ мнѣній между имъ и Витте, происходившемъ въ Комитетѣ Сибирской дороги подъ высочайшимъ предсѣдательствомъ въ апрѣлѣ этого года: покойный Духовской заявлялъ, что если желаютъ вести желѣзную дорогу черезъ Манчжурію, то необходимо сейчасъ-же сформировать тамъ двѣ

дивизіи для охраны, причемъ нѣтъ гарантіи, что работы не будутъ разрушены китайцами черезъ 2—3 года.

На это сталъ горячо возражать С. Ю. Витте, выразившійся, что „строить желѣзную дорогу по Манчжуріи можно съ такой же безопасностью какъ по Рязанской губерніи"...

Не довольствуясь одной Манчжуріей, мы увлеклись въ своихъ планахъ еще дальше, желая заодно съ Манчжуріей присоединить еще и Квантунскій полуостровъ. Это отсутствіе чувства мѣры является иногда гибелью и для правильно задуманной идеи. Въ настоящемъ же случаѣ, въ вопросѣ о направленіи Сибирской желѣзной дороги черезъ Манчжурію и прочнаго водворенія тамъ нашего господства, какъ это выяснено было выше, мы впадали въ коренную ошибку съ самаго начала. Все же послѣдствія не были бы для насъ такъ гибельны, если бы мы съумѣли остановиться во-время, — если бы мы не увлеклись еще дальше на пути захватовъ ничѣмъ не прикрашенныхъ и ничѣмъ не оправдываемыхъ.

Когда сравнительно легко далась первая добыча и открылась возможность построить желѣзную дорогу черезъ Манчжурію и включить эту страну въ сферу исключительнаго вліянія Россіи, народилось новое желаніе — добыть не замерзающій портъ на тихоокеанскомъ побережьѣ; и выборъ палъ на Портъ-Артуръ, только-что завоеванный японцами и очищенный ими по настоянію Россіи.

IV.

Изъ появившихся въ печати свѣдѣній по этому памятному отнынѣ для Россіи злосчастному вопросу уже извѣстно, что захватъ нами Портъ-Артура былъ выдвинутъ въ тиши департаментовъ министерства иностранныхъ дѣлъ съ такой же неожиданностью, какъ и рѣшеніе направить Сибирскую желѣзную дорогу черезъ Манчжурію,—хотя оба эти вопроса были поставлены независимо одинъ отъ другого, въ различныхъ вѣдомствахъ. При чрезвычайной спѣшности и таинственности, которыми обставлены были оба эти вопроса въ бюрократическихъ канцеляріяхъ, понятно, эти рѣшенія государственной важности не могли быть въ свое время освѣщены посторонней критикой, хотя бы въ слабой степени, и были осуществлены безъ малѣйшаго участія нашего общественнаго мнѣнія. Замѣчательнѣе всего то, что, окутавъ непроницаемой тайной захватъ Портъ-Артура, какъ и постройку Сибирской желѣзной дороги на чужой территоріи,—наше министерство иностранныхъ дѣлъ не сумѣло скрыть свои замыслы отъ наиболѣе заинтересованныхъ въ этихъ вопросахъ Японіи и Американскихъ штатовъ. Мало того: въ Японіи вся затѣя наша стала извѣстна уже въ іюнѣ или даже маѣ 1895 года, т. е. нѣсколько раньше, чѣмъ Приамурской администраціей получены были по этому вопросу первыя свѣдѣнія изъ Петербурга, а именно: въ іюнѣ 1895 года было получено въ Хабаровскѣ весьма секретное увѣдомленіе министерства путей сообщенія о предстоящемъ командированіи инженеровъ для желѣзнодорожныхъ изысканій въ Манчжуріи,—что послужило первымъ указаніемъ о возрожде-

нія и предстоящемъ осуществленіи стараго проекта „южнаго направленія“ Сибирской желѣзной дороги. Между тѣмъ, уже въ маѣ въ японской печати появилась телеграмма изъ Шанхая, въ которой сообщалось о предстоящей постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи; причемъ указывалось, что главный магистральный путь примкнетъ къ Портъ-Артуру, который будетъ обращенъ въ главную военную гавань Россіи на берегахъ Тихаго океана. Какъ извѣстно, вопросъ о занятіи Портъ-Артура въ это время еще только обсуждался въ Петербургѣ въ секретнѣйшемъ совѣщаніи министровъ иностранныхъ дѣлъ, военнаго и морского; объ этомъ ничего неизвѣстно было даже приамурскому генералъ-губернатору, ближайшему исполнителю предначертаній центральнаго правительства на Дальнемъ Востокѣ. Находясь въ августѣ того же года въ Японіи, я неоднократно выдерживалъ натискъ многозначительныхъ вопросовъ со стороны японскихъ офицеровъ генеральнаго штаба о замыслахъ Россіи на Портъ-Артуръ. Японскія газеты были переполнены перепечатками изъ газетъ американскихъ, которыя уже нѣсколько мѣсяцевъ били тревогу о завоевательныхъ замыслахъ Россіи въ Китаѣ и о предстоящемъ захватѣ Портъ-Артура, который выставлялся какъ casus belli для разрыва съ Россіей. Комментировался уже на всѣ лады вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Японіи, Англіи и Американскихъ штатовъ. Мнѣ лично пришлось убѣдиться въ серьезности положенія нѣсколько позже, по прибытіи въ Америку, гдѣ печать по крайней мѣрѣ, являющаяся тамъ важнѣйшимъ факторомъ государственной жизни — уже *готовилась къ войнѣ съ Россіей*.

Въ сонмѣ нашихъ государственныхъ задачъ погоня за незамерзающимъ портомъ давно уже заняла обособленное положеніе, которое представлялось магическимъ узломъ, скрывающимъ въ самомъ себѣ рѣшеніе другихъ задачъ государственной важности. Никогда необходимость незамерзающаго порта не представлялась намъ въ видѣ потребности, назрѣвающей лишь при совпаденіи цѣлаго ряда условій географическихъ, военно-морскихъ, торговыхъ, экономическихъ и многихъ другихъ; никто не подумалъ о томъ, что незамерзающій портъ самъ по себѣ не что иное, какъ драгоцѣнный камень, требующій, однако, для себя извѣстной оправы, чтобы обратить его въ предметъ утилитарный, хотя бы даже только для украшенія. Волею судьбы Россія раскинулась широко и въ Европѣ, и въ Азіи, захватила въ свои предѣлы и тундры, и тропики; но въ силу никакъ непреодолимыхъ естественныхъ условій вышло такъ, что не далъ намъ Господь незамерзающаго порта, чтобы къ нему примыкалъ непосредственно нашъ собственный промышленный районъ, хотя бы въ видѣ Московскаго,—чтобы выходъ изъ порта былъ свободенъ всегда не только отъ льда, но и отъ враждебныхъ угрозъ сосѣдей,—чтобы на случай необходимости этотъ незамерзающій портъ былъ надежно прикрытъ могущественнымъ флотомъ, для котораго въ свою очередь тоже необходимы свои незамерзающія военныя гавани съ свободнымъ выходомъ въ море;—наконецъ, чтобы черезъ этотъ портъ велась огромная міровая колоніальная торговля и т. п. Не далъ Господь Россіи такого порта на ея огромномъ необъятномъ раздольѣ. И мы наперекоръ судьбѣ усиленно стали добиваться незамерзающаго

порта—гдѣ бы то ни было, и какого бы то ни было: на берегахъ Испаніи или Африки, на безлюдномъ побережьѣ Персидскаго залива или отдаленныхъ берегахъ Тихаго океана,—стали добиваться съ какой-то затаенной слѣпой надеждой, что приморское положеніе Россіи радикально измѣнится, какъ только будетъ восполненъ этотъ недостатокъ, которымъ отечество наше надѣлено отъ природы. Обстановка на Дальнемъ Востокѣ послѣ Японско-Китайской войны казалась благопріятной и для рѣшенія этой нашей вѣковой задачи. Представлялась возможность выбора незамерзающаго порта къ югу отъ Владивостока, на нашемъ или Корейскомъ побережьѣ, и попутно—рѣшить такимъ образомъ и корейскій вопросъ посредствомъ мирнаго соглашенія съ Японіей.

Дѣло въ томъ, что начиная съ 1885 года вліяніе Россіи въ Кореѣ стало замѣтно выдѣляться, являясь иногда господствующимъ среди политическаго вліянія другихъ державъ. Наиболѣе ревниво оберегала свое положеніе въ Кореѣ сосѣдняя Японія, которая въ южной части полуострова захватила въ свои руки торговлю, обширные земельные участки на морскомъ берегу, а мѣстами подчинила своему вліянію и таможни, и полицію. Между соперничающими въ Кореѣ двумя сосѣдними государствами, Россіей и Японіей, завязалась глухая, скрытая борьба за политическое преобладаніе въ этой странѣ; послѣ особой конвенціи, заключенной между этими державами въ 1897 году, независимо главныхъ формулированныхъ пунктовъ договора, установилось негласное молчаливое соглашеніе, въ силу котораго сфера вліянія въ Кореѣ между Россіей и Японіей размежевалась такъ, что въ южной части полуострова господству-

ющее положеніе предоставлялось Японіи, а въ сѣверной Россіи. Границей служила параллель 39° с. широты, почти совпадающая съ дорогой Гензанъ-Пхенъ-Янь. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта, хотя и не оформленная, но признанная взаимно съ обѣихъ сторонъ граница политическаго вліянія фиксировалась бы съ теченіемъ времени сама собою и привела бы къ мирному и прочному разрѣшенію вопроса о соперничествѣ Россіи и Японіи въ Кореѣ. Къ сожалѣнію, при малѣйшемъ успѣхѣ наши дипломаты не любятъ считаться съ лойяльностью, чувствомъ мѣры и уваженіемъ къ чужимъ интересамъ и, вопреки установившемуся соглашенію, дѣлали часто попытку залѣзать въ чужой огородъ, въ южную Корею. Изъ числа многихъ фактовъ достаточно вспомнить исторію съ покупкой черезъ М. Г. Шевелева весьма важной прибрежной полосы около Фузана, на который японцы давно уже привыкли смотрѣть, какъ на свою нераздѣльную собственность. Необходимо замѣтить, что, по примѣру многихъ нашихъ пограничныхъ вопросовъ, расширеніе нашего политическаго вліянія въ Кореѣ усиленно муссировалось офицерами—развѣдчиками, которые послѣ 1895 года часто посылались въ Корею для производства военно-политическихъ рекогносцировокъ. Со свойственной имъ лихостью они не хотѣли вовсе признавать какое нибудь раздѣленіе политическаго вліянія на полуостровѣ между Россіей и какой-нибудь другой державой. Въ своихъ служебныхъ отчетахъ, подъ вліяніемъ превратнаго пониманія смысла служебнаго рвенія, изслѣдователи часто сознательно преувеличивали успѣхъ и значеніе каждаго шага со стороны японцевъ въ Кореѣ. Усердно раздувая воображаемую опасность со сто-

роны нашихъ соперниковъ, они считали необходимымъ поддерживать съ нашей стороны наступательную политику съ цѣлью полнаго вытѣсненія японцевъ съ Корейскаго полуострова. Мнѣнія и отзывы противоположнаго характера, имѣвшія цѣлью умѣрить сколько-нибудь этотъ необузданный пылъ, представлялись непатріотичными и робкими.

Когда народилось желаніе примкнуть Восточно-Китайскую желѣзную дорогу къ незамерзающему порту на тихоокеанскомъ побережьѣ, то явилась дилемма: стремиться ли къ пріобрѣтенію такого пункта въ сопредѣльной съ нами Кореѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нашими владѣніями, или искать этотъ пунктъ еще южнѣе, въ предѣлахъ Китая. По мнѣнію приамурскаго генералъ-губернатора, покойнаго С. М. Духовского, представлялось необходимымъ войти въ мирное соглашеніе съ Японіей и добиться съ ея стороны согласія на уступку Россіи порта Лазарева (Гензанъ) на восточномъ берегу Корейскаго полуострова, въ 500 верстахъ къ югу отъ Владивостока, который и сдѣлать конечнымъ пунктомъ великой Сибирской желѣзной дороги.

Выгоды порта Лазарева заключаются въ слѣдующемъ:

1) Вмѣстѣ съ направленіемъ рельсоваго пути отъ Харбина черезъ Гиринъ въ портъ Лазаревъ сама собою отмежевывалась сопредѣльная съ нашими владѣніями сѣверная часть Кореи, въ которой вліяніе Россіи было уже достаточно прочно и въ экономическомъ, и политическомъ отношеніяхъ.

2) Благодаря отсутствію черезполосности владѣній и близости нашего Южно-Уссурійскаго края, гдѣ сосредоточены были почти всѣ наши вооруженныя

силы на Дальнемъ Востокѣ, портъ Лазаревъ представлялся несравненно болѣе выгоднымъ въ стратегическомъ отношеніи по сравненію съ удаленнымъ на югѣ Портъ-Артуромъ, отдѣленнымъ отъ нашихъ владѣній корейскимъ полуостровомъ. Въ случаѣ войны съ Японіей—и сухопутныя, и морскія наши силы были бы сосредоточены на одномъ театрѣ, примыкающемъ непосредственно къ нашимъ собственнымъ владѣніямъ; не было бы разброски силъ и разрозненности дѣйствій на удаленныхъ другъ отъ друга театрахъ, что отразилось такъ гибельно во время нашей минувшей войны съ Японіей. Флотъ нашъ имѣлъ возможность базироваться на обширномъ побережьѣ Владивостокъ—Портъ Лазаревъ, съ двумя укрѣпленными опорными пунктами на его флангахъ.

3) Морскія качества Портъ-Лазарева ни въ чемъ не уступаютъ таковымъ Портъ-Артура, имѣя даже предъ нимъ нѣкоторое превосходство въ томъ отношеніи, что входъ въ гавань не такъ узокъ и не можетъ быть поэтому запертъ съ такой легкостью при внезапномъ нападеніи, какъ въ Портъ-Артурѣ.

Невыгоды Портъ-Артура, какъ выхода въ Великій океанъ Сибирской желѣзной дороги, заключаются раньше всего въ чрезмѣрной отдаленности этого пункта отъ нашихъ владѣній на Дальнемъ Востокѣ. Получается совершенно изолированный и въ то же время чрезвычайно важный для насъ приморскій пунктъ, владѣющій выходомъ въ открытое море грандіознаго желѣзнодорожнаго пути, имѣющаго міровое значеніе. Весьма естественно, что по своей уязвимости Портъ-Артуръ всегда служилъ бы для насъ слабымъ мѣстомъ на тихоокеанскомъ побережьѣ, какъ бы сильно онъ укрѣпленъ ни былъ, представляя со-

бою вполнѣ подходящій объектъ, гдѣ можно Россіи нанести чувствительный ударъ. При этомъ необходимо принять во вниманіе, что самое нарожденіе русскаго Портъ-Артура на берегахъ Великаго океана представляло собою прямой вызовъ заинтересованнымъ въ этомъ вопросѣ могущественнымъ державамъ Дальняго Востока—кромѣ Японіи, еще и Англіи и Соединеннымъ Штатамъ Америки. Поэтому необходимо было сразу напречь всѣ силы, чтобы увеличить обороноспособность вновь занятаго пункта; такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ: потребовалось учредить особое, дорого стоющее, намѣстничество, отпустить экстраординарныхъ 120 милліоновъ рублей на усиленіе флота, и еще свыше ста милліоновъ на другія сопряженныя съ этимъ предпріятія; дальнѣйшимъ расходамъ не предвидѣлось конца. Всѣ эти богатства сваливались въ одинъ пунктъ, увеличивая тѣмъ его цѣнность и соблазнительность для атаки въ случаѣ войны съ Россіей.

Наконецъ, еще слабое мѣсто Портъ-Артура, по сравненію съ П.-Лазарева, заключается въ томъ, что онъ расположенъ на концѣ длиннаго полуострова, на которомъ желѣзная дорога на протяженіи свыше 200 верстъ втягивается въ своего рода длинный чулокъ, открытый ударамъ съ моря съ двухъ сторонъ. Первый же десантъ непріятеля можетъ при удачѣ, безъ особыхъ усилій, изолировать крѣпость отъ внѣшняго міра, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ; другими словами,—крѣпость и въ мирное время не имѣетъ просторнаго тыла и представляетъ всѣ удобства для блокады съ суши. П.-Лазаревъ, напротивъ, имѣетъ обширный трудно доступный Hinterland (тылъ), неуязвимый для десантовъ ни съ сѣвера, ни съ юга.

Въ пользу Портъ-Артура по сравненію съ П.-Лазарева приводятъ то обстоятельство, что сосредоточенный въ первомъ нашъ флотъ становится уже независимымъ въ отношеніи Корейскаго пролива, плаваніе черезъ который въ П.-Лазаревъ или во Владивостокъ находится всегда въ рукахъ японцевъ. Но эта выгода Портъ-Артура, какъ извѣстно, была съ самаго начала парализована занятіемъ Вей-хай-вея англійской эскадрой,—еще болѣе сильнымъ морскимъ противникомъ, чѣмъ японцы; такъ что дебупированіе нашей эскадры изъ Портъ-Артура мимо Вей-хай-вея едва ли было бы многимъ легче, чѣмъ черезъ Корейскій проливъ мимо о-ва Цусимы. При оцѣнкѣ пережитыхъ событій мы учитываемъ теперь то, что случилось впослѣдствіи. Но этого обстоятельства — занятія англичанами Вей-хай-вея или иного пункта— нельзя было не предвидѣть, и въ то время,—при занятіи нами П.-Артура.

Ограничиваюсь этимъ поверхностнымъ сравненіемъ Портъ-Артура и Портъ-Лазарева, какъ конечныхъ пунктовъ выхода въ океанъ Сибирской желѣзной дороги. Едва ли теперь имѣетъ смыслъ вдаваться въ подробности послѣ того, какъ оба эти пункта Богъ вѣсть какъ долго останутся недосягаемыми для насъ на Дальнемъ Востокѣ.

Но именно, какъ урокъ только-что пережитаго недавняго прошлаго, вся эта эпопея представляетъ собою чрезвычайно яркій поучительный примѣръ удивительнаго сумбура въ направленіи государственной политики, который такъ быстро привелъ къ неизбѣжной катастрофѣ. Вопреки испытаннымъ выгодамъ существовавшей государственной границы по Амуру, руководители нашей внѣшней политики соблазнились

легкими авансами въ Манчжуріи и неожиданно для всѣхъ направили Сибирскую желѣзную дорогу по разъ уже отвергнутому, забракованному съ компетентной стороны, южному направленію. Вопреки настояніямъ министровъ военнаго и морского, вопреки представленіямъ высшей мѣстной власти на Дальнемъ Востокѣ, хорошо знакомой съ обстановкой, подготовляется келейно захватъ Портъ-Артура, неожиданно для отвѣтственныхъ и компетентныхъ въ этомъ вопросѣ министровъ.

ГЛАВА II.

Неизбѣжность войны.

Ближайшія причины войны. Объясненіе этихъ причинъ съ точки зрѣнія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Дипломатическія сношенія съ японскимъ правительствомъ. Вопросъ о Манчжуріи и Кореѣ. Объясненіе присланное Стэду, издателю Review of Reviwes, изъ „авторитетнаго русскаго источника". Объясненіе причинъ войны съ точки зрѣнія японскаго правительства.

I.

Неизбѣжность войны между Россіей и Японіей стала совершенно очевидной для всѣхъ немедленно послѣ окончанія Японско-Китайской войны, какъ только японцамъ выяснилось, что наиболѣе опасный и могущественный врагъ, который препятствуетъ осуществленію ихъ завѣтнѣйшихъ мечтаній—Россія. Я уже выше съ достаточной подробностью подвергъ критическому анализу всю пагубность этой политики. Но такъ или иначе, сдѣлавъ разъ рѣшительный шагъ по извѣстному направленію, надо было быть уже послѣдовательнымъ и готовиться къ вѣроятнымъ послѣдствіямъ этого шага. Въ дѣйствительности же, во все послѣднее десятилѣтіе, Россія—вѣрнѣе, легкомы-

сленные руководители ея внѣшней политики—нисколько не была озабочена возможностью близкаго разрыва, почти ничего не дѣлала для усиленія своего положенія на Дальнемъ Востокѣ, не переставая въ то же время раздражать своего противника даже по такимъ возникавшимъ вопросамъ, которые для насъ не имѣли никакого практическаго значенія.

Вслѣдъ за окончаніемъ побѣдоносной войны съ Китаемъ японское правительство возбудило вопросъ о пересмотрѣ трактатовъ съ иностранными державами, въ силу которыхъ живущіе въ Японіи иностранные подданные не подлежали юрисдикціи японскихъ законовъ, а передавались для суда и наказанія своимъ консуламъ. Помимо всего, такое недовѣріе къ законамъ страны было весьма обидно для народнаго самолюбія и не могло быть терпимо въ государствѣ правовомъ, доказавшемъ и свою правоспособность, и свою силу.

Возбужденный вопросъ больше всего затрогивалъ интересы Англіи, такъ какъ наибольшій % проживавшихъ въ Японіи иностранцевъ приходится на долю подданныхъ англійской короны, которые къ тому же были связаны съ Японіей крупными торговыми предпріятіями.

Для Россіи же этотъ пересмотръ трактатовъ имѣлъ чисто академическій характеръ, потому что число русскихъ подданныхъ, живущихъ осѣдло въ Японіи тогда (въ 1895 году) было крайне ограниченное и никогда не могло быть сколько-нибудь значительнымъ. Тѣмъ не менѣе Англія первая признала справедливость этого домогательства японскаго правительства; тогда какъ русскіе дипломаты почему-то долго противились законнымъ требованіямъ Японіи,

вооружившись цѣлымъ ворохомъ доктринерскихъ умозрѣній. Конечно, они остались одинокими и потерпѣли фiаско; но въ Японiи этотъ фактъ все-таки сдѣлалъ свое дѣло, вызвавъ новое раздраженiе противъ Россiи.

Такимъ образомъ все время, начиная съ протеста противъ Симоносекскаго договора, руководители нашей иностранной политики не переставали систематически раздражать сосѣднюю Японiю, оставаясь въ какомъ-то легкомысленномъ самообольщенiи, что японцы „не посмѣютъ“ намъ объявить войну; или, вѣрнѣе, не думали вовсе о послѣдствiяхъ, оставаясь въ упоенiи эфемерными дипломатическими побѣдами, которыя еще не были учтены временемъ. Между тѣмъ японское правительство съ лихорадочной поспѣшностью и совершенно открыто начало готовиться къ войнѣ съ Россiей, какъ только эта послѣдняя выступила съ протестомъ противъ Симоносекскаго договора. Уже въ августѣ 1895 года мнѣ пришлось, во время поѣздки изъ Iокогамы въ С.-Франциско, узнать случайно о двухъ контрактахъ, заключенныхъ японскимъ правительствомъ съ двумя судостроительными американскими фирмами, представители которыхъ ѣхали на одномъ со мною пароходѣ. Непосредственно послѣ этихъ заказовъ въ Америкѣ было приступлено къ выполненiю второй судостроительной программы, которая окончена была въ 1903 году. Въ то же время Россiя совершенно не готовилась къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, если не считать учрежденiя намѣстничества съ дорого стоющими штатами. Лишь лѣтомъ 1903 года, когда уже возникли переговоры объ эвакуацiи нашихъ войскъ изъ Манчжурiи и обозначилось обостренiе въ отношенiяхъ съ Японiей, на

Дальній Востокъ двинуты были изъ Европейской Россіи двѣ пѣхотныя бригады въ мирномъ составѣ. Мѣра эта не могла, конечно, подѣйствовать устрашающимъ образомъ на японское правительство и лишь въ слабой степени увеличивала численность нашихъ вооруженныхъ силъ на тихоокеанскомъ побережьѣ; тѣмъ не менѣе переговоры пошли послѣ того ускореннымъ темпомъ и привели вскорѣ къ роковой развязкѣ, которая задолго передъ тѣмъ предвидѣлась и предсказывалась многими на Дальнемъ Востокѣ.

II.

Посмотримъ теперь, въ чемъ собственно кроются причины Русско-Японской войны.

По офиціальнымъ разъясненіямъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, русскаго и японскаго, ходъ дипломатическихъ переговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, и ближайшія причины войны представляются въ слѣдующемъ видѣ *).

Согласно толкованіямъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Наиболѣе пригодные незамерзающіе порты, которые могли бы служить конечными пунктами для Сибирской желѣзной дороги на берегахъ Тихаго океана, имѣются только на Ляодунскомъ полуостровѣ. Есть подходящіе порты и на восточномъ берегу Корейскаго полуострова; но едва ли можно было воспользоваться территоріей Кореи, потому что это вызвало бы протестъ Японіи, тѣмъ болѣе, что,

*) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія, касающіяся дипломатической переписки, заимствованы изъ журнала „Review of Reviews“.

М. Г.

согласно взаимнаго договора Россіи и Японіи, вліяніе первой въ Кореѣ было весьма ограниченное, и узаконены были особыя торговыя права Японіи въ этой странѣ; занятіе же порта на Ляодунскомъ полуостровѣ Россіей компенсировалось для Японіи новымъ договоромъ 1898 г., заключеннымъ барономъ Розеномъ со стороны Россіи и г. Нисси со стороны Японіи.

8 сентября 1896 года китайское правительство вошло въ соглашеніе съ Русско-Китайскимъ банкомъ, которому предоставлено было право основанія особаго общества для постройки въ предѣлахъ Китая Восточно-Китайской желѣзной дороги отъ одного изъ западныхъ пограничныхъ пунктовъ Хейлунь-цзянской провинціи до восточной границы Гиринской провинціи, а также право—сомкнуть этотъ рельсовый путь съ желѣзнодорожными вѣтвями, направляющимися отъ Забайкальской и Южно-Уссурійской желѣзныхъ дорогъ къ границамъ Россіи. Переговоры объ этихъ концессіяхъ, которыя предоставлялись русскому торговому обществу со стороны китайскаго правительства, велись съ достаточной гласностью, а договоръ былъ опубликованъ въ іюлѣ 1897 года.

Въ ноябрѣ 1898 года германское правительство заняло портъ Кіяо-Чао и добилось уступки этого порта у китайскаго правительства на арендныхъ правахъ. Фактъ этотъ не вызвалъ никакихъ протестовъ со стороны японскаго правительства. Русское правительство также крайне нуждалось въ подходящемъ незамерзающемъ портѣ, который могъ бы служить стоянкой для флота, и получило согласіе китайскаго правительства воспользоваться для этой цѣли Портъ-Артуромъ. Между тѣмъ, англійское пра-

вительство усиленно старалось добиться въ Пекинѣ согласія на то, чтобы Портъ-Артуръ и лежащій по сосѣдству съ нимъ Таліенванъ включить въ число договорныхъ портовъ, открытыхъ для европейской торговли. Это обстоятельство заставило Россію склонить китайское правительство на формальную уступку упомянутыхъ портовъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ примкнуть къ этимъ пунктамъ Восточно-Китайскую желѣзную дорогу. Занятіе Россіей Портъ-Артура и Таліенвана сопровождалось объявленіемъ со стороны русскаго правительства, что ничѣмъ не будутъ нарушены права и привилегіи, которыми въ занятыхъ портахъ пользуются иностранные подданные на основаніи дѣйствующихъ трактатовъ между Китаемъ и европейскими державами; точно такъ же ничѣмъ не будутъ нарушены верховныя права Китая на занятой территоріи.

Въ особомъ письмѣ отъ 18 марта 1898 года, на имя англійскаго посланника въ Петербургѣ, лордъ Сольсбюри выражаетъ вполнѣ опредѣленный взглядъ, что великобританское правительство ничего не имѣетъ въ принципѣ противъ постройки Россіей желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи и соединенія ихъ съ общей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ, если только свобода торговли въ Манчжуріи не будетъ стѣснена особыми правилами или мѣрами мѣстной администраціи. Равно правительство Ея Величества признаетъ вполнѣ законнымъ стремленіе Россіи пріобрѣсти незамерзающій портъ на тихоокеанскомъ побережьѣ и не имѣетъ въ виду создавать препятствія осуществленію этихъ честолюбивыхъ плановъ Россіи.—Впрочемъ, лордъ Сольсбюри противился занятію Портъ-Артура Россіей, которое не наносило ущерба англійскимъ

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

торговымъ интересамъ, но имѣло весьма важное значеніе въ военномъ и стратегическомъ отношеніяхъ. Русское правительство, однако, настаивало, что Таліенванъ для Россіи не имѣетъ никакого значенія безъ Портъ-Артура, такъ какъ „Россіи необходимо имѣть безопасную гавань для своего флота, для того, чтобы онъ не былъ въ зависимости отъ такихъ элементовъ,—какъ во Владивостокѣ, гдѣ рейдъ покрывается льдомъ; или—отъ свободнаго пропуска черезъ Корейскій проливъ, что зависитъ отъ доброй воли Японіи“.

Въ то же время Россія готова была оставить Таліенванъ открытымъ портомъ для иностранной торговли, но отказывалась измѣнить что-нибудь въ положеніи Портъ-Артура, оставляя его въ положеніи „порта закрытаго, преимущественно военнаго порта“,—въ виду того, что было бы безполезно имѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ двѣ коммерческія гавани.

Японія со своей стороны не отвѣтила протестомъ на всѣ эти соображенія и не ссылалась на свое вынужденное очищеніе Ляодунскаго полуострова, ограничившись только тѣмъ, что способствовала Англіи добиться уступки порта Вей-хай-вей, расположеннаго въ предѣлахъ Собственнаго Китая.

Посредствомъ дружественнаго соглашенія съ Англіей Россія добилась признанія съ ея стороны спеціальныхъ своихъ правъ въ Сѣверномъ Китаѣ въ отношеніи постройки тамъ желѣзныхъ дорогъ. Въ силу этого соглашенія подтверждались независимость и неприкосновенность Кореи; при чемъ обѣ договаривающіяся стороны обязались взаимно признавать одинаковыя политическія права обѣихъ державъ въ Кореѣ. Въ договорѣ, заключенномъ 25-го апрѣля

БИБЛИОТЕКА

1898 года барономъ Розеномъ со стороны Россіи и г. Нисси со стороны Японіи, Россія обязалась, „въ виду значительнаго развитія торговыхъ сношеній и промышленныхъ предпріятій, принадлежащихъ японцамъ въ Кореѣ, а также въ виду большого числа японскихъ подданныхъ, проживающихъ въ Кореѣ, не препятствовать дальнѣйшему развитію торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Японіи въ Кореѣ“.

Въ этой конвенціи, однако, Россія выговорила себѣ въ Кореѣ одинаковыя съ Японіей политическія права, и именно эти права Россія готова была въ переговорахъ, предшествовавшихъ войнѣ, уступить въ пользу Японіи, желая этой уступкой достигнуть мирнаго исхода переговоровъ. Надо имѣть въ виду, что торговые интересы Россіи въ Кореѣ довольно обширны; и русское правительство полагало, что если оно готово отказаться отъ своихъ политическихъ правъ въ Кореѣ, то и Японія могла бы въ свою очередь отказаться отъ претензій на какія-нибудь политическія права въ Манчжуріи, гдѣ ея интересы незначительны. Впрочемъ, японское правительство не шло навстрѣчу желаніямъ Россіи разграничить интересы обѣихъ державъ въ Кореѣ посредствомъ свободнаго и прочнаго соглашенія. Хотя оно и подписало договоръ 25 апрѣля 1898 года, тѣмъ не менѣе заключило вслѣдъ за тѣмъ еще особое соглашеніе съ корейскимъ правительствомъ, добившись признанія за Японіей особыхъ преимущественныхъ правъ въ отношеніи постройки желѣзныхъ дорогъ на корейской территоріи.

Тѣмъ временемъ общество Восточно-Китайской желѣзной дороги, послѣ уступки Россіи Портъ-Артура и Таліенвана, немедленно приступило къ по-

стройкѣ рельсовыхъ путей для соединенія этихъ пунктовъ съ Сибирской желѣзной дорогой. Русское правительство, однако, заботилось о томъ, чтобы извѣстно было всему міру, что, какія бы права и уступки ни были предоставлены китайскимъ правительствомъ новому желѣзнодорожному обществу, эти концессіи ни въ чемъ не должны нарушить правъ другихъ иностранныхъ подданныхъ, на основаніи дѣйствующихъ уже трактатовъ и соглашеній, существующихъ между Китаемъ и другими державами. Въ декабрѣ 1899 г. гр. Муравьевъ писалъ русскому посланнику въ Вашингтонѣ, что въ отношеніи портовъ, лежащихъ внѣ уступленныхъ Россіи территорій, „рѣшеніе всякихъ таможенныхъ вопросовъ принадлежитъ исключительной компетенціи Китая, и русское Императорское правительство не имѣетъ намѣренія претендовать на какія-нибудь исключительныя привилегіи для своихъ подданныхъ“. Это заявленіе русскаго правительства, конечно, относилось одинаково и къ другимъ державамъ.

Въ срединѣ 1900 года въ сѣверномъ Китаѣ возникло боксерское движеніе, и Манчжурія стала ареной наиболѣе сильныхъ безпорядковъ и демонстрацій, направленныхъ противъ иностранцевъ. Желѣзнодорожныя сооруженія, воздвигнутыя Восточно-Китайскимъ обществомъ цѣною весьма значительныхъ затратъ, были разрушены; многіе русскіе подданные сдѣлались жертвами этихъ безпорядковъ; для русскаго правительства стала очевидной необходимость принять мѣры къ обезпеченію своихъ интересовъ въ Манчжуріи. Атака китайцевъ на Благовѣщенскъ еще болѣе убѣдила Россію въ томъ, что занятіе Манчжуріи необходимо для сохраненія мира; въ то

же время русскія войска были отправлены въ Ньючвангъ, уступая коллективному требованію иностранныхъ консуловъ, для поддержанія тамъ порядка. Японскій консулъ присоединился къ коллективному требованію коллегъ ради единодушія; но въ то же время высказалъ мнѣніе, что русскія войска, командированныя для охраны города, недостаточны по своимъ силамъ, и едва ли они въ состояніи будутъ защищать городъ въ случаѣ рѣшительной атаки со стороны арміи боксеровъ. Въ виду бѣгства изъ города китайскихъ чиновниковъ, русскіе взяли управленіе въ свои руки, всячески поддерживая иностранныхъ консуловъ. Впослѣдствіи образовалось смѣшанное управленіе городомъ изъ русскихъ и китайскихъ чиновниковъ.

Вопросъ о Ньючвангѣ—одинъ изъ наиболѣе чреватыхъ по различнымъ мнѣніямъ и взглядамъ, существующимъ по этому предмету. Но должно имѣть въ виду, что первоначальная посылка русскихъ войскъ для занятія этого пункта была сдѣлана въ отвѣтъ на рѣшительное требованіе всѣхъ консуловъ съ цѣлью защиты города отъ атаки боксеровъ. То обстоятельство, что войска русскія можетъ быть продолжали занимать городъ, объясняется общимъ безпокойнымъ состояніемъ Манчжуріи и необходимостью для Россіи быть готовой ко всякимъ случайностямъ, въ виду продолжавшихся переговоровъ съ Японіей. Россія никогда не переставала признавать, что занятіе Ньючванга было произведено съ особой спеціальной цѣлью; поэтому она сочла себя обязанной не пользоваться за время занятія города и таможенными доходами, которые были сданы въ особый депозитъ въ Русско-Китайскій банкъ. Съ той минуты, какъ

Россія увидѣла себя отвѣтственной за поддержаніе порядка и безопасности въ Ньючвангѣ, она сочла себя также отвѣтственной и за собранные таможенные доходы, которые принадлежатъ владѣльцамъ китайскихъ цѣнностей. Лордъ Кранборнъ заявилъ въ палатѣ общинъ 30 апрѣля, что всѣ таможенные доходы, собранные русской администраціей въ Ньючвангѣ, сданы въ Русско-Китайскій банкъ въ депозитъ китайскаго правительства, за вычетомъ ежемѣсячнаго расхода по содержанію таможенъ. Въ прежнее время упомянутыя таможни въ Ньючвангѣ состояли въ вѣдѣніи даотая китайскаго, который во время занятія города русскими войсками былъ замѣщенъ русскимъ чиновникомъ. Деньги, истраченныя изъ таможенныхъ доходовъ, согласно существовавшему порядку, на улучшеніе города, на различныя санитарныя мѣры, необходимыя на случай появленія чумы, холеры и т. п., подлежатъ вполнѣ отчету.

Единственнымъ нововведеніемъ въ таможнѣ Ньючванга, допущеннымъ русской администраціей, было назначеніе завѣдывающимъ ею русскаго чиновника, послѣ ухода котораго былъ назначенъ на его мѣсто другой русскій же.

Вопросъ о Ньючвангѣ разрѣшился бы самъ собою въ ближайшемъ будущемъ, въ силу того, что Россія уже разъ торжественно заявила, что ни въ чемъ не будутъ нарушены договорныя права другихъ державъ въ Китаѣ. Это обѣщаніе со стороны Россіи гарантировало, что Ньючвангъ былъ бы скоро возстановленъ въ своемъ прежнемъ положеніи.

Въ сентябрѣ 1900 г. русское правительство дало всѣмъ державамъ надлежащее объясненіе, въ силу какихъ именно обстоятельствъ оно было вынуждено

ввести свои войска въ Манчжурію и занять Ньючвангъ, когда обнаружились враждебныя дѣйствія боксеровъ и китайскихъ войскъ. Эти мѣры русскаго правительства были во всякомъ случаѣ временнаго характера, имѣвшія цѣлью предупредить возможность дальнѣйшаго нарушенія мира со стороны мятежныхъ элементовъ, и никоимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы, какъ какой-то независимый, самостоятельный планъ агрессивнаго характера, что совершенно чуждо политикѣ Императорскаго правительства. Какъ только мирный порядокъ былъ бы окончательно возстановленъ въ Манчжуріи,—русское правительство не преминуло бы отозвать оттуда свои войска съ территоріи сосѣдней имперіи, если бы только дѣйствія Китая или другихъ державъ не заставили бы его принять какое-нибудь иное рѣшеніе.

Между тѣмъ, ходъ событій и необходимость установить въ Манчжуріи какой-нибудь порядокъ, вынудили русскія власти въ Портъ-Артурѣ войти съ мѣстнымъ цзянь-цзюнемъ въ Мукденѣ во временное соглашеніе, которое должно было сохранить силу только до заключенія въ Пекинѣ надлежащей конвенціи между русскимъ и китайскимъ правительствами.

Это временное соглашеніе, чисто мѣстнаго характера, было въ значительной степени преувеличено въ своемъ значеніи, вслѣдствіе чего русское правительство сочло нужнымъ дать по этому случаю надлежащее объясненіе. Англійскій посланникъ въ Петербургѣ получилъ отъ графа Муравьева категорическое увѣреніе, что между Россіей и Китаемъ отнюдь не заключена и не имѣется въ виду заключить какую-нибудь новую конвенцію, въ силу которой

Россіи предоставляются, будто бы, новыя права въ южной Манчжуріи. Графъ Муравьевъ присовокупилъ, что между упомянутыми правительствами не существуетъ никакихъ соглашеній, измѣняющихъ въ чемъ-нибудь международное положеніе Манчжуріи, которая обязательно была бы очищена отъ войскъ, какъ только миновали бы эти временныя обстоятельства, вызвавшія необходимость введенія войскъ и въ Манчжурію, и въ Ньючвангъ.

Водворить прочный миръ въ Манчжуріи было нелегкой задачей, потому что русскія войска должны были сосредоточить все свое вниманіе на защитѣ желѣзной дороги отъ нападеній разныхъ шаекъ; между тѣмъ, независимо отъ существованія постоянныхъ шаекъ хунхузовъ, къ нимъ присоединились еще боксеры и расформированныя китайскія войска, участвовавшія въ безпорядкахъ. При всемъ томъ русское правительство обязалось немедленно вывести свои войска изъ Манчжуріи, какъ только миновала бы непосредственная опасность для желѣзной дороги.

8 апрѣля 1902 г. Россія заключила съ Китаемъ особую конвенцію, въ силу которой обязалась произвести окончательную эвакуацію войскъ изъ Манчжуріи въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ; но выполненіе этой эвакуаціи зависѣло отъ извѣстныхъ условій.

Первое и наиболѣе важное условіе обязательности эвакуаціи, какъ сказано было въ конвенціи, „зависѣло отъ дѣйствій Китая или какой-нибудь другой державы, которыя не должны были угрожать интересамъ Россіи въ Манчжуріи“. Но уже въ самомъ началѣ исполненія этой конвенціи русскому правительству стало ясно, что при немедленной

эвакуаціи войскъ обстоятельства приняли бы въ Манчжуріи такой оборотъ, что возникли бы впослѣдствіи важныя затрудненія по умиротворенію края; пришлось поэтому отложить на нѣкоторое время отозваніе войскъ.

Тѣмъ не менѣе русское правительство официально объявило 29 апрѣля 1903 г. объ отозваніи своихъ войскъ изъ провинціи Шингкингъ; въ то же время адмиралъ Алексѣевъ предоставилъ всѣмъ иностранцамъ право путешествовать по Мукденской провинціи безъ всякихъ паспортовъ. Одновременно съ этимъ русскій повѣренный въ дѣлахъ велъ въ Пекинѣ переговоры съ китайскимъ правительствомъ о способахъ постепенной эвакуаціи русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Всѣ эти переговоры имѣли цѣлью выяснить тѣ мѣры, которыя должны были быть приняты со стороны китайскаго правительства послѣ ухода русскихъ войскъ для поддержанія порядка и безопасности въ Манчжуріи. Во всякомъ случаѣ Россія отнюдь не имѣла никакихъ намѣреній создавать какія-нибудь затрудненія для иностранной торговли въ предѣлахъ занятой ею китайской территоріи.

Такъ какъ всѣ упомянутыя сейчасъ мѣры предосторожности, въ отношеніи эвакуаціи русскихъ войскъ изъ Манчужріи, вызвали много недоразумѣній, то русскому посланнику въ Лондонѣ было поручено передать лорду Ландсоуну слѣдующее разъясненіе, которое 18 мая было заявлено въ верхней палатѣ:— „Переговоры, происходящіе въ настоящее время въ Пекинѣ между русскимъ и китайскимъ правительствами, касаются установленія извѣстныхъ гарантій, могущихъ обезпечить весьма важные интересы Россіи въ Манчжуріи послѣ ухода оттуда русскихъ войскъ.

Что же касается мѣръ, которыя могли бы ограничить права иностранныхъ консуловъ, или препятствовать иностранной торговлѣ, или затруднять пользованіе портами, то таковыя отнюдь не могутъ стать намѣреніемъ Императорскаго правительства; напротивъ, послѣ постройки рельсовыхъ путей въ этой части Китая русское правительство стремится всячески расширить и развить иностранную торговлю въ Манчжуріи“.

Посредствомъ особой ноты отъ 21 іюля всѣ державы, заинтересованныя въ свободѣ торговли въ манчжурскихъ портахъ, получили офиціальное увѣреніе отъ русскаго правительства, что оно не противится открытію этихъ портовъ, полагая лишь, что это не есть предметъ существенной необходимости въ виду неспокойнаго состоянія Манчжуріи и незначительнаго развитія торговли при этихъ условіяхъ.

Что касается сопротивленія Россіи въ отношеніи открытія для иностранной торговли нѣкоторыхъ манчжурскихъ портовъ, то необходимо имѣть въ виду, что и китайское правительство дѣлало различіе между портами, которые оно открыло для торговли по собственному почину, и тѣми, которые оно вынуждено было открыть подъ давленіемъ иностранныхъ державъ; въ первыхъ оно не давало никакихъ концессій иностраннымъ подданнымъ, предоставляя имъ лишь право пріобрѣтать земельные участки отъ китайцевъ; такъ что въ вопросѣ объ устройствѣ въ портахъ иностранныхъ поселеній русское правительство не вводило отъ себя никакихъ новыхъ правилъ, а слѣдовало только порядку, заведенному китайцами.

Россія не противилась также назначенію консуловъ въ Манчжурію, потому что это было въ ея

интересахъ. Дѣло въ томъ, что Россія не располагаетъ капиталами, необходимыми для оживленія торговли въ занятой ею китайской провинціи; допущеніе иностранныхъ капиталовъ было совершенно неизбѣжно и желательно, а иностранные капиталисты не пошли бы, конечно, на разныя предпріятія въ странѣ, гдѣ они лишены поддержки своихъ консуловъ, какъ своихъ національныхъ представителей, отъ которыхъ только и могутъ получить иногда необходимыя для торговыхъ дѣлъ свѣдѣнія. Допустить поэтому, что Россія противится назначенію иностранныхъ консуловъ въ Манчжуріи, значитъ предположить, что русское правительство отказывается отъ существенной части своей политики на Дальнемъ Востокѣ. Правда, Россія не находила своевременнымъ открывать для иностранной торговли новые порты въ Манчжуріи вдобавокъ къ уже открытымъ; но это обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что и страна не была еще достаточно замирена и торговля ея не настолько развита, чтобы требовалось открытіе новыхъ портовъ. Но невѣрно, будто бы русское правительство протестовало въ Пекинѣ черезъ своего посланника противъ заключенія Китаемъ новыхъ торговыхъ договоровъ. Главныя преимущества Россіи въ Китаѣ заключались въ томъ, что, согласно договору, заключенному графомъ Кассини въ Пекинѣ, ей предоставлялось исключительное право постройки желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи на территоріи къ сѣверу отъ Великой стѣны; и это признало со своей стороны и великобританское правительство.

Центромъ тяжести переговоровъ съ Японіей былъ вопросъ о Кореѣ и заключался въ томъ, что водные пути по Корейскому проливу должны были быть

свободными для плаванія. Россія не могла допустить возведенія укрѣпленій на берегахъ этого пролива, прерывающихъ сообщеніе между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ, двумя главными опорными пунктами Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

III.

Наконецъ, по русской версіи, ближайшія причины, вызвавшія Русско-Японскую войну, представляются еще въ слѣдующемъ видѣ, согласно сообщенію, присланному г. Стэду, издателю „Review of Reviews", *„изъ авторитетнаго русскаго источника"*.

Въ своемъ послѣднемъ фазисѣ переговоры съ Японіей начались въ августѣ 1903 г. и, послѣ обмѣна мнѣній, продолжались до начала 1904 г. Обѣ державы въ отношеніи Кореи были уже связаны договоромъ, гарантировавшимъ независимость и неприкосновенность этой страны, а также признаніе тамъ существованія преимущественныхъ торговыхъ правъ Японіи. Въ своемъ стремленіи достигнуть мирнаго исхода начатыхъ переговоровъ русское правительство готово было предоставить Японіи также и въ политическомъ отношеніи полную свободу дѣйствій; единственное, чего оно требовало отъ Японіи, это—принять обязательство не возводить въ Кореѣ укрѣпленій, угрожающихъ свободѣ плаванія по Корейскому проливу.

Что касается Манчжуріи, то домогательства Японіи въ этой странѣ могли имѣть своей конечной цѣлью эвакуацію русскихъ войскъ изъ этой китайской провинціи. Но Россія не могла по этому вопросу входить въ переговоры съ японскимъ прави-

тельствомъ, не признавая за Японіей особыхъ правъ въ Манчжуріи по сравненію съ правами другихъ иностранныхъ державъ; торговымъ же правамъ въ Манчжуріи Японіи и другихъ державъ не угрожало никакой опасности со стороны Россіи. Желая избѣгнуть и въ будущемъ возможныхъ столкновеній съ Японіей по вопросамъ, касающимся Манчжуріи, русское правительство требовало признанія этой провинціи находящейся внѣ сферы политическихъ интересовъ Японіи.

Изъ сказаннаго видно, что въ интересахъ мира русское правительство шло навстрѣчу требованіямъ Японіи, стараясь найти примирительный исходъ въ возникшемъ спорѣ; оно въ правѣ было надѣяться, что, получивъ полное удовлетвореніе въ своихъ домогательствахъ въ Кореѣ и обезпечивъ свои торговые интересы въ Манчжуріи, японское правительство присоединится къ стремленіямъ Россіи создать на Дальнемъ Востокѣ такой порядокъ вещей, который наиболѣе надежнымъ образомъ способствовалъ бы сохраненію мира.

Обвиняютъ русское правительство въ томъ, что оно въ своихъ переговорахъ создавало проволочки; но это неизбѣжно было въ виду важности предмета, а также въ виду необходимости совѣщаній, запросовъ и сношеній съ намѣстникомъ Дальняго Востока и другими чиновниками. Совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности предположеніе, что Россія намѣренно затягивала переговоры съ цѣлью увеличить свои вооруженныя силы на Дальнемъ Востокѣ.

Всѣ эти приведенныя выше тирады нашего министерства иностранныхъ дѣлъ носятъ явный харак-

теръ канцелярской отписки, которою наши близорукіе дипломаты пренаивно думали прикрыться въ своихъ переговорахъ съ Японіей. Нѣтъ надобности пояснять передъ нашимъ общественнымъ мнѣніемъ, насколько въ центральномъ пунктѣ переговоровъ съ Японіей — въ вопросѣ объ эвакуаціи нашихъ войскъ изъ Манчжуріи — объясненія министерства иностранныхъ дѣлъ далеки отъ правдивости и искренности. Тутъ во всей силѣ сказались закоснѣлая рутина нашихъ присяжныхъ дипломатовъ, унаслѣдованная еще отъ временъ Горчакова. Тамъ, гдѣ требовались или отпоръ силою, или прямодушная уступка требованіямъ права и обстоятельствъ, хотѣли укрыться за отписками и пустыми фразами, не переставая увѣрять и себя, и весь міръ, что „мы не хотѣли войны и не готовились къ ней", но въ то же время легкомысленнымъ образомъ направляя переговоры и событія къ неминуемой кровавой развязкѣ.

Посмотримъ теперь, какъ японское правительство съ своей стороны объясняетъ причины возникшей войны съ Россіей.

IV.

По толкованію японскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, ходъ дипломатическихъ разговоровъ, предшествовавшихъ войнѣ, и самыя причины войны представляются въ такомъ видѣ.

Причина неудачнаго исхода переговоровъ между Россіей и Японіей, приведшаго къ войнѣ между этими державами, кроется въ томъ, что японское прави-

тельство настаивало на включеніи въ переговоры также и Манчжуріи, наравнѣ съ Кореей, тогда какъ Россія игнорировала этотъ существенный пунктъ переговоровъ.

Послѣ Японско-Китайской Войны 1895 года Россія, Франція и Германія воспротивились присоединенію Ляодунскаго полуострова къ Японіи, ссылаясь на опасность для мира на Дальнемъ Востокѣ, если допустить такое нарушеніе неприкосновенности Китая. Японскій императоръ исполнилъ доброжелательный совѣтъ трехъ державъ и очистилъ этотъ полуостровъ, не предъявивъ со своей стороны никакихъ условій. Могутъ, пожалуй, спросить, почему это японскіе дипломаты, соглашаясь на очищиніе Ляодунскаго полуострова, не поставили условіемъ, чтобы упомянутыя три державы также и со своей стороны не посягнули бы когда бы то ни было на овладѣніе полуостровомъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вмѣшательство упомянутыхъ державъ, выразившееся въ посылкѣ ими дипломатическихъ нотъ черезъ своихъ представителей въ Токіо, послѣдовало 23 апрѣля, то-есть недѣлю спустя послѣ подписанія договора въ Симоносекахъ. Въ то же время Россія поспѣшила уже въ концѣ марта отправить сильную эскадру изъ Европейской Россіи въ воды Дальняго Востока. Франція и Германія присоединились къ этой демонстраціи.

Прежде чѣмъ принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, Японіи необходимо было выяснить два вопроса: первый—насколько Россія дѣйствительно намѣрена вступить въ войну съ Японіей изъ-за Ляодунскаго полуострова, и второй—въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на помощь Англіи. Для того и другого необходимо было выиграть время; поэтому японское

правительство поручило своему посланнику въ Петербургѣ повидать министра иностранныхъ дѣлъ и представить ему необходимость пересмотра обострившагося вопроса. Но эти представленія Японіи успѣха не имѣли. Россія отвѣтила отказомъ, и въ то же время еще больше начала увеличивать свои вооруженныя силы на Дальнемъ Востокѣ; тоже замѣтно было и со стороны ея союзниковъ. При такихъ условіяхъ не было уже времени предъявлять новыя требованія относительно Ляодунскаго полуострова съ цѣлью обезопасить его въ будущемъ отъ посягательствъ съ чьей-нибудь стороны. Въ то же время выяснилось, что со стороны Англіи можно разсчитывать на благожелательный нейтралитетъ—и только.

Вотъ почему упомянутая выше важная оговорка при очищеніи Ляодунскаго полуострова была въ свое время упущена.

Весьма важное значеніе въ ходѣ переговоровъ имѣлъ отказъ адмирала Алексѣева принять во вниманіе справедливыя требованія Японіи относительно Манчжуріи. Японія тѣмъ болѣе имѣла право голоса въ этомъ вопросѣ, что она уже занимала часть этой провинціи своими войсками послѣ побѣды, одержанной надъ Китаемъ, по соглашенію съ которымъ она въ правѣ была и присоединить эту занятую территорію къ своимъ владѣніямъ. И если Японія въ свое время вынуждена была эвакуировать свои войска изъ Манчжуріи, то это не устранило ея права участвовать въ рѣшеніи вопроса, касающагося участи этой провинціи. Отказъ адмирала Алексѣева давалъ право японскому императору заявить о необходимости пересмотра всего вопроса объ эвакуаціи Манчжуріи. Ибо если Китай отказывается отъ своихъ верхов-

ныхъ правъ надъ Портъ-Артуромъ и территоріей, къ нему примыкающей, то эти права по справедливости должны отойти къ Японіи, которой онъ принадлежитъ по праву завоеванія и лишь уступленъ ею, какъ настоящимъ правовымъ хозяиномъ.

Японское правительство никакъ не могло вообразить, что дѣйствія адмирала Алексѣева встрѣтятъ поддержку со стороны русскаго правительства въ Петербургѣ; тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ, послѣднее слово въ переговорахъ было все-таки предоставлено исключительно намѣстнику.

Занятіе Манчжуріи русскими войсками было произведено подъ предлогомъ возникшихъ боксерскихъ безпорядковъ и необходимости обезопасить Восточно-Китайскую желѣзную дорогу. Если даже допустить, что это предлогъ вполнѣ законный, то для него не было уже никакихъ основаній въ концѣ 1903 года. А между тѣмъ Россія продолжала даже увеличивать число своихъ войскъ въ Манчжуріи. Она продолжала занимать Ньючвангъ, который относится къ портамъ, формально открытымъ китайскимъ правительствомъ для иностранной торговли, угрожая этимъ непосредственно неприкосновенности Китая. Японцы занимали уже Ньючвангъ въ 1900 году, и если бы тогда другія европейскія державы приняли въ этомъ городѣ указывавшіяся предосторожности, то впослѣдствіи не возникло бы вовсе необходимости занятія его русскими войсками. Не довольствуясь сосредоточеніемъ въ своихъ рукахъ администраціи города, русскія власти завладѣли также и таможней, доходы которой прибрали на храненіе въ Русско-Китайскій банкъ; овладѣли также и обратили въ свою пользу доходы отъ джонокъ, что составляетъ

въ общемъ значительную сумму, принадлежащую китайскимъ властямъ. Вопреки неоднократно повторявшимся обѣщаніямъ со стороны русскаго правительства объ эвакуаціи Ньючванга, не видно было, однако, никакихъ признаковъ исполненія этого обѣщанія. Въ результатѣ такого порядка вещей иностранная торговля въ упомянутомъ городѣ встрѣчала затрудненія, въ явное нарушеніе договорныхъ правъ иностранныхъ державъ.

Согласно конвенціи, заключенной между Россіей и Китаемъ, первая обязалась эвакуировать свои войска изъ Манчжуріи и передать провинцію обратно въ руки китайскихъ властей; но въ то же время портъ-артурскія власти всякими путями добились заключенія новаго соглашенія съ мукденскимъ цзяньцзюнемъ, обязавъ китайскихъ губернаторовъ распустить часть войскъ, имѣвшихся въ ихъ распоряженіи. Эта послѣдняя мѣра и прямо и косвенно привела къ увеличенію въ занятой провинціи грабежей и безпорядковъ, потому что увеличилось число хунхузскихъ шаекъ насчетъ расформированныхъ войскъ; а русское правительство ссылалось на эти факты, какъ на обстоятельство, препятствующее эвакуаціи русскихъ войскъ въ указанные сроки.

Любопытно и то, что при своихъ экспедиціяхъ противъ хунхузовъ русскія власти при поимкѣ не подвергали ихъ наказаніямъ, а давали имъ свободу, привлекая ихъ въ то же время къ себѣ на службу. Согласно заключеннымъ съ Китаемъ трактатамъ, японскіе подданные пользуются правомъ свободно путешествовать по Манчжуріи и заниматься разными предпріятіями, а на самомъ дѣлѣ японцы въ осуществленіи своихъ правъ встрѣчали препят-

ствія всякаго рода со стороны русскихъ властей. Несмотря на всѣ эти препятствія, интересы японцевъ и по своимъ размѣрамъ, и по цѣнности значительно увеличивались въ Манчжуріи.

Вознамѣрилась Японія заключить съ китайскимъ правительствомъ торговый договоръ, и сейчасъ же встрѣтила препятствія со стороны Россіи, представитель которой въ Пекинѣ воспротивился открытію для иностранной торговли такихъ городовъ въ Манчжуріи, которые должны были быть уже очищены отъ русскихъ войскъ и переданы во власть китайской администраціи. Въ концѣ-концовъ японскимъ дипломатамъ удалось все-таки заключить необходимый договоръ, вопреки препятствіямъ Россіи.

Необходимо имѣть въ виду, что жизненные интересы Японіи въ Кореѣ въ значительной степени зависятъ отъ неприкосновенности Китая въ Манчжуріи. Настаивая на необходимости эвакуаціи Манчжуріи, японское правительство стремилось обезопасить этимъ свое положеніе въ Кореѣ; тѣмъ болѣе, что Россія не имѣла никакихъ договорныхъ правъ на оставленіе своихъ войскъ въ Манчжуріи. Эвакуація должна была коснуться также и войскъ желѣзнодорожной охраны, потому что, согласно пункту 2 манчжурской конвенціи, предусматривалось, между прочимъ, обязательство китайскаго правительства принять на себя охрану Восточно-Китайской желѣзной дороги и ея сооруженій послѣ ухода изъ Манчжуріи русскихъ войскъ. Такъ гласитъ п. 5-й конвенціи съ обществомъ упомянутой дороги, заключенной 27 августа 1896 г.; этимъ пунктомъ соглашенія указывалось на охрану желѣзной дороги китайскими властями, согласно дѣйствующимъ китайскимъ зако-

намъ, которые, конечно, отнюдь не имѣли въ виду охрану желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ русскими войсками.

Что касается Кореи, то Японія давно уже заняла тамъ особое, исключительное положеніе; тѣмъ не менѣе японское правительство отнюдь не дѣлало въ этой странѣ какихъ-нибудь предосудительныхъ шаговъ, которые могли быть истолкованы какъ угрожающіе неприкосновенности корейской территоріи или независимости самой Кореи. Первоначальная независимость Кореи была достигнута Японіей послѣ войны съ Китаемъ; и съ тѣхъ поръ во всѣхъ своихъ договорахъ съ другими державами вопросъ о независимости Кореи ставится японскимъ правительствомъ всегда на первое мѣсто. Взаимныя отношенія Японіи и Россіи въ Кореѣ были урегулированы особымъ договоромъ 25 апрѣля 1898 года, который гласитъ слѣдующее:

I. Императорскія правительства Японіи и Россіи признаютъ полную самостоятельность и независимость Кореи и взаимно обязуются не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этого государства—ни прямо, ни косвенно.

II. Дабы избѣжать въ будущемъ всякихъ недоразумѣній, оба императорскія правительства обязуются, въ случаѣ, если корейское правительство обратится къ одной изъ договаривающихся сторонъ за совѣтомъ или помощью, какъ, напримѣръ, присылка военныхъ инструкторовъ или финансовыхъ совѣтниковъ, не принимать никакого рѣшенія, не посовѣтовавшись съ противной стороной и не придя къ соглашенію съ нею.

III. Принимая во вниманіе значительное развитіе

японскихъ торговыхъ интересовъ въ Кореѣ и пребываніе тамъ многочисленныхъ японскихъ подданныхъ, русское правительство обязуется не препятствовать никоимъ образомъ дальнѣйшему развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній Японіи и Кореи.

Одной изъ важнѣйшихъ побудительныхъ причинъ заключенія конвенціи между Японіей и Англіей въ 1903 году было желаніе поддержать неприкосновенность и независимость Кореи. Это—главная цѣль, которая постоянно имѣлась въ виду политикой Японіи въ отношеніи Китая и Кореи.

Несмотря, однако, на то, что, согласно приведенному выше договору, Россія обязалась не препятствовать развитію японскихъ торговыхъ интересовъ въ Кореѣ, русскіе посланники въ Кореѣ въ послѣднее время не упускали случая, чтобы такъ или иначе помѣшать всячески всѣмъ предпріятіямъ японцевъ, пуская для этого въ ходъ все свое вліяніе на корейскихъ министровъ. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ стараніе русскаго посланника въ Кореѣ помѣшать осуществленію японцами концессіи, полученной отъ корейскаго правительства на постройку желѣзной дороги отъ Сеула на Вичжу, несмотря на то, что Японія уже получила преимущественныя права на постройку рельсовыхъ путей на корейской территоріи еще по конвенціи, заключенной въ іюнѣ 1898 г.

Когда японское правительство добивалось отъ Кореи открытія для иностранной торговли порта Вичжу, то главное препятствіе встрѣчено было опять со стороны Россіи, не желавшей допустить успѣха Японіи въ ея домогательствахъ. Не ограничиваясь,

однако, пассивнымъ сопротивленіемъ всѣмъ предпріятіямъ Японіи, Россія обнаружила явные признаки къ насильственному захвату части корейской территоріи,—по примѣру того, какъ она это дѣлала въ Манчжуріи, угрожая этимъ непосредственно неприкосновенности Кореи.

Такія стремленія Россіи сказались наглядно въ отношеніи корейскаго города Мозампо. Городъ этотъ расположенъ на берегу Цусимскаго (Корейскаго) пролива, насупротивъ японскаго побережья о-ва Цусимы. Стратегическое значеніе этого пункта ясно само собою и всегда высоко цѣнилось японскимъ правительствомъ. Ничто не могло такъ обострить отношеній между Россіей и Японіей, какъ стремленіе овладѣть, какимъ бы то ни было путемъ, участками территоріи около Мозампо. Попытка въ этомъ направленіи сдѣлана была русскимъ правительствомъ еще весною 1900 года черезъ своего посланника въ Сеулѣ г. Павлова, того самаго, который незадолго передъ тѣмъ добился въ Пекинѣ уступки Портъ-Артура; и нельзя сказать, что эта попытка тогда не имѣла успѣха. Не довольствуясь этимъ, русскія власти продолжали дѣлать захваты въ сѣверной Кореѣ, не обращая никакого вниманія на протесты корейскихъ властей; и такіе захваты не прекращались даже и въ то время, когда русское правительство вело свои переговоры въ Токіо.

Между тѣмъ независимость Кореи представляетъ собою жизненный вопросъ для будущности Японіи.

Въ конечномъ выводѣ, офиціальное сообщеніе японскаго правительства по случаю начатой войны съ Россіей гласитъ:

Для безопасности и преуспѣянія Японіи въ бу-

дущемъ необходимо оберегать неприкосновенность и самостоятельность Кореи, въ которой и теперь уже интересы Японіи получили значительное развитіе. Въ виду этого японское правительство не могло допустить въ этой странѣ никакихъ дѣйствій, угрожающихъ безопасности ея независимости и территоріальной неприкосновенности. Эта угроза явилась со стороны Россіи, которая, несмотря на свое торжественное заявленіе и вопреки неоднократнымъ увѣреніямъ, даннымъ иностраннымъ державамъ, не только продолжала занимать Манчжурію, но обнаружила агрессивныя дѣйствія и въ Кореѣ. Между тѣмъ независимость Кореи не можетъ быть обезпечена въ случаѣ присоединенія Манчжуріи къ русскимъ владѣніямъ. Это объстоятельство несомнѣнно признавалось и самой Россіей, потому что еще въ 1895 г. русское правительство выставляло на видъ, что не можетъ согласиться на присоединеніе Ляодунскаго полуострова къ Японіи, такъ какъ это послужило бы постоянной угрозой столицѣ Китайской имперіи, а также и независимости Кореи.

Озабочиваясь постояннымъ сохраненіемъ мира на Дальнемъ Востокѣ, японское правительство, подъ вліяніемъ упомянутыхъ обстоятельствъ, обратилось въ минувшемъ іюлѣ (1903) къ русскому правительству съ предложеніемъ обсудить этотъ вопросъ съ цѣлью согласованія обоюдныхъ интересовъ Россіи и Японіи путемъ дружественнаго соглашенія непосредственно между обѣими державами, на что со стороны Россіи послѣдовало согласіе. Въ виду этого японское правительство черезъ своего посланника въ Петербургѣ представило 12 августа на разсмотрѣніе русскаго правительства проектъ согла-

шенія, которое базировалось на слѣдующихъ пунктахъ:

I. Взаимное обязательство обѣихъ договаривающихся сторонъ признавать независимость и территоріальную неприкосновенность имперій Китайской и Корейской.

II. Взаимное обязательство признавать въ упомянутыхъ странахъ одинаковыя права торговыя и промышленныя для всѣхъ націй.

III. Взаимное обязательство признать преобладающіе интересы Японіи въ Кореѣ и специальные интересы за Россіей въ отношеніи постройки желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи. Обѣ договаривающіяся стороны имѣютъ право, въ интересахъ обезпеченія упомянутыхъ выше привилегій, принимать въ случаѣ надобности, мѣры, которыя ими признаны будутъ необходимыми, — при условіи, что эти мѣры не противорѣчатъ основаніямъ, указаннымъ въ статьѣ I.

IV. Россія признаетъ за Японіей исключительное право давать корейскому правительству необходимые совѣты и помощь въ интересахъ введенія реформъ и улучшенія административнаго строя.

V. Обязательство со стороны Россіи не препятствовать японскому правительству продолжить корейскія желѣзныя дороги въ южную Манчжурію, съ цѣлью связать эти дороги съ рельсовыми путями Манчжуріи — Восточно-Китайской, Шанхайгуаньской и Ньючвангской желѣзными дорогами.

По вышеупомянутымъ пунктамъ японское правительство стремилось организовать совѣщаніе въ Петербургѣ непосредственно между японскимъ посланникомъ и русскими властями. Этимъ путемъ, несомнѣнно, облегчился бы въ значительной степени и

успѣшный ходъ переговоровъ и окончательное соглашеніе. Русское правительство, однако, не обратило должнаго вниманія на приведенное выше предложеніе, и самые переговоры, въ виду путешествія Царя за границу и по другимъ причинамъ, крайне затянулись, поэтому категорически рѣшено было вести переговоры въ Токіо. Только 3 октября полученъ былъ отъ Россіи основательный отвѣтъ, заключающій въ себѣ контръ-предложенія по затронутымъ вопросамъ.

Въ своемъ отвѣтномъ предложеніи русское правительство, однако, отклоняетъ отъ себя обязательство признавать территоріальную неприкосновенность и верховныя права Китая въ Манчжуріи; оно не согласилось также признать принципъ полнаго равенства правъ въ отношеніи торговли и промышленности въ Манчжуріи. Мало того,—Россія требовала отъ Японіи, чтобы она признала Манчжурію цѣликомъ находящейся совершенно внѣ сферы ея интересовъ, и съ своей стороны ставила рядъ ограниченій свободѣ дѣйствій Японіи въ Кореѣ. Допуская, напримѣръ, право Японіи на посылку войскъ въ Корею въ случаѣ необходимости, русское правительство въ то же время не соглашалось на возведеніе японскихъ укрѣпленій на корейской территоріи.

Наконецъ, русское правительство въ своихъ предложеніяхъ дошло до того, что полагало возможнымъ отмежевать нейтральную зону на корейской территоріи къ сѣверу отъ 39-ой параллели.

Японское правительство никакъ не могло понять, почему это русское правительство, такъ часто возвѣщавшее до того времени, что оно чуждо всякихъ намѣреній на присоединеніе Манчжуріи къ своимъ

владѣніямъ, теперь отказывается включить въ проектируемое соглашеніе такой пунктъ, который совершенно гармонируетъ съ неоднократными заявленіями Россіи объ уваженіи ею верховныхъ правъ и территоріальной неприкосновенности Китая. Этотъ отказъ русскаго правительства служилъ вѣрнымъ указаніемъ на значеніе этого пункта и на настоятельную необходимость включенія его въ проектируемое соглашеніе. Никакъ не могло японское правительство согласиться и на признаніе Манчжуріи внѣ сферы своего вліянія, потому что и теперь уже Японія имѣетъ въ этой странѣ важные интересы, торговые и промышленные, питая основательную надежду на дальнѣйшее ихъ развитіе, благодаря оживленнымъ торговымъ сношеніямъ Манчжуріи и Кореи. По справедливости, интересы Японіи въ Манчжуріи болѣе значительны, чѣмъ интересы Россіи.

Въ виду изложеннаго японское правительство самымъ рѣшительнымъ образомъ должно было отклонить предложеніе Россіи, предложивъ съ своей стороны нѣкоторыя поправки къ контръ-предложеніямъ Россіи, — въ частности, въ отношеніи учрежденія нейтральной зоны—на возможность учрежденія такой зоны не посреди Кореи, а на границѣ съ Манчжуріей, отмежевавъ для этой цѣли нейтральную пограничную полосу по обѣ стороны границы шириною около 50 килом. съ каждой стороны.

Послѣ дальнѣйшаго продолженія переговоровъ въ Токіо японское правительство, наконецъ, формулировало свои окончательныя требованія, которыя предъявило 30 октября, и затѣмъ неоднократно просило русское правительство поспѣшить, насколько

возможно, отвѣтомъ; это послѣднее, однако, медлило отвѣтомъ и дало таковой лишь 11 декабря.

Въ своей отвѣтной нотѣ русское правительство какъ-бы обходитъ все, касающееся Манчжуріи, и дѣлаетъ Корею центромъ переговоровъ, продолжая поддерживать свои первоначальныя требованія объ учрежденіи въ Кореѣ нейтральной зоны и обязательствѣ Японіи не возводить на корейской территоріи укрѣпленій со стратегической цѣлью.

Этотъ отвѣтъ Россіи отклонялъ предметъ переговоровъ, начатыхъ съ цѣлью предотвратить возможность разрыва между обѣими державами и установить взаимное соглашеніе, относящееся одинаково и къ Кореѣ и къ Манчжуріи.

Японское правительство поэтому, въ отвѣтъ на предложеніе Россіи, просило пересмотрѣть этотъ вопросъ, отклоняя отъ себя требуемое обязательство относительно права возведенія укрѣпленій на корейской территоріи и указывая на невозможность проведенія нейтральной зоны на корейской территоріи, если такая пограничная полоса не будетъ проведена также и на территоріи Манчжуріи, примыкающей къ границѣ Кореи.

Послѣдній отвѣтъ Россіи былъ полученъ въ Токіо 6 января. Въ этомъ отвѣтѣ русское правительство предлагаетъ включить въ соглашеніе слѣдующій пунктъ: Японія признаетъ Манчжурію и ея приморское побережье находящимися внѣ сферы ея интересовъ. Россія со своей стороны не будетъ препятствовать Японіи и другимъ державамъ пользоваться внутри Манчжуріи тѣми правами и привилегіями, которыя вытекаютъ изъ трактатовъ, заключенныхъ съ Китаемъ, но безъ права устройства въ городахъ

сетельментовъ (т. е. иностранныхъ кварталовъ, пользующихся особыми правами). Дѣлая эти уступки, русское правительство поддерживало свои требованія о включеніи въ проектируемое соглашеніе пунктовъ, относящихся къ признанію нейтральной полосы только на корейской территоріи и запрещенію Японіи возводить въ Кореѣ укрѣпленія со стратегической цѣлью. Требованія эти не могли быть приняты Японіей. Вдобавокъ, русское правительство въ своемъ отвѣтѣ совсѣмъ замалчивало вопросъ о признаніи территоріальной неприкосновенности Китая въ Манчжуріи. При такихъ условіяхъ и упомянутыя выше уступки Россіи внутри Манчжуріи теряли практическое значеніе,—потому что права и привилегіи, пріобрѣтенныя державами въ Манчжуріи въ силу трактатовъ, заключенныхъ съ Китаемъ, имѣютъ значеніе и смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока сохраняются въ этой провинціи верховныя права самаго Китая, и уничтожаются сами собою съ присоединеніемъ Манчжуріи къ русскимъ владѣніямъ.

V.

Изъ приведенныхъ выше офиціальныхъ объясненій съ обѣихъ сторонъ причинъ возникновенія войны ясно, что съ самаго начала и до конца переговоровъ оба правительства стояли на разныхъ полюсахъ и соглашенія быть не могло: русское правительство устраняло всякое вмѣшательство Японіи въ дѣла Манчжуріи, стремясь въ то же время сохранить за собою старую позицію въ Кореѣ; съ другой стороны, японское правительство отстраняло Россію

отъ Кореи, домогаясь права вмѣшательства въ хозяйничанье Россіи въ Манчжуріи. Это непримиримое противорѣчіе интересовъ Россіи и Японіи явилось естественнымъ послѣдствіемъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ въ послѣднія 10—15 лѣтъ. Весьма наивно было безъ войны предлагать японскому правительству создать нейтральную зону въ Кореѣ въ 1903 году, послѣ того, какъ Японіи цѣною кровопролитной и побѣдоносной войны удалось уже вытѣснить съ полуострова своего вѣкового соперника. Но то, что оказалось невозможнымъ въ 1903 году, могло несомнѣнно получить совершенно иное рѣшеніе въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ, когда Корея цѣликомъ тяготѣла къ Россіи,—если-бы наши государственныя задачи на Дальнемъ Востокѣ не нарождались въ видѣ легкомысленныхъ импровизацій.

Главная вина нашихъ дипломатовъ кроется, однако, не столько въ ложномъ пониманіи задачъ Россіи на тихоокеанскомъ побережьѣ, сколько въ легкомысленномъ увѣреніи, что „опасности войны нѣтъ",—когда переговоры чуть ли не завѣдомо направлялись къ войнѣ.

26 января, въ 9 часовъ вечера, адмиралъ Алексѣевъ телеграфировалъ въ Петербургъ: „въ Артурѣ все благополучно", а черезъ полчаса нападеніемъ японскихъ миноносцевъ на нашу эскадру началась война...

ГЛАВА III.

Подготовка къ войнѣ.

Общая характеристика подготовки къ войнѣ Японіи и Россіи. Подготовка морскихъ и сухопутныхъ силъ.

Какъ сказано выше, къ войнѣ съ Россіей Японія начала готовиться сейчасъ-же послѣ Симоносекскаго договора съ твердой цѣлью опередить Россію своими вооруженіями, выбрать для себя наивыгоднѣйшую минуту для объявленія войны и тѣмъ обезпечить себѣ первый залогъ побѣды. Уже въ 1895 году японское правительство сдѣлало первый заказъ американскимъ судостроительнымъ заводамъ и затѣмъ въ теченіе всего лишь семи лѣтъ, до 1903 года, осуществила не одну, а *двѣ* судостроительныхъ кампаніи; такъ что въ короткое время японскій флотъ оказался сильнѣйшимъ въ водахъ Великаго океана.

Съ какою лихорадочною поспѣшностью начаты были эти вооруженія, видно изъ того, что едва лишь Японія успѣла закончить войну съ Китаемъ, какъ сейчасъ же были вызваны изъ Америки представители наиболѣе крупныхъ судостроительныхъ фирмъ, которымъ сдѣланы были большіе заказы на постройку судовъ военнаго флота. Знаю это непосредственно отъ этихъ представителей,—генерала Вильямса, од-

ного изъ директоровъ „Union iron work“ въ С.-Франциско и мистера Смитъ, хозяина другой фирмы изъ Филадельфіи,—съ которыми мнѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ изъ Японіи въ Америку, послѣ полученія ими заказовъ. Американцы дивились, противъ кого направлены эти вооруженія. Завоевательнымъ стремленіямъ Японіи помѣшала не одна Россія, а также и Германія, и Франція, которыя заодно съ Россіей воспротивились упроченію японцевъ на материкѣ Азіи. Тѣмъ не менѣе было очевидно съ самаго начала, что важнѣйшимъ противникомъ, выступившимъ противъ осуществленія завѣтныхъ стремленій Японіи, была Россія, которая въ силу своего стихійнаго движенія на Востокъ, къ побережью Великаго океана, не пожелала допустить, чтобы въ близкомъ сосѣдствѣ на материкѣ Азіи выросла въ лицѣ Японіи новая сила, съ которой рано или поздно пришлось бы считаться. Сознавая это вполнѣ, японцы, съ своей стороны, видѣли въ одной Россіи главное препятствіе къ осуществленію ихъ политическихъ задачъ.

Необходимо замѣтить, что, рядомъ съ этими усиленными вооруженіями Японіи, слабость нашихъ морскихъ силъ на тихоокеанскомъ побережьѣ была очевидной для всѣхъ русскихъ людей, не ослѣпленныхъ тупымъ шовинизмомъ и превратнымъ пониманіемъ самыхъ простыхъ вещей въ военномъ дѣлѣ. Невольно вспоминается оживленный балъ на японскомъ адмиральскомъ суднѣ, данный японской эскадрой служилой знати г. Владивостока, при посѣщеніи эскадрой этого города въ августѣ 1895 года: указывая на гигантское орудіе, выглядывавшее изъ круглой стальной башни, занимавшее по длинѣ почти

треть палубы огромнаго броненосца, одинъ изъ нашихъ командировъ военныхъ судовъ съ грустью признавалъ, что одно это судно можетъ испепелить Владивостокъ въ три часа, такъ какъ у насъ не только на судахъ, но и на береговыхъ батареяхъ, тогда еще только возникавшихъ, нѣтъ ни одного орудія такого калибра.

Нравы, обычаи и взгляды, господствовавшіе среди нашихъ моряковъ, таковы, что объ этомъ не хотѣлось бы говорить вовсе. Для каждаго безпристрастнаго человѣка было очевидно, что наша морская „сила" до корня изъѣдена тлей всякаго рода. Таково было мнѣніе людей не только постороннихъ, чуждыхъ ложнаго морского патріотизма, но и сами моряки были о себѣ и своихъ порядкахъ невысокаго мнѣнія: намъ неоднократно приходилось слышать въ 1893 году отъ бывшаго командира „Разбойника" кн. У.—го самое безпощадное осужденіе господствовавшихъ во флотѣ безпорядковъ и хищеній, узаконенныхъ вкоренившимися взглядами и круговымъ покрывательствомъ. Такіе же отзывы о своемъ „сумбурномъ родѣ оружія" приходилось слышать и отъ покойнаго Н. А. Астромова, командира „Сивуча", отъ Н. И. I—а, командира „Корейца", и отъ многихъ другихъ.

— „Не будетъ у насъ толку; единственный выходъ, чтобы водворить у насъ что-нибудь крѣпкое, это—отдать насъ подъ державную десницу Петра Семеновича" (Ванновскаго)—обыкновенно заканчивали сами моряки критику своихъ порядковъ...

Всѣ были того мнѣнія, что источникомъ всѣхъ золъ является пресловутое цензовое плаваніе. Какой толкъ можетъ получиться изъ такого плаванія, когда судно военное обращается для командира въ своего

рода почтовую станцію для продолжающаго свое путешествіе путника. Командиръ знаетъ, что онъ является на суднѣ хозяиномъ лишь короткое время для цензовой выслуги, послѣ которой онъ обязательно уступаетъ мѣсто другому. При такихъ условіяхъ военное судно является не столько орудіемъ боя, сколько инструментомъ для выслуги слѣдующаго чина. По собственному признанію командировъ судовъ, все вниманіе ихъ во время командованія обращено лишь на выгадываніе остатковъ отъ угля, смазки, краски, пакли и т. д. На изученіе судна времени не остается; да это и не представляется столь существеннымъ, обѣщающимъ ближайшіе непосредственные результаты. Неудивительно поэтому, что командиры судовъ являлись весьма часто на командуемыхъ ими судахъ въ видѣ заѣзжихъ гостей, не только неимѣющихъ понятія о неизбѣжныхъ особенностяхъ своего корабля, о его сильныхъ и слабыхъ сторонахъ, но часто не могущихъ даже оріентироваться на командуемомъ ими суднѣ—попасть туда, куда хочется безъ помощи проводника.

У насъ принято даже въ отношеніи солдатской винтовки установившееся требованіе, что солдатъ долженъ *знать* свою винтовку, т. е.—знать ея особенности, присущія каждому отдѣльному экземпляру. Безъ лишнихъ словъ понятно, что современные броненосцы таятъ въ себѣ неизмѣримо болѣе сложныя особенности, имѣющія огромное значеніе при управленіи судномъ. Чтобы сколько-нибудь изучить гигантскія плавучія крѣпости съ безчисленнымъ множествомъ въ высшей степени сложныхъ механизмовъ едва-ли достаточно было бы и всего служебнаго вѣка морского офицера; а тутъ является готовый „коман-

диръ“, призванный управлять этимъ судномъ съ его многочисленными машинами, не только не имѣя никакого понятія о *норовѣ*, объ особенностяхъ даннаго броненосца—что возможно узнать лишь послѣ продолжительнаго на немъ плаванія,—но часто не зная просто, что есть на суднѣ и чего не имѣется. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что у насъ такъ часты аваріи даже подъ Петербургомъ и Кронштадтомъ,—что даже по дорогѣ въ Петергофъ со своимъ министромъ командиры судовъ сбиваются съ надлежащаго пути и терпятъ крушеніе.

Все это неминуемо обусловливается полнѣйшимъ сумбуромъ, внесеннымъ въ послѣднія десятилѣтія въ организацію прохожденія службы по морскому вѣдомству. Въ прежнее время существовалъ особый корпусъ штурманскихъ офицеровъ, которые иногда весь вѣкъ свой служили на одномъ и томъ же суднѣ, составляя какъ бы нераздѣльную съ нимъ часть; офицеры эти знали всѣ мельчайшія особенности своего корабля и являлись вполнѣ свѣдущими по части кораблевожденія, выдѣляя изъ своей среды оставшійся нынѣ лишь въ преданіяхъ типъ „морскаго волка“.

Въ настоящее время, при чрезвычайно усложнившихся машинахъ и механизмахъ современнаго боевого судна дѣло кораблевожденія стало гораздо сложнѣе; но прежнихъ штурмановъ уже нѣтъ, ибо наши реформаторы морского вѣдомства предъявили разумное въ теоріи, но неосуществимое на практикѣ, требованіе: на суднѣ каждый офицеръ долженъ знать *все*—и штурманскую часть, и минное дѣло, и артиллерійское и проч. При сложности устройства нынѣшнихъ морскихъ боевыхъ судовъ это недостижимо;

и въ результатѣ морскіе офицеры не знаютъ *ничего*, сколько-нибудь сносно, изъ того, что они обязаны знать. Это не мѣшаетъ, однако, морскимъ офицерамъ и командирамъ проникнуться апломбомъ всевѣдѣнія: недавно, въ апрѣлѣ текущаго года, на столбцахъ даже „Русскаго Инвалида“—т. е. передъ читателями сухопутными офицерами—морякъ-офицеръ проговорился, что среди морскихъ офицеровъ укоренилось убѣжденіе въ ихъ превосходствѣ въ отношеніи универсальности знаній, и образованія вообще, надъ офицерами сухопутными.

Слѣдуя провозглашенному свыше принципу обязательности всезнанія командиръ военнаго судна въ 1889 году, ничтоже сумняшеся, высадилъ своего врача на берегъ въ Шанхаѣ, увѣряя, что „на военномъ суднѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, чего не знаетъ командиръ“...

Такимъ образомъ по логикѣ нашихъ смѣлыхъ морскихъ реформаторовъ вышло такъ, что когда военные суда были проще, то для нихъ требовались разные спеціалисты, а когда военно-морская техника значительно усложнилась, то оказалось возможнымъ упразднить совершенно обязательность спеціальныхъ знаній. Неудивительно поэтому, что умудренный горькимъ опытомъ адмиралъ Рождественскій въ № 45 журнала „Море“, въ отношеніи характеристики личнаго состава морского вѣдомства, приходитъ къ такому печальному выводу: „Система образованія личнаго состава настолько устарѣла, что еслибъ лучшими нашими людьми укомплектовать въ настоящее время эскадру изъ „Dreadneugh'овъ“, идеально построенныхъ и образцово снаряженныхъ за границею, то такая эскадра, вслѣдствіе недостаточнаго развитія

и навыка личнаго состава, прогрессивно теряла бы боевое значеніе и при столкновеніи съ равнымъ числомъ болѣе старыхъ линейныхъ кораблей любого изъ первоклассныхъ флотовъ была бы разбита на голову“....

Намъ, сухопутнымъ офицерамъ на Дальнемъ Востокѣ, приходилось часто съ горечью видѣть и слышать про постоянныя аваріи нашихъ военныхъ судовъ въ домашнихъ внутреннихъ водахъ на рейдѣ Владивостока, въ заливахъ Амурскомъ, Аскольда, которыя, казалось-бы, наши моряки должны бы знать какъ свой собственный дворъ. И—что всего хуже—всѣ эти аваріи, имѣвшія часто въ основѣ преступную небрежность, или полное невѣжество въ своемъ дѣлѣ, оставались постоянно совершенно безнаказанными; а затѣмъ еще хуже то, что эта безнаказанность организована закономъ, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ низвести на-нѣтъ наказанія за такія аваріи:—потому что простой наивности со стороны законодателя трудно предположить, когда заботливо устроено заранѣе круговое поручительство въ общей безнаказанности.

Случилась, напримѣръ, аварія съ „Манджуромъ“; отдается приказъ о назначеніи суда, а членами суда собираются командиры „Корейца“, „Сивуча“, „Разбойника“ и т. д., которые разбираютъ и судятъ—виноватъ ли тутъ ихъ близкій другъ и товарищъ въ какой-нибудь небрежности, или тутъ дѣйствовали пресловутыя „forces majeures“—спасительная для моряковъ *стихія*, покрывающая все и всѣхъ. Помимо чувствъ дружбы и товарищеской солидарности, приговоромъ членовъ суда въ подобныхъ случаяхъ руководитъ еще обязательность взаимной выручки,—по-

тому что завтра-же можетъ случиться аварія съ суднomъ кого нибудь изъ членовъ суда, и ему придется помѣняться ролью съ подсудимымъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ приговоры суда отличаются всегда крайней снисходительностью, — чтобы не сказать больше—оставляющей почти совершенно безнаказанными явную небрежность, а иногда и завѣдомую преступность по службѣ.

Высказанная здѣсь мысль, какъ намъ кажется, едва ли требуетъ для подтвержденія ссылку на какіе-нибудь факты; — кто ихъ не знаетъ, не наблюдалъ самъ, не слыхалъ, или не читалъ про массу печальныхъ курьезовъ этого рода, давно уже ставшихъ притчей во языцѣхъ, даже среди самихъ моряковъ. Но, чтобы не быть совершенно голословнымъ, я приведу на выдержку пару такихъ фактовъ изъ числа многихъ другихъ, имѣвшихъ мѣсто во Владивостокѣ въ короткое сравнительно время. Прислало морское вѣдомство—кажется въ 1890 году—ледоколъ „Силачъ" для пропуска въ зимнее время приходящихъ судовъ изъ открытаго моря въ замерзшій рейдъ Владивостока. Проработавъ съ грѣхомъ пополамъ одну—двѣ зимы, съ постоянными аваріями и починками, „Силачъ" окончательно занемогъ зимою 1893 года и почилъ затѣмъ отъ всякихъ трудовъ; причина заключалась въ томъ, что когда въ разгаръ рождественскихъ праздниковъ потребовалось сдвинуть „Силача" съ мѣста среди замерзшаго кругомъ льда, положили динамитные патроны слишкомъ близко къ носу ледокола и вмѣсто льда, взорвали носъ собственнаго корабля. Случился такой казусъ во время рождественскихъ праздниковъ, послѣ шумнаго пиршества въ каютъ-компаніи; поэтому судъ, конечно,

былъ снисходителенъ къ такимъ смягчающимъ вину обстоятельствамъ. Злые языки, однако, утверждали, что экипажъ „Силача“ весьма доволенъ тѣмъ, что динамитные патроны легли ближе чѣмъ слѣдуетъ къ носу ледокола: представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, положеніе моряковъ зимою:—товарищи всѣ на берегу, отдыхаютъ послѣ лѣтнихъ трудовъ; тутъ, кстати, святки — хочется попраздновать кому съ кумой, въ матросской слободкѣ, а кому за кадрилью съ „предметомъ страсти“ въ морскомъ собраніи и—вмѣсто всего этого—не угодно-ли разводить пары и какъ глупый маятникъ двигаться взадъ и впередъ въ лютый холодъ среди льда, по узкому каналу... Весьма естественно, что экипажъ „Силача“ былъ весьма доволенъ происшедшимъ казусомъ съ поврежденіемъ носа своего ледокола; — такъ не въ примѣръ пріятнѣе: морское довольствіе идетъ само собою, а тѣмъ временемъ гуляй на берегу пока произведутъ ремонтъ; а тутъ и лѣто,—ледокола работа кончается.

Среди судей приведеннаго сейчасъ казуса съ „Силачемъ“ былъ и командиръ „Сивуча“, покойный нынѣ Н. А. Астромовъ, который былъ также весьма снисходителенъ, какъ и другіе; за что скоро почувствовалъ признательность къ себѣ со стороны командира „Силача“. Случилось это слѣдующимъ образомъ: выходилъ „Сивучъ“ въ море на стрѣльбу, и по возвращеніи на рейдъ, опять-таки послѣ параднаго обѣда съ праздничной выпивкой, которыми каютъ-компанія чествовала находившагося на берегу своего адмирала („морское довольствіе“, какъ извѣстно, отличается въ каютъ-компаніяхъ обиліемъ безпошлинныхъ питій всякаго рода), командиръ возымѣлъ хвастливое намѣреніе показать адмиралу, что

онъ своимъ „Сивучемъ“ можетъ и на тѣсномъ рейдѣ „восьмерки выписывать“, и... съ перваго же шага задѣлъ винтъ „Манджура“ и погнулъ винтовой валъ настолько, что пришлось отправить судно на продолжительный ремонтъ въ японскіе доки. Конечно, на бывшемъ вслѣдъ за тѣмъ судѣ командиръ „Силача“ реваншировалъ со своей стороны заслуженной снисходительностью командиру „Сивуча“; тутъ, правда, свидѣтелемъ былъ и самъ адмиралъ, но онъ также не чуждъ морскихъ традицій; притомъ же онъ самъ въ это время находился на палубѣ „Сивуча“ въ качествѣ зрителя, созерцая, какъ командиръ его будетъ „восьмерки выписывать“...

Не лучше обстояло дѣло и съ боевой подготовкой личнаго состава нашего флота вообще. Въ одномъ изъ своихъ приказовъ, отданныхъ адмираломъ Рожественскимъ во время продолжительнаго стоянія нашей эскадры подъ Мадагаскаромъ, по пути къ Владивостоку, адмиралъ указываетъ на полное неумѣніе офицеровъ и комендоровъ обращаться со своими орудіями, неумѣніе стрѣлять и т. д. Но почему подобные приказы только теперь стали достояніемъ широкихъ круговъ общества? почему понадобились такія ужасныя катастрофы, какъ позорное пораженіе нашего флота подъ Цусимой, чтобы они рѣшились громко сказать то, что у нихъ давно служило злобой дня при бесѣдѣ между собой въ своемъ интимномъ товарищескомъ кругу?

Видя вкоренившіяся злоупотребленія, узаконенное бездѣліе, растлѣвающее вліяніе ложныхъ началъ, внесенныхъ въ дѣло боевой подготовки личнаго состава, многимъ давно уже очевидно было, что крушеніе нашихъ морскихъ силъ неминуемо при

первой встрѣчѣ съ врагомъ; —что это искусственно взрощенное чрезмѣрными заботами Императора Александра III оранжерейное растеніе погибнетъ при первомъ дуновеніи суровыхъ требованій войны. Но кто же позволилъ бы себѣ высказать откровенно слово правды, задѣвающее отборнѣйшій у насъ родъ оружія, пользующійся наибольшими привилегіями и нѣжными заботами, комплектуемый сливками аристократіи, мнящій себя, помимо всего, и наиболѣе образованнымъ! Неудивительно, что одинъ изъ талантливыхъ публицистовъ „Новаго Времени", кн. А. М. Волконскій приходитъ къ такому безпощадному выводу о современномъ состояніи нашихъ морскихъ силъ: „Безпристрастіе заставляетъ признать, что какъ ни повинны мы, всѣ и каждый, въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Россію, но ни въ одной отрасли государственнаго механизма всеобщее разложеніе не сказалось въ такой мѣрѣ, какъ во флотѣ. Морская политика выразилась въ отсутствіи станцій на міровыхъ путяхъ, морская стратегія—въ неправильномъ распредѣленіи флота между Владивостокомъ и Артуромъ; морская тактика—въ мирной высадкѣ японцевъ у Бицзыво, часахъ въ 5-ти отъ артурской эскадры; морская техника — въ частыхъ бѣдствіяхъ отъ собственныхъ минъ, въ недолетавшихъ или не разрывавшихся снарядахъ. Нужно ли повторять общеизвѣстное о подборѣ начальниковъ, о недостаточной близости офицеровъ къ командамъ, о безсистемности и ошибкахъ кораблестроенія и о горшемъ всего—о флотѣ, какъ очагѣ военнаго бунта"...

Какъ только Японія окончила свою побѣдоносную войну съ Китаемъ и убѣдилась по вынужденному Симоносекскому договору, что главная опас-

ность осуществленію ея завѣтныхъ стремленій угрожаетъ со стороны Россіи—какъ сейчасъ же начала съ удвоенною энергіею готовиться къ этой войнѣ. Еще продолжались мирные переговоры въ Симоносекахъ съ уполномоченнымъ китайскаго правительства Ли-хун-чжаномъ, шла оживленная дипломатическая переписка съ правительствами Россіи, Германіи и Франціи, выступившими противъ завоевательныхъ плановъ Японіи на материкѣ Азіи, — а тѣмъ временемъ японское правительство, какъ сказано выше, вызвало уже контрагентовъ изъ Америки для принятія огромныхъ заказовъ по выполненію обширной судостроительной кампаніи. Не довольствуясь сдѣланными заказами, Японія въ 1897 году предприняла вторую судостроительную кампанію, которая была закончена въ 1903 году.

Со своей стороны и Россія, вслѣдъ за занятіемъ Портъ-Артура, начала также дѣятельно готовиться къ возможной войнѣ на Дальнемъ Востокѣ и приступила раньше всего къ усиленію своихъ морскихъ силъ въ водахъ Тихаго океана; съ этой цѣлью въ распоряженіе морского вѣдомства было ассигнованно свыше 150 милл. рублей, которыми обезпечивалось выполненіе обширной судостроительной программы. Но выполненіе сдѣланныхъ заказовъ оказалось невозможнымъ одновременно съ усиленіемъ японскаго флота; такъ что къ началу войны морскія силы Россіи и Японіи въ водахъ Великаго океана представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Россіи:	Число судовъ.	Орудій крупнаго калибра.
Эскадренныхъ броненосцевъ . .	7	190
Крейсеровъ бронепалубныхъ. . .	9	112
„ броненосныхъ. . . .	4	132
„ вспомогательныхъ и др.	4	30
Канонерки и береговой обороны .	7	28
Миноносцевъ	37	24
Всего боевыхъ судовъ .	66	516

Въ Японіи:	Число судовъ.	Орудій крупнаго калибра.
Эскадренныхъ броненосцевъ . .	7	220
Крейсера бронепалубные	18	224
„ броненосные	9	241
„ вспомогательные и др. .	7	48
Канонерки и берег. обор.	13	66
Миноносцевъ	106	20
Всего боевыхъ судовъ .	160	819

Изъ простого сравненія видно, что ко времени дипломатическихъ переговоровъ конца 1903 года, когда явно назрѣвала война между Россіей и Японіей, морскія силы послѣдней въ районѣ ожидавшагося столкновенія почти вдвое превосходили силы нашей тихоокеанской эскадры, что уже въ немалой степени предвѣщало пораженіе нашему флоту въ самомъ началѣ кампаніи. При такихъ условіяхъ является удивительнымъ легкомысліе адмирала Алексѣева, который именно къ этому времени ввелъ поправку въ выработанный планъ войны, заключавшуюся въ томъ, что — „возможность пораже-

нія нашего флота въ открытомъ бою исключается". Мало того, съ цѣлью воздѣйствовать на японское правительство и подвинуть впередъ дипломатическіе переговоры, которые велись въ концѣ 1903 года, адмиралъ Алексѣевъ проектировалъ демонстративный выходъ нашей эскадры въ Корейскій проливъ, чтобы устрашающимъ образомъ подѣйствовать на Японію.

Не менѣе предусмотрительно Японія предупредила насъ и въ вооруженіяхъ сухопутныхъ силъ. Немедленно по окончаніи войны съ Китаемъ въ Японіи принялись съ лихорадочной поспѣшностью за реорганизацію арміи;—значительно раздвинуты были кадры всѣхъ родовъ оружія и войскъ вспомогательныхъ; увеличены были контингенты запасныхъ и резервистовъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ военное время численность сухопутной арміи могла бы быть доведена до 700 тыс. человѣкъ. И Японія этого дѣйствительно достигла во время минувшей войны, сосредоточивъ противъ нашей Сыпингайской позиціи во время мирныхъ переговоровъ — т. е. послѣ 18—20 мѣсяцевъ войны—свыше 700 тыс. человѣкъ. Еще въ 1895 году, чествуя меня обѣдомъ въ Токіо, японскіе офицеры генеральнаго штаба старались увѣрить, что, въ случаѣ серьезной опасности государству, Японія выставитъ для наступательной войны не менѣе полъ-милліонной арміи; „а внутри страны, при войнѣ оборонительной", прибавляли японцы, „мы свободно выставимъ и милліонную армію; — у насъ тоже 45 милліоновъ населенія какъ и въ Германіи, которая въ 1870 году выставила въ полѣ милліонъ войскъ. Мы такіе же патріоты, какъ и нѣмцы".

Пусть это застольное бахвальство, отдающее

наивностью, но кто знаетъ крайнюю выдержку японцевъ—въ особенности въ вопросахъ военно-политическаго характера,—согласится, что это вырвалась наружу затаенная мысль, обусловленная обстоятельствами времени. Притомъ же все это неожиданно быстро подтвердилось на дѣлѣ. Уже къ 1903 году закончена была реорганизація арміи, значительно увеличившая числительность дѣйствующихъ войскъ; пѣхота была вооружена наиболѣе дальнобойной винтовкой, благодаря тому, что приняли наиболѣе радикальный калибръ въ 6½ милим., на что не рѣшилась ни одна европейская армія (за исключеніемъ швейцарской), ограничившіяся при перевооруженіи пѣхоты магазинными ружьями калибромъ въ 7½—8 милим. Артиллеріи пѣшей и горной дали скорострѣльную дальнобойную пушку, дѣйствующую снарядами двоякаго рода—шрапнелью для пораженія войскъ, и бризантной гранатой, названной у насъ „шимозой", одинаково пригодной и для пораженія войскъ и для разрушенія закрытій и земляныхъ укрѣпленій.

Много у насъ писали и говорили про неудовлетворительность конскаго состава въ японской кавалеріи и артиллеріи. Все это завѣдомо раздувалось, чтобы показать возможно болѣе ярко ничтожество противника, съ которымъ намъ предстоитъ имѣть дѣло. Запѣвалами такого разудалаго патріотическаго шиканья являлись многіе борзописцы въ нашей печати, гдѣ японцы высмѣивались на всевозможные лады: японскія лошади въ кавалеріи и артиллеріи рисуются въ видѣ дохлыхъ клячъ, которыя „надо взять сначала за хвостъ и за голову и поставить на-ноги" прежде чѣмъ сѣдлать или аммуничить;

японскіе всадники представляются въ самомъ каррикатурномъ видѣ. На что, казалось бы, японскіе пѣхотинцы владѣютъ несомнѣнно крѣпкими ногами и во всемъ мірѣ извѣстны были какъ искусные пѣшеходы—да иначе и думать нельзя было про родину *джинрикшей*, гдѣ человѣкъ своими ногами и мускулами замѣняетъ лошадь; но позволилъ себѣ одинъ изъ наблюдателей военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ, во время подавленія боксерскаго возстанія, высказать на страницахъ „Русскаго Инвалида“ эту общепризнанную истину,—что японцы отличаются выносливостью въ походныхъ движеніяхъ—какъ сейчасъ-же на него обрушились опоненты,—что этого быть не можетъ, что русскій солдатъ ростомъ въ полтора раза больше японскаго и шагаетъ поэтому въ полтора раза скорѣе и дальше.

Намъ пришлось наблюдать дѣйствія японскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія на маневрахъ въ 1895 году, и впечатлѣнія, вынесенныя изъ этихъ наблюденій, были доложены начальству Приамурскаго военнаго округа въ особой запискѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ тѣ же маневры наблюдались нашимъ военнымъ агентомъ въ Японіи и—находя то, что искалъ—онъ пришелъ къ заключенію, что вооруженныя силы Японіи немногимъ выше китайскихъ,—что тактическая подготовка ихъ ниже всякой критики, вооруженіе и конскій составъ оставляютъ желать лучшаго, командный персоналъ отличается лишь подражательными способностями, проявляющимися въ автоматическомъ повтореніи пріемовъ преподанныхъ нѣмецкими инструкторами и т. п. О своихъ близорукихъ наблюденіяхъ и ложно обоснованныхъ выводахъ нашъ военный агентъ счелъ

необходимымъ повѣдать русскимъ военнымъ читателямъ особой статьей въ „Военномъ Сборникѣ“, которая чрезвычайно пришлась по вкусу легкомысленнымъ людямъ, склоннымъ всегда убаюкивать тревожныя опасенія хотя бы мимолетнымъ словомъ успокоенія. Тѣмъ не менѣе эта статья передъ войной служила достовѣрнѣйшимъ источникомъ для популяризаціи въ нашемъ обществѣ превратныхъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ Японіи. Мало того—на особомъ докладѣ, представленномъ авторомъ этой статьи бывшему военному министру генералъ-адъютанту Куропаткину, гдѣ излагались, конечно, тѣ же выводы, которые помѣщены были въ „Военномъ Сборникѣ“, какъ говорятъ, военнымъ министромъ была сдѣлана надпись, что онъ съ удовольствіемъ констатируетъ мнѣніе человѣка „воздержавшагося отъ преувеличенія силъ и значенія противника“...

Въ этомъ весь фокусъ:—не нарушай покой начальства, рапортуй неизмѣнно „все обстоитъ благополучно“ и—это будетъ лучшимъ показателемъ и служебнаго такта, и патріотическаго пыла. Но—Боже упаси высказывать откровенно слово правды, зная, что это не понравится начальству. Попробовалъ было сказать такое слово генеральнаго штаба полковникъ Агапѣевъ, погибшій трагически вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ, и онъ былъ военнымъ министромъ приравненъ къ измѣнникамъ и предателямъ своей родины. Дѣло въ томъ, что незадолго передъ войной осенью 1901 г. полковникъ Агапѣевъ дѣлалъ соообщеніе въ Русскомъ Собраніи о военно-политическомъ положеніи Россіи на Дальнемъ Востокѣ. Какъ надлежало ожидать отъ каждаго изслѣдователя, незакрывающаго глаза на дѣйствительность,

какъ бы она неприглядна ни была, полковникъ Агапѣевъ пришелъ къ заключенію, что боевая подготовка Россіи на тихоокеанскомъ побережьѣ весьма слаба, что положеніе наше на этой окраинѣ, въ виду выросшаго военнаго значенія Японіи, продолжающей энергично свои вооруженія, внушаетъ самыя серьезныя опасенія. Нѣкоторые выводы лектора какими-то путями стали извѣстны всевѣдающимъ англійскимъ корреспондентамъ, черезъ которыхъ проникли на столбцы газеты „Times", а оттуда позаимствованы были „Новымъ Временемъ" и „С.-П.-Бургскими Вѣдомостями". Завязалась цѣлая „дипломатическая" переписка между нашими министрами иностранныхъ дѣлъ и военнымъ: первый категорически воспротивился допустить полковника Агапѣева къ вступленію въ должности военнаго агента въ Соединенныхъ Штатахъ, на которую онъ незадолго передъ тѣмъ былъ уже назначенъ,—конечно съ согласія министра иностранныхъ дѣлъ.

Незаконнымъ путемъ, вопреки почти единогласному мнѣнію всѣхъ министровъ, втянувъ Россію въ занятіе Портъ-Артура, гибельное для насъ въ военномъ отношеніи и хищническое съ точки зрѣнія международнаго права, бывшій тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Муравьевъ, весьма естественно негодовалъ противъ всякаго луча свѣта, могущаго освѣтить назрѣвавшія уже въ то время грозныя послѣдствія его легкомысленныхъ авантюръ на Дальнемъ Востокѣ. Генералъ Куропаткинъ придерживался, къ сожалѣнію, тѣхъ же взглядовъ; и на докладѣ о сообщеніи полковника Агапѣева, какъ говорятъ, сдѣлалъ надпись, что—„такіе взгляды могутъ высказывать лишь враги Россіи"; авторъ этихъ взглядовъ

былъ подвергнутъ гоненію, и ему угрожалъ даже остракизмъ изъ генеральнаго штаба. И—все это только потому, что онъ позволилъ себѣ высказать взглядъ объ опасномъ положеніи Россіи на нашей далекой окраинѣ и полномъ несоотвѣтствіи тамъ численности нашихъ вооруженныхъ силъ въ отношеніи поставленныхъ имъ для осуществленія государственныхъ задачъ.

Неизвѣстно, насколько генералъ Куропаткинъ измѣнилъ свой взглядъ по этому вопросу послѣ своей поѣздки въ Японію въ 1903 году, но замѣтныхъ мѣропріятій по увеличенію нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ-Востокѣ не видно было и послѣ этой поѣздки, — если не считать отправку двухъ бригадъ отъ 31 и 35 пѣхотныхъ дивизій, произведенную въ іюнѣ 1903 года „для испытанія провозоспособности Сибирской желѣзной дороги“. Повидимому, предполагали, что эта мѣра произведетъ устрашающее дѣйствіе на японское правительство и заставитъ его быть болѣе сговорчивымъ; а на самомъ дѣлѣ эта плохо замаскированная угроза, по ничтожности представляемой ею реальной силы, повлекла за собою результаты обратнаго свойства—заставила японское правительство бросить надежду на мирное улаженіе переговоровъ, усилить свои вооруженія и скорѣй перейти отъ словъ къ дѣлу.

Какую силу могли представить собою двѣ бригады съ весьма слабымъ мирнымъ составомъ, безъ запасовъ, безъ обозовъ, которыхъ—какъ хорошо извѣстно было японцамъ—не имѣлось также и на Дальнемъ Востокѣ? Вообще, эта затѣя съ „испытаніемъ провозоспособности“ и по замыслу, и по выполненію представляетъ собою вполнѣ наивное бряца-

ніе оружіемъ, которое въ наше время международныхъ отношеній, учитывающихъ только дѣйствительныя силы со всей аккуратностью, обусловливаемой важностью этого вопроса, не производитъ никакого дѣйствія. Еще въ 1879 году, когда опасались войны съ Англіей послѣ появленія англійской средиземной эскадры въ Безикской бухтѣ, правительство наше также задумало произвести диверсію по направленію къ Индіи со стороны Средней Азіи; собранъ былъ небольшой отрядъ всѣхъ родовъ оружія подъ Самаркандомъ и всѣми мѣрами раздували значеніе и размѣры задуманнаго похода, пренаивно полагая, что этотъ „Джамскій походъ“ произведетъ на англичанъ надлежащее впечатлѣніе, и совершенно забывая при этомъ, что отъ Джама до границъ Индіи остается еще дистанція огромнаго размѣра, о которой англичанамъ хорошо извѣстно. Конечно, въ дипломатическомъ отношеніи результаты этой демонстраціи были равны нулю, и памятникомъ всей этой наивной затѣи осталось огромное кладбище, выросшее на мѣстѣ кратковременной стоянки Джамскаго отряда, большая часть котораго легла въ могилу жертвой свирѣпствующей здѣсь смертельной лихорадки.

Въ послѣднее время подобныя дипломатическія диверсіи стали замѣнять „опытами провозоспособности“. Въ первый разъ такое испытаніе провозоспособности было произведено въ 1900 году по Закаспійской и Мургабской желѣзной дорогѣ съ одной изъ стрѣлковыхъ бригадъ. Каковы были результаты этого опыта въ области дипломатическихъ сношеній покрыто мракомъ неизвѣстности; зато масса безполезныхъ жертвъ, унесенныхъ смертельными лихорадками

во время пребыванія стрѣлковъ подъ Кушкинской крѣпостью, останутся надолго въ памяти стрѣлковъ, пережившихъ этотъ безплодный „опытъ“.

О томъ какъ японцы изучали нашу окраину, готовясь къ войнѣ съ нами, писалось уже не мало и достаточно хорошо извѣстно. Нельзя сказать, что власти наши были недостаточно строги, и что онѣ грѣшатъ вообще попустительствомъ въ этомъ отношеніи. Напротивъ, весьма зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы нескромный глазъ не видѣлъ то, чего не слѣдуетъ. Къ сожалѣнію, эта предосторожность касалась часто, главнымъ образомъ, своихъ собственныхъ офицеровъ, которымъ чрезвычайно затруднялась всякая возможность осмотра береговыхъ батарей, сдѣлать когда-нибудь фотографическій снимокъ, или даже просто появиться, напримѣръ, въ окресностяхъ Владивостока съ фотографическимъ аппаратомъ въ рукахъ, хотя бы очень далеко отъ всякихъ стратегическихъ и тактическихъ пунктовъ. Въ отношеніи собственныхъ офицеровъ эти строгости были такъ неумолимы, что былъ даже фактъ такого рода: когда адмиралъ Басаргинъ, находясь проѣздомъ во Владивостокѣ, пожелалъ осмотрѣть береговую батарею *своего имени*, то онъ не былъ допущенъ туда безъ записки коменданта...

Зато японскіе офицеры колесили по нашей окраинѣ до Иркутска и въ качествѣ офиціальныхъ гостей, и въ роли тайныхъ соглядатаевъ,—иногда даже при благодушномъ пренебреженіи нашихъ властей, которыя высказывали по этому вопросу и такую премудрую сентенцію: „пусть ихъ смотрятъ какъ у насъ все хорошо налажено, по крайней мѣрѣ крѣпко подумаютъ прежде чѣмъ сунуться съ нами въ драку“...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, мы съ своей стороны ничего не дѣлали, чтобы узнать какъ налажено все въ Японіи.

Сдѣлана была у насъ слабая попытка ознакомить наши войска Дальняго Востока съ вооруженными силами Японіи, значеніе которыхъ въ достаточной мѣрѣ опредѣлилось уже во время японско-китайской войны,—несмотря на то, что въ официальныхъ донесеніяхъ нашего военнаго агента дѣйствія японскихъ войскъ приравнивались къ „войнѣ съ обозначеннымъ противникомъ“. Попытка эта заключалась въ томъ, что командующимъ войсками приамурскаго военнаго округа, покойнымъ С. М. Духовскимъ, предложено было разрѣшить ежегодно 2—3 строевымъ офицерамъ отправляться въ отпускъ въ Японію на 2—3 мѣсяца, пользуясь небольшой денежной поддержкой на эту поѣздку въ 300—400 рублей, за которую офицеръ долженъ былъ представить „какой-нибудь отчетъ о томъ, что онъ видѣлъ“. Конечно, первые же „отчеты“ убѣдили въ совершенной безплодности этой мѣры: что могъ видѣть и понимать въ иностранной арміи юный поручикъ, безъ всякой соотвѣтствующей подготовки, при полномъ незнаніи иностранныхъ языковъ?...

Какъ, въ дѣйствительности, нужно относиться къ командировкамъ подобнаго рода, мы видимъ теперь на примѣрѣ Германіи и Франціи: въ первой—въ нынѣшнемъ году съ тщательной осмотрительностью избраны для командировки въ Японію четыре офицера всѣхъ родовъ оружія въ чинѣ капитана; всѣ они предварительно должны были изучить японскій языкъ въ Берлинской „восточной семинаріи“, и кромѣ того, подготовляются еще для своей задачи особымъ об-

разомъ при генеральномъ штабѣ. Во Франціи избраны офицеры, также спеціально подготовившіеся для этой командировки и заявившіе себя своими трудами въ военной литературѣ. У насъ въ такихъ случаяхъ привыкли смотрѣть на подобныя назначенія какъ на выгодныя командировки, которыя предоставляются офицерамъ совершенно независимо отъ всякихъ соображеній, связанныхъ съ пользой дѣла. Изъ многочисленныхъ примѣровъ въ этомъ отношеніи достаточно указать, хотя бы, на одинъ слѣдующій: когда послѣ продолжительныхъ настояній намъ удалось добиться согласія англійскаго правительства на командированіе иногда офицеровъ генеральнаго шаба въ Индію, то назначались офицеры, нуждавшіеся въ матеріальной поддержкѣ, или по инымъ соображеніямъ; но во всѣхъ случаяхъ ни одинъ изъ командируемыхъ не зналъ даже англійскаго языка, не говоря уже о какой-нибудь спеціальной подготовкѣ для такого назначенія. Само собою разумѣется, что, за однимъ—двумя исключеніями, знанія наши объ индобританскихъ вооруженныхъ силахъ, при посредствѣ подобныхъ поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба, не обогатились новыми свѣдѣніями.

Такимъ образомъ всѣ наши свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ Японіи исчерпывались официальными донесеніями нашего военнаго агента. Между тѣмъ, находившійся въ Японіи нашъ военный агентъ, какъ упомянуто было выше, склоненъ былъ, вообще, всячески умалять значеніе вооруженныхъ силъ японскихъ и ихъ боевую подготовку. Весьма вѣроятно, что эти донесенія въ значительной степени повліяли на ходъ нашихъ приготовленій на Дальнемъ Востокѣ, вслѣдствіе чего вспыхнувшая война и захватила насъ

неподготовленными. То же самое случилось и съ предшествовавшей войной съ Турціей въ 1877 году: и тогда военный агентъ нашъ въ Константинополѣ доносилъ о ничтожности вооруженныхъ силъ турецкихъ, благодаря чему мы начали войну съ дѣйствующей арміей въ 180 тыс., а затѣмъ пришлось вызвать и гвардію, и гренадеръ;—въ результатѣ, вмѣсто того, чтобы покончить войну въ 4—6 мѣсяцевъ, какъ предполагалось сначала, пришлось возиться $1^1/_2$ года. Если бы—какъ тогда въ Турціи, такъ и теперь въ Японіи—кромѣ единственныхъ военныхъ агентовъ у насъ имѣлись бы и другіе офицеры, непосредственной службой изучившіе арміи нашихъ противниковъ, то, по всей вѣроятности, у насъ имѣлось бы и болѣе правильное представленіе о тѣхъ вооруженныхъ силахъ, съ которыми намъ пришлось считаться.

Всѣмъ извѣстно, что наши военные агенты при иностранныхъ арміяхъ, въ большинствѣ случаевъ, не работники, а *представители* своей арміи: они не столько работаютъ надъ кропотливымъ изученіемъ всевозможныхъ мелочей по организаціи и обученію разныхъ родовъ оружія, сколько „представительствуютъ" въ торжественныхъ случаяхъ, увеличивая внѣшній декорумъ парадной обстановки обиліемъ и разнообразіемъ военныхъ мундировъ. Необходимо и то признать, что наши военные агенты, состоя въ качествѣ военныхъ аташе при дипломатическихъ посольствахъ, отвыкаютъ отъ всякой работы, охотно предаваясь традиціонному сибаритству дипломатовъ, которые вѣками привыкли смотрѣть на себя какъ на людей, призванныхъ проводить жизнь въ пріятномъ бездѣліи; хорошо извѣстно, что, напримѣръ, посланникъ нашъ въ Японіи, во время и послѣ окон-

чанія японско-китайской войны, несмотря на оживленные дипломатическіе переговоры, которые велись тогда съ Японіей,—несмотря на объявленную у насъ мобилизацію и возможность объявленія войны,—преспокойно жилъ себѣ круглый годъ на дачѣ въ Іокагамѣ подъ предлогомъ ремонта посольскаго дома, а на самомъ дѣлѣ—предпочитая этотъ европейскій городъ съ его развлеченіями скучному и пыльному Токіо. Примѣру посланника подражалъ и его военный аташе, который въ это время въ Японію не заглядывалъ вовсе, предпочитая жить въ шумномъ Шанхаѣ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ наше правительство было мало освѣдомлено объ истинномъ направленіи политики въ Токіо, или о положеніи вооруженныхъ силъ нашихъ противниковъ. Между тѣмъ, японскіе офицеры въ большихъ и малыхъ чинахъ, явно и тайно, тогда уже колесили по всему приамурскому краю и нашему тихоокеанскому побережью, изучая обороноспособность края и наши вооруженныя силы.

Насколько, вообще, оказались несостоятельными наши расчеты на случай войны съ Японіей видно изъ того, что у насъ признавалось достаточнымъ для этой войны имѣть всего лишь 165 тысячную армію въ составѣ четырехъ сибирскихъ и двухъ армейскихъ (10 и 17 изъ Европейской Россіи) корпусовъ, не считая гарнизоновъ Портъ-Артура (въ 37 тыс. челов.) и Владивостока (30 тыс. чел.). А въ дѣйствительности, какъ извѣстно, мы при достаточной долѣ „терпѣнія“, послѣ 20 мѣсяцевъ войны, проиграли кампанію послѣ сосредоточенія на театръ войны свыше милліона войскъ, имѣя въ послѣднюю минуту 700 тысячную армію на Сыпингайской позиціи.

ГЛАВА IV.

Грянула война.

Грянула неожиданно. Пріѣздъ изъ Портъ-Артура въ отпускъ помощника главнаго военнаго инженера крѣпости. Непосредственное извѣстіе отъ намѣстника. Войны не будетъ. Мы развлекаемся въ клубѣ. Взрывъ нашихъ броненосцевъ. Объявленіе войны. Штабная работа. Обработка общественнаго мнѣнія. Пріѣздъ въ нашу провинцію офицеровъ генеральнаго штаба изъ столицы въ качествѣ гастрольныхъ лекторовъ о войнѣ и Японіи. Мобилизація и импровизація. Карты театра войны. Назначеніе генералъ-адъютанта Куропаткина командующимъ Маньчжурской арміей. Приготовленіе къ походу. Выворачиваніе казеннаго кармана:—суммы экономическія, дождь денежныхъ пособій офицерамъ.

Пока фактическая подготовка къ войнѣ подвигается черепашьимъ шагомъ, канцелярская переписка по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ какую-нибудь связь съ этимъ предметомъ, идетъ ускореннымъ темпомъ съ возрастающей энергіей. Мы знаемъ, что корпусъ нашъ подлежитъ немедленной отправкѣ на войну, какъ только она будетъ объявлена, поэтому вопросъ о войнѣ и мирѣ для насъ имѣетъ, помимо всего, вполнѣ реальное значеніе: мы готовимся и ждемъ мобилизаціи для военнаго похода на протяженіи въ 8—10 тысячъ верстъ. Мы интересуемся газетами уже не ради политики, а по побужденіямъ чисто кон-

кретнымъ. Но газеты изо-дня въ день раскачиваются какъ маятники, то въ сторону мира, то въ сторону войны.

Наши колебанія рѣшилъ пріѣхавшій изъ Портъ-Артура въ 20-хъ числахъ января 1904 года главный инженеръ крѣпости К. И. Дубицкій; намѣстникъ, адмиралъ Алексѣевъ, отпустилъ его въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ изъ Портъ-Артура въ Европейскую Россію:—„поѣзжайте себѣ въ отпускъ, приведите себя въ порядокъ. Здѣсь у насъ не предвидится никакой тревоги“....

Эти слова сказаны намѣстникомъ въ началѣ января, а мы узнали про это въ концѣ января. Можно-ли послѣ этого ожидать войны? Вѣдь эти слова сказаны *намѣстникомъ*, вершителемъ судебъ Дальняго Востока, которому переданы въ руки всѣ переговоры дипломатическіе и все рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ. И если намѣстникъ отпускаетъ на четыре мѣсяца главнаго инженера крѣпости, на которую неминуемо должны обрушиться первые удары въ случаѣ войны, то ясно, что—по крайней мѣрѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ—крѣпости не угрожаетъ никакой опасности.

Начальникъ штаба N—ой дивизіи подѣлился со своимъ начальникомъ дивизіи успокоительными извѣстіями, которыя артурскій инженеръ привезъ изъ нѣдръ сокровеннѣйшихъ тайниковъ, гдѣ сходились нити о войнѣ и мирѣ. На генерала эти успокоенія подѣйствовали какъ цѣлительный бальзамъ. Все время онъ былъ подъ гнетомъ тревожныхъ толковъ о войнѣ; наша дивизія предназначена была на Дальній Востокъ одной изъ первыхъ въ случаѣ войны, испытать которую, послѣ полученной уже раны во

время русско-турецкой войны, нашему доброму генералу очень не хотѣлось.

— „Знаете, что я васъ попрошу“, обратился начальникъ дивизіи къ своему н—ку штаба—„сочините вы мнѣ, пожалуйста, письмо командиру корпуса, чтобы онъ похлопоталъ устроить меня гдѣ-нибудь и какъ-нибудь; не могу отправиться съ дивизіей на войну;—и здоровье мое не крѣпкое, и голова не работаетъ для тактики, или тамъ для стратегіи. Пусть ужъ молодые воюютъ“....

А тутъ, вдругъ, инженеръ изъ Артура привезъ „отбой“.

Вспомнилъ генералъ, что вотъ на-дняхъ пріѣхалъ изъ М. полковникъ К., который привезъ извѣстіе, исходящее отъ очень высокопоставленной персоны, что войны не будетъ.

— „Больше всего вѣрю такому вещественному доказательству какъ инженеръ изъ Артура“, замѣтилъ нашъ генералъ. Можно допустить въ штабѣ маленькую передышку. Пойдемте поэтому завтра въ клубъ. Я скажу и полковнику К. и капитану Ш. Мы поиграемъ на билліардѣ и закусимъ дробную солянку, которую приготовятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ капитана и полковника, пока мы будемъ палками шары толкать“.

Привыкшій къ дисциплинѣ начальникъ штаба, конечно, охотно согласился исполнить желаніе своего начальника относительно шаровъ и солянки. Полковникъ К. и капитанъ Ш. оказались не менѣе дисциплинированными, и мы, сидя въ клубѣ, не замѣтили какъ минула полночь роковой ночи съ 26 на 27 января, когда японцы напали на нашу эскадру подъ Портъ-Артуромъ....

Увлекшись всякими „смѣшеніями“ и „сочетаніями“ солянки „дробной“, „густой“ и „жидкой“, съ „бургундіей“, „шампетромъ“ и „венгріей“,—мы не обратили вниманія на необычайную тишину, водворившуюся неожиданно въ смѣжной съ нами карточной комнатѣ,—не замѣтили, что тамъ почему-то внезапно оборвались и замолкли оживленные споры винтеровъ. Черезъ минуту въ дверяхъ нашего кабинета—партикульера показался мѣстный дѣятель, помѣщикъ и земецъ Т.

— „Слышали? Ваше-ство,—Война!“

— „Какъ война! Нѣтъ, батюшка, у насъ есть вещественное доказательство изъ Портъ-Артура, что войны не будетъ. Присаживайтесь лучше къ намъ и начните вотъ съ „дробной“, потомъ вставьте перегородочку изъ бургундіи и подлейте „жидкой“. Успокойтесь, войны нѣтъ и не будетъ“.

— „Однако, Ваше—ство, война уже началась. Японцы взорвали уже нашъ флотъ подъ Артуромъ. Сейчасъ получена агентская телеграмма. Японцы ночью подкрались къ нашей эскадрѣ и минами повреждены и выведены изъ строя три лучшихъ нашихъ броненосца: „Ретвизанъ“, „Севастополь“ и „Паллада“...

Нельзя сказать, чтобы это съ ногъ-сшибательное извѣстіе, при всей своей неожиданности, произвело бы достодолжный эффектъ, на который имѣло право: въ карточной комнатѣ, послѣ минутной паузы, опять вспыхнули споры о бубнахъ и пикахъ, а наше засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ генерала, занялось вопросомъ о дессертѣ. Капитанъ Ш., впрочемъ, предложилъ переговорить по телефону съ губернаторскимъ чиновникомъ особыхъ порученій,—онъ же

агентъ оффиціальнаго телеграфнаго агенства и редакторъ мѣстныхъ пустопорожнихъ „Кокшайскихъ вѣдомостей“—чтобы удостовѣриться въ правдивости распространившагося извѣстія.

— „Но, позвольте, Мартимьянъ Ксенофонтычъ, какъ же это въ нашъ захудалый Кокшайскъ, такъ скоропалительно могло добраться извѣстіе изъ Портъ-Артура о событіи, которое, по вашимъ же словамъ, случилось *сейчасъ*—ночью; а въ настоящую минуту мы имѣемъ только часъ-два послѣ полуночи?“.

Послѣ горячихъ дебатовъ мы должны были согласиться, что физически это совершенно возможно, если принять во вниманіе разницу во времени между Портъ-Артуромъ и Петербургомъ, составляющую около 8—9 часовъ. За такой большой промежутокъ времени, при нашей спячкѣ и прыткости японцевъ, нашъ юркій врагъ успѣетъ нагадить намъ паки и паки, а мы, разинувъ ротъ, будемъ удивляться и хлопать себя по бедрамъ.

— „Не будемъ удивляться, господа, если когда-нибудь извѣстія, по времени будутъ упреждать событія. Съ Дальнымъ Востокомъ однажды такой курьезъ уже случился: умеръ скоропостижно приамурскій генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ въ *11 часовъ ночи*; въ теченіе $^1/_4$ часа телеграмма о его смерти была передана и получена въ Петербургѣ, гдѣ было только *4 часа дня*, когда баронъ еще здоровехонькимъ сидѣлъ за обѣдомъ, готовясь къ балу, который у него былъ въ этотъ вечеръ“.

— „Вотъ то-то и есть“, подхватилъ земецъ. Система упрежденія гармонируетъ съ общимъ укладомъ нашей жизни. Вспомните споръ русскаго городничаго съ англійскимъ, который доказывалъ превос-

ходство лондонской полиціи потому, видите ли, что въ Лондонѣ всякій поджогъ, убійство, воровство и прочее должны быть раскрыты и преступники найдены не позже *трехъ* дней послѣ обнаруженія преступленія.

— „Эка важность, нашелъ чѣмъ кичиться", возразилъ нашъ Кузьма Дмухановскій:—„не *позже* трехъ дней! Да у насъ *за три* дня извѣстно, гдѣ кому перепадетъ".

— „Однако,—какъ же это „вещественное доказательство" отъ адмирала Алексѣева? Какъ же теперь быть крѣпости безъ инженера, который теперь наслаждается кэкъ-вокомъ и мелодіями изъ „Зеленаго острова", пока японцы, можетъ быть, подбираются къ незаконченнымъ валгангамъ и невооруженнымъ береговымъ батареямъ?"

— „Нѣтъ ничего новаго подъ луной, другъ Горацiо, возьмите вотъ дюшессъ и налейте мнѣ изъ той жидкости божественныхъ монаховъ".

— „Война, такъ война!", оживился вдругъ полковникъ К.—„Будемъ воевать. Ужъ я себѣ георгіевскій крестъ добуду. Весь полкъ свой уложу, а бѣленькій крестикъ у меня непремѣнно будетъ на мѣстѣ вотъ этого Владиміра съ мечами, прибавилъ К., указывая на своего Владиміра въ петлицѣ".

— „А у меня стремленія прозаическаго свойства", вставилъ капитанъ Ш.,—„мнѣ бы въ подполковники какъ-нибудь попасть. Мнѣ вѣдь въ штабѣ дивизіи до смерти сидѣть капитаномъ, если теперь война не поможетъ".

— „Ну, я тоже не чуждаюсь прозы", возразилъ К. „генеральскіе эполеты само собою, а бѣлый крестикъ заработаю, хоть весь полкъ уложу". Мы снова всѣ чокнулись...

Увы! кто изъ насъ тогда думалъ, что судьба такъ зло насмѣхается надъ завѣтными мечтами нашихъ друзей. Судьба дала полковнику К. и крестъ, и генеральскіе эполеты, но..... крестъ надмогильный, около Мукдена, гдѣ похороненъ былъ какъ убитый въ бояхъ на Шахѣ; и эполеты генеральскіе даны были, но—послѣ смерти. Получилъ и капитанъ Ш. такъ долго лѣлѣянные штабъ-офицерскіе эполеты, но—тоже лишь *послѣ* того, какъ погибъ безъ вѣсти во время знаменитаго, отнынѣ и присно, Мукденскаго отступленія...

Только всевластная судьба умѣетъ шутить такъ зло, и такъ безпощадно!

На другой день весь городъ уже зналъ и говорилъ о предательскомъ камуфлетѣ, который выкинули съ нами японцы въ Портъ-Артурѣ. Интересовались, конечно, этимъ финаломъ, имѣя смутное представленіе о предшествовавшихъ событіяхъ на Дальнемъ Востокѣ; знали, что тамъ угрожаютъ намъ боксеры и хунхузы и что съ ними заодно японцы или „макаки“, а пуще всѣхъ намъ „англичанка гадитъ“. Говорю, конечно, про людей грамотныхъ, даже читающихъ ежедневно газеты, обнаруживавшихъ при всемъ томъ удивительное невѣжество какъ въ причинахъ и поводахъ этой войны, такъ и въ нашихъ задачахъ на Дальнемъ Востокѣ вообще. Мнѣ невольно вспомнилась бесѣда съ молодымъ японцемъ по дорогѣ въ Америку, непосредственно послѣ японско-китайской войны: политическія задачи этой войны, теряющіяся въ многовѣковой распрѣ обѣихъ воюющихъ сторонъ за преобладающее вліяніе въ Кореѣ изложены были моимъ собесѣдникомъ съ удивительной ясностью; о дальнѣйшемъ направленіи

Как
Афган

политики Японіи на материкѣ Азіи онъ разсуждалъ какъ присяжный аташе посольства, хотя на самомъ дѣлѣ это былъ скромный приказчикъ у торговца спичекъ. Когда я выразилъ недоумѣніе, что въ Японіи занимаются политикой какъ спичками, молодой японецъ разъяснилъ мнѣ, что въ „элементарной школѣ“, гдѣ онъ кончилъ курсъ, вмѣстѣ съ преподаваніемъ отечественной исторіи знакомятъ учениковъ съ задачами внѣшней политики своей родины, программами политическихъ партій внутри страны и т. п.

Подъ вліяніемъ грянувшей войны работа въ штабѣ дивизіи пошла ускореннымъ темпомъ. Мобилизація у насъ еще не была объявлена, но мы знали давно, что дивизія наша пойдетъ на войну въ скоромъ будущемъ, поэтому должны были ожидать формальнаго объявленія мобилизаціи со дня на день. При такихъ условіяхъ приготовиться было не трудно. Приготовленія, впрочемъ, были чисто бумажнаго свойства: мы пересматривали, заканчивали, исправляли и переписывали разныя „требованія“, отзывы, рапорты; опять „требованія“—больше всего эти требовательныя вѣдомости, которыя у многихъ щекотали аппетитъ своими аппетитными суммами, подлежавшими отпуску съ объявленіемъ мобилизаціи.

Скоро, однако, намъ пришлось заняться подлинной мобилизаціей, хотя и въ мелкомъ масштабѣ: послѣдовало распоряженіе о сформированіи третьихъ баталіоновъ для двухбаталіонныхъ восточно-сибирскихъ полковъ. Полетѣли телеграммы взадъ, впередъ и въ стороны, и —пошла писать губернія. Писанія было тьма, хотя по основному требованію нашего наставленія для мобилизаціи, съ объявленіемъ тако-

вой, не должно быть вовсе, такъ какъ все должно быть выяснено и рѣшено своевременно. Но формированіе этихъ третьихъ баталіоновъ представляло собою мобилизацію, особаго рода, и можно было вопрошать, пояснять и сочинять безъ конца.

Почему, однако, переформированіе восточно-сибирскихъ полковъ должно было непремѣнно вылиться въ формѣ такой скороспѣлой необдуманной импровизаціи—это не только тогда, но и теперь, годъ спустя послѣ войны, намъ никто не объяснитъ. Также не объяснитъ никто, — по какимъ соображеніямъ для формированія третьихъ баталіоновъ въ восточно-сибирскихъ полкахъ потребовали людей и офицеровъ также и отъ 10 и 17 корпусовъ, которые вслѣдъ затѣмъ сами должны были отправиться на театръ войны, а мобилизація ихъ ожидалась со дня на день. Вѣдь это неминуемо ослабляло кадровую стойкость этихъ корпусовъ, которые должны были быть наилучшими по качеству, какъ предназначенные въ первую голову. Въ лучшемъ случаѣ это вносило путанницу въ мобилизацію этихъ корпусовъ наканунѣ приведенія ихъ въ военное положеніе. Между тѣмъ, кромѣ этихъ двухъ, *двадцать пять* другихъ корпусовъ оставались дома, и отъ нихъ, конечно, можно было позаимствовать необходимое число нижнихъ чиновъ и офицеровъ, не разстраивая полки 10 и 17 корпусовъ.

Вѣроятнѣе всего, что эти послѣдніе корпуса попали въ общую разверстку просто въ силу непреложности первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, когда потребовалось необходимое число раздѣлить, затѣмъ сложить, умножить и такъ далѣе; а о дальнѣйшемъ считали, конечно, излишнимъ утруждать свои мозги.

Въ минувшую войну было не мало такихъ злосчастныхъ примѣровъ чисто бумажнаго отношенія въ штабахъ къ вопросамъ чрезвычайной важности. Когда незадолго передъ войной объявлено было новое мобилизаціонное росписаніе и необходимо было, конечно, немедленно ввести это росписаніе въ дѣйствіе, то оказалось, что въ одномъ изъ округовъ окружный штабъ запрещаетъ воинскимъ начальникамъ печатать маршруты гдѣ бы то ни было, исключая штабной типографіи; въ тоже время, въ погонѣ за наживой, эта штабная типографія набрала массу срочныхъ заказовъ отъ войскъ и не можетъ управиться ни съ заказами, ни съ маршрутами. Все это дѣлалось для того, чтобы чины штаба получали на десятокъ рублей больше наградныхъ къ праздникамъ. Благодаря этимъ наградныимъ, введеніе въ дѣйствіе мобилизаціоннаго росписанія опаздало по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ...

По случаю объявленія войны въ городѣ замѣтенъ высокій „подъемъ патріотизма“,—какъ обыкновенно выражаются оффиціальныя телеграммы. Въ дѣйствительности буржуазное населеніе нашего подмосковнаго губернскаго города остается совершенно, повидимому, равнодушнымъ къ кровавому пожару, вспыхнувшему на нашихъ отдаленныхъ дальневосточныхъ задворкахъ.

— Не пробраться апонцамъ къ Москвѣ, либо къ нашему Кокшайску,—успокаивалъ меня знакомый купецъ, владѣлецъ москательнаго магазина въ гостиномъ дворѣ. — Коли французы перемерзли по дорогѣ до Москвы, то апонцы подавно въ Сибири застрянутъ. А что наши броненосцы они помяли маненько, то недолго и починить; а то и другія со-

стряпаемъ, какъ построили и цѣлый флотъ добровольный".

Чтобы настроить наше общественное мнѣніе по надлежащему камертону предпринято было въ N—скомъ военномъ округѣ чтеніе публичныхъ лекцій офицерами генеральнаго штаба о японцахъ, объ ихъ вооруженныхъ силахъ, о странѣ и народѣ и т. п. Лекторы, какъ оказалось, никогда въ Японіи не были и ни одного японца въ жизни не видѣли; поэтому свои свѣдѣнія, съ которыми собирались дѣлиться со своими слушателями, черпали изъ наличной литературы по этому предмету. А такъ какъ общественное мнѣніе надо было настраивать по данному камертону, который во всѣ колокола звонилъ „не подходи ко мнѣ съ отвагой", то литература подбиралась соотвѣтствующимъ образомъ—цитировались статьи изъ подходящихъ газетъ, указывавшихъ, что давно пора было бросить съ японцами всякіе переговоры и взять этихъ маленькихъ зазнавшихся азіатовъ со стола и „поставить подъ столъ". Относительно свѣдѣній военнаго характера, о вооруженныхъ силахъ японцевъ — лекторы вдохновлялись упомянутой выше статьей бывшаго военнаго агента, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ".

Пріѣхали эти лекторы и въ нашъ Кокшайскъ и назначили двѣ публичныхъ лекціи: одну въ дворянскомъ собраніи для большой публики и вторую въ военномъ собраніи—для офицеровъ гарнизона. Для большой публики полагались излишними какія-нибудь положительныя свѣдѣнія о Японіи и японцахъ; а о вооруженныхъ силахъ лекторъ призналъ достаточнымъ на экранѣ показать слушателямъ при помощи волшебнаго фонаря японскаго солдата и по-

яснить значеніе красныхъ рейтузъ и разныхъ другихъ предметовъ обмундированія и снаряженія. При этомъ лекторъ не преминулъ уснастить свое сообщеніе пренаивнымъ третированіемъ японцевъ вслѣдствіе ихъ малаго роста и физической слабости. Вообще, — вся эта, съ позволенія сказать, лекція насыщена была такимъ лягушечьимъ бахвальствомъ, которое всегда ведетъ къ катастрофѣ. Сидѣвшій со мной рядомъ новый начальникъ дивизіи, бывшій раньше военнымъ агентомъ въ Японіи, высказалъ мнѣ тутъ же свое негодованіе за распространеніе завѣдомо, или по умственной слѣпотѣ, такихъ невѣрныхъ свѣдѣній о противникѣ, цѣною которыхъ собираются заручиться отъ толпы дешевымъ патріотизмомъ весьма сомнительнаго свойства.

И дѣйствительно,—какую службу сослужили намъ въ эту войну съ Японіей (и во многія другія, предшествовавшія войны) всѣ хитроумные расчеты, клонившіеся къ тому, чтобы взмылить и подзадорить нашъ традиціонный девизъ „шапками закидаемъ“?—развѣ это помѣшало затѣмъ призваннымъ изъ запаса многимъ нижнимъ чинамъ уклоняться отъ строя даже членовредительствами, которыхъ появилось такое множество, что вызвали даже особый приказъ главнокомандующаго?..

Сообщеніе въ офицерскомъ собраніи было сдѣлано отчасти по тому же шаблону: лекторъ не обмолвился ни однимъ словомъ о положительныхъ качествахъ японскихъ вооруженныхъ силъ, усиленно подчеркивая и раздувая дѣйствительныя или мнимыя отрицательныя стороны японскихъ войскъ. Говоря о тактической подготовкѣ, лекторъ старался внушить слушателямъ, что японцы хотя и продѣлываютъ

съ внѣшней стороны все такъ же, какъ принято въ европейскихъ арміяхъ, но на самомъ дѣлѣ во всей ихъ тактической подготовкѣ видно одно лишь слѣпое подраженіе чужимъ образцамъ, безъ всякаго пониманія ихъ внутренняго смысла. Относительно сторожевой службы японцы характеризовались безпечнѣе турокъ; походныя движенія совершаютъ малыми переходами. Командный составъ, воспитанный въ старой школѣ прежнихъ самураевъ, признавался стоящимъ ниже современныхъ требованій. И такъ во всемъ:—противникъ признавался неспособнымъ выдержать первой встрѣчи съ нашими войсками.

Такая проповѣдь умаленія силъ и значенія противника передъ офицерами гарнизона, назначеннаго уже въ составъ дѣйствующей арміи, была совершенно неумѣстна, но соотвѣтствовала господствовавшему настроенію и даннымъ инструкціямъ.

Но—насъ могутъ спросить—почему же вы сами, зная Японію и японцевъ. вмѣстѣ съ начальникомъ дивизіи, бывшимъ военнымъ агентомъ въ Японіи, не выступили съ соотвѣтствующими поправками къ извращеннымъ выводамъ гастрольныхъ лекторовъ? Это былъ бы упрекъ *несправедливый*. Еще въ 1895 году, послѣ поѣздки по Японіи, я представилъ подробную записку по начальству о вооруженныхъ силахъ Японіи какъ сухопутныхъ такъ и морскихъ, въ которой выводы имѣли предостерегающій и отнюдь не убаюкивающій характеръ. Пытался я и на этотъ разъ, послѣ лекцій гастрольныхъ лекторовъ, высказать нѣкоторыя, очень скромныя, поправки къ легкомысленнымъ выводамъ о ничтожествѣ японскихъ вооруженныхъ силъ. Но сдѣланная въ этомъ отно-

шеніи попытка вызвала сейчасъ-же упреки въ непатріотичности и несвоевременности такихъ поученій, которыя могутъ дѣйствовать на другихъ обезкураживающимъ образомъ: — „проповѣдывать силы непріятеля, хотя-бы онѣ были вполнѣ реальны, значитъ быть гасителемъ нашего собственнаго feu sacré“...

Вотъ что пришлось выслушать отъ начальства. Слишкомъ крѣпко въѣлось въ насъ стремленіе къ самосмакованію. Малѣйшая попытка къ выясненію нашихъ слабостей приравнивается уже къ „самооплеванію“; и такимъ образомъ мы искони предпочитаемъ, по примѣру премудраго страуса, не смотрѣть на угрожающую опасность, а лучше прятать голову подъ собственнымъ крыломъ.

Все время у насъ идутъ усиленныя приготовленія къ мобилизаціи, которая у насъ будетъ объявлена 25 апрѣля. Мы еще въ 1903 году знали, что въ случаѣ войны на Дальнемъ Востокѣ, 10 и 17 корпуса будутъ мобилизованы и отправлены въ составъ дѣйствующей тамъ арміи; поэтому въ настоящее время, послѣ вспыхнувшей уже войны, должны были, конечно, ожидать осуществленія этого проекта и готовиться къ мобилизаціи. Но странными казались всѣ эти мобилизаціонныя работы, распредѣленныя по днямъ и часамъ, расчитанныя на исполненіе въ нѣсколько дней, съ торжественнымъ объявленіемъ, что „первымъ днемъ мобилизаціи считать день такой-то“,—когда мы задолго знаемъ не только-то, что у насъ будетъ мобилизація, но съ точностью знаемъ даже *когда* она у насъ будетъ. Все это обусловливалось, конечно, неизбѣжными обстоятельствами времени: —ожидалась мобилизація частная,

извѣстно какіе корпуса, война уже объявлена и поэтому нѣтъ смысла искусственно обращать ожидаемую мобилизацію въ дѣйство неожиданное и вельми секретное. Но зато пережитая дѣйствительная мобилизація не дала даже намъ опыта повѣрочной мобилизаціи.

Впослѣдствіи извѣстно стало, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ настаивалъ на одновременномъ объявленіи мобилизаціи всѣхъ корпусовъ (10 и 17 армейскихъ и 5 и 6 сибирскихъ резервныхъ), предназначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи, для того чтобы войска имѣли достаточно времени для прохожденія курса стрѣльбы и сплоченія частей послѣ призыва запасныхъ; но этому воспротивился военный министръ въ виду того, что провозоспособность Сибирской желѣзной дороги оказалась весьма слабой—не болѣе 5—6 паръ всего и 3-хъ поѣздовъ спеціально для перевозки войскъ; такъ что пришлось бы корпуса держать въ мобилизованномъ состояніи довольно продолжительное время, а это повлекло бы за собою излишніе расходы казны. Впослѣдствіи событія войны показали, что эта меркантильная экономія дорого обошлась государству; можетъ быть и усиленныя строевыя занятія не могли бы пополнить многочисленныхъ прорѣхъ въ нашей боевой подготовкѣ вообще; а все же одной прорѣхой было бы меньше, и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ могъ впослѣдствіи (20 августа 1904 года) послѣ опрометчиваго отступленія Бузулукскаго и Инсарскаго полковъ подъ Янтайскими копями,—корить военнаго министра, что въ этомъ сказалась недостаточная сплоченность мобилизованныхъ резервныхъ частей, состоящихъ почти изъ однихъ только запасныхъ.

И, пожалуй, онъ былъ правъ. Успѣхъ на войнѣ представляетъ собою равнодѣйствующую многихъ слагаемыхъ; и—если хотя-бы ничтожной величиной тутъ вошла и такая слагаемая, какъ лучшая подготовка запасныхъ въ двухъ резервныхъ корпусахъ, то необходимо было постараться сдѣлать эту слагаемую для насъ положительной, а не отрицательной. Напомнимъ, что рѣчь идетъ про первые мѣсяцы войны, когда внутри Россіи еще было достаточно спокойно и не было никакихъ опасеній за нарожденіе безпорядковъ, которые творились впослѣдствіи запасными, призванными для укомплектованія войскъ дѣйствующей арміи.

Получили карты войны. Славу Богу,—не будетъ повторенія нашей безпечности, которая проявилась во время послѣдней русско-турецкой войны, когда намъ приходилось пользоваться картами австрійскаго изготовленія. Но—увы! и тутъ не безъ изъяна: присланы въ значительномъ количествѣ карты Ляодунскаго полуострова и окрестностей Портъ-Артура, есть и карты Кореи и даже Японіи, но карты Маньчжуріи имѣются лишь въ 20-ти верстномъ масштабѣ и въ ограниченномъ количествѣ. Для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, было тогда покрыто мракомъ неизвѣстности, какія карты намъ понадобятся раньше всего; мы отнеслись съ любовью ко всѣмъ картамъ, распредѣлили и разослали въ полки одинаково „всѣмъ сестрамъ по серьгамъ"; тщательно разгладили и наклеили для штаба дивизіи и окрестности Портъ-Артура, и Японію, и южную Маньчжурію... Но для верховъ арміи, какъ теперь оказывается, и тогда извѣстно было доподлинно какія карты намъ нужны будутъ *раньше всего:* еще въ 1903 году былъ уже

выработанъ планъ войны съ Японіей, по которому извѣстно было, что 10 и 17 корпусамъ нужны не карты Кореи и Квантуна, а Маньчжуріи; но первыхъ имѣлось изобиліе, а вторыхъ почти не было вовсе (къ сѣверу отъ Ляояна и Мукдена); а когда отвѣтственному учрежденію пришлось разослать въ войска карты, оно и разослало то, что имѣлось, руководствуясь мудрымъ завѣтомъ Фамусова—„подписалъ и съ плечъ долой"...

А какъ мы бились затѣмъ неудовлетворительностью картъ во время Шахейской операціи и совершеннымъ отсутствіемъ ихъ во время Мукденскаго отступленія!..

Вмѣстѣ съ мобилизаціей начались и импровизаціи въ отношеніи команднаго состава: въ предназначенныхъ для отправленія на театръ войны въ первую голову 10 и 17 корпусахъ мѣняется почти весь высшій персоналъ команднаго состава. Въ 10-мъ корпусѣ до минуты *посадки въ вагоны* неизвѣстно было, останется ли генералъ-лейтенантъ Случевскій командиромъ корпуса, или за преклонностью лѣтъ будетъ замѣненъ другимъ командиромъ. Въ 17-мъ корпусѣ оба начальника дивизій и одинъ командиръ полка оказались непригодными для командованія войсками на театрѣ войны и замѣнены другими *наканунѣ посадки* въ вагоны.

Удивительно-ли, что впослѣдствіи въ бою начальство и войска оказывались чуждыми между собою и мало понимающими другъ друга. При этомъ остающееся дома начальство прилагало возможныя старанія—и часто не безъ успѣха—чтобы получить всѣ пособія и подъемныя, отпускаемыя во время мобилизаціи, какъ якобы отправляющіеся на войну;

и это дѣлалось открыто, на точномъ основаніи буквы закона, беззастѣнчиво запуская руку въ казенный сундукъ, воспитывая соотвѣтствующіе вкусы и направленіе среди своихъ подчиненныхъ.

Съ ужасомъ видишь всю эту безконечную смѣну начальниковъ однихъ другими. Если это необходимое условіе мобилизаціи, то на что же годится наша организація,—если она требуетъ такой ломки именно въ то время, когда ее должно быть возможно меньше. Но дѣло въ томъ, что мобилизаціонная стихія сама собою, а старая рутина канцелярская тоже сама собою. Напримѣръ, коренныхъ врачей полковыхъ посылаютъ куда-то въ Маньчжурію, а намъ даютъ призываемыхъ изъ запаса; и такихъ примѣровъ масса.

Суждено и моему штабу получить новаго начальника, такъ какъ мнѣ предстоитъ принять полкъ въ нашей же дивизіи. Узналъ, что начальникомъ моего штаба назначается мой старый другъ, полковникъ Ц—ь. Я отъ души порадовался за штабъ мой, получающій такого симпатичнѣйшаго начальника; доволенъ я и за друга, получающаго отличнѣйшій штабъ дивизіи.

Въ мартѣ 1904 года послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ назначеніе военнаго министра генералъ-адъютанта Куропаткина командующимъ Маньчжурской арміей. Мнѣ придется еще не разъ, при описаніи хода войны, коснуться характеристики этого государственнаго дѣятеля, какъ главнокомандующаго войсками на войнѣ, съигравшую для своей родины такую печальную роль. Теперь намъ всѣмъ видно, что это былъ выборъ неудачный, что, будучи отличнымъ администраторомъ, талантливымъ начальникомъ штаба и добросовѣстнымъ труженникомъ вообще—генералъ-

адъютантъ Куропаткинъ оказался, по свойствамъ характера, ниже своей задачи, какъ главнокомандующій. Но—надо правду сказать—въ то время, когда послѣдовало это назначеніе, во всей Россіи, какъ у военныхъ такъ и невоенныхъ, при извѣстіи о назначеніи Куропаткина командующимъ дѣйствующей арміи,—у всѣхъ вырвалось горячее одобреніе этому назначенію. Дѣйствительно—это бывшій начальникъ штаба М. Д. Скобелева, озаренный непотухшими лучами былой славы безвременно погибшаго народнаго героя;—самъ извѣстный и личной храбростью, и боевымъ опытомъ, и въ военной литературѣ, и административными способностями, — наконецъ, 6 лѣтъ стоитъ уже во главѣ всего военнаго вѣдомства и въ должности военнаго министра, велъ всѣ приготовленія къ войнѣ какъ на Дальнемъ Востокѣ, такъ и внутри страны;—знаетъ всѣ сокровенныя пружины, вызвавшія событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ. Да, кому же больше и командовать войсками на этой войнѣ!

Мы всѣ, люди военные съ лѣваго фланга, стоящіе вдали отъ всякихъ министровъ, слышали про генералъ-адъютанта Куропаткина какъ про талантливаго начальника штаба Скобелева, вышедшаго изъ нѣдръ глубокой армейщины на самое верхотурье военной іерархіи, только благодаря его личнымъ качествамъ; поэтому въ арміи назначеніе его командующимъ войсками на войнѣ было встрѣчено также всеобщимъ одобреніемъ. Но теперь оказывается, что приближенные и друзья бывшаго главнокомандующаго, хорошо знавшіе нерѣшительность его характера, не ждали отъ этого назначенія ничего хорошаго,—по крайней мѣрѣ послѣ первыхъ же шаговъ

генералъ-адъютанта Куропаткина на театрѣ войны въ новой роли. Но мѣнять главнокомандующаго при неудачномъ оборотѣ войны такъ же трудно, какъ мѣнять докторовъ при обостреніи болѣзни.

Помимо всего генералъ-адъютантъ Куропаткинъ давно уже зналъ изъ компетентнаго источника свою непригодность къ первенствующей роли главнокомандующаго: еще покойный М. Д. Скобелевъ, какъ гласитъ преданіе, высказалъ, однажды, своему начальнику штаба его истинное назначеніе,—„совѣтую тебѣ держаться всегда на вторыхъ роляхъ, и будешь полезенъ“... И если генералъ-адъютантъ Куропаткинъ рѣшился взять на себя тяжелую отвѣтственную должность главнокомандующаго, зная присущіе ему недочеты характера, то лишь потому, вѣроятно, что его заѣла высшая бюрократическая среда, въ которой съ особой силой свирѣпствуетъ недугъ нашего времени—*служебный карьеризмъ:* все есть въ послужномъ спискѣ — до сладости власти военнаго министра включительно; не хватаетъ лишь побѣдныхъ лавровъ полководца. И новой карьерѣ, съ легкостью опьяняющаго честолюбія, приносится въ жертву мудрый совѣтъ спартанскихъ старѣйшинъ—„познай самого себя“...

25-го апрѣля послѣдовало, наконецъ, давно ожидавшееся объявленіе мобилизаціи, которая была у насъ, конечно, подготовлена на досугѣ во всѣхъ мелочахъ и прошла поэтому безъ всякихъ треній и сутолоки. Прибывавшія на укомплектованіе полковъ партіи запасныхъ держали себя вполнѣ прилично, если не считать нѣкотораго числа пьяныхъ, встрѣчавшихся въ перекличкахъ на казарменныхъ дворахъ; но это въ подобныхъ случаяхъ неизбѣжная

мелочь. Послѣ разбивки людей по ротамъ и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ принялись за прохожденіе стрѣльбы.

Въ весьма назидательномъ положеніи оказалось это дѣло въ расположенной вмѣстѣ съ нами артиллерійской бригадѣ, которой только-что выданы новыя скорострѣльныя пушки. Весьма естественно, что наши артиллеристы смотрятъ на новыя пушки выражаясь вульгарно, — какъ баранъ на новыя ворота... Неугодно-ли отправляться на войну съ пушками, которыя видишь впервые, изъ которыхъ еще ни одного выстрѣла не сдѣлали... Пріѣхалъ Великій Князь Сергій Михайловичъ съ нѣсколькими состоящими при немъ офицерами, чтобы ознакомить артиллеристовъ со свойствами новой пушки, такъ какъ Великій Князь уже командовалъ новой скорострѣльной батареей, съ которой прошелъ на практикѣ полигонную стрѣльбу.

Ознакомленіе артиллеристовъ происходило посредствомъ ряда лекцій, читанныхъ въ артиллерійскомъ собраніи Великимъ Княземъ и состоящими при немъ офицерами. Присутствуя на всѣхъ этихъ лекціяхъ, я былъ пріятно пораженъ увидѣть въ Великомъ Князѣ столько знанія и любви къ артиллерійскому дѣлу. Но въ тоже время было и невыразимо грустно: какой-то тяжелый рокъ преслѣдуетъ Россію тѣмъ, что мы всегда запаздываемъ перевооруженіемъ и выходимъ на войну неготовыми; и сейчасъ мы перевооружаемся буквально наканунѣ выступленія на войну. Вмѣстѣ съ артиллеристами я слушаю о свойствахъ „французскаго“ и „германскаго“ гребня при стрѣльбѣ изъ новой пушки; — но развѣ мыслимо усвоить это только изъ чертежа мѣломъ на черной

доскѣ... Даже „Правила стрѣльбы“ изъ новой пушки читаются намъ изъ корректурныхъ листиковъ.

Прослушали мы эти лекціи, присутствовали на двухъ показныхъ стрѣльбахъ и... съ этимъ убогимъ багажемъ отправились на войну. Разумѣется, мы въ горахъ Манчжуріи, при первыхъ боевыхъ опытахъ, не находили нигдѣ никакихъ французскихъ или германскихъ гребней, и ставили свои батареи по правиламъ, впитаннымъ со школьной скамьи, на *вершинки,* и жестоко платились за это. Вотъ эти-то лекціи на самой войнѣ цѣною крови быстро научили насъ не только распознать заморскіе гребни, но ставить батареи и на *дно рѣчекъ...*

Строевыя занятія, вообще говоря, плохо клеятся во время мобилизаціи, хотя по мѣрѣ возможности продѣлывается все по росписанію. Всѣ поглощены заботами по снаряженію ввѣренныхъ частей и себя лично въ военный походъ на далекую окраину, сознавая, что начальство раньше всего обратитъ вниманіе на результаты именно этой заботливости.

Принялись за расходованіе экономическихъ капиталовъ, которыхъ у насъ въ дивизіи имѣлось всего около 92 тыс. рублей. Имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя суммы, не трудно, конечно, придумывать что-бы такое взять съ собою что впослѣдствіи понадобится въ Маньчжуріи: одному командиру полка приходитъ въ голову фантазія купить карманные часы для всѣхъ унтеръ-офицеровъ полка, и—расходуетъ на это 3 — 4 тысячи рублей; другой придумываетъ мудренные фильтры въ виду того, что въ Манчжуріи, будто-бы, воды мало и плохого качества; третій находитъ, что нужнѣе всего солдату понадобятся опанки или туфли на привалахъ и но-

члегахъ, а иногда и на походѣ, и ходатайствуетъ о разрѣшеніи израсходовать на этотъ предметъ 7—8 тысячъ рублей на полкъ и т. д. Предложили полкамъ представить свои смѣты въ штабъ-дивизіи, гдѣ постарались ихъ согласовать, но также съ конечной цѣлью—*израсходовать* всѣ запасные капиталы.

Такимъ образомъ, скопленныя въ теченіе многихъ лѣтъ экономическія суммы, обильно насыщенныя трудовымъ солдатскимъ потомъ на вольныхъ работахъ, служившія для многихъ поколѣній командировъ и начальниковъ источникомъ либо горделиваго бахвальства, либо многихъ печалей и радостей,—теперь беззаботнѣйшимъ образомъ и съ легкостью присущей денежнымъ тратамъ вообще, а въ особенности изъ казеннаго кармана, расходовались на разные прихоти подъ видомъ удовлетворенія мобилизаціонныхъ нуждъ полка. Всякіе резоны о томъ, что это траты безполезныя и сомнительныя, безъ которыхъ можно обойтись, встрѣчались съ искреннимъ удивленіемъ:—„на что же и копились экономическія суммы какъ не для того, чтобы обязательно израсходовать ихъ при мобилизаціи; тѣмъ болѣе, что эти экономическія суммы съ избыткомъ наростутъ за время войны“. Это оправдалось на самомъ дѣлѣ: полки вернулись послѣ войны съ огромными экономическими суммами, которыя заблаговременно, посредствомъ разныхъ махинацій въ отчетности, были большей частью израсходованы съ такой же хищнической безрасчетливостью, какъ и при мобилизаціи,—какъ только въ арміи извѣстно стало, что экономическіе капиталы, можетъ быть, будутъ отчислены въ казну.

Вообще, съ первыхъ дней мобилизаціи атмосфера

точно насыщена какой-то денежной пылью, благодаря полученнымъ всѣми значительнымъ суммамъ пособій, подъемныхъ и т. д., поддерживающимъ въ офицерской средѣ повышенное настроеніе.

Надо признать, что размѣръ установленныхъ на этотъ предметъ отпусковъ на самомъ дѣлѣ превышаетъ расходы на дѣйствительныя нужды по снаряженію въ [походъ,—въ особенности для высшихъ чиновъ, начиная отъ командира полка. Всѣмъ хорошо извѣстно, что изъ отпускаемыхъ при мобилизаціи командиру полка $2^1/_2$ тысячъ рублей, — начальнику дивизіи около 4 тысячъ, командиру корпуса около 6 тысячъ (включая и суточныя на первый мѣсяцъ), на снаряженіе въ походъ ими едва расходуется $^1/_4$—$^1/_5$ часть; такъ что остальныя $^3/_4$—$^4/_5$ являются своего рода „бешкешомъ“ за требуемую службу государству,—что едва-ли соотвѣтствуетъ сокровеннѣйшему духу Присяги и священнаго долга передъ родиной. А если это въ виду не имѣется, то—за что же такіе огромные денежные отпуски? Умѣстно ли такое хищническое расходованіе казенныхъ денегъ въ трудную, для государства, минуту войны?

ГЛАВА V.

На войну.

Прощаніе съ городомъ. На войну со штабомъ. На войну съ полкомъ. Принятіе полка на-лету, отъ поѣзда до поѣзда. Походъ. Сибирь и Манчжурія, прежде и теперь. Мои впечатлѣнія за 10 лѣтъ. Г. Харбинъ. Дождевыя накидки для войскъ корпуса. Встрѣча съ Тифонтаемъ. Г. Мукденъ. Посѣщеніе штаба Намѣстника. Атмосфера вражды и недовѣрія между адмираломъ Алексѣевымъ и генераломъ Куропаткинымъ. Ляоянъ. Залетныя птички, ищущія „попутчиковъ“ въ Россію.

Прошелъ и періодъ мобилизаціи, полученъ планъ перевозки по желѣзной дорогѣ, и мы знаемъ уже день посадки въ вагоны. Проявляется уже замѣтное томленіе въ виду продолжительнаго ожиданія времени отправленія на театръ войны.

Прибылъ и Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Сергія Александровича напутствовать войска въ военный походъ, благословилъ каждую часть иконой и сказалъ нѣсколько напутственныхъ словъ отдѣльно офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Черезъ нѣсколько дней и городъ устроилъ прощаніе съ войсками гарнизона, отправляющимися на войну; послѣ напутственнаго молебна на плацу состоялось подношеніе иконъ каждой части войскъ и

штабу дивизіи; каждому нижнему чину выданы маленькіе образки. Полки оказались снабженными для похода цѣлыми иконостасами: поднесены иконы и отъ городовъ, и отъ дворянства, и отъ мѣстныхъ монастырей, и отъ командующаго войсками округа, и отъ купечества. Часто эти иконы весьма массивныя и тяжелыя; оставить ихъ въ мѣстахъ квартированія и не брать въ походъ было бы неделикатно въ отношеніи подносившихъ, имѣвшихъ въ виду свои подарки именно какъ напутственное благословеніе для похода; а взять всѣ иконы съ кіотами и футлярами въ походъ нужна особая повозка, непредусмотрѣнная положеніемъ объ обозѣ,—такъ какъ штатный ящикъ съ церковнымъ имуществомъ имѣетъ уже полный опредѣленный закономъ грузъ.

Не довольствуясь иконами, городъ въ день прощанія съ гарнизономъ устроилъ еще обильное угощеніе нижнимъ чинамъ на плацу и въ казармахъ, а офицерамъ въ городской думѣ. Какъ водится, угощенія и банкеты сопровождались тостами и выспренными спичами, которые и для нижнихъ чиновъ, и для офицеровъ представляли гораздо меньше интереса, чѣмъ розданные вслѣдъ затѣмъ очень практичные подарки, заключавшіе въ себѣ необходимые припасы и предметы, пригодные на походѣ и въ вагонѣ, а впослѣдствіи, послѣ высадки,—на театрѣ войны.

2-го іюня наступила и наша очередь посадки штаба дивизіи. Отслужили мы скромный молебенъ въ ограниченномъ кругу нашей штабной семьи, въ присутствіи нашихъ женъ. Эта молитва настроила насъ, конечно, болѣе сосредоточенно, чѣмъ напыщенныя службы на плацу. Какъ въ туманѣ прошли шумные проводы, смѣшанные съ теплыми напут-

ствіями. Меня до слезъ тронули сердечныя пожеланія моихъ сосѣдей, людей совершенно незнакомыхъ, ожидавшихъ у открытыхъ оконъ моего отъѣзда изъ дому на вокзалъ...

Кончились прощанья на вокзалѣ,—опять съ тостами и рѣчами безъ конца. Поѣздъ, наконецъ, тронулся при несмолкаемыхъ крикахъ „ура"...

3-го іюня мы прибыли въ Т.; и тутъ я узнаю, что состоялся уже Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ Псковскаго полка въ нашей же дивизіи. Исполнилась моя завѣтнѣйшая мечта видѣть войну воочію, испытать впечатлѣнія и перипетіи боя на самомъ себѣ, и притомъ—не въ роли штабного офицера, а *командира полка*.

Ровно 10 лѣтъ тому назадъ, во время японско-китайской войны, находясь на Дальнемъ Востокѣ, я ходатайствовалъ о разрѣшеніи отправиться на театръ войны безъ расходовъ казны, но начальство отказало. Въ 1898 году, во время испанско-американской войны я совмѣстно съ командиромъ 4-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, полковникомъ (генеральнаго штаба) Н. И. Римскимъ-Корсаковымъ обратились непосредственно къ военному министру разрѣшить намъ выйти въ запасъ и отправиться на островъ Кубу для поступленія на службу въ ряды воюющихъ сторонъ,—съ тѣмъ, что послѣ окончанія войны мы будемъ снова приняты на службу. На это услышали отвѣтъ военнаго министра:—„я не позволю вамъ проявлять симпатіи (?) испанцамъ, или американцамъ, сидите дома".

Столь же неудачными оказались мои хлопоты отправиться на Дальній Востокъ въ 1900 г., во время дѣйствовавшихъ тамъ военныхъ экспедицій при по-

давленіи боксерскаго движенія. Несмотря на то, что вербовались офицеры генеральнаго штаба изъ разныхъ округовъ, никогда не бывавшіе на Дальнемъ Востокѣ, не имѣвшіе понятія о мѣстныхъ условіяхъ,— несмотря на то, что иныхъ приходилось командировать вопреки желанію, или въ видѣ ссылки за разныя провинности—мнѣ отказано было безъ всякихъ причинъ, несмотря на то, что я имѣлъ возможность основательно изучить весь Дальній Востокъ настолько, что нѣкоторыя экспедиціи могли оріентироваться только благодаря мною составленнымъ описаніямъ и картамъ нѣкоторыхъ районовъ Манчжуріи.

Такова господствующая у насъ система. Считаютъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе прежней службы и подготовки для соотвѣтствующаго служебнаго порученія;—въ особенности, когда налицо являются соображенія житейскаго порядка: полковникъ Д. и капитанъ Р. не ладятъ со своимъ начальствомъ, и ихъ надо какъ-нибудь устроить; полковника П. приказано, въ видѣ наказанія, сослать на Дальній Востокъ и т. д. „Польза службы“ при этомъ, конечно, не забывается. Все продѣлывается во имя „пользы службы“, которая служитъ прекрасной ширмой для устройства разныхъ назначеній, идущихъ иногда не на пользу, а во вредъ службы.

На сей разъ судьба была ко мнѣ болѣе милостива; и я отправляюсь на войну даже въ роли командира полка.

Можно было бы, конечно, отправиться на войну съ кѣмъ и чѣмъ угодно:—со штабомъ, и „въ распоряженіе“ и „для порученій“ просто, или „для особыхъ порученій“; но все это какъ будто бы вокругъ

да около, и—только. Иное дѣло пойти съ полкомъ да еще со *своимъ*, и при томъ сейчасъ же послѣ того какъ вступилъ въ командованіе полкомъ; да тутъ столько жгучаго интереса, захватывающаго чувства, съ примѣсью даже извѣстной доли опьяняющей нѣги, сколько испытываютъ развѣ молодожены на порогѣ медоваго мѣсяца.

3-го іюня я прибылъ въ Т. съ эшелономъ штаба дивизіи, а 4-го іюня я уже долженъ принять мобилизованный полкъ и слѣдовать съ нимъ дальше на войну.

Обширный дворъ Суворовскихъ казармъ залитъ сѣрымъ народомъ, среди котораго точно затерялась резервная колонна полка, построеннаго для встрѣчи новаго командира. Я съ трудомъ пробираюсь чрезъ плотную толпу мужичковъ, бабъ съ ребятишками и всякаго иного вольнаго люда, собравшихся заодно проводить на войну „миленькихъ", „родичей". знакомыхъ и по-просту „земляковъ". Съ трудомъ разбираю, гдѣ фронтъ, гдѣ фланги... Еще труднѣе очистить фронтъ, хотя бы шага на 2—3. Досадно и жутко. Давно уже облюбовалъ и взлелѣялъ первую встрѣчу со *своимъ* полкомъ, мечталъ объ умилительномъ tête à tête; а тутъ—не угодно ли, цѣлуйся на міру, при всемъ честномъ народѣ...

На правомъ флангѣ, во всемъ походномъ снаряженіи, обвѣшанный всевозможными неформенными котомками, чайничками и т. п., стоитъ 1-й баталіонъ, назначенный въ первый эшелонъ, которому черезъ полчаса надо выступить на вокзалъ.

Продѣлалъ все, что нужно. Послѣдовала, наконецъ, команда, и 1-й баталіонъ, съ музыкой впереди, тронулся по отдѣленіямъ въ путь далекій,

славный и тернистый... Сразу всколыхнулось все море головъ, запрудившихъ казарменный дворъ. Всѣ устремились къ воротамъ, откуда двумя потоками хлынула на улицу вмѣстѣ съ колонной, плотно охвативъ ее съ обѣихъ сторонъ. Послышались громкія рыданія, заголосили бабы, полились безконечныя причитанія... Колонна медленно подвигалась впередъ по пыльнымъ улицамъ среди живыхъ шпалеръ горожанъ, провожавшихъ своихъ земляковъ всѣмъ, чѣмъ могли: слезными благословеніями, крестными знаменіями, сердечными пожеланіями; многіе изъ толпы совали солдатамъ въ руки деньги, папиросы, пряники. Солдаты шли большей частью съ серьезными, сосредоточенными лицами; иные, впрочемъ, балагурили; немало было и пьяненькихъ, безуспѣшно старавшихся попасть въ ногу, въ тактъ музыки.

По мѣрѣ приближенія къ вокзалу толпа провожавшихъ росла безъ конца, запрудила на дебаркадерѣ всю такъ называемую воинскую площадку, и всѣ прилегавшія улицы, по которымъ прекратилось всякое встрѣчное движеніе, конное и даже пѣшее.

Наконецъ, сдѣланъ расчетъ по вагонамъ; послѣдовали звонки, свистки.... Опять послышались еще болѣе громкія рыданія и причитанія, и поѣздъ медленно тронулся мимо несмѣтной толпы народа, провожавшаго насъ громкимъ „ура"...

Эта сплошная толпа родныхъ и чужихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, прильнувшихъ къ эшелону, провожавшихъ насъ безконечными пожеланіями и благословеніями, видимо готовая ринуться съ нами и за насъ, говорила намъ о той крѣпкой неразрывной связи, которую уносимъ съ собою за много тысячъ верстъ и которая будетъ служить намъ под-

держкой и утѣшеніемъ при жизни, гдѣ бы мы ни были, сохранится и послѣ нашей смерти. Да,—и послѣ смерти!............

Потекла походно-вагонная жизнь, тоже продуктъ нашей цивилизаціи, звучащій немножко парадоксомъ: какой тутъ „походъ", когда не ходишь, а тебя везутъ,—„походъ" безъ биваковъ, дневокъ и ночлеговъ, даже безъ мозолей на ногахъ, безъ сладости отдыха послѣ сильной усталости. Сколько поэзіи, чреватой безконечными впечатлѣніями, скрывалось въ прежнихъ походахъ! Еще не такъ давно, около 1886 года, передвигался походнымъ порядкомъ бывшій 8-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ изъ Туркестана, кажется, въ Благовѣщенскъ: за время похода одинъ изъ офицеровъ успѣлъ по пути *влюбиться*, на ходу *женился* и прибылъ въ Благовѣщенскъ *отцомъ семейства*. А теперь намъ предстоитъ совершить походъ вдвое длиннѣе, и на все это положенъ одинъ мѣсяцъ; живемъ въ вагонѣ обычной казарменной жизнью съ той лишь разницей, что она протекаетъ на ходу поѣзда.

Прошли первые дни путешествія. Охватившій было всѣхъ насъ угаръ прощаній и жгучихъ впечатлѣній, пережитыхъ за послѣдніе дни, мало-по-малу сталъ испаряться. Люди угомонились. Въ вагонахъ водворилась точно подавленная тишина, прикрывшая собою безпокойный гомонъ мыслей и чувствъ, взбудораженныхъ послѣдними прощаніями. Кой-гдѣ струится робкая, заунывная пѣсня, никѣмъ не поддерживаемая; иной лежа лѣниво перебираетъ пальцами на гармошкѣ, устремивъ глаза въ тѣсную даль вагона, уно-

сясь мыслями къ только-что оторваннымъ близкимъ людямъ. Всѣ кругомъ какъ-то сосредоточены, неразговорчивы,—ушли, видимо, въ себя. Предписанныя приказомъ по полку занятія и чтенія по вагонамъ какъ-то не клеятся: всѣ помыслы, вниманіе и настроеніе—все поглощено и сковано только-что пережитыми впечатлѣніями.

Проходитъ еще день-два, и обычная вагонная походная жизнь выступаетъ все рельефнѣе; люди въ вагонахъ, видимо, осѣли, размѣстились укладисто, умялись какъ-то, принявъ форму того ограниченнаго простора, который оставленъ окружающими котомками и прильнувшими съ обѣихъ сторонъ сосѣдями.

Для перевозки нижнихъ чиновъ вагоны теперь приспособляются съ гораздо большей заботливостью, чѣмъ въ былое время. Сколько бабьихъ сказокъ, не лишенныхъ извѣстной доли злонамѣренности, распространялось въ обществѣ относительно зимнихъ перевозокъ войскъ въ нынѣшнюю кампанію. Обыкновенно авторы этихъ слуховъ, въ лучшемъ случаѣ, видѣли зимою развѣ лишь небольшую щель оборудованнаго вагона, занятаго нижними чинами, и, всовывая туда свой собственный обледенѣлый носъ, дальше носа ничего не видѣли; и все-таки, нимало не сумняся, строили на этомъ свои сужденія. Перевозка войскъ лѣтомъ не оставляетъ уже мѣста ни для какихъ фантастическихъ измышленій. Раньше всего необходимо замѣтить, что хотя на каждомъ вагонѣ имѣется снаружи надпись: „40 человѣкъ, 8 лошадей“, но на самомъ дѣлѣ помѣщается всегда менѣе 40 человѣкъ. Люди располагаются на полатяхъ, устроенныхъ въ два яруса; разстояніе между

ними допускаетъ возможность свободно сидѣть, читать и работать; словомъ, это разстояніе нисколько не меньше, чѣмъ между приподнятыми скамейками въ классныхъ вагонахъ.

Мало-по-малу обрисовываются бытовыя картинки вагонной жизни. Вотъ, между прочимъ, вагонъ, въ которомъ собраны сапожники; сидя на сундучкахъ или обрубкахъ, и примостившись къ нарамъ, сапожники въ обычныхъ своихъ сапожныхъ фартукахъ, точно въ казармахъ, не торопясь и мурлыкая про себя мотивы изъ безконечной солдатской пѣсни— „какъ вечоръ моя милая“, шьютъ для нижнихъ чиновъ опанки, которыя частью не успѣли сшить передъ выступленіемъ въ походъ. Мастерили что-то и въ сосѣднемъ вагонѣ, гдѣ умостились портные. Есть тамъ и шорники.

А поѣздъ мчитъ насъ все впередъ и впередъ. Мы въ пути уже третью недѣлю. Въѣхали въ лѣсистую мѣстность Иркутской губерніи. Поѣздъ останавливается на какомъ-то разъѣздѣ, импровизированномъ изъ наскоро сооруженныхъ двухъ-трехъ сотъ саженъ запасныхъ путей и двухъ-трехъ вагоновъ, приспособленныхъ для жилья, замѣняющихъ собою „гражданскія станціонныя сооруженія“. Часы по мѣстному времени показываютъ полдень. Дежурный по эшелону справляется въ печатномъ расписаніи и, видя что поѣздъ нашъ стоитъ тутъ часъ, приказываетъ дежурному горнисту играть „наступленіе“, оповѣщая, что здѣсь раздавать будутъ обѣдъ. Моментально изъ всѣхъ вагоновъ посыпались солдаты съ манерками и котелками въ рукахъ и устремились къ хвосту поѣзда, гдѣ имѣется особый вагонъ, оборудованный подъ солдатскую и офицерскую поход-

ныя кухни. Два кашевара на обѣ стороны вагона раздаютъ обѣдъ, который въ полчаса разобранъ весь. Люди обѣдаютъ не торопясь — у себя въ вагонѣ или на лужайкѣ. Подхожу къ обѣдающимъ и пробую изъ котелка: на обѣдъ сегодня супъ изъ молодого картофеля съ вермишелью; смѣю увѣрить

У вагона кухни. Раздача обѣда.

непрошенныхъ газетныхъ печальниковъ солдатскаго житья-бытья, тужившихъ про то, какъ солдату холодно и голодно, что они едва ли часто получаютъ такой супъ, когда имъ приходится путешествовать въ купэ даже II класса. Интендантство отпускаетъ въ пути по 21 коп. въ день на человѣка, и на этотъ приварочный окладъ можно имѣть двѣ варки въ день съ фунтомъ мяса, останется даже небольшая экономія, потому что во всей Сибири, почти до Байкала,

мы платили за отличнѣйшее мясо отъ 3 до 5 руб. 50 коп. за пудъ.

Офицеры также имѣютъ у себя въ вагонѣ каждый день обѣдъ изъ двухъ блюдъ, и ужинъ изъ одного блюда; и обходится это офицору 40--50 коп. въ день. Ничего подобнаго, конечно, не получить ни въ какомъ буфетѣ на станціи—ни по дешевизнѣ, ни по свѣжести и питательности продуктовъ. И неудивительно: завѣдываетъ кухней свой офицеръ, поваръ свой и проч.

Видѣлъ я въ пути, что не всѣ эшелоны такъ устроились: часто приходилось встрѣчать, что офицерство перебивалось скудными остатками разной снѣди, преподносимой въ убогихъ буфетахъ сибирскихъ вокзаловъ, платя за это цѣны расширенныхъ размѣровъ, по сибирскому масштабу. Но это ужъ объясняется тогда инертностью и нераспорядительностью эшелонныхъ начальниковъ, потому что при каждомъ воинскомъ поѣздѣ имѣется, или *можетъ быть*, вагонъ, оборудованный для солдатской походной кухни, въ которомъ весьма просто устроить хотя бы небольшую кухню-таганчикъ. Если такихъ кухонь въ полку нѣтъ, полезно ихъ передъ походомъ завести,—хотя бы по одной на баталіонъ, потому что настоящая офицерская походная кухня имѣется всегда лишь одна на весь полкъ, которая обыкновенно держится при штабѣ полка. Поэтому при малѣйшемъ удаленіи баталіона отъ полка,—что на театрѣ войны неминуемо случается часто,—офицерамъ этого баталіона придется мириться съ пищей изъ солдатскаго котла; слѣдовательно, небольшія походныя кухни-таганки сослужатъ службу каждому баталіону, не только во время переѣзда по желѣзной дорогѣ, но и на театрѣ войны.

Замѣчу кстати, что я знакомился также и съ содержаніемъ буфетовъ (*только* въ отношеніи пищи!) на сибирскихъ вокзалахъ; я долженъ сказать, что можно питаться и тамъ—не дорже и едва ли хуже, чѣмъ въ Европейской Россіи; но, разумѣется, обходится и дороже, и хуже, чѣмъ довольствоваться собственными средствами изъ собственной кухни. Все же надо отнести къ области безсовѣстныхъ выдумокъ циркулировавшіе въ Европейской Россіи толки,— будто при массовомъ движеніи войскъ на Дальній Востокъ на сибирскихъ вокзалахъ поѣдено все и остались только жареныя шишки еловыя по недоступнымъ цѣнамъ.

Нижніе чины, какъ выше сказано, довольствуются изъ своихъ походныхъ кухонь, оборудованныхъ въ особыхъ вагонахъ. Но можно довольствоваться и на особо устроенныхъ продовольственныхъ пунктахъ. Эти продовольственные пункты нельзя не признать— за небольшимъ исключеніемъ—вполнѣ благоустроенными; говорю это не въ видѣ комплимента по чьему-нибудь адресу, а для того, чтобы отмѣтить то, что дѣйствительно бросалось въ глаза: прекрасная (въ большинствѣ случаевъ) пища, отличныя кухни и хлѣбопекарни съ вольнонаемными иногда поварами и пекарями, на нѣкоторыхъ продовольственныхъ пунктахъ; имѣются даже и хорошія бани для офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Нельзя не упомянуть и о томъ, что на всѣхъ безъ исключенія станціяхъ и на многихъ разъѣздахъ имѣются особые домики съ печами, кубами для приготовленія кипятку, посредствомъ особыхъ нанятыхъ для этой цѣли людей; такъ что при остановкѣ поѣзда нижніе чины всегда находятъ готовый кипятокъ,—конечно, безплатно (объ

этомъ возвѣщается большими буквами на прибитой снаружи вывѣскѣ); чай и сахаръ отпускаются отъ казны.

Въ конскихъ вагонахъ жизнь течетъ по особому режиму, тщательно выработанному еще передъ выступленіемъ въ походъ; но кое-что указалъ опытъ

Чай послѣ обѣда.

и во время переѣзда. Мы знали, напримѣръ, что лошадямъ не слѣдуетъ давать полной дачи овса, замѣняя ее отчасти отрубями. Но еще лучше, при переѣздахъ лѣтомъ, запастись косами, хотя бы по одной на каждый вагонъ: прекрасная трава имѣется въ Сибири около самаго полотна дороги, почти на всемъ пути; поэтому есть полная возможность, пользуясь остановками, накосить всегда запасъ травы, а свѣжая трава всего лучше дѣйствуетъ на пище-

вареніе лошади и въ извѣстной степени предупреждаетъ отекъ ногъ, всегда возможный при продолжительныхъ переѣздахъ. Конечно, выводка лошадей необходима сама по себѣ, и мы это продѣлывали при остановкахъ продолжительностью въ 2 часа и болѣе. Слѣдуетъ еще помнить, что при помѣщеніи въ вагонѣ 8 лошадей и 3—4 нижнихъ чиновъ, температура получается тамъ довольно высокая; поэтому при водопоѣ слѣдуетъ остерегаться холодной воды прямо изъ помпы желѣзнодорожной водокачки, иначе неминуемы у лошадей простудныя заболѣванія.

При подходѣ поѣзда къ станціи музыка неизмѣнно играетъ полковой маршъ. Весело и звонко уносятся далеко звуки музыки, которые будятъ иногда торжественную тишину окружающей тайги и уединенную безлюдную станцію, а иногда — въ болѣе людныхъ станціяхъ—скликаютъ отовсюду слушателей и слушательницъ. Надо замѣтить, что для сибиряковъ и сибирячекъ вокзалъ и въ обыкновенное время, при приходѣ и отходѣ поѣзда, является центромъ гулянья, флирта и рандеву, выполняя то же назначеніе, какъ и вокзалъ придорожныхъ дачныхъ мѣстъ около столицъ. При проходѣ же воинскаго поѣзда оркестръ военной музыки, во время часовой стоянки на станціи, придаетъ обычному назначенію вокзала совсѣмъ особую прелесть, и въ нѣсколько минутъ собираетъ на дебаркадерѣ огромную толпу гуляющихъ. Недалеко, около дверей пятаго-шестого вагона образовалась тоже огромная толпа: оказывается тамъ идетъ своя музыка — гармонія и скрипка — подъ звуки которой неутомимый и лихой плясунъ 1-й роты, Аксеновъ, носится вьюномъ, обдавая многочисленныхъ зрителей молніеносными взглядами; дрогнулъ какой-то „воль-

ный“ изъ толпы,—не выдержалъ и пустился въ соревнованіе съ Аксеновымъ: подобравъ полы длиннаго кафтана, бравый парень (должно быть изъ сибирскихъ пріискателей) пустился въ присядку; но Аксеновъ не стерпѣлъ конкуренціи „вольнаго“ и живо побилъ рекордъ, отдѣлавъ соперника въ пляскѣ особыми, чисто солдатскими колѣнцами двусмысленнаго пошиба, вызвавъ гомерическій хохотъ толпы; на смѣну пріискателя выступилъ солдатикъ, къ которому Аксеновъ отнесся уже вполнѣ добродушно...

Что за прелесть этотъ Аксеновъ!—вѣчный балагуръ, сыплетъ прибаутки направо и налѣво, неизмѣнно угадывая настроеніе толпы; пѣсню затянетъ, какъ-разъ тогда, когда всѣмъ хочется пѣть, въ пляску готовъ пуститься и въ 7 часовъ утра и въ 4 часа ночи... Такіе Аксеновы въ походѣ—сущій кладъ: они незамѣтно отрываютъ всю свою среду отъ тяжкихъ думъ, отъ жгучей подчасъ дѣйствительности, подсовывая всѣмъ кончикъ веселаго настроенія, за который въ такія минуты всѣ охотно хватаются...

Увы! не долго развлекалъ онъ товарищей. Въ бояхъ на Шахэ былъ тяжело раненъ и эвакуированъ въ Россію и—едва ли живъ; а всего менѣе вѣроятно, что сохранилъ прежнюю веселость характера...

На станціи Тайга, во время остановки, нашъ эшелонъ нагналъ экспрессъ, мчавшійся изъ Петербурга на Востокъ. Изъ вагона выскочилъ полковникъ Ц—ль, начальникъ штаба нашей дивизіи, нагонявшій свой штабъ. Старый товарищъ такой же жизнерадостный и счастливый какъ всегда. Мы успѣли только обнять другъ друга и перекинуться парой словъ, чтобы снова разстаться до встрѣчи на театрѣ войны.

Иркутскъ. 26-го іюня, около 4 час. дня, эшелонъ

нашъ прибылъ въ Иркутскъ. Изрѣдка мнѣ удается совершенно случайно увидѣть и знакомиться съ офицерами моего полка, ѣдущими въ составѣ другихъ эшелоновъ; это случается тогда, когда впереди слѣдующій эшелонъ имѣетъ на какой-нибудь станціи продолжительную остановку и нашъ эшелонъ при-

По дорогѣ на войну. Аксеновъ на сценѣ.

бываетъ туда до отхода предшествующихъ. Только такими урывками и приходится пользоваться для знакомства съ офицерами. Конечно, какъ бывшему начальнику штаба дивизіи, офицерскій составъ полковъ дивизіи мнѣ до нѣкоторой степени извѣстенъ; но все же не настолько, сколько это обязательно для командира полка.

Зато къ офицерамъ эшелона—штаба полка и

1-й роты, слѣдующей при знамени—я въ пути присмотрѣлся достаточно. Старшій врачъ полка, какъ это установлено несуразными основами нашей мобилизаціи, получилъ передъ походомъ командировку на театръ войны, для формированія какого-то полевого госпиталя, а вмѣсто него на должность старшаго врача прибылъ служившій по земству М. В. Г—въ, человѣкъ не отъ міра сего, врачъ честнѣйшій и человѣкъ добрѣйшій; но съ больными нервами—совершенно непригодный для тяжелыхъ условій боевой жизни, которыхъ онъ дѣйствительно не выдержалъ впослѣдствіи и *одного* мѣсяца; при видѣ первыхъ убитыхъ и раненыхъ, при временномъ наплывѣ больныхъ дезинтеріей, онъ только плакалъ и пришелъ въ такое нервное разстройство, по отзыву товарищей врачей, что былъ близокъ къ психическому разстройству и его пришлось отправить въ тылъ. Завѣдывающій хозяйствомъ подполковникъ С—въ, не скрываетъ своей нелюбви къ строю, особенно въ военное время, но—профессоръ по части хозяйственной, которую изучилъ на практикѣ на всѣхъ хозяйственныхъ должностяхъ. Командиръ 1-й роты капитанъ Г—зъ, отличнѣйшій боевой офицеръ, получившій впослѣдствіи за время войны семь боевыхъ наградъ до золотого оружія и чина полковника включительно. Младшій офицеръ роты штабсъ-капитанъ Н—въ показалъ мнѣ на дѣлѣ, какъ иногда расходятся соображенія штабныя отъ подлинныхъ строевыхъ: этотъ офицеръ вынужденъ былъ года за два передъ тѣмъ оставить службу въ полку за наклонность къ спиртнымъ напиткамъ и другія прегрѣшенія; а когда объявлена была мобилизація и возникъ спросъ на офицеровъ, я поддержалъ въ штабѣ ходатайство Н—ва, и онъ

теперь опять на службѣ въ томъ же полку. На вокзалѣ въ Иннокентьевской я убѣдился, что мой протеже еще не разстался со своей пагубной слабостью и не только самъ выпилъ много лишняго, но и другого напоилъ. Впослѣдствіи, во время военныхъ дѣйствій, штабсъ-капитанъ Н—въ показалъ себя офицеромъ храбрымъ и мужественнымъ, не перестававшимъ, въ минуты боевого затишья, искать развлеченье въ выпивкѣ.

Полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Ф—въ, мнѣ тоже извѣстенъ былъ хорошо по его склонности къ выпивкѣ, и въ то же время—какъ хорошій, дѣльный работникъ. Мой предшественникъ по командованію полкомъ, ничтоже сумняшеся, разрѣшилъ полковому адъютанту остаться на мѣстѣ постояннаго квартированія полка, якобы для сдачи какихъ-то дѣлъ; а на самомъ дѣлѣ, просто для того, чтобы погулять на свободѣ, предоставивъ ему догонять полкъ экспрессомъ на походѣ. Я все время пути лишенъ, такимъ образомъ, помощи полкового адъютанта. Такимъ же образомъ мой предмѣстникъ выпустилъ изъ полка опытнаго дѣлопроизводителя по хозяйственной части, замѣнивъ его своимъ протеже, завѣдомо неграмотнымъ и ничего не знающимъ писаремъ. Зная, что онъ на войну съ полкомъ не пойдетъ и останется дома, бывшій командиръ полка заботился объ одномъ—остаться *добрымъ* въ глазахъ офицеровъ полка, не думая вовсе о предстоящей полку нелегкой службѣ на войнѣ.

Какое это зло,—подобная смѣна начальниковъ наканунѣ похода!..

Въ Иркутскѣ на вокзалѣ встрѣтился со старымъ знакомымъ по службѣ на Дальнемъ Востокѣ, воен-

нымъ прокуроромъ, полковникомъ Б—мъ, отъ котораго услышалъ много интереснаго, оправдавшагося на дѣлѣ. Болѣе всего меня больно поразили упорные слухи о разногласіяхъ и неладахъ между командующимъ и главнокомандующимъ одной и той же Манчжурской арміи—между Куропаткинымъ и Алексѣевымъ. Военная исторія представляетъ не мало примѣровъ вмѣшательства посторонней власти въ распоряженія полководцевъ; но чтобы на одномъ и томъ же театрѣ войны, при *одной* арміи, допустить такое двухголовое командованіе,—такого примѣра еще не было. И этотъ сумбуръ, это завѣдомое извращеніе дѣйствующаго „Положенія о полевомъ управленіи арміей въ военное время“ все же регламентировали на основаніи законовъ.

Конечно, вражда между двумя полководцами не замедлила обнаружиться въ самомъ началѣ операцій и сказалась пагубнымъ образомъ въ сраженіи подъ Вафангоу. По словамъ полковника Б—го генералъ-адъютантъ Куропаткинъ избѣгалъ этого сраженія всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами, доказывая крайнюю нежелательность отказаться отъ разъ принятаго рѣшенія сосредоточить сначала всѣ силы, избѣгая отдѣльныхъ пораженій. Но адмиралъ Алексѣевъ тревожился за участь Портъ-Артура и требовалъ отъ генерала Куропаткина, чтобы онъ непремѣнно перешелъ въ наступленіе на выручку осажденной крѣпости. Къ тому же, въ 20-хъ числахъ мая отъ генерала Стесселя стали получаться особенно тревожныя телеграммы,—что Портъ-Артуръ доживаетъ уже послѣдніе дни, что едва ли ему удастся продержаться еще продолжительное время. Этотъ самый генералъ Стессель, незадолго передъ тѣмъ на

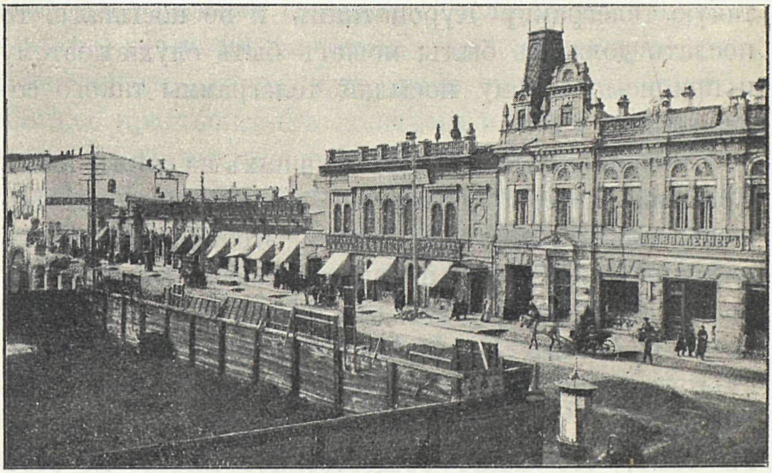
парадѣ въ Портъ-Артурѣ въ 1903 году во время пребыванія тамъ генерала Куропаткина похвалявшійся, что онъ продержится въ крѣпости хоть годы „противъ армій всего міра“—совершенно палъ духомъ, какъ только Артуръ оказался отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра послѣ сраженія подъ Кинчжоу.

Далѣе полковникъ Б—ій разсказываетъ, что когда Куропаткинъ все же медлилъ исполненіемъ настойчивыхъ требованій адмирала Алексѣева о переходѣ въ наступленіе, послѣдній обратился съ ходатайствами въ Петербургъ и оттуда пришло указаніе „передать генералу Куропаткину, что на него возлагается отвѣтственность за цѣлость Портъ-Артура“... Пришлось покориться, и 30 мая направить генерала Штакельберга съ 38 баталіонами; а 1 іюня отъ генерала Стесселя прибылъ съ донесеніемъ генеральнаго штаба капитанъ О—въ, что онъ беретъ назадъ свои прежнія тревожныя телеграммы, что продержится еще долго безъ выручки, что нѣтъ надобности въ движеніи впередъ ради немедленнаго освобожденія Артура и т. д. Но—было уже поздно: остановить наступленіе нельзя было. 2 іюня произошло уже столкновеніе съ противникомъ, а 3 іюня наши войска понесли жестокое пораженіе......

Иннокентьевская служитъ теперь пріемной станціей для всѣхъ воинскихъ поѣздовъ, отправляющихся на театръ войны. Запасныхъ путей множество и всѣ сплошь заняты вагонами набитыми людьми въ ожиданіи очереди отправленія дальше навстрѣчу жгучимъ событіямъ, о которыхъ мы въ настоящую минуту питаемся только слухами.

Побывалъ въ монастырѣ Св. Иннокентія, почитаемаго съ особымъ благоговѣніемъ во всей Сибири.

Вспоминаю свою первую поѣздку по Сибири въ 1888 году на почтовыхъ лошадяхъ, когда я переправлялся въ ледоходъ черезъ р. Томь и досчанникъ нашъ началъ тонуть посрединѣ рѣки, а бывшій со мною странникъ увѣрялъ, что „Св. Иннокентій насъ выручитъ, зная, что тутъ есть богомолецъ“, который, исполняя обѣтъ свой, уже прошелъ пѣшкомъ свыше

ИРКУТСКЪ. Московская улица.

3-хъ тысячъ верстъ изъ Копальскаго уѣзда на поклоненіе святому угоднику.

Въ городѣ Иркутскѣ встрѣтилъ кой-кого изъ старыхъ знакомыхъ. Всѣ разговоры, обмѣнъ мысли и взглядовъ вращаются, конечно, вокругъ событій на театрѣ войны. Извѣстія, къ сожалѣнію, все печальныя; отраднаго весьма мало. Мнѣ указываютъ на тотъ фактъ, что усиленная перевозка войскъ черезъ Иркутскъ началась собственно лишь недѣли за двѣ передъ тѣмъ; а до того времени цѣлый мѣ-

сяцъ почти не видно было воинскихъ эшелоновъ:— шли все грузы Краснаго Креста, щегольскіе санитарные поѣзда, разныя пожертвованія бѣлья и платья; ѣхали безъ конца все офицеры, врачи, сестры милосердія и т. п.; такъ что генералъ Куропаткинъ возопилъ, будто-бы, и послалъ телеграмму военному министру, что „бабья и тряпья и безъ того довольно,—лучше войскъ побольше отправляйте". Если такую телеграмму Куропаткинъ и не посылалъ, то послать долженъ былъ; можетъ быть слухи поэтому и приписывали ему посылки телеграммы такого содержанія.

Судя по разсказамъ побывавшихъ на войнѣ, нашъ Красный Крестъ пользуется полнѣйшимъ недовѣріемъ общественнаго мнѣнія; и это подтверждаютъ мнѣ многіе иркутяне, присмотрѣвшіеся къ дѣятельности Краснаго Креста въ Иркутскѣ, гдѣ въ это время работалъ Кауфманъ, получающій, будто-бы, въ годъ свыше 40 тысячъ содержанія. Впослѣдствіи мнѣ самому пришлось на театрѣ войны убѣдиться въ томъ, что наше общественное мнѣніе не безъ основаній относится съ недовѣріемъ къ дѣятельности этого симпатичнѣйшаго по идеѣ учрежденія; личный составъ комплектуется преимущественно изъ среды знатныхъ недорослей, прогорѣвшихъ помѣщиковъ и титулованныхъ неудачниковъ; всѣ они производятъ впечатлѣніе типичныхъ „пшютовъ": ни житейскаго закала, ни знанія людей, жизни, у нихъ нѣтъ, и быть не можетъ, не считая отдѣльныхъ кабинетовъ и закулисъ оперетокъ. Откуда имъ умѣть справиться съ большимъ практическимъ дѣломъ, при совершенно чуждой обстановкѣ?..

Вспоминаю сценку изъ дѣятельности Краснаго

Креста, которую мнѣ случайно пришлось наблюдать въ 1891 году, когда небывалый голодъ свирѣпствовалъ на востокѣ Европейской Россіи: проѣзжая черезъ Златоустъ, я видѣлъ шумный обѣдъ въ честь флигель-адъютанта полковника гвардіи А—ча, командированнаго изъ Петербурга „въ помощь голодающимъ“; за многочисленными яствами, среди разливаннаго моря шампанскаго, этотъ гастролеръ съ огромными полномочіями говорилъ о величіи своей миссіи; а въ это же время *за окномъ зданія* (буквально), гдѣ происходилъ „этотъ пиръ среди чумы“, три тысячи убогихъ крестьянскихъ лошадокъ и почти столько же несчастныхъ ихъ хозяевъ буквально умирали съ гоголода въ ожиданіи прихода вагоновъ съ хлѣбомъ. Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось встрѣтиться на Уралѣ съ другимъ такимъ же дѣятелемъ „въ помощь голодающимъ“, кн. Д—мъ, котораго извѣстный на Уралѣ и въ Сибири винокуренный заводчикъ А. И. П.—К—лъ, по порученію Пермскаго губернатора, возилъ по краю „чтобы показать ему голодъ“; не трудно себѣ представить, въ какомъ видѣ все это показывалось, если вспомнить, что все винокуренное дѣло П.—К.—ла зависѣло отъ выгодной покупки хлѣба, который теперь нуженъ былъ такъ же и кн. Д—ву для голодающихъ...

Всей Россіи памятны пресловутыя анненковскія общественныя работы, организованныя для голодающихъ. По отзыву многихъ, подготовительная дѣятельность Краснаго Креста въ Иркутскѣ носила на себѣ отпечатокъ того же пошиба.

Чита. 28 іюня прибыли въ Читу. Съ величайшимъ интересомъ, проѣздомъ по Забайкалью, осматриваю хорошо знакомыя мнѣ мѣста, когда здѣсь еще и по-

мину не было о желѣзной дорогѣ. По внѣшнему виду нѣкоторые населенные пункты измѣнились до неузнаваемости; это въ особенности справедливо въ отношеніи конечныхъ пунктовъ пароходной линіи на берегахъ Байкала.

Для контраста съ тѣмъ, что я вижу теперь на ст. Мысовой вспоминаю мой послѣдній пріѣздъ на почтовыхъ на эту станцію зимою 1891 года: вмѣстѣ съ женою пріѣхалъ на станцію около часу ночи, и едва лишь успѣли оглянуться, какъ ямщикъ отпрягъ лошадей и исчезъ съ ними гдѣ-то въ непроглядной тьмѣ. Станція оказалась одинокой избой, заброшенной въ непроходимой тайгѣ; мерцаетъ слабый огонекъ изъ виднѣющагося въ лѣсной чащѣ маленькаго окошечка, но ни откуда ни малѣйшихъ признаковъ жизни — мрачная зловѣщая тайга, тишина смерти и густой мракъ кругомъ. Пробираюсь къ станціи и на крылечкѣ натыкаюсь на тѣло не то мертваго, не то живого человѣка, не подающаго признаковъ жизни, на открытомъ морозѣ въ 30—40 градусовъ Р... Вхожу въ первую комнату;—спитъ сидя, повидимому, живой человѣкъ, уткнувшись лбомъ въ столъ, на которомъ коптитъ небольшая керосиновая лампа, и при моемъ усиленномъ расталкиваніи издаетъ какія-то мычанья. Взялъ я со стола лампочку и вошелъ во вторую комнату:—на столѣ телеграфный аппаратъ неистово вызываетъ дежурнаго, который тутъ же, какъ трупъ, лежитъ на полу мертвецки пьяный. Розыскалъ единственный „диванъ“ въ комнатѣ „для проѣзжающихъ“, на которомъ можно было бы уложить отдохнуть больную жену, но оказалось, что онъ занятъ: спитъ на немъ въ изодранномъ рубищѣ какой-то бурятъ, повидимому, ямщикъ, который тоже не обнаруживаетъ ни-

какихъ признаковъ жизни, несмотря на усиленное расталкиваніе.

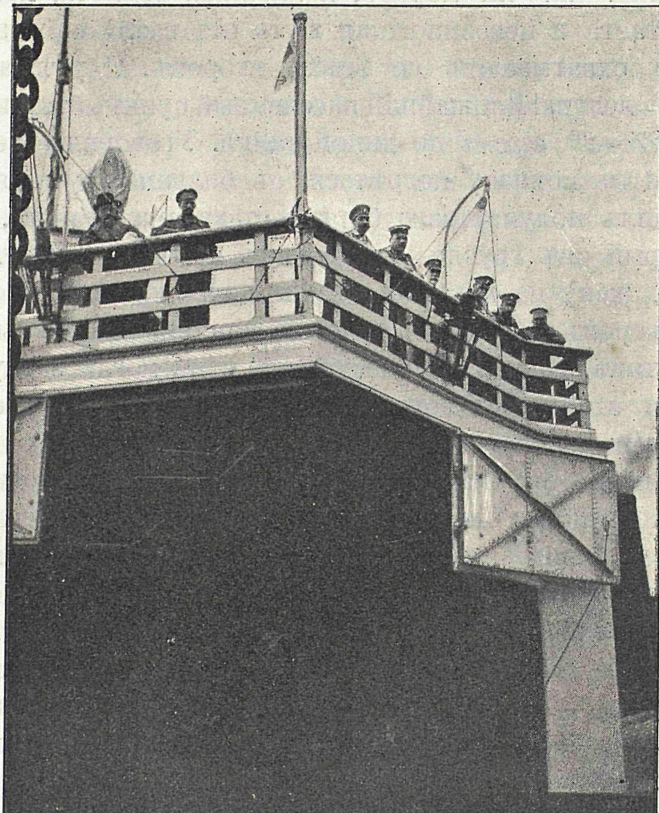
И кругомъ—ни звука, даже храпа спящаго не слышно:—жгучій морозъ, кромешная темнота, мрачная тайга и невозмножная жуть отъ всего окружающаго охватываютъ со всѣхъ сторонъ. И убѣжать, уйти—некуда! Ближайшій населенный пунктъ отстоитъ на *27—29 верстъ* по дикой тайгѣ. Уговорилъ жену зайти въ комнату погрѣться; съ большими усиліями стащилъ полумертваго бурята съ дивана на полъ, на который онъ грузно упалъ, какъ кусокъ глины, уложилъ жену на диванъ, а самъ я легъ на полъ, съ револьверомъ въ рукахъ, рядомъ со спящимъ пьянымъ бурятомъ. Долго мы не хотѣли и не могли заснуть среди этой обстановки; но затѣмъ, измученные и усталые мы, конечно, заснули противъ желанія.

Поздно утромъ слѣдующаго дня насъ разбудили чьи-то голоса. Спавшій у аппарата на полу телеграфный чиновникъ, повидимому, узналъ уже мою фамилію и, зная что по распоряженію властей онъ долженъ былъ меня „встрѣтить и оказать всякое содѣйствіе“, крайне тревожился теперь за устроенную мнѣ „встрѣчу“, опасаясь, вѣроятно, за свою служебную карьеру. Указывая обѣими руками на близко охватившую станцію неприглядную тайгу, бѣдный чиновникъ со слезами на глазахъ увѣрялъ, что въ этой Богомъ забытой дикой дырѣ только и остается пить горькую.

А теперь!.. Все это невольно вспоминается теперь, когда на томъ же мѣстѣ видишь оживленный городокъ съ массой хорошихъ построекъ, съ хорошенькой церковью, лавками и т. д.

Эти прелестныя метаморфозы, радующія глазъ

мѣстныхъ жителей, могли бы служить великимъ утѣшеніемъ для русскаго человѣка и наполнить его сердце гордостью при видѣ этихъ новыхъ уголковъ

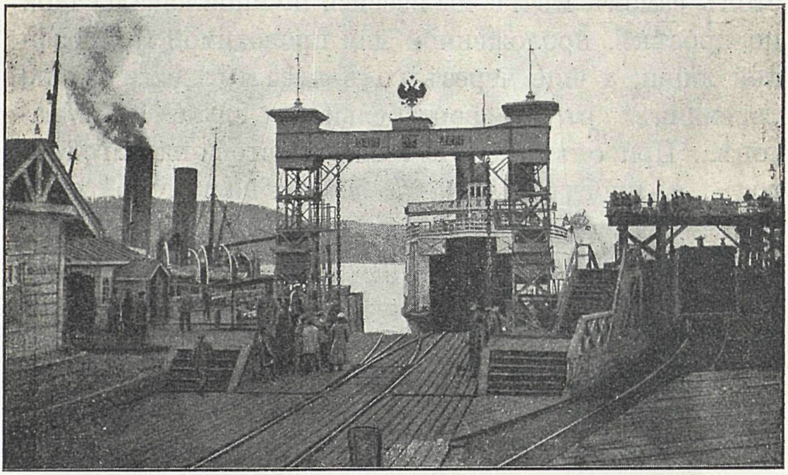
Переѣздъ черезъ Байкалъ.

культуры, созданныхъ нами среди мрачной тайги, — если бы только все это было вызвано потребностями и средствами подлинной мѣстной жизни. Къ сожалѣнію, все это наносное, достигнутое насчетъ обездоленія коренного русскаго населенія въ Европейской

Россіи. Живя на Дальнемъ Востокѣ мнѣ приходилось поражаться быстрымъ ростомъ этого края въ отношеніи его внѣшняго облика: нынче, напримѣръ, во время маневровъ пробираюсь верхомъ въ окрестностяхъ Владивостока черезъ едва проходимую тайгу, лошадь съ большими усиліями пробирается черезъ густыя заросли дикаго винограда; а черезъ годъ на этомъ самомъ мѣстѣ мы несемся шумной кавалькадой по просѣкѣ, проложенной для проводимой телеграфной линіи; а еще черезъ годъ—два мы ѣдемъ уже по „времянкѣ“ въ комфортабельномъ служебномъ вагонѣ... При отъѣздахъ изъ Владивостока на 1/2 года—годъ, я иногда *не узнавалъ улицы*, на которой самъ живу: такъ быстро выростали новыя огромныя зданія, появлялись набережныя и т. п. А рядомъ съ этимъ въ подмосковной К—ой губерніи, гдѣ теперь живу, облупленный „гостинный дворъ“ свыше *ста* лѣтъ остается въ неприкосновенномъ видѣ. Свыше 60-ти лѣтъ собирались расширить домъ мѣстной гимназіи, что требовало расхода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей: а въ то же время во Владивостокѣ въ два года выросла на казенныя деньги огромная гостинница—дворецъ, стоившая совершенно безполезной траты въ два слишкомъ милліона рублей.

Иностранцы часто высказываютъ намъ комплименты, въ виду нашихъ колонизаторскихъ талантовъ, выражая восторгъ при видѣ культурнаго роста нашего Дальняго Востока, не подозрѣвая, конечно, что все это вытягивается лямкой на широкой спинѣ коренного русскаго населенія Европейской Россіи. Мнѣ приходилось знакомиться съ благоустроенными англійскими колоніями на тихоокеанскомъ побережьѣ и въ Индіи: нигдѣ отъ метрополіи ни одного пенса не

отпускается на мѣстныя нужды, несмотря на огромныя косвенныя выгоды, приносимыя колоніями. А у насъ восторгаются обманчивой метаморфозой далекой окраины за послѣднія 10 лѣтъ, забывая, что это достигается исключительно благодаря притоку „россійскихъ"—какъ говорятъ въ Сибири—милліоновъ.

Переѣздъ черезъ Байкалъ въ поѣздѣ, устанавливаемомъ на палубѣ парохода.

Шутка сказать,—десять лѣтъ тому назадъ государственное казначейство приплачивало къ содержанію нашей дальневосточной окраины 11—15 милліоновъ, а передъ войной—свыше 70-ти милліоновъ, не считая экстраординарнаго отпуска 87 милл. рублей на постройку флота по случаю занятія Портъ-Артура.

Для лучшей характеристики, насколько и въ научномъ отношеніи развитіе центра у насъ въ загонѣ по сравненію съ окраинами, приведу такой примѣръ.

Задумавъ въ 1890 году составить карту Забайкалья, я раньше всего задался цѣлью составить каталогъ тригонометрически опредѣленныхъ пунктовъ; и оказалось, что, не считая извѣстныхъ уже тригонометрическихъ пунктовъ, вошедшихъ въ каталогъ Главнаго Штаба, въ разныхъ печатныхъ и неизданныхъ трудахъ научныхъ изслѣдователей нашлось еще около *79* тригонометрическихъ опредѣленій, сдѣланныхъ въ теченіе 30—40 лѣтъ; а всего въ области оказалось такихъ пунктовъ свыше *ста*. Черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ пришлось такимъ же вопросомъ заняться въ области Донского войска; оказалось, что за нѣсколько вѣковъ существованія области накопилось всего лишь... *девять* тригонометрически опредѣленныхъ пунктовъ. Это до нѣкоторой степени служитъ вѣрнымъ показателемъ научнаго интереса всевозможныхъ изслѣдователей, проявляемаго въ отношеніи Дона или Амура.

Въ областномъ городѣ Чита, насчитывавшемъ лѣтъ 15 тому назадъ какихъ-нибудь *4 тыс.* душъ населенія обоего пола, включая и тысячу нижнихъ чиновъ, имѣлось *семь* разныхъ ученыхъ обществъ; а въ г. Нерчинскѣ, съ населеніемъ въ 2 тысячи душъ, имѣлся весьма богатый научный музей, которому могъ бы позавидовать любой изъ важнѣйшихъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ.

Ст. Манчжурія. 1-го іюля мы прибыли на ст. Манчжурія. Комендантъ станціи попросилъ меня расписаться въ прочтеніи циркулярной телеграммы:— „всѣ 4-хъ колесныя повозки войсковыхъ обозовъ оставить въ Харбинѣ“. И ни звука о томъ, куда дѣть

имущество, возимое въ этихъ повозкахъ;—тоже оставить въ Харбинѣ? Но если бы это имущество было излишнее, то оно было бы оставлено еще въ мѣстѣ постояннаго квартированія полка...

На мѣстѣ станціи Маньчжуріи выростаетъ городокъ—какъ принято здѣсь выражаться—на американскій ладъ; но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, напоминающихъ благоустройство скороспѣлыхъ американскихъ городковъ: внѣшній видъ, всѣ постройки, не исключая и станціонныхъ сооруженій, носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то временнаго, непрочнаго, представляющаго собою какое-то зданіе на пескѣ.

3-го іюля, около Цицикара встрѣтили санитарный поѣздъ. Наши офицеры и нижніе чины съ жадностью бросились разспрашивать „какъ тамъ"... Съ любопытствомъ разспрашиваемъ о ранахъ и невольно промелькнетъ въ головѣ—„что-то тебя тамъ ждетъ въ будущемъ"... Въ общемъ впечатлѣніе отъ встрѣчи съ ранеными вноситъ нѣкоторое успокоеніе, когда отъ всѣхъ слышишь только одно:—„на ихъ сторонѣ превосходныя силы"... Тутъ, естественно, приходитъ въ голову утѣшительная мысль, что силы-то намъ ужъ не занимать-стать; какъ никакъ, а все же воюютъ 140 милліоновъ противъ 40... Въ концѣ-концовъ, значитъ, наше возьметъ.

Все время поѣздъ мчится среди безбрежныхъ необозримыхъ луговъ, способныхъ прокормить кавалерію всего міра; а за сѣно на станціяхъ всетаки платимъ по $1^1/2$ рубля за пудъ! Хорошо еще, что мы захватили нѣкоторое количество косъ; такъ что обозные успѣваютъ при остановкахъ на станціяхъ накосить травы.

Желѣзная дорога,—эта наша жизненная артерія, связывающая театръ войны со своей базой, тщательно оберегается пограничной стражей и ратниками ополченія, среди которыхъ встрѣчаются пожилые бородачи изъ сибирскихъ губерній, насчитывающіе себѣ 42 и больше лѣтъ, т. е. вышедшіе изъ возраста ополченія, но взятые на службу въ силу какихъ-то недоразумѣній. На нѣкоторыхъ станціяхъ встрѣчаются даже небольшіе отряды изъ трехъ родовъ оружія.

Мы находимся еще въ глубокомъ тылу, а между тѣмъ не далеко отъ Цицикара стражникъ былъ раненъ выстрѣломъ изъ винтовки промчавшагося всадника, вѣроятно китайскаго. Противникъ еще далеко впереди, а мы и здѣсь уже окружены, повидимому, недружелюбнымъ населеніемъ, несмотря на все его наружное равнодушіе къ совершающимся событіямъ. Китайскія церемоніи выработали изъ китайцевъ прекрасныхъ политиковъ, умѣющихъ отличнѣйшимъ образомъ маскировать свое истинное настроеніе.

4 іюля прибыли въ Харбинъ. Мнѣ вручили маршрутъ слѣдованія полка въ Дашичао; а штабъ дивизіи долженъ направиться даже въ Гайчжоу, который по свѣдѣніямъ газетныхъ телеграммъ *занятъ уже японцами*...

Скоро, по всеобщимъ увѣреніямъ, наступаетъ „періодъ дождей"; наши тяжеловѣсныя шинели не хотѣлось бы брать съ собою „на позиціи"; тѣмъ болѣе, что стоитъ адская жара; можно бы прекраснѣйшимъ образомъ оставить теперь шинели въ Харбинѣ, но солдату необходима какая-нибудь покрышка на ночлегѣ. Тутъ прекраснѣйшую службу сослужили бы *дождевыя накидки*, пожертвованныя Великимъ

Княземъ Сергіемъ Александровичемъ для нѣкоторыхъ корпусовъ мобилизованныхъ въ Московскомъ округѣ; но эти накидки гдѣ-то пропали, и до сихъ поръ солдаты ихъ дождаться не могутъ. Еще въ концѣ мая въ Москвѣ меня разспрашивалъ чиновникъ изъ состоящихъ, повидимому, при Великомъ Князѣ:—куда, по моему мнѣнію, слѣдуетъ направить накидки, и я совѣтовалъ лучше всего выдать накидки на-руки проходящимъ эшелонамъ, кому успѣютъ, направивъ остальныя въ Харбинъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нигдѣ ничего нѣтъ. Не хочется вѣрить, что повторится въ эту войну съ нашими накидками исторія съ полушубками въ русско-турецкой войнѣ,—и мы получимъ накидки.... къ крещенскимъ морозамъ.

Все же рѣшилъ оставить шинели въ Харбинѣ. Устроилъ здѣсь для полка своего рода складочный пунктъ, гдѣ приказалъ оставить все лишнее ротное и полковое имущество, настойчиво посовѣтовалъ сдѣлать то же самое нижнимъ чинамъ и офицерамъ. Все имущество мы сложили въ одномъ изъ пакхаузовъ на вокзалѣ, который удалось выхлопотать, оставивъ и собственный караулъ изъ унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ.

Что сказать про городъ Харбинъ, раскинувшійся на огромное пространство около 20 слишкомъ верстъ въ окружности, съ его кипучей торговой дѣятельностью и массой огромныхъ прелестныхъ зданій. Вѣдь десять лѣтъ тому назадъ на этомъ мѣстѣ была голая степь! Это говорятъ каждому, и каждый поражается необычайнымъ ростомъ этого города. Но какъ это должно поразить *меня*,—когда 10 лѣтъ тому назадъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь кра-

суется шумный Харбинъ, меня на *голомъ* берегу, вдали отъ всякихъ населенныхъ пунктовъ, встрѣчала депутація, высланная фудутуномъ изъ Ашихэ, чтобы привѣтствовать мою экспедицію; и старшій „нойонъ“ (чиновникъ) жаловался мнѣ, что три дня они жили на пустынномъ берегу въ ожиданіи прохода по Сунгари моего парохода и чуть не умерли отъ голода...

А теперь на этомъ мѣстѣ можно утолить какой угодно голодъ... Но этотъ шумный городъ, выросшій въ нѣдрахъ Китая, и всѣ эти многочисленные магазины съ разнороднѣйшими товарами расчитаны не на китайскій вкусъ, а отвѣчаютъ очевидно на спросъ европейцевъ. Въ особенности множество заведеній „распивочныхъ“..., а китайцы извѣстнѣйшіе въ мірѣ трезвенники; одурманиваются, пожалуй, опіумомъ, но изъ рукъ китайскихъ, а не русскихъ.

Слѣдовательно, и Харбинъ со всѣми его капиталами плодъ не мѣстнаго произростанія; онъ питается не мѣстными соками, а приливающими все изъ того же неоскудѣвающаго россійскаго центра, питающаго даже и китайскія окраины. Куда пріятнѣе было бы видѣть нарожденіе такого русскаго дѣтища какъ Харбинъ на русской же почвѣ,—гдѣ-нибудь на берегахъ тихаго Дона, что-ли.

И вѣдь это вполнѣ возможно,—стоитъ лишь повернуть золотое русло въ эту сторону вмѣсто распогибельной Манчжуріи.

Мукденъ. 7 іюля, утромъ, прибыли въ Мукденъ съ опозданіемъ на 20 часовъ противъ имѣющагося у насъ на рукахъ росписанія движенія. Надо замѣтить, что при движеніи по Сибири наши эшелоны двигались совершенно согласно „плану перевозки“, кото-

рымъ мы снабжены были еще задолго передъ посадкой въ вагоны; даже на мелкія станціи нашъ эшелонъ приходилъ и уходилъ по росписанію. По Забайкальской дорогѣ начались запаздыванія съ первыхъ же станцій, такъ что эшелоны приходили на станцію на 6 и на 10 часовъ позже противъ росписанія. А запаздыванія по Восточно-Китайской дорогѣ къ югу отъ Харбина вполнѣ извинительны, потому что „планы перевозки“ Главнаго Штаба составлены только до Харбина; дальнѣйшее движеніе, въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, регулируется уже на мѣстѣ въ зависимости отъ многихъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ военнаго времени.

Кстати о Великомъ Сибирскомъ пути и о Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ, которыя только что проѣхалъ изъ конца въ конецъ.

Въ самомъ началѣ нынѣшней войны мнѣ пришлось читать отчетъ полковника германской службы Гедке, военнаго корреспондента газеты „Berliner Tageblatt“ о работоспособности нашего магистральнаго рельсоваго пути. Рядомъ съ зловѣщими слухами, циркулировавшими въ обществѣ, которыми дѣятельность этой жизненной артеріи Дальняго Востока рисовалась въ мрачномъ видѣ, полковникъ Гедке, напротивъ, указывалъ на замѣчательное благоустройство дороги и безукоризненную ея работу въ дѣлѣ лихорадочной перевозки нашихъ войскъ на театръ войны.

Пишущій эти строки самъ,—хотя и въ малой степени,—причастенъ къ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ по постройкѣ сибирскаго магистральнаго рельсоваго пути (по составленію записокъ и докладовъ, сбору статистическихъ данныхъ о движеніяхъ

грузовъ и проч.) и былъ очевидцемъ начала постройки; поэтому весьма естественно, что отзывы о дѣятельности Сибирской желѣзной дороги при настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ пріобрѣтали для меня исключительный интересъ, заставляя провѣрить всѣ эти толки на мѣстѣ.

Штабъ дивизіи „у себя—дома“.

Всѣмъ памятно, что въ свое время извѣстная,—небольшая, правда, часть нашей печати,—рьяно возставала противъ постройки Сибирской желѣзной дороги, доказывая, что дорога нужна лишь офицерамъ и чиновникамъ; когда, наконецъ, совершилась закладка пути, многіе увѣряли, что окончанія постройки слѣдуетъ ожидать не ранѣе чѣмъ чрезъ столѣтіе, ссылаясь на примѣръ Канады, гдѣ при

длинѣ Трансатлантической желѣзной дороги вдвое короче Сибирской, и при американской энергіи вдвое интенсивнѣе нашей, постройка продолжалась 16—18 лѣтъ, раззорила три акціонерныхъ компаніи и чуть не вызвала банкротства самого правительства. Всѣ эти предсказанія не оправдались: мнѣ суждено было видѣть въ полуоконченномъ состояніи лишь первыя два начальныхъ звена этого грандіознаго пути—сѣверный и южный участки Уссурійской желѣзной дороги; а теперь, какихъ-нибудь десять лѣтъ спустя, пришлось уже проѣхать по всему Сибирскому пути отъ начала и почти до конца.

Не вдаваясь въ подробности, можно положительно сказать, что въ лицѣ этого гигантскаго рельсоваго пути наше желѣзнодорожное строительство выдержало безпримѣрный экзаменъ. Достаточно сказать, что со времени объявленія войны, съ начала февраля, пропускная способность дороги уже увеличена почти въ *два раза;* и достигнуто это не эфемерными средствами, а увеличеніемъ въ такое короткое время числа разъѣздовъ, расширеніемъ сѣти запасныхъ путей и т. п. Правда, для подвозки войскъ на театръ войны наше военное вѣдомство располагаетъ сейчасъ всего лишь 3—4 поѣздами, и общая провозоспособность не превышаетъ 5—6 паръ поѣздовъ; но если и армія, и флотъ, и крѣпости готовились къ войнѣ только на бумагѣ, занимаясь на самомъ дѣлѣ мирными дѣлами,—то министерству путей сообщенія, призванному радѣть о дѣлахъ мирныхъ, позволительно было всего менѣе думать о войнѣ.

Работы по усиленію пропускной способности еще не закончены: приступлено къ работамъ „второй категоріи“, которыя обѣщаютъ дальнѣйшее увели-

ченіе пропускной способности дороги.... Это должно успокоить опасеніе относительно работоспособности Сибирской желѣзной дороги по доставленію на Дальній Востокъ новыхъ подкрѣпленій, когда мы соберемъ тамъ достаточно сильную армію и дорога будетъ занята исключительно подвозомъ боевыхъ и жизненныхъ запасовъ для питанія этой арміи.

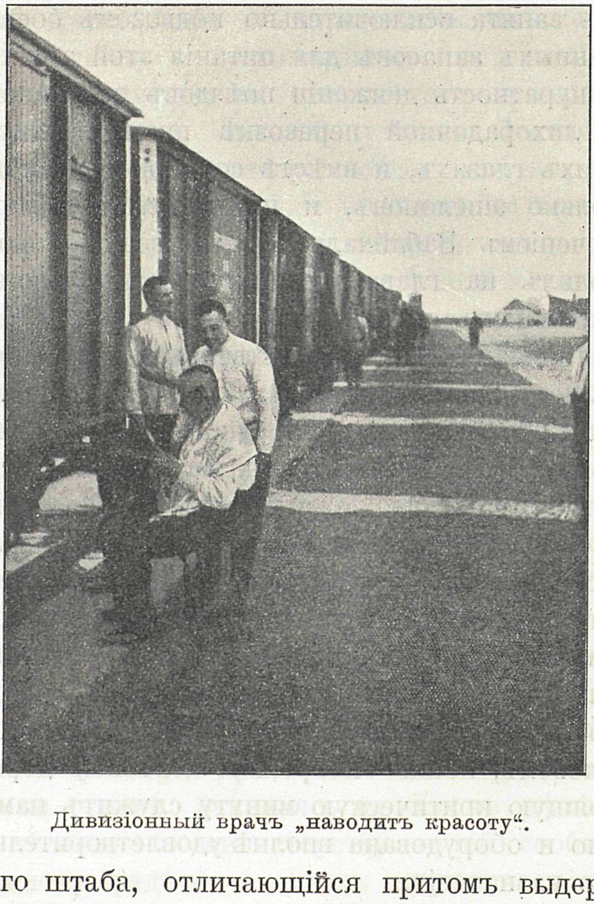
Аккуратность движенія поѣздовъ при такой массовой лихорадочной перевозкѣ прямо изумительна: на моихъ глазахъ, и вмѣстѣ со мною, прослѣдовало нѣсколько эшелоновъ, и ни одинъ изъ нихъ (за исключеніемъ Забайкальской желѣзной дороги) не приходилъ на главные пункты со сколько-нибудь значительнымъ опозданіемъ.

Организація продовольственныхъ пунктовъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: средства, повидимому, отпущены щедрой рукой; возведены на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ пунктахъ хорошія казармы, столовыя, имѣются даже и бани, которыми могутъ пользоваться и нижніе чины, и офицеры. Довольствіе войскъ производится или на продовольственныхъ пунктахъ, или изъ походныхъ кухонь, помѣщаемыхъ въ приспособленныхъ вагонахъ. Кипятокъ отпускается, конечно, безплатно, на каждой станціи изъ спеціально построенныхъ для этой цѣли особыхъ домиковъ.

Словомъ, наша Сибирская желѣзная дорога въ настоящую критическую минуту служитъ намъ прекрасно и оборудована вполнѣ удовлетворительно для своего назначенія.

Мукденъ служитъ теперь резиденціей Намѣстника адмирала Алексѣева. Вмѣсто 4-хъ часовъ, какъ это заявили мнѣ при приходѣ эшелона, насъ задержали здѣсь 20 часовъ.

Вмѣстѣ съ нашимъ начальникомъ штаба дивизіи пошелъ навѣстить стараго пріятеля генералъ-маіора Ф—га, являющагося въ штабѣ Намѣстника вершителемъ всѣхъ судебъ. Это способнѣйшій офицеръ гене-

Дивизіонный врачъ „наводитъ красоту".

ральнаго штаба, отличающійся притомъ выдержаннымъ симпатичнымъ характеромъ. Намѣстникъ и штабъ его занимаютъ группу желѣзнодорожныхъ домиковъ и построекъ вблизи вокзала; тутъ же на особой рельсовой вѣткѣ стоитъ поѣздъ изъ 6 — 7 пре-

лестныхъ пульмановскихъ вагоновъ съ электрическимъ освѣщеніемъ. Въ виду невыносимой жары адмиралъ Алексѣевъ переселился изъ вагона въ изящный домикъ, находящійся тутъ же, а когда въ домѣ показалась сырость, то онъ опять перешелъ въ вагонъ.

Сегодня, 7 іюля, какъ-разъ пріѣхалъ въ Мукденъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, чтобы доложить главнокомандующему о задуманномъ переходѣ въ наступленіе; такимъ образомъ я въ этотъ день неожиданно встрѣтился и познакомился съ нѣкоторыми офицерами изъ близко стоящихъ къ адмиралу Алексѣеву и генералу Куропаткину. Сразу обрисовываются два противоположныхъ, враждебныхъ другъ другу, лагеря:—приближенные Алексѣева ругаютъ Куропаткина; доказываютъ, что съ нашимъ приходомъ у него уже 165 баталіоновъ, съ которыми можно уже предпринять наступательныя дѣйствія; а Куропаткинъ все увѣряетъ, что это силы недостаточныя. Въ лагерѣ Куропаткина, въ свою очередь, ругаютъ Алексѣева и его гофкригсратъ. Не довольствуясь руганью по адресу Куропаткина, свита Алексѣева считаетъ своей обязанностью ругать и всѣхъ ставленниковъ Куропаткина—генерала Штакельберга, гр. Келлера и др., доказывая, что это такіе же бездарности какъ и ихъ патронъ, и потому-то они всѣ побиты. Состоящій при Намѣстникѣ полковникъ М—совъ увѣряетъ меня, что послѣ Вафангоу Алексѣевъ не можетъ равнодушно слышать имени Штакельберга, и неоднократно и настойчиво требовалъ уже отъ генерала Куропаткина заставить „героя Вафангоу“ подать рапортъ о болѣзни (!)...

Свита Намѣстника недовольна, конечно, и мор-

скими операціями, и ругаетъ также всѣхъ портъ-артурскихъ и владивостокскихъ адмираловъ. Со словъ адмирала Алексѣева полковникъ М—совъ повѣдалъ мнѣ и такое откровеніе: японцы маскируютъ свои потери во флотѣ, вводя въ эскадры разныхъ „купцовъ“ подъ военными вымпелами, въ то время когда поврежденныя военныя суда чинятся въ докахъ; такъ что число вымпеловъ, показывающихся въ морѣ, выходитъ очень грозное, „а на самомъ дѣлѣ это все гнилые купцы“... Такъ оно было и съ Витгефтомъ 10 іюня, когда онъ вышелъ въ море, чтобы прорваться во Владивостокъ, а возвратился назадъ въ Артуръ, думая что встрѣтился съ превосходными силами. „За то же и намылилъ ему голову адміралъ Алексѣевъ“, — прибавилъ мнѣ на-ухо полковникъ М—совъ: — „Намѣстникъ недавно написалъ письмо адмиралу Витгефту, выражая ему упрекъ въ неспособности на рѣшительное дѣло“...

Словомъ, ругаютъ все и всѣхъ. А въ свитѣ Куропаткина ругаютъ Алексѣева и его штабъ, доказывая, что это худшій изъ всѣхъ существовавшихъ гофскригсратовъ, который отъ нечего дѣлать мѣшается во все, и все портитъ.

Все это вмѣстѣ произвело такое грустное впечатлѣніе, что больно сожалѣлъ — зачѣмъ я побывалъ въ штабѣ Намѣстника; ѣдешь на войну съ вѣрой въ будущее, что съ приходомъ подкрѣпленій, съ окончаніемъ сосредоточенія всѣхъ силъ повернется когда-нибудь военное счастье и въ нашу сторону. Но развѣ мыслима побѣда, когда на верхахъ вооруженныхъ силъ на театрѣ войны царятъ такой разладъ, полнѣйшее недовѣріе другъ къ другу и даже взаимная ненавистъ. Вѣдь чего только не могутъ на-

творить въ наше время гнусный карьеризмъ въ союзѣ съ ненавистью! Вѣдь и генералъ Куропаткинъ былъ трудолюбивымъ работникомъ до своего назначенія военнымъ министромъ, а когда назначили военнымъ министромъ, онъ увидѣлъ на практикѣ, что тутъ лавировать приходится вовсе не при помощи талантовъ и труда, а посредствомъ особой приспособляемости,—особой министерской политики, своего рода внутренней и внѣшней... И эта министерская среда загубила дѣльнаго работника, втянувъ его въ совершенно чуждую ему область политики. Зато адмиралъ Алексѣевъ, по всеобщему отзыву, отъ природы ни на что больше и неспособенъ какъ на политику карьеризма. Еще весною 1893 г. мнѣ пришлось встрѣтиться съ адмираломъ Алексѣевымъ на „Николаѣ I“; и тогда уже всеобщіе отзывы характеризовали его какъ „дипломата среди моряковъ, и моряка среди дипломатовъ“... Но онъ изучилъ пути современнаго бюрократическаго карьеризма, и использовалъ ихъ полностью на несчастье нашей родины.

Однако, мы до сихъ поръ не знаемъ, куда насъ направятъ изъ Мукдена. Когда вмѣстѣ съ начальникомъ дивизіи я встрѣчалъ генерала Куропаткина, послѣдній высказалъ: „сейчасъ переговорю съ адмираломъ Алексѣевымъ и вырѣшится куда отсюда двинуть вашу дивизію; первый полкъ вашей дивизіи и часть штаба корпуса находятся уже въ Дашичао; можетъ быть и вы туда направитесь“. Изъ позднѣйшихъ толковъ съ лицами свиты обоихъ лагерей выяснилось, что изъ-за насъ идетъ теперь борьба между Куропаткинымъ и Алексѣевымъ: первый настаиваетъ на необходимость двинуть насъ въ Дашичао, а Алексѣевъ опасается за участь Мукдена — а слѣдова-

тельно и за безопасность своей персоны — въ виду того, что Куроки стоитъ на прямомъ пути въ Мукденъ черезъ Бенсиху, въ обходъ Ляояна съ востока, и можетъ, такимъ образомъ, пробраться въ Мукденъ гораздо скорѣе, чѣмъ туда подоспѣетъ Куропаткинъ изъ Дашичао. Казалось бы, и безъ того Алексѣевъ плѣнилъ въ Мукденѣ слишкомъ много войскъ, которыя здѣсь держатся безъ всякаго дѣла, должно быть „для представительства“, совершенно излишняго на театрѣ войны; тутъ находятся теперь Читинскій пѣхотный полкъ, Оренбургскій казачій полкъ, конвойная сотня и еще другія части...

Возвратившійся отъ адмирала Алексѣева, генералъ Куропаткинъ сообщилъ начальнику дивизіи— „пока-что вы останетесь въ Ляоянѣ“... Значитъ адмиралъ Алексѣевъ поставилъ на своемъ... А тутъ же нѣкоторые изъ приближенныхъ Алексѣева говорятъ мнѣ, что — „навѣрное Куропаткинъ васъ съ двумя баталіонами пошлетъ въ Дашичао, а два оставитъ въ Ляоянѣ“...

— „Для чего же такая операція можетъ понадобиться Куропаткину?“

— „А для того, чтобы выдержать свой принципъ:—разрывать на клочья всякія тактическія единицы. Генералъ Куропаткинъ доконалъ-таки этой стратегіей японскаго начальника штаба“.

— „То есть, какъ это понимать?“

— „Да развѣ Вы не слышали, что случилось съ этимъ начальникомъ штаба! Да какъ же! Собирая свѣдѣнія о русскихъ войскахъ на театрѣ войны, начальникъ японскаго штаба впадалъ въ бѣшенство, встрѣчая одну войсковую часть въ десяти различныхъ мѣстахъ, и находя войсковыхъ начальниковъ

въ однѣхъ мѣстахъ, а ввѣренныя имъ войска въ другихъ; а затѣмъ въ третьемъ мѣстѣ находя винигретъ изъ всевозможныхъ частей и начальниковъ. Бился, бился японецъ надъ этой путаницей, повѣсилъ пару развѣдчиковъ; а когда убѣдился, что онъ не распутается, то учинилъ *харакири* и распоролъ себѣ животъ"...

Встрѣтилъ на вокзалѣ „знаменитаго" Тифонтая; обнялись и расцѣловались какъ старые друзья. Этотъ самый Тифонтай 10 лѣтъ тому назадъ участвовалъ въ моей экспедиціи по Сунгари, и за время продолжительнаго совмѣстнаго путешествія въ часы досуга и прилива откровенности разсказывалъ мнѣ много интересныхъ подробностей интимнаго свойства о своихъ подрядахъ и поставкахъ военному вѣдомству и при постройкѣ Сѣверно-Уссурійской желѣзной дороги. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, въ истинѣ которыхъ я не сомнѣваюсь, такъ какъ, находясь на Дальнемъ Востокѣ во время этой желѣзностроительной эпопеи, приходилось не мало слышать повѣствованій подобнаго рода отъ людей заслуживающихъ полнаго довѣрія.

— „Мнѣ и инженерному полковнику Б.", разсказывалъ Тифонтай, „канцелярія начальника работъ по постройкѣ Сѣверо-Уссурійской жел. дороги предложила взять подрядъ на постройку обширнаго участка—работы земляныя и каменныя—на сумму всего около 900 тыс. руб.; заключили мы условіе, выговорили неустойку и полученіе аванса въ 90.000 рублей, который изъ Владивостока должны были перевести въ Хабаровское Казначейство для выдачи намъ. Наступилъ срокъ выдачи аванса, а онъ еще не переведенъ изъ Владивостока, несмотря на многія наши

телеграммы, остающіяся безъ отвѣта. Тѣмъ временемъ мы съ полковникомъ расчухали, что контрактъ для насъ невыгоденъ и, воспользовавшись нарушеніемъ его со стороны начальника работъ невыдачей въ срокъ аванса, объявили контрактъ расторгнутымъ. При вторичномъ заключеніи контракта мы включили нѣкоторыя поправки въ расцѣнку, составлявшія разницу въ нашу пользу на 115 т. руб. Опять былъ назначенъ срокъ выдачи аванса черезъ Хабаровское казначейство, и опять денегъ не даютъ. Теперь-то ужъ намъ невыгодно было рвать контрактъ, и мы терпѣливо ждали, пока въ Хабаровскъ пріѣхалъ Г—ій (извѣстный желѣзнодорожный подрядчикъ, нажившій огромное состояніе при постройкѣ Южно-Уссурійской жел. дороги), который и разъяснилъ намъ въ чемъ дѣло: подъ диктовку Г—го мы послали телеграмму такого содержанія—„переведите авансъ какъ Г—му", и мы на другой же день получили деньги, изъ которыхъ 15% должны были уступить для канцеляріи".

Впрочемъ, мало-ли было злоупотребленій въ этой „странѣ чудесъ и курьезовъ", какъ называютъ сибиряки свой край. Курьезнѣе всего то, что эти злоупотребленія раскрываются иногда курьезнѣйшимъ образомъ. Покойный приамурскій генералъ-губернаторъ С. М. Духовской пилъ всегда утренній чай съ французской булкой; и вотъ, однажды, въ холодное февральское утро 1895 года генералъ-губернаторъ оказывается безъ булки, которой нельзя было достать во всемъ Хабаровскѣ. Сейчасъ-же командировали чиновника особыхъ порученій С—ча выяснить, въ чемъ тутъ дѣло. Раскрылась на Южно-Уссурійской жел. дор. обширная область всевозможныхъ зло-

употребленій при отправкѣ грузовъ. И—все благодаря генералъ-губернаторской булкѣ.

Въ послѣдніе годы пришлось много читать въ газетахъ про Тифонтая, имя котораго все звончѣе гремитъ на Дальнемъ Востокѣ. Онъ прекрасно ведетъ свою политику съ мѣстной высшей администраціей и легко наживаетъ милліонъ за милліономъ. Мнѣ указывали, что Тифонтай совсѣмъ обрусѣлъ, что онъ принялъ русское подданство и даже „женился" на русской. Но во время поѣздки со мною по Манчжуріи у Тифонтая оказывалась жена съ дѣтьми чуть ли не во всѣхъ городахъ по Сунгари: какъ же ему не имѣть русской „жены" въ Россіи!

Теперь въ Мукденѣ Тифонтай ворочаетъ большими дѣлами. Вѣроятно не одинъ милліонъ изъ русской казны перепадетъ въ китайскіе карманы Тифонтая. Онъ поставляетъ для арміи все, что угодно. Говорятъ, что онъ предложилъ даже за 1 милліонъ рублей взять въ свои руки *развѣдочную* часть, чтобы освободить офицеровъ генеральнаго штаба отъ тяжелой и отвѣтственной задачи; и увѣряютъ, что въ штабѣ склонялись къ этой идеѣ. До сихъ поръ жалуются на недостатокъ свѣдѣній о противникѣ и трудность добывать ихъ, и—чего добраго—покажется заманчивымъ запречь Тифонтая начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія. Полагаю, что за второй милліонъ онъ согласился бы быть и начальникомъ штаба. Мы, вѣроятно, не прочь были бы отдать съ подряда Тифонтаю и все веденіе войны, — только дай намъ побѣду...

Мнѣ вспоминается и моя „развѣдка", которую я во время своей экспедиціи въ 1895 году поручилъ Тифонтаю въ Хуланъ-ченѣ: узнавъ о существованіи

карты Манчжуріи китайскаго издѣлія, я поручилъ ему достать такую карту: и вотъ онъ мнѣ на другой день доставилъ... карты *игральныя* китайской работы.

Китайскій купецъ, въ особенности оперившійся, вѣрующій въ свои силы, возьмется за все, что угодно, Но со стороны нашего штаба мнѣ представляется дикой самая идея о передачѣ развѣдокъ въ руки Тифонтая—обратить его въ „глаза арміи" и сдѣлать вершителемъ нашихъ операцій. На мои вопросы о его новомъ „подрядѣ" Тифонтай только отшучивался, не давая отвѣта. Не сомнѣваюсь, что мысль о направленіи развѣдывательной службы этимъ оригинальнымъ путемъ—если во всѣхъ этихъ слухахъ есть дѣйствительно доля правды—могла зародиться лишь въ штабѣ намѣстника, гдѣ готовы „съ молотка" сдать все, что угодно, чтобы самимъ ничего не дѣлать и ни за что не отвѣчать...

Въ штабѣ Намѣстника меня увѣрили насчетъ Портъ-Артура, что крѣпость можетъ продержаться еще около $1^1/_2$ *мѣсяцевъ*; мясо съ нѣкотораго времени даютъ лишъ 1—2 раза въ недѣлю, свирѣпствуетъ дезинтерія, которая тамъ даетъ себя чувствовать лѣтомъ и въ обыкновенное время, а теперь, при условіяхъ осажденной крѣпости, конечно, еще сильнѣе.

Ляоянъ. 8-го іюля въ 9 часовъ вечера пріѣхали въ Ляоянъ. Разстояніе отъ Мукдена 59—60 верстъ мы тащились сутки. Я указалъ завѣдывающему передвиженіемъ на такую медленность движенія войскъ недалеко отъ мѣстъ боя, гдѣ иногда все дѣло можетъ рѣшить своевременно прибывшій баталіонъ.

— „А вы видѣли экстренный поѣздъ Куропаткина съ 10—12 Пульмановскими вагонами и двойной тягой?“ возразилъ мнѣ завѣдующій, — „могу васъ увѣрить, что каждая экстренная поѣздка Куропаткина въ Мукденъ, навстрѣчу направленію воинскихъ поѣздовъ изъ Россіи, задерживаетъ движеніе эшелоновъ, по крайней мѣрѣ, на 3—4 дня...

Какъ хорошо было бы, еслибы Куропаткину не надо было ѣздить съ докладами къ Алексѣеву!..

Ляоянъ представляетъ собою настоящій военный станъ, въ особенности на вокзалѣ, гдѣ постоянно бурлитъ огромнѣйшая, но одношерстная толпа военнаго люда всевозможнаго званія. Неожиданно, впрочемъ, прорывается съ ногъ сшибательная картинка такого рода: изъ дверей вокзала величественно выступаютъ, разодѣтыя съ большимъ вкусомъ, одна за другой три „дамы“, невѣдомо какимъ путемъ попавшія на бранное поле съ парижскихъ avenues. Откуда? Что это, и кто?..

Ухмыляющійся полевой жандармъ, слѣдовавшій за этими „дамами“, стрѣлявшими зажигательными стрѣлами „Амура“ въ многочисленные кружки офицеровъ, прохлаждавшихся въ эту жару за столиками,— сразу разъяснилъ въ чемъ дѣло. Не довольствуясь обворожительными улыбками и заигрываніями „развѣдочнаго“ характера, „американочки“ прямо вопрошали громко:

— „Нѣтъ-ли, господа, попутчиковъ въ Россію? Мы воевать не будемъ... Въ купэ будутъ царить миръ и согласіе“...

Я обратился съ вопросомъ къ моему собесѣднику, ознакомившемуся уже достаточно съ мѣстной жизнью на театрѣ войны: какъ же эти „дамы“ могли пробраться

на театръ войны, когда на ст. Манчжурія такой строгій контроль и никого не пропускаютъ безъ надлежащихъ документовъ и разрѣшеній?

— „А эти „дамы“ прибыли сюда сестрами милосердія, подъ флагомъ Краснаго Креста, а затѣмъ предпочли утѣшать разныхъ скорбящихъ въ тылу, „состоящихъ въ распоряженіи“.

Неужели въ прежнія войны тоже существовало такое гнусное святотатство, чтобы флагъ Краснаго Креста прикрывалъ, хотя бы по ошибкѣ, такую мерзость; или эта извращеннѣйшая разнузданность нравовъ порождена только нашимъ временемъ?

Вечеромъ, я съ трудомъ добился въ штабѣ корпуса необходимыхъ свѣдѣній, гдѣ будетъ расположена пока подъ Ляояномъ наша дивизія, а вмѣстѣ съ нею и мой полкъ.

ГЛАВА VI.

Въ Бенсиху—отдѣльнымъ отрядомъ.

Первый бивакъ подъ Ляояномъ. Вызовъ въ штабъ корпуса. Походъ въ Бенсиху. Соприкосновеніе съ противникомъ. Назначеніе меня начальникомъ отдѣльнаго отряда. Первая тревога. Женщина-воинъ. Интендантство. Гастролеры изъ штаба Намѣстника. Тревожная телеграмма генералъ-адъютанта Куропаткина. Наши поиски на японскомъ берегу Тайцзыхе. Первый блестящій бой и первые японскіе плѣнные. Поздравительныя телеграммы отъ генерала Куропаткина и генерала Бильдерлинга. Неудачный поискъ генерала Л—на.

9 іюля. По необходимости приходится выступить на назначенный полку бивакъ подъ Ляояномъ въ 3 часа дня, въ самую раскаленную жару. Со мною осталась всего лишь полурота отъ 1-й роты, составляющая караулъ при знамени и денежномъ ящикѣ, и крошечный штабъ полка, безъ полковаго адъютанта,—который все еще гуляетъ въ тылу, „медленно поспѣшая“ нагнать полкъ.

Первый нашъ походъ показалъ намъ трудности передвиженія въ такую адскую жару. Люди только что высадились изъ вагоновъ; послѣ 5 недѣльной „высидки“, знаменующей собою дальній „походъ“, люди не только не втянулись, но отвыкли отъ всякой ходьбы; утомились, конечно, послѣ первой же

версты, растянулись и разбрелись во всѣ стороны;— такъ что остался на „колонномъ пути“ лишь одинъ ротный командиръ, бодро и одиноко шагавшій среди разсыпавшихся въ сторонѣ отъ дороги, уныло бродившихъ нижнихъ чиновъ. Я невольно подумалъ, что дисциплина марша немножко напоминаетъ „порядокъ“ японскихъ походныхъ движеній, который мнѣ однажды пришлось видѣть въ Японіи; неудобно мнѣ было, командиру полка, присутствовать при такомъ порядкѣ движеній и я напомнилъ это ротному командиру, который съ трудомъ собралъ половину людей и сформировалъ нѣчто въ видѣ „строя“.

Весь-то переходъ нашъ изъ Ляояна въ дер. Сычаныо составлялъ всего лишь 11 вер., которыя мы прошли въ *пять* часовъ, дѣлая около 2 верстъ въ часъ. И это двигается не полкъ, а полурота. Если наступать будемъ съ такой скоростью, то не скоро дойдемъ до Кореи...

Поздно ночью я расположился на бивакѣ съ одной полуротой. Кругомъ, говорятъ, пошаливаютъ хунхузы, а у меня на рукахъ денежный ящикъ, знамя и сплошное китайское населеніе, въ которомъ не отличишь, конечно, хунхуза:—всѣ съ косами. Выставилъ посты, оставивъ взводъ въ резервѣ, и расположился чай пить. Скоро пришли начальникъ штаба дивизіи со старшими адъютантами для „установленія связи“. Оказалось, что штабъ дивизіи въ 4—5 верстахъ отъ штаба моего полка; у нихъ даже и конвоя нѣтъ, такъ что штабъ дивизіи прикрытъ... молитвами святыхъ угодниковъ.

Подъ Ляояномъ, 10 іюля. Одинъ эшелонъ собирается на бивакѣ, еще два баталіона прибываютъ сегодня. Только осмотрѣлся немного кругомъ, какъ

въ 4 часа дня получаю записку, что меня экстренно требуютъ въ штабъ корпуса, и чтобъ въ тоже время полкъ—изъ котораго налицо я вижу только одну роту—готовился къ немедленному выступленію въ походъ. Сдѣлалъ необходимыя распоряженія и помчался къ Ляоянъ, въ штабъ корпуса. Здѣсь мнѣ въ краткихъ словахъ командиръ корпуса сообщилъ, что согласно свѣдѣніямъ, полученнымъ штабомъ нашей арміи, Куроки съ 5 дивизіями сталъ на прямомъ пути движенія на Мукденъ черезъ Бенсиху, въ обходъ Ляояна и его укрѣпленій; для преграждeнія этого движенія посылается отрядъ въ составѣ 3-хъ баталіоновъ, $^1/_2$ батареи и $^1/_2$ сотни казаковъ.

Мнѣ и предписывается, въ качествѣ начальника отряда, завтра въ 5 час. утра выступить въ Бенсиху за 60—70 верстъ къ востоку отъ Ляояна вверхъ по Тайцзыхе; при этомъ мнѣ читаютъ записку генералъ-адъютанта Куропаткина, что мнѣ предстоитъ одолѣть два горныхъ перевала, которые я попутно обязанъ разработать; двигаться на-легкѣ, лишнихъ грузовъ не брать, а если нельзя будетъ съ артиллеріей перебраться черезъ горы, „*бросить пушки* и двигаться въ Бенсиху съ одной пѣхотой“...

Я посмотрѣлъ на часы; было уже 9 час. вечера. Завтра въ 5 час. утра надо выступить всѣмъ полкомъ;—одинъ баталіонъ находится въ 11 верстахъ, другіе два теперь только высаживаются изъ вагоновъ, необходимо сейчасъ-же сообразить и рѣшить, что взять съ собою, что оставить и гдѣ оставить, каждая минута мнѣ дорога. А тутъ—начальникъ штаба начинаетъ мнѣ читать длинныя лекціи какъ дѣйствуютъ японцы и какъ надлежитъ дѣйство-

вать мнѣ... Невольно вспоминаешь записки генералъ-лейтенанта Зотова о русско-турецкой войнѣ, когда Непокойчицкій и Левицкій тоже любили писать въ приказахъ длинныя сентенціи по тактикѣ.

Было уже около 10 час. вечера и совершенно темно, когда я освободился, наконецъ, отъ урока по тактикѣ и помчался на вокзалъ, гдѣ среди необозримаго моря вагоновъ, путей и разнороднѣйшаго хаоса войскъ, командъ, китайцевъ, горъ разныхъ грузовъ и неумолкаемаго жужжанія разношерстной толпы я розыскалъ вагоны, изъ которыхъ въ эту минуту высаживались эшелоны моего полка. Раньше всего послалъ ординарца въ Сычанью, чтобы эшелонъ сейчасъ-же выступилъ въ Ляоянъ подъ начальствомъ завѣдывающаго хозяйствомъ подполковника С—ва. А потомъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія на мѣстѣ. Лишь въ 3 часа ночи прибылъ эшелонъ изъ Сычанью. Временный начальникъ эшелона совсѣмъ раскисъ и уже жалуется на болѣзнь, всѣ офицеры нервничаютъ... Но это, конечно, пройдетъ все. Первые шаги. Да и ночь, всѣ недоспавши, недоѣвши.

На сборы и соображенія всякаго рода мы располагали временемъ отъ 2—3 час. ночи до 6-ти час. утра. Вопросовъ нарождалась тьма: извѣстно было, что предстоитъ движеніе по дикимъ горнымъ тропкамъ, съ обозомъ и артиллеріей; надо было перебираться черезъ высокіе каменистые перевалы, по которымъ туземные жители поддерживаютъ сообщеніе только при помощи муловъ и осликовъ; приказано еще по пути разрабатывать дорогу; надо было рѣшить, что взять съ собою, что оставить тутъ въ Ляоянѣ, —рѣшить сейчасъ же, безотлагательно, не

имѣя, однако, конкретныхъ свѣдѣній о характерѣ ожидающихъ насъ препятствій... Сидя на лугу, среди наваленныхъ вещей и обозовъ, среди неумолкаемаго гомона взбудораженнаго предстоящимъ походомъ бивака, вблизи полотна желѣзной дороги и неустанно маневрирующихъ паровозовъ, я усиленно напрягалъ всю силу памяти и сообразительности, чтобы взвѣсить, что взять, что не взять, куда сложить, кому сдавать и проч.

11—15 іюля. Походъ въ Бенсиху. Отяжелѣвшія мысли, усталость безсонной, нервно проведенной ночи,—все отлетѣло, когда наступило утро, а съ нимъ и пора выступленія въ походъ.

Собрались и построились почти три баталіона полка... Въ первый разъ я стою лицомъ къ лицу съ моимъ полкомъ на мѣстѣ настоящей службы, на театрѣ войны... Да и меня полкъ видитъ въ первый разъ передъ собою. Съ взаимнымъ любопытствомъ поглядываемъ другъ на друга; ощупываемъ другъ друга проникновенными взглядами, стараясь сколько-нибудь узнать другъ друга... Я мысленно обратился съ горячей молитвой къ Богу, прося Его помощь въ предстоявшемъ мнѣ трудномъ дѣлѣ... Безъ напоминаній и командъ люди сами, по собственному побужденію, какъ одинъ, сняли шапки, перекрестились, и мы тронулись въ первый походъ,—навстрѣчу невѣдомымъ, но жгучимъ событіямъ.

Съ 7-ми час. утра наступила уже адская жара, которая усугублялась прямо банною атмосферой. Съ первыхъ же шаговъ видно было, что походъ будетъ нестерпимо тяжелый: невыносимая жара, люди — большей частью туляки, заводскіе рабочіе, призванные изъ запаса—въ трудности похода не втянуты; тягость

неопредѣленнаго, но грознаго будущаго невольно отягчаетъ каждый шагъ навстрѣчу этому будущему...

Послѣ 5—6-ти верстъ марша замѣчаются уже отсталые, есть случаи солнечныхъ ударовъ, доктора подбираютъ больныхъ и отсталыхъ въ лазаретныя двуколки, которыя быстро наполняются. Пускаемъ въ ходъ всѣ мѣры, чтобы уменьшить число отсталыхъ; дѣлаемъ чаще остановки, за баснословныя цѣны нанимаемъ китайскія арбы, на которыя складываемъ солдатскія вещи, чтобы облегчить сколько-нибудь солдатскую ношу. Придя на большой привалъ, узнаемъ, что одинъ солдатъ, солнечнымъ ударомъ пораженъ смертельно; всѣ мѣры докторовъ оказываются тщетными, и бѣдняга лежитъ съ открытыми безжизненными глазами и неумолкаемо не то стонетъ, не то кричитъ, совершенно автоматически; хочется доставить его скорѣе въ копи Янтай, гдѣ есть летучій отрядъ Краснаго Креста, хотя доктора увѣряютъ, что едва ли доживетъ до вечера...

Поздно ночью пришли на бивакъ, занявъ для этого поневолѣ китайское кладбище. Вообще въ Манчжуріи, въ большинствѣ случаевъ, наилучшими мѣстами для биваковъ служатъ кладбища, потому что кругомъ всюду все засѣяно, нѣтъ пяди свободной земли, топтать посѣвы запрещено, отдохнуть же людямъ нужно; поэтому кладбища являются для обѣихъ сторонъ—для войскъ и населенія—безобидными бивачными мѣстами: тутъ всегда есть и тѣнь, и травка; непріятно только то, что приходится иногда располагаться рядомъ съ покойникомъ, скрывающимся въ гробу, поставленномъ прямо на поверхности земли, и проявляющимъ свое присутствіе сильнымъ запахомъ.

Въ первые часы прихода на бивакѣ стоитъ неумолкаемый гулъ и обычная сутолока бивачной жизни; многочисленные костры точно искрами вкраплены въ непроглядной тьмѣ; около костровъ суетятся силуеты людей, кипятятъ чай, пріятно шипятъ и шумятъ походныя кухни, возвѣщая близость горячей пищи. Что за благодать эти походныя кухни для солдата! Раньше, бывало, придешь на ночлегъ усталый, измученный, съ полной увѣренностью, что обѣда не дождешься, потому что кухни въ обозѣ, который, конечно, всегда приходитъ позже; а когда, наконецъ, обозъ пришелъ, — доставай котлы, рой очагъ, добывай воды, топливо, начинай варить, — словомъ, канитель такая, что и голодный солдатъ мысленно отказывался отъ обѣда—который поспѣетъ послѣ полуночи—лишь бы только поскорѣй предаться отдыху и спасительному сну для того, чтобы къ утру освѣжить силы къ предстоящему новому переходу. Теперь одновременно съ приходомъ на привалъ или ночлегъ приходятъ и кухни,—получай обѣдъ и отдыхай.

Догараютъ костры, затихаетъ шумливый говоръ бивака, нарушаемый только предсмертными хрипами, вылетающими изъ лазаретной двуколки, гдѣ лежитъ пораженный солнечнымъ ударомъ ряд. Малышевъ. Мало-по-малу затихаетъ все кругомъ, затихаетъ и онъ бѣдняга... Первая наша жертва. Не хочется хоронить его здѣсь, въ полѣ, и веземъ его съ собою на каменноугольныя копи Янтайскія, гдѣ какъ-никакъ есть русская колонія. Тамъ вырыли могилу, которая вмигъ точно затонула среди горъ полевыхъ цвѣтовъ и зелени, доставленныхъ со всѣхъ сторонъ товарищами; простой некрашенный крестъ обвѣшанъ

вѣнками и гирляндами изъ полевыхъ цвѣтовъ; у изголовья покойника на поставленную кѣмъ-то тарелочку въ одинъ часъ, изъ однѣхъ копѣечекъ, накопилось свыше 28 руб., которые отправлены семьѣ покойнаго. Такъ родные горемыки отзывчивы къ чужому горю:—сердце сердцу говоритъ знакомымъ, понятнымъ языкомъ. Въ присутствіи отряда полковой священникъ совершилъ отпѣваніе, и мы выступили дальше.

Увы! Впослѣдствіи, въ бояхъ, проходилось хоронить десятки и сотни нашихъ жертвъ безъ торжествъ, упрощеннымъ порядкомъ...

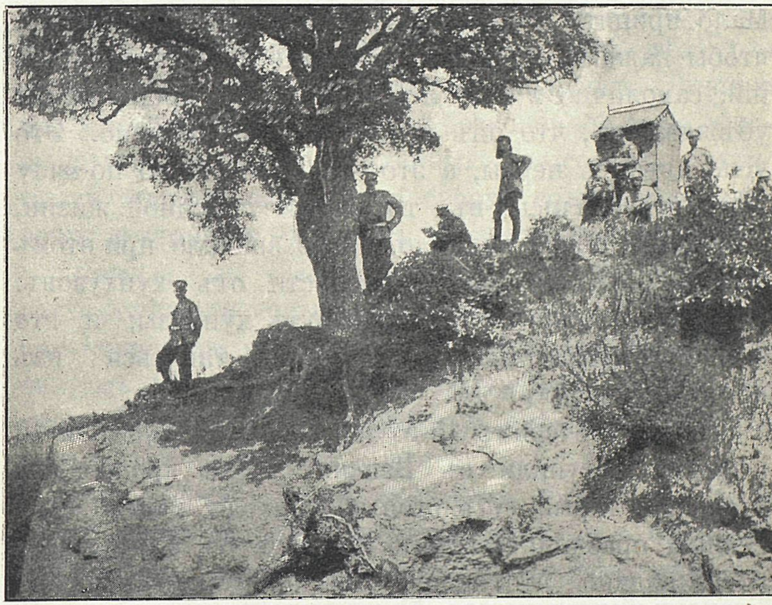
Втянулись въ горы, начались перевалы и спуски. Добрались до перевала Вангоулинъ. Оказывается, что по роковой ошибкѣ проводниковъ мы направились по худшей дорогѣ, наименѣе разработанной. Приходится лошадей изъ орудій и зарядныхъ ящиковъ выпрягать вовсе, лотки со снарядами вынимать и переносить на рукахъ. Въ орудія впрягаются люди, изъ пѣхоты конечно, 80—100 чел. въ каждое, и на длинныхъ лямкахъ тянутъ на крутизны; иногда, карабкаясь на крутомъ каменномъ косогорѣ, приходится длинными канатами удерживать орудіе еще сбоку, чтобы оно не сорвалось въ пропасть или крутой обрывъ, которые мѣстами сопровождаютъ дорогу. Хорошо еще, что день сегодня не жаркій: люди надрываются, но не теряютъ бодрости духа, пуская время отъ времени веселыя прибаутки. Каждая пушка окрещена или „Марьей Ивановной“, или „теткой Пелагеей“:

— „Ну, Марья Ивановна, повертывайся“...

— „Ну-ка, тетка, упрись задомъ“.

Взобравшись на вершину перевала, впрягаемъ

коренныхъ лошадей, въ ящики вставляемъ лотки со снарядами, надѣваемъ тормаза и на канатахъ спускаемъ съ перевала. Посмотрѣть бы со стороны на эти дикіе каменистые утесы, казалось-бы,что никогда не удастся пройти тутъ съ артиллеріей и обозами.

На пути въ Бенсиху. — На вершинѣ перевала Вангоулинъ, при переваливаніи артиллеріи.

Но чего только не добьешься при помощи людей! Правда, мы на каждый перевалъ, протяженіемъ около 3—4-хъ верстъ, тратили не менѣе 10 — 12 час., такъ что потребовалось большое напряженіе, чтобы въ концѣ-концовъ все разстояніе, изъ Ляояна въ Бенсиху, 60—70 верстъ, осилить въ четыре перехода.

На перевалахъ и въ окрестныхъ мѣстахъ бродили шайки хунхузовъ; на ночь приходилось прини-

мать мѣры предосторожности, особенно необходимыя въ виду крайней усталости людей и ихъ возбужденнаго нервнаго настроенія: иначе—одинъ шальной выстрѣлъ ночью, и паника неминуема; начнутся взаимная стрѣльба и даже штыковыя атаки другъ на друга, какъ это и случалось въ другихъ частяхъ. Мало принять мѣры предосторожности: необходимо, чтобы каждый солдатъ, безъ словесныхъ толкованій, самолично видѣлъ эти мѣры и проникся бы убѣжденіемъ, что онъ можетъ спать спокойно. Это успокаиваетъ нервы, а это—главное. Мало по-малу люди втягивались въ трудности походной жизни, отсталыхъ почти не было. Много значило при этомъ сознаніе охватывающей опасности отъ хунхузовъ: отстанешь, и какъ-разъ подберутъ хунхузы; и это сознаніе подхлестывало, заставляя тянуться изъ послѣднихъ силъ.

Поздно вечеромъ 15-го іюля мы съ музыкой и пѣснями вступили въ Бенсиху. Для крошечнаго отряда, который тутъ стоялъ, приходъ нашъ былъ великій праздникъ: всѣмъ, конечно, на душѣ легче, когда видишь, что нашей силы привалило изрядно, особенно если принять во вниманіе, что это — уголокъ заброшенный и изолированный отъ мѣстъ группировки нашихъ войскъ, и въ то же время узелъ весьма важныхъ путей, къ которому по свѣдѣніямъ штаба арміи, потянулись уже японцы въ превосходныхъ силахъ. Не доходя еще до Бенсиху на разстояніи 1—2-хъ верстъ, къ намъ вышли навстрѣчу офицеры и показали намъ пресловутую сопку Даодинь-шань, названную нами „Столовой горой“, на которой сидѣли уже японцы. Каждый шагъ дальше былъ уже сближеніемъ съ непріятелемъ.

Втянулись въ дикое горное ущелье, представляющее собою узкій коридоръ, ведущій въ болѣе широкую продолговатую котловину, окруженную высокими горами, въ которой и расположено Бенсиху —селеніе въ 150—200 домовъ. Не входя въ селеніе, мы остановились бивакомъ на полосѣ пахоти, на которой, однако, никакой зелени не было. Совсѣмъ стемнѣло. Въ виду предстоящаго ратнаго дѣла рѣшено было отслужить краткій молебенъ. Дивную картину представляло собою безконечное море обнаженныхъ головъ, окаймленныхъ высокими скалистыми утесами, озаренныхъ сверху волшебнымъ луннымъ свѣтомъ и тонущихъ внизу въ ночной мглѣ...

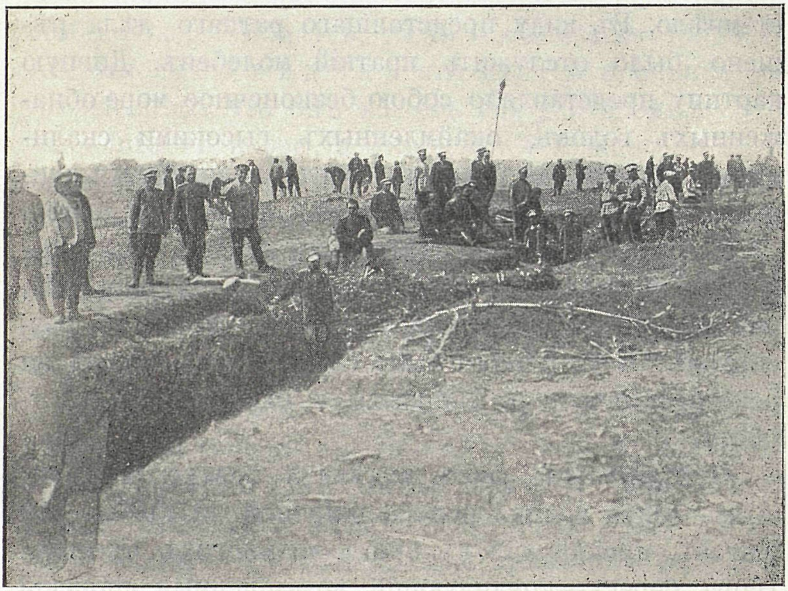
Бенсиху, 16 іюля. Нѣсколько часовъ сна коекакъ освѣжили силы. Адская жара и обычная банная атмосфера наступили уже чуть ли не съ разсвѣтомъ 16-го, а надо было сейчасъ же поѣхать на рекогносцировку р. Тайцзыхе и окружающей мѣстности.

Отъ японцевъ насъ отдѣляла только р. Тайцзыхе—узкая водная полоса шириной въ 100—150 шаговъ, проходимая въ бродъ во многихъ мѣстахъ. Нашъ берегъ—командующій, возвышенный; японскій берегъ—низменный, пологій.

Облюбовали мы позицію надъ самою рѣкой, и въ первую же ночь приступили къ работамъ по возведенію окоповъ, разработкѣ дорогъ и т. п. Потекла мирно-боевая жизнь. Японцы иногда обстрѣливали приближавшихся къ рѣкѣ; тѣмъ не менѣе нестерпимая жара многихъ манила выкупаться гдѣ-нибудь подъ кустомъ, съ оглядкой на японскій берегъ.

Несмотря на то, что нашъ бивакъ находится вполнѣ на лонѣ природы, окруженный необитаемы-

ми дикими скалами, да и селеніе Бенсиху гдѣ-то вдали отъ насъ въ разстояніи ½ версты — все-таки доносится откуда-то тяжелый невыносимый смрадъ. Оказывается, въ 5 шагахъ отъ моей палатки лежитъ разложившійся трупъ китайца... Меня утѣшили, что въ концѣ бивака валяется еще нѣсколько разло-

Постройка укрѣпленій.

жившихся труповъ китайскихъ покойниковъ, у которыхъ тяжелые гробы уже разобраны кавказцами 2-го Дагестанскаго полка, расположеннаго тутъ-же, рядомъ съ нами, на тѣсномъ бивакѣ.

Дѣло въ томъ, что китайцы обыкновенно хоронятъ своихъ покойниковъ въ толстыхъ гробахъ, оставляя ихъ на поверхности земли прямо гдѣ придется; солдату, между тѣмъ, необходимо топливо,

чтобы вскипятить себѣ чаекъ, сварить чумизу и т. п.; вотъ одинъ и разбираетъ крышку, другой—стѣнки, и въ концѣ-концовъ покойнику предоставляется просто поверхность клочка земли, гдѣ стоялъ его гробъ. Кромѣ того, по-сосѣдству съ нашимъ бивакомъ былъ другой бивакъ, гдѣ отбросы убитыхъ для солдатскаго котла животныхъ не зарывались въ землю съ достаточною заботливостью. Къ этому необходимо присоединить отбросы тысячъ людей, дающіе тоже себя чувствовать самымъ интенсивнымъ образомъ при малѣйшей невнимательности къ этому вопросу. Легко себѣ представить, насколько все это отравляло воздухъ при невыносимой жарѣ, влажной атмосферѣ и узкомъ гористомъ ущельѣ, препятствующемъ всѣмъ этимъ злокачественнымъ испареніямъ уноситься вверхъ и сколько-нибудь разсѣиваться.

И некуда передвинуться на другой бивакъ: тамъ, въ полуверстѣ впереди, въ мѣстечкѣ Бенсиху, уже седьмой день „отдыхаетъ“ дивизія генерала Ренненкампфа (раненаго,—вмѣсто него временно командуетъ генералъ-маіоръ Л—нъ), расположенная по китайскимъ дворамъ. Да и бросить этотъ бивакъ и перейти въ китайскіе дворы ради гигіены значитъ попасть изъ кулька въ рогожку, не говоря уже о кой-какихъ требованіяхъ боевой готовности при такой близости съ противникомъ.

Чтобы предохранить полкъ отъ тяжелыхъ санитарныхъ условій рѣшилъ оставить на позиціи 1-й баталіонъ и артиллерію, а остальные два баталіона и штабъ полка расположить въ Бейтапу, хотя-бы до ухода генерала Л-на съ казачьей дивизіей изъ Бенсиху. Рѣшеніе это осуществилъ въ тотъ же день. Осмотрѣвъ съ командиромъ 1-го баталіона ка-

питаномъ Г—мъ боевую позицію во всѣхъ подробностяхъ, назначилъ его начальникомъ боевой части, далъ надлежащую инструкцію и черезъ нѣсколько часовъ водворился съ остальными двумя баталіонами и штабомъ полка на новомъ бивакѣ, — въ Бейтапу, въ $2^1/_2$ верстахъ отъ Бенсиху, въ ожиданіи что генералъ Л — нъ выступитъ, вѣроятно, не сегодня — завтра изъ ввѣреннаго мнѣ раіона.

Однако, набралось насъ въ Бенсиху не мало самостоятельныхъ начальниковъ — три, даже четыре: генерадъ Л — нъ, я — посланный какъ начальникъ самостоятельный, командиръ прибывшаго сюда за нѣсколько дней до меня 2-го Дагестанскаго полка ханъ Н—ій и еще баталіонъ Срѣтенскаго резервнаго полка, тоже никому не подчиненный. Насъ всетаки недолго держали въ этомъ недоумѣніи: вечеромъ 16-го іюля мы получили увѣдомленіе штаба арміи, что я назначенъ начальникомъ отдѣльнаго отряда въ Бенсиху, въ составъ котораго входятъ, слѣдовательно, мой полкъ, 2-й Дагестанскій конный полкъ, баталіонъ и охотничья команда Срѣтенскаго полка, полубатарея 3 бригады, 2 орудія пограничной стражи и полусотня амурцевъ,—всего 5 баталіоновъ, $6^1/_2$ сотенъ и 6 орудій...

На новомъ бивакѣ мы стали испытывать на себѣ вредное вліяніе мѣстныхъ климатическихъ условій, пищи и воды: появились заболѣванія разстройствомъ органовъ пищеваренія, но, слава Богу, въ легкой формѣ и не въ угрожающихъ размѣрахъ. Все-же съ эвакуаціей больныхъ пришлось испытывать большія затрудненія, потому что ближайшія врачебныя заведенія и учрежденія Краснаго Креста находились въ Ляоянѣ и Мукденѣ, въ разстояніи 70—

50 верстъ, при крайне трудныхъ условіяхъ сообщенія по неудобнымъ дорогамъ. Приходилось поэтому для отправки каждаго больнаго или раненаго нанимать 8 китайцевъ-носильщиковъ, съ платой по 1 р. въ день каждому; а къ 8-ми китайцамъ нужно уже и конвой назначить.

Невольно вспоминалось обиліе врачей, сестеръ милосердія и отрядовъ Краснаго Креста около Ляояна, Мукдена и въ другихъ мѣстахъ; а въ такую глушь горную, какъ Бенсиху, никого, конечно, не тянетъ,—хотя отрядъ составился у насъ внушительный, и матеріалъ для дѣятельности Краснаго Креста —въ видѣ больныхъ и раненыхъ—былъ достаточный. Впослѣдствіи, уже въ срединѣ августа, возвращаясь съ отрядомъ изъ Бенсиху послѣ прибытія туда на смѣну другого отряда, мы на походѣ встрѣтили кн. П. Д. Долгорукаго, направлявшагося въ Бенсиху для устройства тамъ летучаго врачебно-питательнаго пункта; но осуществить это не удалось, потому что на второй или третій день послѣ ухода нашего отряда изъ Бенсиху японцы переправились на правый берегъ Тайцзыхе, а нашей арміи пришлось отступить.

Въ отношеніи санитарныхъ условій жизни войскъ въ Южной Манчжуріи необходимо замѣтить слѣдующее. Въ Европейской Россіи передъ выступленіемъ въ походъ высказывались всюду тревожныя опасенія относительно качествъ воды въ Манчжуріи; выписывались поэтому фильтры всякаго рода, взяты были съ собой большіе запасы химическихъ продуктовъ для обезвреженія воды. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что въ южной гористой Манчжуріи воды всюду обиліе и она большею частью родниковая, отличнаго

качества; около каждаго селенія, даже въ горныхъ трущобахъ, имѣются всегда одинъ или нѣсколько колодцевъ съ превосходною ключевою водой.

При всемъ томъ эта прекрасная, но непривычная для насъ вода заставила почти всѣхъ насъ,—и офицеровъ, и нижнихъ чиновъ, — въ той или иной степени хотя на день, два, или болѣе — быть жертвой мѣстныхъ заболѣваній. Причиной, конечно, тутъ служила не одна вода, а равнодѣйствующая многихъ другихъ условій — службы, климата, пищи... Пища, обезпеченія проводольствія отряда было почти все время предметомъ тревожныхъ заботъ. Въ наилучшіе дни, когда дождей нѣтъ и дороги совершенно сухи, надо было пробираться къ намъ черезъ два трудно доступныхъ перевала; послѣ же малѣйшихъ дождей сообщеніе совсѣмъ прерывалось, или было сопряжено съ невѣроятными трудностями.

Однако, надо было пощупать осязательно, что тамъ находится на японскомъ берегу. Выждавъ пониженія уровня воды, мы 20-го іюля предприняли рекогносцировку японскаго берега значительными силами. Для этой цѣли была направлена охотничья команда на столовую гору, чтобы притянуть туда вниманіе противника, и въ то же время главными силами направились къ извѣстному намъ броду на Тайцзыхе, въ 5—6-ти верстахъ ниже Бенсиху. Отряду пришлось пробираться по дикимъ козьимъ тропкамъ, чтобы подойти къ этому броду. Бывшія съ нами двѣ малыя пушки пограничной стражи пришлось буквально перенести на рукахъ.

Подошли, наконецъ, къ рѣкѣ и въ укрытомъ мѣстѣ остановились на привалъ. Отъ лазутчиковъ узнали, что на противоположномъ берегу японцы въ

послѣдніе дни стягивались внизъ по Тайцзыхе къ сторонѣ Гуцзяцзы, гдѣ ожидался бой, такъ что непосредственно противъ насъ имѣлись только пѣхотныя заставы. Предстояло, однако, длинной колоннѣ пѣхоты втянуться въ узкое открытое дефиле—глубокій бродъ и затѣмъ наступать по совершенно плоскому открытому берегу на протяженіи около 4—5-ти верстъ, обслѣдовать лежащія на пути китайскія деревушки и втянуться, наконецъ, опять въ открытое дефиле—опять глубокій бродъ—для обратнаго перехода черезъ Тайцзыхе на нашъ берегъ, на этотъ разъ уже тыломъ къ противнику.

И—все это не только подъ выстрѣлами, но и взорами противника! Сколько бѣдъ тутъ можетъ натворить хотя бы небольшая пѣхотная застава, скрытая въ горахъ въ какомъ-нибудь орлиномъ гнѣздѣ, какъ это часто практикуютъ японцы. Чтобы сколько-нибудь парализовать такія случайности кавалерія направилась на тотъ берегъ широкимъ фронтомъ, чтобъ расчистить дорогу. Длинной извилистой лентой потянулась наша нѣхота черезъ бродъ. Впереди въ кавалерійскихъ частяхъ слышны залпы; но насъ, пѣхотную колонну, не безпокоятъ.

Рекогносцировка наша обнаружила, что кромѣ пѣхотныхъ заставъ дѣйствительно ничего больше не было на японскомъ берегу. Кавалерія наша заставила эти пѣхотныя части отодвинуться въ ущелья, и мы такимъ образомъ благополучно поздно вечеромъ возвратились на свой бивакъ. Въ охотничьей командѣ не обошлось безъ потерь: одинъ убитъ и 2 ранены.

На другое же утро японцы поспѣшили къ намъ съ отвѣтнымъ визитомъ: около 4—5-ти часовъ утра въ 2—3-хъ верстахъ выше Бенсиху переправилась,

на нашъ берегъ полутора японской пѣхоты, которая однако, не осталась незамѣченной нашей заставой, открывшей по ней огонь, что заставило японцевъ убраться во-свояси; у насъ, однако, они ранили одного.

Выяснивъ, что противъ насъ находится, мы зажили сравнительно болѣе покойной, увѣренной жизнью. Конечно, рекогносцировки подобнаго рода гарантируютъ вѣрность разсчета лишь данной минуты, дня; ибо ничто не ручается за то, что на другой же день силы не подвергнутся какому-нибудь измѣненію вслѣдствіе прихода подкрѣпленій; все-же мы были оріентированы, зная приблизительно численность тѣхъ постоянныхъ силъ, которыя стояли противъ насъ.

17-го іюля. Генералъ Л—нъ выступилъ, наконецъ, изъ Бенсиху въ Уйиньянинъ, въ 4-хъ верстахъ выше по Тайцзыхэ, и я являюсь уже здѣсь полновластнымъ начальникомъ, непосредственно подчиненнымъ командующему арміей, которому ежедневно посылаю донесенія, получая отъ него непосредственно необходимыя указанія; но въ то же время посылаю донесенія такъ же и своему командиру корпуса генералу Бильдерлингу.

Потекла служба тревожная и отвѣтственная. Въ виду ухода казаковъ рѣшилъ со всѣмъ полкомъ расположиться на самомъ берегу Тайцзыхе, чтобы дать отпоръ японцамъ на случай попытокъ съ ихъ стороны къ форсированной переправѣ. Вмѣстѣ съ баталіонными командирами выбралъ и указалъ позицію для боя, биваки баталіоновъ, линію передовыхъ постовъ, расположеніе секретовъ, пути дозоровъ и поздно ночью вернулся въ Бейтапу, назначивъ пере-

мѣщеніе на новый бивакъ въ 6 час. утра слѣдующаго дня.

18-го іюля. Къ 6 час. утра мы всѣ готовы къ выступленію. Полкъ стоитъ уже подъ ружьемъ, и я собираюсь уже садиться на лошадь, когда прискакалъ дагестанецъ съ запиской отъ полковника Хана Н—го такого содержанія:—„кн. Т—въ доноситъ, что японцы въ значительныхъ силахъ переправились на нашъ берегъ Тайцзыхе, въ обходъ нашего лѣваго фланга (значитъ—между мною и ген. Любавинымъ); баталіонный командиръ не знаетъ что дѣлать, я вступаю во временное командованіе отрядомъ“.

Я въ—карьеръ помчался на Тайцзыхе. По дорогѣ встрѣчаю раненаго на носилкахъ, котораго несутъ на перевязочный пунктъ... Боже мой! Первый бой, въ моемъ отрядѣ—хотя-бы въ авангардѣ—и безъ меня!.. Самые жгучіе упреки пронеслись у меня въ душѣ по моему же адресу... Черезъ 10 минутъ я, однако, былъ уже на мѣстѣ „боя“. Вижу командующій 1-мъ баталіономъ капитанъ Г—зъ,—этотъ надежнѣйшій офицеръ всего полка, — преспокойно стоитъ на своемъ посту, небрежно ковыряя что-то шашкой...

— „А гдѣ японцы? Много ли ихъ переправилось? въ какомъ мѣстѣ?“.

Капитанъ Г—зъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами. Оказалось, что ночью на нашъ берегъ переправился пѣхотный патруль японскій въ 2—3 человѣка, которые притаились въ горахъ и, дождавшись утра, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по бивaку, ранивъ кашевара 14 роты, который мирно готовилъ обѣдъ. Этимъ визитомъ японцы хотѣли отвѣтить на мой визитъ, нанесенный наканунѣ на ихъ берегъ.

Устраиваемся на новомъ бивакѣ. Это небольшая сравнительно площадка, конечно, засѣянная сплошь— какъ каждая пядь земли въ южной Манчжуріи— гаоляномъ, чумизой и т. п. Вызвалъ хозяевъ, произвели оцѣнку и выплатилъ имъ за посѣвы, которые мы сейчасъ же вырѣзали, чтобы поставить палатки.

Ослики на службѣ: подвозка воды и патроновъ на позицію во время боя. (Къ стр. 190).

Площадка, послужившая намъ мѣстомъ бивака, составляетъ самую обширную (около 500×600 шаговъ) равнину въ ущельѣ, которое идетъ отъ Бенсиху въ направленіи на сѣверъ версты на 2—3. Со всѣхъ сторонъ нашъ бивакъ окруженъ высокими горами, доступными только для пѣшеходовъ.

Отъ Тайцзыхе и японцевъ нашъ бивакъ закрытъ высокимъ крутымъ хребтомъ, на вершинкѣ котораго мы поставили нашу батарею... „Отгадай моя родная“—

какой это будетъ гребень „французскій“, или „германскій“... О, теорія и практика! Какъ много значитъ подлинная подготовка въ своемъ дѣлѣ, а не фиктивный самообманъ. Невольно вспоминалъ я затѣмъ: — что бы было съ нашей батареей, если-бы ей пришлось состязаться съ японской артиллеріей... Въ бояхъ на Шахэ мы уже не искали гребней французскихъ или германскихъ и не ставили батарей на вершинки. Всѣ лекціи, которыя мы слышали въ Калугѣ передъ отправленіемъ на войну о пользованіи новой, только что выданной намъ, скорострѣльной пушкой, о стрѣльбѣ по невидимымъ цѣлямъ, о „французскомъ“ и „германскомъ“ гребнѣ, очевидно не принесли намъ — говорю и про артиллеристовъ,—много пользы. И когда нужно было теперь въ Бенсиху поставить батарею на позицію, мы добросовѣстнѣйшимъ образомъ забыли всѣ лекціи и, памятуя то, чѣмъ напитались на школьной скамьѣ и на маневрахъ, искали и для наводчика хорошій обстрѣлъ и кругозоръ, а для сего воздвигли батарею на самую верхушку горы, замаскировавъ ее, по старымъ завѣтамъ, хворостомъ и тому подобнымъ; съ большими трудностями по скалистому грунту разработали дорогу изъ ущелья на батарею,—т. е. на вершину горы, а объ устройствѣ наблюдательнаго пункта мы не сразу подумали — вѣроятно изъ увѣренности, что командиру батареи и нѣтъ иного мѣста какъ на батареѣ. Впослѣдствіи мы уже научились по опыту какъ располагать наши батареи и не затруднялись обращать въ артиллерійскую позицію *русло рѣки*...

Устроивъ бивакъ, я поискалъ кругомъ мѣстечко, гдѣ бы поставить мою палатку. Нигдѣ ни кусочка тѣни. Единственнымъ представителемъ растительнаго

царства служила дикая яблоня, подъ которой пріютились двѣ могилы китайскія, а между ними втиснулъ я и свою палатку. Сосѣдство было не изъ пріятныхъ: тутъ въ тѣни искали убѣжище миріады всякихъ мухъ, роились черви, копошился всякій „гнусъ“ (по сибирскому выраженію). Зато весь бивакъ, батарея и линія передовыхъ постовъ были у меня передъ глазами: лежа у себя въ палаткѣ, при открытомъ спереди полотнищѣ, я видѣлъ каждый день смѣну (части, конечно) аванпостовъ, ихъ службу и проч. И это обстоятельство мнѣ не мало портило крови: никакъ нельзя было добиться, чтобы смѣна производилась съ возможной скрытностью, чтобы нижніе чины не вылѣзали на вершины сопокъ, выставляя себя на показъ несомнѣнно наблюдавшему насъ противнику...

Томитъ адская жара, отъ которой нѣтъ спасенія. Раскаленный солнцемъ и насыщенный обильной влагой воздухъ представляетъ собою какую-то банную атмосферу, которая видимо осѣдаетъ и сгущается на днѣ ущелья. Я сбросилъ съ себя почти все, что могъ, нисколько не конфузясь тѣни китайскаго праведника, на могилѣ котораго я распивалъ чай, диктуя адъютанту приказъ на слѣдующій день. И—вдругъ, женщина!.. Настоящая русская женщина!.. Откуда сіе привидѣніе? Полагаю, что наше изумленіе будетъ понятно безъ лишнихъ словъ, если вспомнить, что мы давно уже были оторваны отъ всего внѣшняго міра, не только заключающаго въ себѣ какіе-нибудь намеки на родину, но хотя бы на живую связь съ остальной нашей арміей. Мы чувствовали себя оторванными и заброшенными куда-то въ гористыя дебри, откуда 30 лѣтъ скачи—если черезъ малодоступные

перевалы скакать вообще можно—пока куда нибудь доскачешь.

И — вдругъ женщина!..

Я раньше всего вспомнилъ про мое неизящное дезабилье. Но я еще не успѣлъ прибавить кое-что къ моему фиговому костюму, какъ смуглая, довольно внушительныхъ размѣровъ, незнакомка приблизилась ко мнѣ вплотную и начала съ мѣста весьма рѣшительнымъ тономъ.

— „Нѣтъ, Вашескородіе, вы возьмите меня къ себѣ. Какъ хотите, а я съ ними не могу!".

— „А вы кто-же будете? гдѣ вы? и что здѣсь дѣлаете?".

— „Да я китайскій переводчикъ. Пошла на войну добровольцемъ, и сейчасъ служу во 2-мъ Дагестанскомъ полку. Моя фамилія Смолка".

— „Гдѣ же вы тамъ живете? Гдѣ спите?"

— „Да вмѣстѣ съ этими казаками; но они грубые азіаты и потому хочу отъ нихъ уйти. Возьмите меня къ себѣ".

— „Нѣтъ, милая, не могу, потому что въ полковомъ обозѣ такой грузъ не предусмотрѣнъ закономъ; да и со временъ ланцкнехтовъ нѣтъ уже сопряженныхъ должностей. А переводчикъ у меня уже есть, вотъ мой Иванъ Иванычъ".

Отказъ мой, повидимому, немного обидѣлъ эту авантюристку или загадочную особу, которую мнѣ впослѣдствіи приходилось не разъ встрѣчать на театрѣ войны. Что бы про нее ни разсказывали, не подлежитъ сомнѣнію одно, вынесенное мною изъ всего, что приходилось слышать про эту оригинальную женщину: отличалась она неустрашимымъ мужествомъ и страстной любовью къ военному дѣлу, старалась уча-

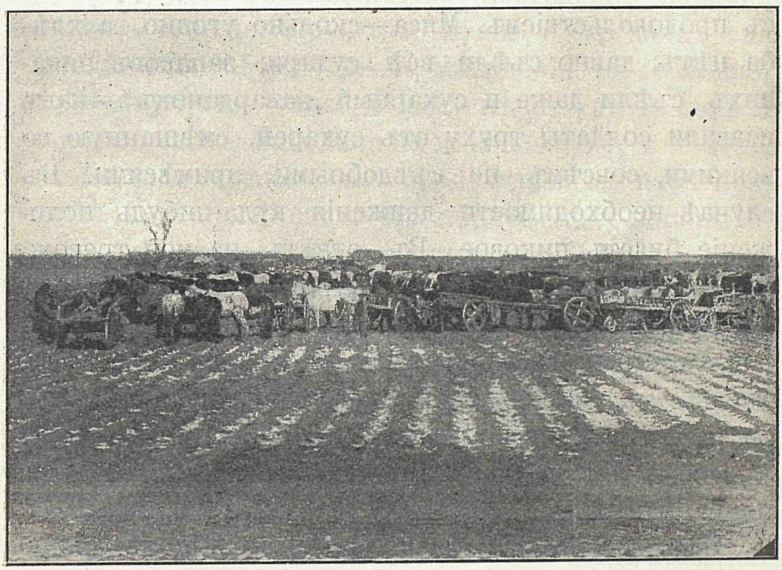
ствовать во всѣхъ опасныхъ рекогносцировкахъ и поискахъ, находясь всегда и всюду въ первыхъ рядахъ. Одѣвалась въ костюмъ наполовину мужской, наполовину женскій, съ шашкой черезъ плечо и съ револьверомъ за поясомъ. Верхомъ ѣздила лихо и, конечно, по-мужски, отважно садясь на первую предоставленную ей лошадь. Благодаря знанію китайскаго языка весьма часто доставляла очень цѣнныя свѣдѣнія. Черты лица—нѣсколько грубоватыя, какъ для женщины 30—35 лѣтняго возраста; но видимо обладала крѣпкимъ здоровьемъ, выносливостью и атлетическимъ тѣлосложеніемъ. Китайскій языкъ г-жа Смолка изучила во Владивостокѣ и, повидимому, языкъ знала хорошо, такъ какъ говорила бѣгло и китайцы понимали ее съ перваго слова.

Во всякомъ случаѣ, эта женщина-воинъ представляетъ собою одно изъ оригинальныхъ явленій, выплывающихъ иногда на поверхность войны.

Время отъ времени доходятъ иногда къ намъ разныя хозяйственныя распоряженія отъ непосредственнаго начальства. И—это пожалуй, единственная связь, сохранившаяся у меня съ этимъ начальствомъ. По приказанію командующаго арміей полкамъ предписано обзавестись осликами, по 3—4 на каждую роту,—т. е. требуется сразу цѣлый табунъ ословъ, а къ нимъ и вьючныя приспособленія, конечно. Гдѣ ихъ взять здѣсь въ горахъ? Для этого командировали поручика В—ти, который со свойственной ему распорядительностью и энергіей блестяще исполнилъ порученіе, и черезъ нѣсколько дней каждая рота имѣла отъ 2 до 3 осликовъ съ прелестными бочатами для подвозки воды въ горахъ. Этотъ вислоухій слуга сослужилъ намъ впослѣдствіи хорошую службу, когда

надо было подвозить патроны, пищу, или воду, въ горахъ, или по мѣстности равнинной, но сильно обстрѣливаемой.

Прислали также огромное количество китайскихъ арбъ съ запряжкой по 4 лошади на каждую роту— для облегченія ноши солдатской: т. е. — предпола-

Арбяной транспортъ.

галось, очевидно, возить на этихъ арбахъ солдатскія шинели. А у меня, кстати, люди давно уже освобождены не только отъ носки веригъ въ видѣ скатанной шинели, но и отъ мундировъ, башлыковъ и даже излишняго бѣлья и прочихъ солдатскихъ вещей. Нижніе чины очень довольны полученными, наконецъ, солдатскими накидками; а при здѣшней жарѣ днемъ и ночью можно вполнѣ довольствоваться накидкой и гимнастеркой.

Какъ дорого все обходится нашей казнѣ: эти ветхія арбы обходятся каждая въ 560 рублей, запряженныя тремя дохлыми китайскими лошаденками посредствомъ перегнившей веревочной сбруи. Арбы эти поставлены для арміи попеченіемъ начальника транспортовъ.

19 — 24 іюля. Испытываемъ большія затрудненія съ продовольствіемъ. Мяса—сколько угодно, а хлѣба нѣтъ; давно съѣли всѣ сухари; запасовъ никакихъ, съѣли даже и сухарный „кавардачокъ“—какъ назвали солдаты труху отъ сухарей, смѣшанную со всякими, совсѣмъ не съѣдобными, примѣсями. Въ случаѣ необходимости движенія куда-нибудь положеніе будетъ пиковое, Въ отвѣтъ на мои тревожныя донесенія генералу Куропаткину, генералу Бильдерлингу, я получилъ, наконецъ, около 200 пудовъ сухарей, доставленныхъ на арбахъ Тифонтая. *За перевозку* приказано полку уплатить *свыше 2300 рублей*, т. е. по 30 слишкомъ копѣекъ за *каждый фунтъ*. А для полка 200 пудовъ сухарей — это на одинъ завтракъ.

Интендантство, конечно, не сразу вспомнило про нашъ отрядъ, заброшенный далеко въ гористыя дебри и когда въ первые же дни у насъ вышли всѣ запасы до послѣдней сухарной трухи включительно, а скораго подвоза ожидать нельзя было, —насъ невольно охватила лихорадочная тревога: что будетъ дальше, вѣдь отряду нужны ежедневно до сотни пудовъ муки, десятки головъ скота и проч... Но тутъ-то сказалось завидное богатство южной Манчжуріи: заброшены мы были въ районъ горный, сравнительно менѣе населенный и слабѣе воздѣланный; почти все лѣто здѣсь проходили или стояли отряды

нашихъ войскъ, которые, конечно, мало по-малу поглощали всѣ мѣстныя средства; и при всемъ томъ,—едва лишь мы оглядѣлись, какъ свободно находили на мѣстѣ почти все, что намъ было нужно: зеленаго корма для лошадей—сколько угодно и недорого, скотъ тоже; такъ что мясо обходилось около 3—4 рублей пудъ. Интендантство постепенно наладило подвозъ ячменя, крупы и муки, и когда въ силу стихійныхъ условій (дожди, нападенія на транспорты хунхузовъ,—не всегда безуспѣшно) этотъ подвозъ замедлялся, мы находили на мѣстѣ и муку, и ячмень...

Да и населеніе стало проникаться къ намъ большимъ довѣріемъ, видя, что не только офицеры, но и солдаты расплачиваются полной монетой за все, и что приняты строгія мѣры для предотвращенія всякихъ насилій и обидъ мирнымъ жителямъ. Постепенно открылись лавочки, отворялись запертыя, было, ставни и двери въ домахъ и лавкахъ, оживилась торговля. И дерутъ же съ насъ китайцы! Лѣтъ десять тому назадъ мнѣ приходилось побывать въ Манчжуріи съ особой экспедиціей: бывшіе со мною казаки покупали и вымѣнивали себѣ тогда лошадокъ мѣстной породы, получая за старый заржавленный револьверъ-бульдогъ тульской работы (стоящій въ продажѣ 6—7 руб.) одну, а то и двѣ лошади; за скотину средней величины просили 5—10 руб., курицу 5—10 коп., и все въ этомъ родѣ. Теперь даже за чумизу (родъ проса) китайцы не лѣнились драть по 2 руб. за пудъ, за скверную лошадку требовали 75—100 руб., и мы вынуждены платить. Ничего не подѣлаешь—если нужно, à la guerre, comme à la guerre. Все же жалко видѣть, какой широкой рѣкой льется въ Китай русское золото. И невольно подумаешь,—

попалъ бы хотя маленькій ручеекъ этого добра въ какую-нибудь Калужскую или Тульскую губернію, какъ бы ожило и воспрянуло населеніе...

Сегодня получилъ отъ генералъ-адъютанта Куропаткина очень тревожную телеграмму: — „*Опасайтесь въ эти же дни нападенія на васъ превосходныхъ силъ Куроки,—не менѣе 2-хъ дивизій*“...

А тутъ какъ-разъ пришелъ рядъ интендантскихъ транспортовъ, доставившихъ 20 тысячъ пудовъ разныхъ продовольственныхъ грузовъ; и обѣщаютъ еще каждый день доставлять по 2 тысячи пудовъ... Не было гроша, и сразу алтынъ... Однако, куда же такая уйма грузовъ? Для моего отряда это слишкомъ много, потому что намъ нуженъ только хлѣбъ, и ничего больше. Притомъ же телеграмма командующаго арміей,—опасайся каждый день съ твоимъ полкомъ ввязаться въ бой съ цѣлымъ корпусомъ японцевъ... А въ тылу у меня длинное горное ущелье на протяженіе $2^1/_2$—3 верстъ, въ которомъ и безъ того мѣстами и двуколка повернуться не можетъ, а теперь оно буквально закупорено интендантскими арбяными транспортами въ высшей степени неуклюжими. Для обороны полка противъ корпуса это ущелье, пожалуй, кстати... если японцы не обойдутъ; а они непремѣнно двинутся не черезъ ущелье занятое нами, — значитъ всѣ эти запасы завѣдомо жечь надо будетъ...

При томъ же нѣтъ никакого интендантскаго чиновника: всѣ эти транспорты приходятъ все на мое имя. Не то отрядомъ командуй и соображай что нужно сдѣлать, чтобы согласно телеграммѣ генерала Куропаткина преградить движеніе Куроки на Мукденъ, не то обратиться нужно къ обязанностямъ

смотрителя магазина—принимай, учитывай и окарауливай интендатскіе запасы. Недолго думая, я погналъ всѣ транспорты назадъ въ Ляоянъ и Мукденъ, оставивъ для отряда что нужно было дней на 8 — 10 и написалъ записку полевому интенданту (ген. Губеру), что не могу взять на себя обязанности смотрителя интендантскаго магазина, а ввѣрен-

Арбяной транспортъ съ грузомъ.

ный мнѣ отрядъ имѣетъ боевое назначеніе и не можетъ быть обращенъ въ караульную команду; поэтому,—если въ Бенсиху надлежитъ устроить складъ интендантскій, то прошу прислать чиновника. Повидимому, полевой интендантъ на меня обидѣлся и пожаловался генералу Куропаткину, отъ котораго я черезъ два дня получилъ телеграмму съ запро-

сомъ:—чѣмъ я руководствовался прогнавъ назадъ транспорты. Пришлось отвѣтить, что руководствовался отъ него же полученнымъ предостереженіемъ о предстоящемъ нападеніи на Бенсиху превосходныхъ силъ Куроки. Позднѣйшій ходъ событій вполнѣ оправдалъ мое рѣшеніе: всѣ эти грузы несомнѣнно достались бы японцамъ при поспѣшномъ отступленіи О—го полка, смѣнившаго насъ впослѣдствіи.

Тревожная телеграмма генералъ - адъютанта Куропаткина заставила принять рядъ всевозможныхъ мѣръ боевого и хозяйственнаго характера: усилили бдительность, разъѣзды, патрули; всѣ обозы, даже походныя кухни, держимъ внѣ ущелья и т. д.

Появился въ Бенсиху новый „развѣдчикъ“: изъ штаба Намѣстника прибылъ въ Бенсиху полковникъ К. съ охотничьей командой и 2 — 3 офицерами со спеціальнымъ самостоятельнымъ порученіемъ „развѣдать о противникѣ“... Удивительная нелѣпость, которая въ одинъ мѣсяцъ повторяется уже второй разъ. За нѣсколько дней до моего прибытія въ Бенсиху былъ уже такой казусъ, о которомъ генералъ Л—нъ мнѣ разсказалъ слѣдующее: „10 — 12 іюля является ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ М — ъ, который заявилъ, что по распоряженію штаба Намѣстника прибылъ съ охотничьей командой произвести развѣдку противника въ Бенсиху... Неугодно-ли! Въ Бенсиху есть казачья бригада, Дагестанскій конный полкъ, батальонъ, охотничьи команды и т. д., у которыхъ каждый день передъ глазами японскій берегъ; что можно, конечно, развѣдали, знаютъ и донесли куда слѣдуетъ. А тутъ посылаютъ вдругъ изъ штаба Намѣстника „для развѣдки“ еще какую-то команду, являющуюся на новое мѣсто какъ въ

лѣсъ дремучій, безъ всякой оріентировки. Что имъ показать, что разсказать,—когда они присланы собственно отнюдь не для развѣдокъ, а для орденовъ!.. Представьте себѣ положеніе штаба Намѣстника:— въ станѣ Куропаткина есть пораженія, но есть и „боевыя отличія“, даются по крайней мѣрѣ ордена; а тутъ—ничего, кромѣ власти! какъ ею не воспользоваться, тѣмъ болѣе, что при штабѣ болтается не мало „состоящихъ *при*“, алчущихъ и жаждущихъ боевыхъ наградъ. Вотъ и придумываются „развѣдки“. Явился генеральнаго штаба капитанъ М—ъ, переправилъ онъ на японскій берегъ несчастную охотничью команду, въ которую японскій постъ со Столовой горы, какъ въ открытую дичь, сдѣлалъ десятокъ выстрѣловъ, ранилъ тяжело нѣсколько нижнихъ чиновъ, смертельно раненъ завѣдывающій командой подпоручикъ Ивановъ, который черезъ нѣсколько дней умеръ. А генеральнаго штаба капитанъ М—ъ вернулся въ Мукденъ, представилъ реляцію и... получилъ Владиміра съ мечами, что и требовалось доказать“...

Примѣръ этотъ при штабѣ Намѣстника — возъимѣлъ, конечно, надлежащее дѣйствіе, и теперь явился въ Бенсиху съ охотничьей командой новый „развѣдчикъ“ уже въ чинѣ полковника, бывшій командиръ полка.

1—7 августа. До сего времени тревожная телеграмма командующаго арміей ничѣмъ не оправдалась. Японцы небольшими командами переправляются ночью иногда на нашъ берегъ, но и мы въ долгу не остаемся, и отдаемъ визитъ въ ту же ночь, или въ слѣдующую; но признаковъ готовящейся переправы большихъ силъ непріятеля пока не видно.

Замѣтили мы въ началѣ августа, что на япон-

скомъ берегу р. Тайцзыхе, въ 5—6-ти верстахъ выше Бенсиху, накопилось около 30-ти плотовъ, а на берегу сложено свыше тысячи бревенъ. Можно было допустить предположеніе, что этотъ лѣсной матеріалъ принадлежитъ мирнымъ китайскимъ лѣсопромышленникамъ и приготовленъ для сплава по Тайцзыхе въ Ляоянъ; но съ одинаковой вѣроятностью можно было предположить, что матеріалъ собранъ японцами для устройства здѣсь переправы черезъ Тайцзыхе, что вполнѣ согласовалось съ общимъ положеніемъ дѣлъ. Это послѣднее предположеніе было тѣмъ болѣе вѣроятно, что японцы видимо очень интересовались этими плотами: появлялись офицерскіе разъѣзды, которые занимались счетомъ плотовъ и бревенъ, и т. п. Словомъ, надо было весь этотъ матеріалъ или уничтожить, или переправить на нашъ берегъ, тѣмъ болѣе, что и до того времени мы тщательно угоняли съ японскаго берега шаланды и лодки, которыхъ у насъ накопилось уже около 200 штукъ.

Такъ какъ мѣсто сбора плотовъ находилось противъ расположенія генерала Л—на въ Уйиньянинѣ, то я и сообщилъ ему о необходимости уничтожить эти плоты, что казалось мнѣ удобнымъ произвести при помощи казаковъ, которые могли быстро переправиться обратно верхомъ, тогда какъ для пѣхоты требовались уже лодки (для пѣхоты рѣка на всемъ этомъ участкѣ въ бродъ непроходима вовсе); и положеніе пѣхоты, отрѣзанной непроходимой въ бродъ Тайцзыхе при появленіи японцевъ, несомнѣнно скрытыхъ въ горахъ, было бы не изъ пріятныхъ. Генералъ Л—нъ предоставилъ, однако, мнѣ самому заняться этой операціей...

Наша вылазка и бой на японскомъ берегу 7 августа.

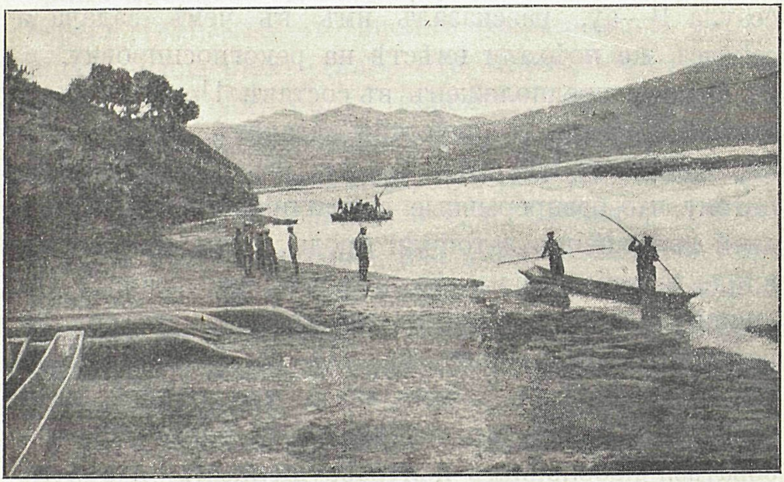
Задумавъ уничтоженіе заготовленныхъ плотовъ, я 6 августа, вечеромъ, пригласилъ капитана Г—за, завѣдывающаго охотничьей командой штабсъ-капитана Х—ва и командира Амурской полусотни подъесаула В—ау, разсказалъ имъ въ чемъ задача и сейчасъ же поѣхали вмѣстѣ на рекогносцировку.

Отрядъ предположенъ въ составѣ $1^1/_2$ ротъ, охотничьей команды и полусотни казаковъ. Надо было переправиться на тотъ берегъ; въ бродъ нельзя, потому что безпрерывные дожди предшествовавшихъ дней совершенно затопили броды, рѣка стала вдвое шире, теченіе весьма стремительно; на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ всадникъ устоять не можетъ, уровень же воды поднялся аршина на $1^1/_2$—2. Ожидать спада воды тоже нельзя: почемъ знать, что родитъ намъ завтрашній день; для переправы мы могли воспользоваться небольшимъ полуразрушеннымъ паромомъ и дырявой шаландой, остальныя наши лодки были для задуманной цѣли непригодны.

Штабсъ-капитанъ Х—въ и В—ау отговариваютъ меня всѣми силами отказаться отъ задуманной операціи. Лищь одинъ капитанъ Г—зъ молчитъ и не высказывается вовсе.

Принялъ необходимыя мѣры, чтобы съ нашего берега оказать этому предпріятію поддержку соотвѣтствующимъ расположеніемъ пѣхоты и моей немногочисленной артиллеріи, я назначилъ вылазку на слѣдующій день въ 5 час. утра.

7 августа мы собрались къ переправѣ. За ночь вода въ Тайцзыхе еще больше прибыла. Сдѣлалъ необходимыя указанія и распоряженія, назначилъ капитана Г—за начальникомъ всей этой экспедиціи и съ однимъ изъ „эшелоновъ" переѣхалъ и самъ на японскій берегъ. Раньше всѣхъ переправлены 20—30 амурскихъ казаковъ и часть охотниковъ,

Бенсиху. На р. Тайцзыхе. Первый нашъ поискъ на японскій берегъ 7 августа.

чтобы образовать заслонъ, подъ прикрытіемъ котораго продолжалась переправа. Предстояло дальше двигаться по открытому японскому берегу, непріятель каждый часъ могъ появиться изъ виднѣющихся горныхъ ущелій. И тогда положеніе нашего отряда, двигающагося фланговымъ маршемъ на виду противника съ одной стороны и широкой бурной рѣки безъ переправы съ другой, могло бы стать

прямо критическимъ; насъ убаюкивала надежда, основанная, впрочемъ, на добытыхъ передъ тѣмъ свѣдѣніяхъ, что значительныхъ силъ японцевъ противъ насъ не имѣется.

Захватили мы съ собой и нашего „Ивана Ивановича“, китайскаго переводчика, который долженъ былъ по прибытіи на мѣсто плотовъ разъяснить китайскимъ плотовщикамъ, что уничтожать ихъ товаръ мы не желаемъ, и если они хотятъ его сохранить, то должны немедленно переправить на нашъ берегъ; на переговоры дается 5 минутъ, послѣ чего сейчасъ же рубить плоты, причалы и бросить все по теченію.

Подъ руководствомъ энергичнаго и распорядительнаго Г—за вся эта длительная процедура переправы пошла довольно бойко; даже Х—въ и В—ау пріободрились послѣ переправы первыхъ партій. Черезъ 4 часа на японскомъ берегу сосредоточился весь отрядецъ; быстро выслали во всѣ стороны „глаза“—амурскихъ казаковъ.

Японцы пока ничѣмъ себя не обнаруживаютъ,—ни единаго выстрѣла; а наблюдатели ихъ несомнѣнно имѣются на сосѣднихъ горахъ. Это мы доподлинно знаемъ, такъ какъ не разъ убѣждались въ этомъ частыми поисками, не проходившими для насъ безъ потерь. Благословилъ людей на быстрое наступленіе и переправился обратно на свой наблюдательный пунктъ. Отъ „начальника кавалеріи“, прикрывающаго фланговый маршъ, подъесаула В — ау, получаются одно за другимъ тревожныя донесенія о появленіи „баталіоновъ“ японцевъ чуть ли не во всѣхъ лощинахъ, выходящихъ на нашъ флангъ; онъ всѣми силами старается убѣдить въ необходимости отступленія, иначе—„грозитъ катастрофа“...

Около полудня обнаружено присутствіе японцевъ на сосѣднихъ горахъ, но пѣхота наша успѣла уже занять стрѣлковую позицію, чтобы прикрыть операцію съ плотами, а охотники быстро перешли отъ переговоровъ къ рубкѣ плотовъ. Въ нѣсколько минутъ рѣка покрылась плавающими бревнами и разорванными плотами.

Завязалась горячая перестрѣлка съ японцами. У насъ появились уже раненые; одинъ упалъ, убитый наповалъ пулей въ високъ; выраженіе не то испуга, не то дикаго недоумѣнія точно застыло въ его сѣрыхъ глазахъ. Въ особенности жестоко насъ обстрѣливала кучка японцевъ, засѣвшихъ на высокой сопкѣ. Чтобы парализовать дѣйствіе этого огня, мы выдвинули со своей стороны стрѣлковый „маякъ“, который взялъ во флангъ эту сопку; въ то же время мы стали угрожать охватомъ и всей позиціи японцевъ. Противникъ не выдержалъ и послѣ жаркой перестрѣлки, продолжавшейся около часу, дрогнулъ и кинулся назадъ. Насъ раздѣляла дистанція въ 600—800 шаговъ; скатившись въ быстромъ бѣгствѣ съ гребня горы, японцы столпились на дорогѣ, и тутъ-то мы ихъ жарили залпами и частымъ огнемъ. Видно было, какъ падаютъ по дорогѣ раненые и убитые...

Бой кончился. Плоты спущены. Непріятель обращенъ въ безпорядочное бѣгство. Подобрали мы своихъ двухъ убитыхъ и 6 раненыхъ; захватили и трехъ японскихъ раненыхъ, два изъ нихъ по дорогѣ умерли. Могли мы, конечно, набрать и больше японскихъ раненыхъ (ихъ потери были не менѣе 30-ти человѣкъ); но люди были утомлены до крайней степени, а намъ предстояло еще двигаться обратнымъ флан-

говымъ маршемъ, во время котораго японцы могли насъ каждую минуту прижать къ Тайцзыхе. Нельзя было поэтому обременять себя излишнимъ багажомъ.

Поздно ночью нашъ маленькій отрядецъ вернулся съ набѣга, переправился на нашъ берегъ и вступилъ на бивакъ, оглашая издалека воздухъ радостными, шумными пѣснями. Взятый въ плѣнъ раненый японецъ держалъ себя джентльмэномъ: онъ былъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости; страдалъ, повидимому, немилосердно; доктора говорили, что ампутація неизбѣжна; тѣмъ не менѣе онъ не издавалъ ни малѣйшаго стона; когда къ носилкамъ подходилъ офицеръ, онъ обязательно прикладывалъ руку къ козырьку; обступили его кругомъ солдаты, каждый нѣжно совалъ ему что-нибудь,—кто хлѣбъ, кто папиросу,—одинъ при этомъ громко и наставительно поучалъ товарищей:—„не докучайте, братцы, жалѣть его надо; присяга одна,—что намъ, что имъ“, и т. д.

Появились у насъ японскія ружья, фуражки, фляжки, аммуниція; добыли мы и другіе трофеи. Разсматривали и удивлялись тщательности изготовленія и качествамъ матеріаловъ солдатскаго снаряженія японцевъ: поясные ремни, фляги,—все удивительно хорошихъ качествъ. Поразила насъ также легкость снаряженія японскаго солдата, которое состоитъ изъ винтовки, патроновъ и маленькой корзиночки съ дневной дачей риса, — вотъ и все. Обмундированіе—легкое хаки; на ногахъ — легонькіе башмаки и краги;—все способствуетъ большой подвижности и облегчаетъ до крайности быстроту движенія по горамъ. Неугодно ли тутъ соперничать нашему солдату, на котораго хомутомъ навьючена

толстая шинель съ палаткой и котелкомъ; съ одной стороны болтается мѣшокъ, набитый сухарями; съ другой—мѣшокъ съ вещами.

Утромъ осмотрѣли мы раненыхъ. По сравненію съ нашими солдатами японецъ одѣтъ франтомъ: чистое бѣлье, чистая фуфайка; повидимому принадлежитъ къ зажиточной семьѣ; нашлись у него и деньги—около 15-ти бумажныхъ іенъ, которые офицеры наши охотно обмѣняли ему, съ большой прибавкой, на наши деньги, — записная книжка (встрѣчается почти у каждаго японскаго солдата), талисманы какіе-то и т. п.

Въ тотъ же день назначены были похороны двухъ нашихъ и двухъ японскихъ воиновъ. На бивакѣ построился нашъ отрядъ; поставлены были рядомъ, четыре носилки съ покойниками; японцевъ поставили немного въ сторону, и священникъ нашъ началъ заупокойную обѣдницу и отпѣваніе. Кончилась служба, и офицеры съ командиромъ полка во главѣ подняли носилки съ нашими покойниками—убитыми; японскихъ убитыхъ, отдавая имъ честь, подняли нижніе чины. Смерть примиряетъ. Торжественная процессія съ музыкой направилась черезъ китайскій городокъ, среди шпалеръ китайскаго населенія, къ заранѣе намѣченному мѣсту на берегу рѣки Тайцзыхе, гдѣ вырыты были рядышкомъ три могилы: двѣ—для нашихъ убитыхъ и одна—для двухъ японцевъ. Опуская въ могилы, мы, согласно уставу, дали три *боевыхъ* залпа,—конечно, въ сторону японцевъ.... Сейчасъ же появились на японскомъ берегу кавалерійскіе разъѣзды, которые засуетились и направились въ разныя стороны, взбудораженные, очевидно, нашими залпами....

Вечеромъ получилъ двѣ лестныя телеграммы отъ генерала Куропаткина и генерала Бильдерлинга. Благодарятъ за иниціативу, распорядительность и пр. Командующій арміей приказываетъ представить къ наградамъ отличившихся, выдать по сто рублей за каждаго плѣннаго японца—пріемъ совершенно новый, небывалый въ нашихъ предшествовавшихъ войнахъ; сообщаетъ, что съ нарочнымъ высылаетъ мнѣ 12 георгіевскихъ крестовъ и т. д. Генералъ-Адъютантъ Куропаткинъ не преминулъ, однако, прибавить въ своей телеграммѣ нѣсколько словъ не то предостерегающаго, не то запугивающаго характера:—„*Будьте осторожны, нападайте тамъ, гдѣ васъ не ожидаютъ* (ну—еще бы!), *другой разъ можетъ быть неудача*“ и т. п.

Совершенно непостижимая методика со стороны командующаго арміей. Вмѣсто поощренія, и подхлестыванія даже, всякой склонности къ порыву, къ смѣлому движенію впередъ—постоянное напоминаніе объ *осторожности*, которая и безъ того подсказывается каждому сознаніемъ отвѣтственности и инстинктомъ самосохраненія. Вѣдь хорошо еще, что мой поискъ кончился успѣхомъ, побѣдителя не судятъ;—а если бы японцы прижали насъ къ Тайцзыхе и покромсали бы малость... Пожалуй бы предали суду; составъ преступленія налицо полностью:—„Я вамъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ телеграфировалъ, что вы должны каждый день ожидать нападенія превосходныхъ силъ японцевъ; какъ вы могли завѣдомо уклониться отъ преподанной вамъ директивы и подвергнуть отрядъ вамъ ввѣренный такому безумному риску?!“...

По правдѣ говоря поздравительныя и лестныя

для моего самолюбія телеграммы генералъ-адъютанта Куропаткина и генерала Бильдерлинга были для меня *полнѣйшей неожиданностью*, поразили меня щедростью наградъ, какъ мнѣ казалось, совершенно нами незаслуженныхъ. Вѣдь мы подвига никакого не совершили.... Неужели можно было допустить мысли, что я, какъ начальникъ отдѣльнаго самостоятельнаго отряда, могъ бы оставаться пассивнымъ зрителемъ приготовленій японцевъ къ переправѣ черезъ Тайцзыхе, ничего не предпринимая со своей стороны? Неужели надо спасибо сказать и награды давать только за самое обыкновенное исполненіе своей обязанности?

Увы! Впослѣдствіи приходилось не разъ убѣждаться въ томъ, что и такое исполненіе простыхъ обязанностей называлось инициативой и щедро вознаграждалось. Можетъ быть эта щедрость наградъ, возведеніе въ подвигъ заурядныхъ боевыхъ дѣлъ, воспитали въ войскахъ пассивное отношеніе къ дѣлу и убили въ нихъ дѣйствительное стремленіе къ самодѣятельности и собственному почину: если каждый пустякъ и простое исполненіе обязанностей возводится въ подвигъ и щедро награждается, то остается лишь избѣгать „подвиговъ", повторяя передъ начальствомъ—„я не герой"—вотъ и все; можно, такимъ образомъ, остаться при увѣренности, что если и наградъ не дадутъ, то и ругать не смѣютъ—въ силу установленной самимъ начальствомъ морали. Такъ въ дѣйствительности приходилось это и слышать впослѣдствіи. Крѣпко внѣдрившееся у насъ въ мирное время воспитательное правило—„отъ службы не бѣгай и на службу не напрашивайся"—вполнѣ сослужило намъ свою службу и на войнѣ.

Затѣмъ,—что это за выдача по 100 рублей за каждаго плѣннаго японца? Съ которыхъ это поръ святое дѣло войны стало предметомъ купли-продажи? Развѣ это поимка какихъ-нибудь подпольныхъ мятежниковъ, а не честный и открытый бой двухъ враждующихъ между собою равноправныхъ сторонъ?

Какъ извратилось и опошлилось у насъ все, что раньше представляло собою самую простую грошевую мораль. Мыслимо ли побѣждать на войнѣ съ такой изъѣденной насквозь моралью, когда пустякъ считается подвигомъ, а подвигъ норовятъ купить за деньги—когда вмѣсто нравственныхъ силъ имѣется какая-то труха....

Рекогносцировка ген. Л—на. Моя операція съ вылазкой на японскій берегъ для уничтоженія плотовъ, принесшая въ результатѣ награды офицерамъ и нижнимъ чинамъ, вскружила головы инымъ жаждущимъ и алчущимъ наградъ: просится у меня „на рекогносцировку“ и подполковникъ Стрѣтенскаго полка Ш—въ, который съ конца іюля назначенъ мною начальникомъ отдѣльной позиціи въ Тиндзятунѣ, въ 2-хъ верстахъ ниже Бенсиху по Тайцзыхе. Задумалъ рекогносцировку и генералъ Л—нъ, который уже три недѣли стоитъ въ Уийньянинѣ съ цѣлой казачьей бригадой при полномъ бездѣйствіи. Да и мой отрядъ съ семью сотнями ограничивается поневолѣ оборонительно - кордонно - охранительной службой. Сколько войскъ у насъ распылено при такой пассивно-оборонительной системѣ; —и это, конечно, совершенно впустую, потому что японцамъ достаточно, и вполнѣ возможно, съ одной—двумя дивизіями форсировать переправу въ любомъ мѣстѣ

Тайцзыхе, внѣ пушечнаго выстрѣла отъ мѣста расположенія нашихъ главныхъ силъ подъ Ляояномъ. Такъ оно затѣмъ и совершилось на самомъ дѣлѣ....

Задумавъ свою „рекогносцировку", генералъ Л—нъ обратился ко мнѣ съ просьбой поддержать его пѣхотой, на что я, конечно согласился, назначивъ для этого 10 и 11 роты. Цѣлью рекогносцировки было развѣдать, что находится у Таяна въ 5—6-ти верстахъ къ югу отъ Уйиньянина. Къ назначенному времени, 10 августа утромъ, роты были уже на сборномъ пунктѣ, и 11-я рота начала уже переправу черезъ Тайцзыхе; но въ послѣднюю минуту генералъ Л—нъ отказался отъ рекогносцировки, въ виду начавшагося дождя, который могъ вызвать повышеніе уровня воды въ Тайцзыхе; вслѣдствіе этого рекогносцировка была отложена на два дня.

12 августа въ 6 час. утра генералъ Л—нъ выступилъ, наконецъ, въ рекогносцировку съ довольно значительными силами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотенъ, моихъ двухъ ротъ (6-й и 7-й) и еще охотничьей команды съ гастролерами, прибывшими изъ Мукдена „для рекогносцировки". Отрядъ этотъ втянулся въ ущелье. Японцы не подавали ни малѣйшихъ признаковъ жизни, желая втянуть наши войска возможно дальше и глубже. И это удалось имъ вполнѣ: когда отрядъ нашъ удалился отъ мѣста переправы версты на 3—4 и достаточно втянулся въ глубь ущелья, японскіе стрѣлки безнаказанно начали поражать насъ во флангъ и даже тылъ ружейнымъ огнемъ съ сопокъ, примыкавшихъ къ дорогѣ. Повидимому, тамъ сидѣли на горахъ ничтожныя силы—отдѣльные посты стрѣлковъ въ нѣсколько человѣкъ. Но какъ ихъ выбить оттуда изъ орлиныхъ

гнѣздъ! Притомъ же ущелье оказалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прегражденнымъ засѣками; огонь съ сопокъ билъ мѣтко и безнаказанно.

Повернули назадъ.... Японцы при помощи тѣхъ же стрѣлковыхъ маяковъ, перебѣгавшихъ вдоль по ущелью, съ одной сопки на другую, преслѣдовали нашъ отрядъ на всемъ пути его отступленія почти до переправы. Въ результатѣ—раненыхъ 5 офицеровъ и 31 нижнихъ чина, и—6 нижнихъ чиновъ убито, въ томъ числѣ изъ моихъ двухъ ротъ выбыло 2 офицера и 29 нижнихъ чиновъ ранеными и 5 нижнихъ чиновъ убитыми.

Отголоски боевъ подъ Ляояномъ. Едва лишь вернулись наши роты съ дальней рекогносцировки къ Таяну, какъ къ намъ въ Бенсиху стали доноситься неумолкаемыми раскатами отголоски грозныхъ событій со стороны Ляояна: съ вечера 11-го августа мы съ затаенной тревогой въ душѣ прислушивались къ безпрерывному грохоту орудій, который по водной поверхности рѣки Тайцзыхе отчетливо и гулко передавался въ окружающія насъ горы и на нашу позицію.

Одновременно съ усиленной артиллерійской канонадой, доносившейся со стороны Ляояна, мы 11-го—14 августа стали замѣчать на японскомъ берегу признаки оживленной дѣятельности, которые невольно притягивали наше вниманіе въ виду обычной удивительно искусной скрытности японцевъ. Появились на отдѣльныхъ сопкахъ какія-то вышки, игравшія, очевидно, роль наблюдательныхъ пунктовъ: можно было въ бинокль разсмотрѣть суетливое движеніе людей; на нѣкоторыхъ гребняхъ горъ возводились, повидимому, окопы; разъѣзды и одиночные развѣд-

чики стали показываться чаще. Вообще, ясно было, что подготовляются важныя событія, и насъ занималъ жгучій вопросъ, неужели мы останемся пассивными слушателями этихъ событій, довольствуясь долетающей до насъ музыкой орудійныхъ залповъ, не принимая со своей стороны активнаго участія.

Трудно передать это жуткое чувство тоски и нетерпѣнія, когда доносятся звуки отдаленнаго боя, когда волнуетъ сознаніе возможности оказать помощь, хотя бы гадательную; каждая минута покоя встаетъ живымъ, жгучимъ укоромъ: кажется, вотъ-вотъ переживаютъ наши близкіе критическую минуту, стоитъ лишь тебѣ явиться съ помощью, хотя бы небольшой, и все повернешь. Но уйти нельзя: со всей твоей помощью стой на своемъ посту, какъ часовой и... слушай, ограничиваясь участіемъ нервовъ и лихорадочнаго вниманія.

Предпринять со всѣмъ отрядомъ самостоятельное движеніе „на выстрѣлы", бросивъ Бенсиху, было - бы съ моей стороны великимъ преступленіемъ: я обнажилъ бы японцамъ кратчайшій путь на Мукденъ, погубивъ въ то же время и свой отрядъ, поставивъ его въ единоборство „съ превосходными силами Куроки", имѣя въ тылу непроходимую въ бродъ Тайцзыхе. Въ тоже время было больно и досадно, что наши войска разметаны такъ небольшими отрядами Богъ знаетъ въ сколькихъ пунктахъ, тогда какъ сейчасъ на мѣстѣ боя, въ рѣшительномъ пунктѣ, можетъ быть одинъ полкъ имѣлъ бы рѣшающее значеніе.

Чтобы какъ-нибудь использовать хотя бы часть войскъ моего отряда и отвлечь вниманіе японцевъ на ихъ правый флангъ, я 12 августа направилъ на

лѣвый берегъ Тайцзыхе двѣ сотни дагестанцевъ, подъ начальствомъ весьма распорядительнаго штабъ-офицера, Войскового Старшины фонъ-Б—га, предложивъ ему двигаться „на выстрѣлы" по направленію къ Аньпину, съ цѣлью притянуть на себя вниманіе противника.

Цѣлый день подъ огнемъ японцевъ дагестанцы усиленно пробивались впередъ, на западъ, по направленію къ Аньпину, но, встрѣтивъ непрерывныя линіи укрѣпленій, должны были отказаться отъ надежды пробиться къ самому мѣсту дѣйствій.

А раскаты орудійныхъ залповъ тѣмъ временемъ продолжаются, не прекращаясь даже ночью, благодаря, очевидно, яркой лунѣ, помогающей обѣимъ сторонамъ оріентироваться и вести бой также и ночью. Кромѣ того, мы замѣтили уже неоднократно, что японцы—большіе любители ночныхъ боевъ при лунномъ свѣтѣ.

13-го и 14-го августа артиллерійская канонада продолжается почти безъ перерыва. Мы невольно замѣчаемъ, что порѣдѣло въ Бенсиху китайское населеніе. Китайцы усиленно выселяются изъ Бенсиху на сѣверъ, къ Мукдену. Мы знаемъ уже значеніе этого факта: это—вѣрный предвѣстникъ скораго перехода японцевъ въ наступленіе. Казалось-бы, откуда наши китайцы могутъ получать какія-нибудь свѣдѣнія, когда мы стрѣляемъ въ каждаго китайца, кто пытается перейти черезъ Тайцзыхе къ намъ со стороны японцевъ, и подъ страхомъ смерти не пропускаемъ никого и съ нашей стороны. Тѣмъ не менѣе китайцы по какому-то безпроволочному телеграфу получаютъ нужныя имъ свѣдѣнія о близкомъ наступленіи японцевъ, и свѣдѣнія оказываются большей частью вѣрныя.

Замѣтимъ кстати, что китайцы, несомнѣнно, относятся съ большимъ довѣріемъ къ русскимъ, чѣмъ къ японцамъ. Я тутъ не имѣю въ виду платоническую сторону отношеній, т. е. чувство симпатій или антипатій къ той или иной сторонѣ, а чисто-реальную, практическую сторону этого вопроса. Въ этомъ отношеніи намъ не разъ приходилось наблюдать, что китайцы усердно выселяются изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ожидается появленіе японскихъ войскъ; и въ то время, какъ въ населенныхъ пунктахъ, занятыхъ нашими войсками, китайское населеніе находится большей частью на своихъ мѣстахъ, на японской сторонѣ деревни и фермы большею частью покинуты жителями.

Убѣдиться въ этомъ мы могли, между прочимъ, и на Тайцзыхе: во время рекогносцировокъ на японской сторонѣ мы находили безлюдныя селенія, тогда какъ у насъ не только жители оставались на мѣстахъ, но возникала постепенно даже оживленная торговля: китайскій „купеза“ (купецъ, торговецъ) безбоязненно приходилъ на бивакъ, принося для продажи китайскія лепешки, сахаръ (китайскій), яйца, связки травы и т. п. Съ теченіемъ времени въ Бенсиху устроены были особые базары, которые служили сборными пунктами для продавцовъ и покупателей. Такое довѣріе китайскаго населенія къ нашимъ войскамъ установилось, конечно, вполнѣ путемъ экспериментальнымъ: китайцы убѣдились, что наши войска расплачиваются чистой монетой и по хорошимъ цѣнамъ.

Меня занималъ также вопросъ, въ какую сторону склоняются симпатіи китайцевъ, ихъ сокровенныя желанія,—сочувствуютъ ли они успѣхамъ Россіи или

Японіи. Въ этомъ отношеніи пришлось убѣдиться, что китайцы относятся совершенно равнодушно къ исходу борьбы, усвоивъ постоянный и, повидимому, всеобщій взглядъ по этому вопросу, который откровенно высказываютъ: „Воюйте и деритесь, только насъ не трогайте, не разоряйте. Чѣмъ мы сыты будемъ эту зиму, когда всѣ наши поля опустошены кругомъ“...

Конечно, „лѣсъ рубятъ — щепки летятъ“, — безъ жертвъ не обходится. Но не слѣдуетъ думать, что положеніе китайскаго населенія въ мѣстахъ расположенія войскъ такое ужъ поголовно плачевное: хлѣбныя поля кругомъ дѣйствительно обращаются большей частью на кормъ войсковыхъ лошадей, частью за плату, а иногда и безплатно; въ большинствѣ случаевъ сельское населеніе въ мѣстахъ расположенія войскъ испытываетъ, главнымъ образомъ, лишь одни притѣсненія и убытки; но если взять общую сумму притока русскихъ денегъ въ Манчжурію, то не подлежитъ сомнѣнію, что край этотъ теперь безусловно обогащается на нашъ счетъ, и въ общемъ не терпитъ убытковъ.

12-го августа я получилъ телеграмму отъ генералъ-квартирмейстера Харкевича, что японцы второй день ведутъ энергичную атаку на позиціи 3 и 10 корпусовъ, но отбиты на всѣхъ пунктахъ съ большими потерями... Я сообщилъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ эту радостную вѣсть, и всѣ мы облегченно вздохнули послѣ нѣсколькихъ дней тревоги. Въ это время мы еще вѣрили побѣдоноснымъ телеграммамъ нашихъ штабовъ, въ которыя впослѣдствіи совершенно изверились не только офицеры, но и нижніе чины, потому что—точно на зло — всегда послѣ

ликующихъ телеграммъ съ обязательными криками „ура“ по случаю мнимыхъ побѣдъ, слѣдовало приказаніе объ отступленіи...

Въ тотъ же день я получилъ телеграмму, что 15-го августа въ Бенсиху прибудетъ О — й полкъ, чтобы смѣнить насъ, а мнѣ предписывалось, по смѣнѣ, двинуться съ полкомъ и полубатареей въ г. Ляоянъ для соединенія съ остальными частями нашей дивизіи.

Рядомъ съ приведенными выше неуловимыми показаніями китайскаго барометра о близости предстоящей и въ Бенсиху боевой бури, нашимъ интендантствомъ или штабами принимаются мѣры къ обращенію Бенсиху въ важный складочный и этапный пунктъ, хотя онъ находится на самой передовой изъ передовыхъ позицій, гдѣ складочныхъ пунктовъ быть не можетъ. Я упоминалъ уже выше о прибытіи грандіозныхъ транспортовъ съ запасами всякаго рода для устройства обширнаго интендантскаго склада.

Очевидно, вмѣстѣ съ движеніемъ моего отряда въ Бенсиху рѣшено было оборудовать это мѣстечко какъ важный стратегическій пунктъ, который дѣйствительно занималъ такое мѣсто, составляя флангъ оборонительной линіи Ляоянъ-Бенсиху и находясь на кратчайшемъ разстояніи отъ Мукдена, по сравненію съ Ляояномъ, при слѣдованіи Куроки отъ Фынь-хуан-чена. Все же нельзя сказать, что это требовало непремѣнно удѣлить для Бенсиху столько вниманія, сколько это было удѣлено командующимъ арміей. Одно изъ двухъ:—если японцы могли главными силами двинуться черезъ Бенсиху на Мукденъ и обойти нашу позицію у Ляояна, то какой смыслъ

имѣла крѣпость — лагерь у этого пункта, на которую затрачено было столько труда, энергіи и казенныхъ денегъ; а если для японцевъ это было движеніе рискованное, не угрожавшее намъ опасными послѣдствіями, то почему придавали такое значеніе этому пункту.

Позднѣйшія событія 9-ти дневнаго кровопролитнаго сраженія, разыгравшагося подъ Ляояномъ, показали, что генералъ-адъютантъ Куропаткинъ преувеличилъ значеніе Бенсиху, который во время этихъ боевъ не сыгралъ никакой роли: очевидно, японцы научились относиться къ нашей арміи съ обиднѣйшимъ пренебреженіемъ; и мѣстомъ форсированія Тайцзыхе выбрали не Бенсиху, вдали отъ нашихъ главныхъ силъ подъ Ляояномъ, какъ это слѣдовало ожидать при осторожности со стороны японцевъ, а въ 30 верстахъ ниже этого пункта, совершенно на виду нашихъ войскъ, подъ Какваньтунемъ; такъ что мосты наведены были японцами въ предѣлахъ средняго орудійнаго выстрѣла отъ позиціи, занимавшейся нашей артиллеріей...

Какъ бы то ни было, а разъ рѣшено было еще въ началѣ іюля обратить Бенсиху въ важный стратегическій пунктъ, оборудованный интендантскими складами, государственнымъ телеграфомъ, этапами и т. п., то необходимо было это осуществить съ тою энергіею, которая требуется обстоятельствами военнаго времени; тогда хоть всѣ эти учрежденія принесли бы нѣкоторую пользу въ теченіе $1^{1}/_{2}$ мѣсяцевъ расположеннымъ тамъ войскамъ. А на самомъ дѣлѣ пошло это—какъ, вѣроятно, шло у насъ и все прочее въ эту злосчастную войну — обычнымъ канцелярскимъ путемъ: на запись—день, выпись—день,

перепись—день; и стало все это приводиться въ исполненіе... какъ разъ наканунѣ появленія японцевъ. Всѣ премудрыя мѣры нашего штаба оказались мертворожденными, а то, что успѣли устроить, досталось въ руки японцамъ. Хорошо еще, что я интендантскіе транспорты своевременно погналъ назадъ; а то непремѣнно достались бы въ руки японцамъ огромные склады нашихъ запасовъ.

10—12 августа, т. е. почти мѣсяцъ послѣ моего пребыванія въ Бенсиху—я получаю увѣдомленіе, что для нуждъ отряда устраивается государственный телеграфъ. Незадолго передъ тѣмъ прибылъ въ Бенсиху Штабсъ-Капитанъ П—й, который связалъ мой отрядъ полевымъ телеграфомъ и телефономъ съ Янтайскими каменноугольными копями, служившими передаточнымъ пунктомъ для связи со штабомъ арміи. Но телеграфные аппараты оказались почему-то съ какими-то изъянами, какъ мнѣ объяснилъ штабсъ-капитанъ П—й; телефонные провода тоже плохо работали, потому что отъ долгаго лежанія катушекъ въ складахъ испортилась изоляція... Въ виду этихъ обстоятельствъ проводка государственнаго телеграфа была бы очень кстати, но онъ „медленно поспѣшалъ" къ намъ, и поспѣлъ въ Бенсиху... лишь ко времени прихода туда японцевъ.

Почти столь же благовременно появился у насъ въ Бенсиху этапъ. Сколько мнѣ приходилось биться съ эвакуаціей больныхъ и раненыхъ изъ отряда! Мы все утѣшали себя надеждой, что вотъ будетъ у насъ скоро этапный пунктъ, оборудованный врачемъ, перевязочными средствами для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ; не придется выдѣлять нижнихъ чиновъ изъ строя для конвоированія и проч. Наконецъ, 12

августа устроился въ Бенсиху этапъ, который я посѣтилъ 15 августа и удивленъ былъ давно невиданной нами роскошью: стѣны, и даже земляной полъ, устланы были китайскими бѣлыми цыновками; есть даже столъ настоящій и два тяжеловѣсныхъ китайскихъ кресла. Начальникъ этапа мнѣ съ гордостью показывалъ обширныя китайскія фанзы, нанятыя и оборудованныя для временнаго лазарета или околодка еще съ большей роскошью, чѣмъ штабъ этапа и квартира начальника.

— „Теперь у меня все готово. Неугодно-ли, полковникъ, посмотрѣть какіе котлы устроены для довольствія проходящихъ командъ“...

А черезъ два дня склады запасовъ пришлось сжечь, а начальникъ этапа уступилъ мѣсто японцамъ, которымъ достались и котлы, и кресла, и всѣ благоустроенныя учрежденія, оборудованныя съ такимъ комфортомъ нашимъ заботливымъ начальникомъ этапа.

ГЛАВА VII.

Бенсиху — Ляоянъ.

Обратное движенiе въ Ляоянъ. Придуманный перiодъ дождей. Метеорологическiя данныя изъ моихъ инструментальныхъ наблюденiй въ Манчжурiи за прежнее время. Умственная слѣпота нашего солдата. Тревожныя извѣстiя о Бенсиху. Гроза надвигается. Возможность повторенiя Седана. Моя телеграмма генералъ-адъютанту Куропаткину. Поиски позицiи. Встрѣча съ генераломъ Орловымъ. Телеграмма генералъ-адъютанту Куропаткину. Мое обратное движенiе къ Янтайскимъ копямъ. Бой 20 августа. Насъ разносятъ японцы, разноситъ и генералъ Штакельбергъ, разноситъ и генералъ Столица, разноситъ и генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Новая задача полку въ Тумынзы. Ст. Янтай. Флиртъ и шимозы. Отступленiе къ Мукдену. Вызовъ меня къ генералу Куропаткину. Ночное бдѣнiе. Снова „подъ жестокимъ огнемъ“ въ вагонѣ командующаго армiей.

14-го августа разрѣшилось наше томительное ожиданiе: прибылъ въ Бенсиху на смѣну намъ другой отрядъ, и мы 15-го августа выступили черезъ Янтай въ Ляоянъ. Тутъ я впервые убѣдился, насколько дороги измѣняются здѣсь подъ влiянiемъ дождей: просидѣвъ въ Бенсиху на своей позицiи безсмѣнно и безвыѣздно ровно мѣсяцъ, я теперь впервые увидѣлъ, во что обратились прилегающiя дороги послѣ перепадавшихъ въ послѣднее время дождей, — несмотря на то, что и дожди-то были

скромные, и времени прошло порядочно: могли бы дороги высохнуть. А на самомъ дѣлѣ грязь была такая, что даже верхомъ пробираться было нелегко, появилось много стремительныхъ ручьевъ и рѣчекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ раньше и признаковъ воды не было.

Кстати:—гдѣ этотъ „періодъ дождей", о которомъ у насъ такъ много писали и говорили, на которомъ у насъ отчасти базировались даже операціонные планы.

Когда вспыхнула война на Дальнемъ Востокѣ, и Манчжуріи суждено было стать театромъ этой кровопролитной войны вся Россія заинтересовалась, конечно, этой китайской окраиной, о которой въ газетахъ появлялись всевозможныя свѣдѣнія. И откуда-то появился и фиксировался въ сознаніи газетныхъ читателей (и даже не только заурядныхъ газетныхъ читателей, но и—творцовъ операціонныхъ плановъ...), какой-то „періодъ дождей" въ Манчжуріи, представляющійся въ видѣ дождей тропическихъ, присущихъ извѣстному времени года въ опредѣленные часы дня. Да иначе и нельзя понимать термина „періодъ дождей".

А на самомъ дѣлѣ въ Манчжуріи бываетъ періодъ дождей весной и лѣтомъ совершенно такой-же, какъ и въ средней полосѣ Европейской Россіи. Вотъ нѣкоторыя метеорологическія данныя, извлеченныя мною изъ моихъ собственныхъ инструментальныхъ наблюденій во время экспедиціи въ 1894 году въ одной изъ областей сѣверной Манчжуріи.

Краткія выдержки изъ метеорологическихъ наблюденій въ Сунгарійскомъ краѣ (лѣто 1895 года).

0 = ясно; 10 = совсѣмъ облачно. Cu = кучев. облака.
S = слоист. „
Вѣтеръ = 0—6 балловъ. N = дождев. „

По р. СУНГАРИ.

Время и мѣсто.	Часы дня.	t и влажность. Гигрометръ.	t по сухом. термомет.	Вѣтеръ. Направленіе.	Вѣтеръ. Сила.	Облачность. Видъ.	Облачность. Направленіе.	Давленіе анероида. Отсчетъ.	Давленіе анероида. t при анероидѣ.	Осадки, туманы, грозы.	t воды.
Іюнь.											
Устье Сунгари .	1	44	19	съ Ю. на С.	1	Cu 9	СЮ-ЮЗ	74,2/76	25/23	Моросить.	18,5
д. Лохасу . . .	10	64	15	съ Ю.	2	Cu S 5	0	74/76	20/21	Дождь.	18,5
д. Нербо	7	65	15	съ Ю.В.	3	Cu S 5	—	74/76	20/21	Ясно.	18,5
г. Фугдинъ . . .	1	56	22	съ Ю.	1	Cu 5	0	74/76	23/23	—	22,5
в. Фугдина . . .	10	65	15,5	съ В.	2	0	—	74/76	25/24	—	20
в. Фугдина . . .	7	61	19	съ С. З.	1	Cu 4	0	74/76	21/22	—	20
в. Фугдина . . .	1	45	24	съ Ю.	1	Cu 1	0	74/76	25/26	—	21
д. Сусу	10	65	18	съ В.	1	Cu 4	0	74/76	23/24	Дождь.	20,5
д. Танхунте . .	7	72	20	съ Ю.В.	1	Cu 1	0	74,2/76,2	21/22	—	20
д. Гедзе	1	50	22	съ В.	3	Cu 1	0	74,2/76,2	23/24	Ясно.	21,5
д. Вада	10	60	16	—	0	0	—	74,2/76,2	22/23	—	20
Баятунъ	7	55	22	съ В.	1	Cu S 2	—	74,2/76,2	21/23	—	18
Сань-Синь . . .	1	60	26	съ В.	2	Cu S 1	—	74,2/76,2	22/23	—	19
—	10	57	21	съ В.	1	0	—	74,2/76,2	24/24	—	21
—	7	59	19	съ С. В.	1	0	—	73,8/76,8	24/24	—	20,5

0 = ясно; 10 = совсѣмъ облачно. Cu = кучев. облака.
Вѣтеръ = 0—6 балловъ. S = слоист. „
N = дождев. „

По р. СУНГАРИ.

Время и мѣсто.	Часы дня.	t и влажность. Гигрометръ.	t по сухом. термомет.	Вѣтеръ. Направленіе.	Сила.	Облачность. Видъ.	Направленіе.	Давленіе анероида. Отсчетъ.	t при анероидѣ.	Осадки, туманы, грозы.	t воды.
Сань-Синь . . .	1	60	30	—	0	0	—	75 / 73	20 / 28	Ясно.	21
—	10	59	24	—	0	0	—	74 / 72	28 / 26	—	21,5
—	7	59	19	—	0	S 5	—	75,6 / 73,9	21 / 22	—	21
—	1	64	23	съ С.З.	4	Cu S 6	съ С.	73,5 / 75,5	27 / 28	—	22
—	10	—	19	С.	4	Cu 9	—	73,5 / 75,5	21 / 22	—	20,5
—	7	—	16	Ю.	2	N 10	съ Ю.	73,5 / 75,5	20 / 21	Дождь.	19
—	1	—	18	Ю. В.	2	N 9	Ю.	73,5 / 75,5	20 / 21	—	19,5
—	10	—	14	Ю. В.	1	N 8	Ю.	73,2 / 75,2	20 / 21	Ясно.	19
—	7	—	13	съ В.	3	N 9	съ Ю.	73,5 / 75,5	19 / 20	—	19
Въ 60 в. выше Сань-Сина . .	1	—	18	съ Ю. В.	2	N 9	съ Ю. В.	73,4 / 75,2	19 / 20	Дождь.	20
Сань-Зань . . .	10	—	15	С. В.	2	N Cu 9	съ Ю.	75 / 73,5	19 / 20	Ясно.	18
Сань-Зань . . .	7	—	15	Ю. В.	3	N Cu 9	Ю. В.	75 / 73,5	19 / 20	—	19
Пайму	1	—	18	Ю. В.	2	N Cu 9	Ю. В.	75 / 73,5	19 / 20	—	20
Синдянь	10	—	17	Ю. В.	3	N S 9	—	74,9 / 73,2	19 / 20	—	20
Баянъ-Сусу . .	7	—	16	Ю. В.	5	N 10	Ю. В.	74,5 / 73	19 / 20	Дождь.	18
—	1	—	17	Ю. В.	5	N 10	Ю. В.	74,5 / 73	19 / 20	—	19
—	10	—	14	Ю. В.	5	N 9	Ю. В.	72 / 74,8	19 / 20	Ясно.	18,5
—	7	—	15	Ю. В.	4	N S 9	Ю. В.	72,8 / 74,5	19 / 18	—	18,5

0 = ясно; 10 = совсѣмъ облачно.
Вѣтеръ = 0—6 балловъ.

Cu = кучев. облака.
S = слоист. „
N = дождев. „

По р. СУНГАРИ.

Время и мѣсто.	Часы дня.	t и влажность.		Вѣтеръ.		Облачность.		Давленіе анероида.		Осадки, туманы, грозы.	t воды.
		Гигрометръ.	t по сухом. термомет.	Направленіе.	Сила.	Видъ.	Направленіе.	Отсчетъ.	t при анероидѣ.		
Іюль.											
Баянъ-Сусу . .	1	—	—	—	3	N 10	—	—	—	Дождь.	—
—	10	—	—	—	3	N 10	—	—	—	Дождь.	—
—	7	—	17	Ю. В.	2	S Cu 8	—	74,5 / 72,7	20 / 21	Ясно.	18,5
Няохэ	1	—	21	З.	1	S Cu 6	—	74,5 / 72,7	21 / 22	—	20
около Хулунхэ .	10	—	18	Ю. В.	2	N 10	Ю. В.	74,3 / 72,7	22 / 23	Дождь.	20,5
около Хулунхэ .	7	—	16	—	0	0	—	74,4 / 72,8	19 / 20	Туманъ.	19
Хулунхэ	1	—	22	С. З.	1	0	0	73 / 74,5	24 / 25	Ясно.	—
—	10	—	18	—	0	0	0	73,2 / 74,8	20 / 21	—	19,5
—	7	—	16	—	0	0	0	73,7 / 75,8	20 / 21	—	17
—	7	—	22	Ю. З.	1	Cu 1	0	73,7 / 75,8	22 / 23	—	20
Чанъ-Гоуза . .	10	—	18	—	С	0	—	75,5 / 73,8	22 / 23	—	22
выше Чанъ-Гоуза	7	—	18	Ю. З.	2	0	—	75,5 / 73	20 / 21	—	21
Янтунъ-Юза . .	1	—	25	Ю. З.	1	0	—	75,5 / 73,9	25 / 26	—	22
Тайди	10	—	20	—	0	0	—	75,5 / 73,8	23 / 24	—	22
выше Тайди . .	7	—	19	Ю. З.	2	0	—	75,4 / 73,8	26 / 27	—	22
—	1	—	28	Ю. В.	1	Cu 1	—	75,2 / 73,6	26 / 27	—	22
Бодунэ	10	—	23	—	0	Cu 9	—	75,2 / 73,6	26 / 27	—	21

Изъ этихъ данныхъ, пріуроченныхъ къ мѣсяцамъ, которые въ минувшую войну считались почему-то временемъ періода дождей, видно, что ни о какомъ опредѣленномъ дождевомъ періодѣ не можетъ быть и рѣчи. Выпадаетъ въ это время въ Манчжуріи дождей больше, конечно, чѣмъ въ августѣ-сентябрѣ, или въ апрѣлѣ—маѣ; но это явленіе общее на этихъ широтахъ, разнясь лишь въ мелочахъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ географическихъ условій.

А вѣдь какъ часто этотъ воображаемый „періодъ“ вліялъ на наши операціонные планы!...

Вечеромъ, 17-го августа, прибыли на ночлегъ въ сел. Ліухецзы. Встрѣтился здѣсь съ завѣдывающимъ врачебно-воспитательными пунктами кн. П. Д. Долгоруковымъ, котораго, какъ оказалось, направляли ко мнѣ въ Бенсиху для опредѣленія мѣстъ устройства этихъ пунктовъ. Помимо разговора о прямомъ дѣлѣ я услышалъ не мало интереснаго о нашихъ животрепещущихъ событіяхъ на театрѣ войны, сухопутномъ и морскомъ,—о томъ, что дѣлается и каково настроеніе въ тылу и т. д. Какъ-никакъ, а отрядъ мой въ Бенсиху былъ какъ бы оторваннымъ отъ внѣшняго міра: служебныя телеграммы и переписка доходили болѣе или менѣе исправно по полевому телеграфу и по летучей почтѣ, получали иногда и частную корреспонденцію; но живое непосредственное общеніе съ главными силами арміи и всѣмъ внѣшнимъ міромъ исчерпывалось только разъѣздами для связи. Весьма естественно поэтому, что встрѣча и бесѣда съ вполнѣ освѣдомленнымъ и просвѣщеннымъ собесѣдникомъ представляла для меня большой интересъ. Радостнаго, однако, было мало

въ тѣхъ новостяхъ, которыя мы услышали послѣ первой встрѣчи съ новымъ человѣкомъ.

Съ 5 час. утра гремитъ неумолкаемая артиллерійская канонада по направленію на юго-западъ. Надо бы примѣнить теперь требованіе движенія на выстрѣлы, но абсолютно нѣтъ никакихъ дорогъ въ этомъ направленіи; мѣстность кругомъ чрезвычайно

Резерву подвезли обѣдъ.

трудно-доступная, даже для одиночныхъ пѣшеходовъ. Мы двигаемся по единственной сравнительно разработанной колесной дорогѣ на Сяодагай, и все же—въ теченіе двухъ переходовъ поломались уже на перевалахъ три повозки изъ обоза и два зарядныхъ ящика.

Эта канонада производитъ видимо угнетающее

впечатлѣніе на нижнихъ чиновъ. Замѣчается, кромѣ того, большое утомленіе тяжелымъ походомъ при трудныхъ условіяхъ. Видъ людей крайне утомленный и болѣзненный, что надо приписать еще дезинтеріи и другимъ болѣзнямъ:—то разгоряченными и вспотѣвшими набрасываются въ походѣ на грязную гнилую воду, то на прескверные, совершенно незнакомые овощи, которые поѣдаютъ, не зная толкомъ какъ даже ѣсть ихъ надо; и — въ результатѣ болѣзни. Какъ тутъ уберечь людей какими бы то ни было строгими мѣрами внутренняго порядка, когда у самихъ нижнихъ чиновъ отсутствуетъ совершенно всякое понятіе о самыхъ простыхъ требованіяхъ гигіены! Выставляешь на походѣ цѣлыя цѣпи дневальныхъ на встрѣчныхъ ручьяхъ и лужахъ, ротные командиры надрываются, охрипли отъ ругани, шашками отгоняя людей отъ воды, но — все ни къ чему. Да и мыслимо ли усмотрѣть за взрослыми людьми въ такихъ мелочахъ при повальной умственной темнотѣ нашего простолюдина, когда у него нѣтъ собственнаго хотя бы на грошъ умственнаго критическаго анализа въ вопросахъ подобнаго рода. Для рельефной характеристики гибельнаго невѣжества нашихъ нижнихъ чиновъ въ упомянутомъ сейчасъ смыслѣ приведу слѣдующій фактъ, относящійся, правда, совершенно къ другому времени,—извиняясь передъ читателями за это уклоненіе въ область постороннихъ воспоминаній.

Въ 1893 году мнѣ пришлось ѣхать начальникомъ эшелона новобранцевъ, отправленныхъ на пароходѣ Добровольнаго Флота изъ Одессы во Владивостокъ. Прибыли въ Константинополь; пароходъ нашъ осадили продавцы разныхъ фруктовъ. У кого изъ но-

вобранцевъ была лишняя копейка тотъ соблазнился, на „господъ“ глядя, покупкой дешевыхъ апельсиновъ, лимоновъ и т. п. А у одного новобранца не нашлось, повидимому, ни гроша за душой; а вкусить „пельсинъ“—этотъ невѣдомый плодъ, который свои товарищи ѣдятъ кругомъ—очень хочется. Вотъ онъ, недолго думая, наѣлся апельсинныхъ корокъ, которыя, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ весьма сильный ядъ; и сейчасъ-же заболѣлъ, конечно, острымъ отравленіемъ организма настолько, что 12 дней былъ при смерти. Казалось бы, опытъ хорошій для всѣхъ товарищей новобранцевъ, предостерегающій отъ невѣдомыхъ плодовъ. И все-таки я скоро убѣдился, что опытъ почти пропалъ даромъ: по приходѣ въ порты Индіи соблазнъ неизвѣданныхъ тропическихъ плодовъ былъ еще сильнѣе; и несмотря на энергичнѣйшія мѣры съ моей стороны—абсолютно никто не выпускался на берегъ, къ каждому люку и иллюминатору выставлялся дневальный и т. п.,—все же поступали въ околотокъ заболѣвшіе, которые, какъ выяснилось потомъ, пожирали бананы и ананасы цѣликомъ, безъ чистки. Пришлось отказаться отъ всякихъ репрессій, а по приходѣ въ каждый портъ простымъ показомъ пояснять людямъ какъ ѣдятъ общеупотребительные въ этомъ пунктѣ плоды. И эта мѣра оказалась наиболѣе дѣйствительной: потому что при всемъ своемъ невѣжествѣ никто самъ себѣ не врагъ и завѣдомо ѣсть не будетъ апельсинныя корки, зная что тамъ ядъ.

Но вотъ *знанія*, знанія этого, къ несчастью, нѣтъ у нашего солдата! И это чувствуется на каждомъ шагу мирной и боевой службы. Недаромъ на одной каррикатурѣ, кажется „Simplicisimus'а“, изображено

было крайнее изумленіе, выразившееся на лицѣ нашихъ солдатъ, которые въ покинутой вещевой сумкѣ японскаго солдата нашли *зубную щеточку*, и, ворочая ее на всѣ лады, никакъ не могли понять назначеніе такой штуки...

Не успѣли мы удалиться отъ Бенсиху на одинъ-два перехода, какъ до насъ стали доноситься съ мѣста бывшей нашей стоянки тревожныя вѣсти: говорили, что японцы засыпали Бенсиху снарядами, что этапъ горитъ и проч. Всѣ эти сообщенія передавались съ такими правдоподобными прибавленіями, что трудно было не вѣрить.

Вечеромъ пришли на ночлегъ въ копи Янтайскіе. Здѣсь меня опять начинаютъ увѣрять „достовѣрными" извѣстіями, источникъ которыхъ, конечно, какъ всегда, исходилъ изъ обоза, что „Бенсиху уничтожено, этапъ сожженъ", что тамъ уже хозяйничаютъ японцы, что большія силы японскія двигаются за нами слѣдомъ на Янтайскія копи...

Изъ приведеннаго здѣсь схематическаго наброска видно, что, направляясь изъ Бнись Бнсиху въ Ляоянъ черезъ Янтайскія копи, я все время двигался фланговымъ маршемъ въ разстояніи 10—15 верстъ въ отношеніи всѣхъ позицій японцевъ на Тайцзыхе,—что не представляло опасности, если насъ раздѣляла эта рѣка, да еще наблюдаемая дагестанцами и драгунами (ниже устья Танхе). Но японцы, какъ говорятъ, форсировали уже переправы; и если я двигаюсь фланговымъ маршемъ непосредственно передъ фронтомъ японцевъ, то... это по меньшей мѣрѣ знать нужно. А у меня нѣтъ ни одного „хвоста", чтобы послать въ этомъ направленіи къ Тайцзыхе посмотрѣть,—что тамъ дѣлается.

Чтобы провѣрить всѣ эти толки я написалъ телеграмму на имя смѣнившаго меня въ Бенсиху командира Оровайскаго полка, прося увѣдомить, что у него тамъ дѣлается; здѣсь, кстати, на копяхъ есть телеграфная станція проводившагося изъ Ляояна въ Бенсиху государственнаго телеграфа. Черезъ 1/4 часа приходитъ ко мнѣ въ палатку телеграфный чиновникъ съ моей телеграммой:

— „Ваша телеграмма, г. полковникъ, не можетъ быть передана. Я самъ назначенъ начальникомъ станціи въ Бенсиху, долженъ ѣхать туда, но телеграфъ, повидимому, прерванъ, городокъ горитъ, этапъ сожженъ.

— „Откуда это все извѣстно, если телеграфъ прерванъ?"

— „Да говорятъ. А телеграфъ прерванъ,—это фактъ, въ Бенсиху передать нельзя".

Зная, что и помимо японцевъ нашъ телеграфъ иногда пошаливаетъ, я попросилъ телеграфиста запросить Сяодагай и попутные пункты, чтобы выяснить хотя бы, гдѣ именно прерванъ телеграфъ.

Въ накопившейся здѣсь почтѣ на мое имя я нашелъ, между прочимъ, предписаніе командира корпуса—„двигаться въ Ляоянъ на соединеніе съ войсками корпуса";—отъ начальника штаба дивизіи нашелъ лаконическую приписку частнаго характера карандашомъ на какомъ-то конвертѣ:—„ждемъ тебя на Сыквантуньскую сопку".

Двигаясь прямо на Ляоянъ черезъ станцію Янтай, а изъ Ляояна къ мѣсту расположенія дивизіи, я дѣлаю очевидно крюкъ, хотя исполняю точно полученное предписаніе командира корпуса. Однако, по всей вѣроятности изъ штаба корпуса меня напра-

вятъ на соединеніе съ войсками дивизіи, гдѣ, можетъ быть, идетъ бой и надо бы поспѣть туда поскорѣй, сокративъ себѣ путь елико возможно. Бросился искать на картѣ гдѣ эта Сыквантуньская сопка; но въ темную непроглядную ночь, подъ проливнымъ дождемъ на бивакѣ, при скудномъ свѣтѣ еле мерцающаго огарка, это была нелегкая задача: искали, искали и не нашли...

Утромъ 18-го выступили дальше въ Ляоянъ. Проливной дождь сдѣлалъ дороги невылазными. Люди изнемогаютъ въ липкой лёссовой грязи, съ трудомъ вытаскивая одну ногу за другой. Обозъ страшно растянулся и частію завязъ; даже въ двуколки приходится припрягать вторую или даже третью лошадь. Не доходя уже 4—5 верстъ отъ станціи Янтай, я случайно, во время малаго привала, увидѣлъ на картѣ дер. Сыквантунь, около которой, надо полагать, находится и сопка того же названія. А канонада артиллерійская все гудитъ и гремитъ въ этомъ направленіи.

Намъ бы двинуться прямо на югъ;—но нѣтъ, къ несчастью, дорогъ черезъ дикія неприступныя горы;—нѣтъ даже никакихъ козьихъ тропокъ... Да если бы и были какія-нибудь дороги едва ли можно офиціальному предписанію командира корпуса противопоставить случайную приписку карандашомъ частнаго характера—„ждемъ тебя на Сыквантуньскую сопку“—сдѣланную на углу конверта начальникомъ штаба дивизіи. Но чувствую положительно, что надо бы броситься съ полкомъ черезъ горы въ эту сторону... Не будь у меня на рукахъ артиллеріи, я бы съ одной пѣхотой можетъ быть и рискнутъ бы на это движеніе черезъ горы „на выстрѣлы“. Но какъ бросить артиллерію...

Весь походъ меня неотвязчиво грызло сознаніе необходимости спѣшить куда-то на помощь къ своимъ, влекло „на выстрѣлы“, а неприступныя горы и невылазная грязь парализовали всякіе порывы...

Къ полудню пришли на ст. Янтай, гдѣ у меня большой привалъ; послѣ 2—3 часовой остановки двигаемся дальше.

Около 2-хъ час. дня пограничной стражи подполковникъ Пономаревъ съ видомъ недоумѣнія показалъ мнѣ телеграмму, только что полученную имъ изъ Янтайскихъ копей (откуда я только что пришелъ), такого содержанія:

„*Японцы переправились черезъ Тайцзыхе и въ числѣ 6-ти полковъ пѣхоты появились въ 3-хъ верстахъ южнѣе Янтайскихъ копей; идетъ бой*“... Подписано „командиръ 22-й сотни ротмистръ Каменскій“ *)...

Необходимо было имѣть въ виду, что подступившія къ Янтайскимъ копямъ японскія войска представляли собою несомнѣнно лишь *авангардъ*, за которымъ должны были переправиться черезъ Тайцзыхе и двинуться дальше въ этомъ же направленіи главныя силы противника; и сколько бы полковъ японскихъ обнаружено ни было ясно было одно, что это авангардъ солидныхъ размѣровъ, за которымъ, соотвѣтственно, и главныя силы направляются, вѣроятно, довольно внушительныя. Не много требовалось сообразительности, чтобы увидѣть, что при форсированіи здѣсь переправы черезъ Тайцзыхе японцы неминуемо должны стремиться къ тому, чтобы захватить Янтай-

*) Передаю содержаніе этой телеграммы такъ, какъ она записана въ моемъ дневникѣ, не ручаясь за точность въ запятыхъ, но безусловно вѣрно въ отношеніи главныхъ данныхъ.

М. Г.

скія копи, отстоящія отъ рѣки всего лишь въ 12 верстахъ, т. е. въ разстояніи 3—4 часовъ марша, отъ желѣзнодорожной станціи Янтай, на которой нѣтъ никакихъ позицій или укрѣпленій, а расположены для этапной службы, всего лишь $1^1/_2$ роты 10-го Новоингерманландскаго полка.

Захвативъ Янтайскія копи и станцію Янтай, японцы сразу *овладѣвали тыломъ всего нашего укрѣпленнаго района* подъ Ляояномъ, а также и желѣзнодорожной магистралью,—этой жизненной артеріей, связывающей нашу армію съ Россіей... Не подлежитъ сомнѣнію, что въ такомъ важномъ направленіи японцы направили, конечно, достаточныя силы...

Это намъ готовятъ Седанъ... пронеслась въ головѣ жгучая мысль...

Вышелъ я съ этой телеграммой въ рукахъ изъ палатки и осмотрѣлся кругомъ. Необозримая равнинная мѣстность вокругъ желѣзнодорожной станціи и по обѣ стороны рельсоваго пути была сплошь запружена обозами, арбяными транспортами, наваленными грузами всякаго рода; и все это въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что одиночные люди могли тутъ пробираться съ трудомъ,—не говоря ужь о невозможности проскочить въ минуту надобности къ угрожаемому пункту съ батареей или баталіономъ черезъ такое столпотвореніе оглобельныхъ рогатокъ, людей, коней и грузовъ. А тутъ еще дождь минувшей ночью развелъ невылазную грязь кругомъ...

Боже мой,—какая каша получилась бы, если бы хоть одинъ эскадронъ японской конницы появился здѣсь со стороны Янтайскихъ копей!.. А этой конницы не можетъ не быть тамъ, разъ переправились уже на нашъ берегъ пѣхотные полки.

Я счелъ себя не вправѣ уходить отъ этого опаснѣйшаго для нашей арміи, наиболѣе угрожаемаго въ настоящую минуту, пункта. Все же полкъ и полубатарея это сила, съ которой можно задержать на время противника. Можетъ быть успѣю укрѣпиться на какой-нибудь позиціи и загородить здѣсь путь японцамъ со стороны Янтайскихъ копей, пока прибудетъ поддержка изъ Ляояна..

Неужели, однако, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ и штабъ арміи не знаютъ о переправѣ японцевъ черезъ Тайцзыхе и о приближеніи ихъ къ Янтайскимъ копямъ? Неужели имъ не видна эта угрожающая обстановка и весь ужасъ возможныхъ послѣдствій этого положенія? А съ другой стороны меня волновалъ вопросъ—имѣю ли право задерживаться здѣсь, послѣ полученнаго приказанія слѣдовать на Ляоянъ. Фактъ, однако, былъ налицо; телеграммѣ ротмистра Каменскаго нельзя было не вѣрить; тѣмъ болѣе, что это была правдоподобная и разумная, на мой взглядъ, операція со стороны энергичнаго противника и совпадало со всѣми моими предшествовавшими свѣдѣніями...

Колебаться нельзя было, и я рѣшился выбрать здѣсь позицію и принять бой въ случаѣ наступленія японцевъ, донеся объ этомъ командующему арміей; а если это не совпадаетъ съ планами штаба арміи, то потерянные часы наверстаю, двинувшись дальше въ Ляоянъ ночнымъ маршемъ. Я сейчасъ же послалъ генералу-адъютанту Куропаткину телеграмму слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ подполковникъ пограничной стражи Пономаревъ получилъ телеграмму изъ Янтайскихъ копей отъ командира 22 сотни пограничной стражи ротмистра Каменскаго

и отправленную сегодня къ 11 час. дня изъ Янтайскихъ копей такого содержанія:—„Японцы переправились черезъ Тайцзыхе и въ числѣ 6-ти полковъ появились въ 3 верстахъ къ югу отъ Янтайскихъ копей. Идетъ бой. Въ виду опасности, угрожающей арміи и укрѣпленному району у Ляояна, предполагаю принять бой и располагаюсь на позиціи съ полкомъ и полубатареей. Буду ждать приказаній до *девяти часовъ вечера сегодня*, если не получу, слѣдую дальше въ Ляоянъ“.—Телеграмму эту отправилъ въ 3 часа дня 18-го іюля, предупредивъ начальника станціи о важномъ значеніи этой телеграммы и необходимости безотлагательной ея передачи.

Объявивъ сейчасъ же о принятомъ рѣшеніи и необходимости приготовиться къ бою съ превосходными силами японцевъ, который можетъ случиться еще до вечера, я сейчасъ же, въ сопровожденіи моего „начальника артиллеріи“—нашего боевого товарища по Бенсиху, К. И. И—ко, командира полубатареи, и подполковника пограничной стражи П—ва, какъ вѣроятнаго начальника „конницы“ (у него было налицо что-то около 30—40 стражниковъ), поѣхалъ обрекогносцировать окружающую мѣстность и выбрать позицію.

Удивительно проклятая эта мѣстность вокругъ станціи Янтай: куда глазомъ ни хватишь—видишь сплошную низменную равнину, поросшую гаоляномъ, который къ этому времени достигаетъ наибольшей зрѣлости и высоты. Даже сидя верхомъ на рослой лошади попадаешь точно на дно морское, когда въѣзжаешь въ гаолянъ,—никакого кругозора, только и видишь лѣниво качающіяся на высокихъ стебляхъ грузныя макушки гаоляна, налитыя зернами; а когда

слѣзешь съ лошади среди этого гаоляна, то и небо плохо видно, закрытое махровыми верхушками гаоляна; только и видишь голые стебли, совсѣмъ какъ въ безпросвѣтномъ дремучемъ лѣсу.

Какъ извѣстно, и безъ того всегда приходится нѣкоторую толику колебаться надъ выборомъ позиціи, выискивая все лучшую и лучшую. А тутъ—ничего!.. Буквально нѣтъ никакой позиціи, хоть роди ее. Нельзя же потопить стрѣлковыя цѣпи на дно этого анаѳемскаго гаоляна!

Взобравшись на одно дерево, торчавшее наполовину изъ гаоляна, видно было, что станція Янтай съ облѣпившей ее со всѣхъ сторонъ непролазной гущей обозовъ и транспортовъ образовали точно островъ, омываемый со всѣхъ сторонъ гаоляновымъ океаномъ, окаймленнымъ съ юга и востока высокими горами. Принять бой вблизи обознаго кавардака нельзя, потому что достаточно одной шальной шимозы, попавшей въ этотъ фурштатъ, и паника неминуема; притомъ же необходимъ какой-нибудь выигрышъ времени, чтобы дать возможность всѣмъ обозамъ выбраться на дорогу, а этого достигнуть можно вынося мѣсто боя возможно дальше навстрѣчу противника. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній я незамѣтно для себя въ розыскахъ позиціи очутился на Мандаринской дорогѣ, гдѣ наткнулся на обширный бивакъ пѣхоты и артиллеріи, совершенно скрытый охватившими его со всѣхъ сторонъ гаоляновыми полями. Мы увидѣли этотъ бивакъ, только наѣхавъ почти вплотную на артиллерійскіе парки.

Тутъ я узналъ, что по пути изъ Мукдена въ Ляоянъ бивакируетъ 54 дивизія и 26 артиллерійская бригада, что недалеко въ деревнѣ находится и началь-

никъ дивизіи, генералъ-маіоръ Орловъ. Я немедленно направился къ большой фанзѣ, надъ которой развѣвался флагъ 54 дивизіи, и доложилъ генералу Орлову объ обстоятельствахъ, заставляющихъ меня изготовиться на позиціи для боя впредь до полученія приказанія отъ генералъ-адъютанта Куропаткина и показалъ ему телеграмму штабсъ-ротмистра К—го, прибавивъ, что я очень радъ встрѣтить здѣсь старшаго начальника, которому, какъ *сдачу*, передаю всю эту обстановку, а вмѣстѣ съ нею передаю въ его распоряженіе и самого себя вмѣстѣ съ моимъ отрядомъ.

Генералъ Орловъ отнесся къ этимъ чрезвычайнымъ обстоятелствамъ довольмо сдержанно.

— „Нѣтъ, батенька. Я пойду дальше въ Ляоянъ. Не могу задаваться особыми задачами. Мнѣ приказано направиться въ распоряженіе генерала Бильдерлинга, туда и пойду“.

— „Однако, ваше превосходительство, Вы изволите видѣть, что народилась сейчасъ новая обстановка, которая принимаетъ для насъ угрожающій оборотъ. Вѣдь всей арміи грозитъ катастрофа, если между копями и станціей Янтаемъ японцы не встрѣтятъ отпоръ, или хоть временной задержки“.

— „Можетъ быть это такъ, но у меня категорическое приказаніе направиться въ Ляоянъ“.

— „Какъ знаете, ваше превосходителство. Я счелъ долгомъ доложить Вамъ все это, какъ старшему“.

Съ этими словами я простился съ генераломъ Орловымъ и направился съ моими спутниками къ выходу, торопясь на бивакъ, въ виду того, что начало уже смеркаться и надо было все же выбрать позицію и на всякій случай приготовиться къ бою.

Въ эту минуту генералу Орлову подали телеграмму, которую онъ при насъ вскрылъ и, прочитавъ ее про себя, прибавилъ вслухъ, обращаясь ко мнѣ:

— „Ну, вотъ видите. Мнѣ подтверждаютъ двигаться въ Ляоянъ, и завтра 20 августа къ 8 часамъ утра я долженъ прибыть въ деревню Чжансютунь и поступить въ распоряженіе командира 17-го корпуса, генерала Бильдерлинга. Телеграмма, какъ видите, за подписью начальника штаба арміи генерала Сахарова“.

Весь этотъ приведенный выше діалогъ между мною и генераломъ Орловымъ происходилъ въ присутствіи начальника штаба 54 дивизіи, подполковника генеральнаго штаба Глобачева, подполковника пограничной стражи Пономарева и капитана 3-й артиллерійской бригады К. И. Ильенко.

Было уже около 6 часовъ пополудни. Начало темнѣть. Признаюсь,—эта телеграмма генерала Сахарова, полученная при мнѣ генераломъ Орловымъ около 5 час. и отправленная, слѣдовательно, около 3—4 час. дня, т. е. *послѣ* уже полученія, какъ мнѣ казалось, моей телеграммы со станціи Янтай—поколебала во мнѣ вѣрность моихъ предположеній. Можетъ быть и генералъ Орловъ, и я мы болѣе нужны сейчасъ около Ляояна? Хорошо ли мнѣ задерживаться здѣсь?..

Я все же выбралъ позицію и отдалъ необходимыя приказанія быть готовыми одинаково и для дальнѣйшаго движенія къ Ляояну, и для расположенія на позиціи; но, не поднимая полка съ бивака, направился сначала на телеграфную станцію, чтобы узнать нѣтъ ли отвѣтной телеграммы изъ штаба арміи. Ока-

зывается, сейчасъ (было уже 8 часовъ вечера) получена телеграмма за подписью генерала Харкевича, которая гласила слѣдующее:

„Вашъ полкъ съ полубатареей подчиняется ген.-м. Орлову, которому предписывается направиться Янтайскія копи“.

Значитъ опасность дѣйствительно угрожаетъ со стороны Янтайскихъ копей, если *хватили то, что было подъ рукой,* чтобы заткнуть гибельную брешь къ сторонѣ нашего тыла. Значитъ, мои предположенія были правильны. Хороша, однако, развѣдочная часть въ штабѣ нашей арміи, что о такихъ событіяхъ чрезвычайной важности, какъ готовящійся для арміи „Седанъ“, штабъ совершенно случайно узналъ это, повидимому, отъ меня, узнавшаго это, въ свою очередь, тоже совершенно случайно...

Еще хорошо, что случайно тутъ оказались достаточныя силы, какъ 54-я дивизія и мой полкъ, чтобы задержать здѣсь движеніе японцевъ, а вѣдь постоянныя-то силы здѣсь исчерпываются одной—двумя ротами, которымъ не подъ силу было-бы, конечно, остановить армію Куроки... Направляя насъ къ Янтайскимъ копямъ, въ 12 верстахъ отъ станціи Янтай, генералъ - адъютантъ Куропаткинъ руководствуется, очевидно, тѣми же соображеніями, которыми задавался и я, рѣшившись съ полкомъ принять бой на позиціи верстахъ въ 4—5 отъ нашего тыла; только теперь насъ выдвигаютъ къ Янтайскимъ копямъ въ виду того, что вмѣсто одного полка есть пять и вмѣсто полубатареи—цѣлая артиллерійская бригада; такой сильный отрядъ слѣдуетъ выдвинуть, конечно, дальше навстрѣчу противнику.

Черезъ полъ-часа я получилъ записку отъ генерала Орлова слѣдующаго содержанія:

„Вашъ полкъ съ полубатаріей включается въ составъ моего отряда, которому указано движеніе въ Янтайскія копи. Выступленіе завтра въ 7 час. утра; быть на Мандаринской дорогѣ у дер. Ваньбяоцяо".

19-го августа я съ полкомъ былъ въ указанномъ пунктѣ, гдѣ увидѣлъ генерала Орлова, распоряжавшагося движеніемъ сильно перегруженныхъ орудій 26 артиллерійской бригады, застрявшихъ на Мандаринской дорогѣ въ невылазной грязи.

Бой подъ Янтаемъ 20 августа.

Грязь на Мандаринской дорогѣ была ужасная. Орудія вязли до осей. Бригада эта только-что прибыла изъ Россіи; лошади еще не втянулись въ работу; на лафетахъ навалены не только горы туго набитыхъ ранцевъ, которые должны быть на нижнихъ чинахъ, но и обильные запасы всякаго фуража и даже запасы дровъ... Генералъ Орловъ энергично водворялъ порядокъ, приказалъ все лишнее сбросить въ грязь, послѣ чего съ трудомъ, и при помощи пѣхоты, артиллерія вылѣзла изъ этой мандаринской трясины и направилась вдоль желѣзнодорожной вѣтки на Янтайскія копи.

Удивительно, какъ тягуче и медленно идетъ наше движеніе. Что-то роковое кроется въ нашихъ дѣй-

ствіяхъ, что мы всюду такъ „медленно поспѣшаемъ“. Пустое разстояніе отъ д. Ваньбяоцяо до Янтайскихъ копей, какихъ-нибудь 12 верстъ, мы прошли въ семь часовъ. Только къ 2 часамъ дня отрядъ нашъ сосредоточился на бивакѣ вблизи конторскихъ построекъ, въ которыхъ помѣстился начальникъ отряда и его штабъ.

Установивъ свой полкъ на бивакѣ, я немедленно отправился на впереди лежащія сопки, чтобы осмотрѣть окружающую мѣстность и увидѣть, можетъ быть, то мѣсто, гдѣ, по телеграммѣ ротмистра К—го, „идетъ бой“ между нѣсколькими полками японскими и нашимъ взводомъ или полуротой. Всматриваясь въ бинокль, можно было замѣтить присутствіе противника за отдаленными сопками и какія-то приготовленія и передвиженія на горахъ со стороны Канкdroантуня, гдѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи, Куроки дѣйствительно совершилъ свою переправу черезъ Тайцзыхе почти на виду нашихъ артиллерійскихъ позицій у дер. Сыквантуня.

Съ прилегающихъ къ Янтайскимъ копямъ сопокъ открывался превосходный кругозоръ во всѣ стороны. Притомъ же грунтъ этихъ сопокъ, вопреки обыкновенія былъ не каменистый, такъ что можно было бы ихъ прекрасно укрѣпить и устроить здѣсь такую позицію, что японцамъ потребовалось бы не мало усилій, чтобы овладѣть ею. Со всѣхъ сторонъ къ сопкамъ почти вплотную подходили гаоляновыя поля, представлявшія собою прекрасные скрытые подступы для противника; но это легко устранимо: если выслать какихъ-нибудь двѣ роты, то онѣ въ одинъ часъ вырѣжутъ этотъ гаолянъ на ружейный выстрѣлъ кругомъ. Мало того: надломанный и поваленный гао-

лянъ представляетъ собою превосходное препятствіе— не хуже такъ называемой „мѣстной засѣки“—для наступающаго. Но необходимо было сейчасъ же, немедленно, какъ только пришли на бивакъ, приняться за это.

А между тѣмъ никакихъ работъ по укрѣпленію позиціи не производилось. Въ отрядѣ нашемъ было мирно и тихо, точно мы были здѣсь не передъ боемъ, а послѣ миновавшей уже грозы. Говорю это все не заднимъ числомъ, какъ поумнѣвшій послѣ постигшаго насъ на слѣдующій день, на этомъ самомъ мѣстѣ, жестокаго испытанія: при первой паузѣ, во время боя слѣдующаго дня, я сейчасъ же заставилъ 4-й б-нъ рѣзать впереди гаолянъ; но приходилось это дѣлать подъ губительнымъ огнемъ, вмѣсто того чтобы это дѣлать съ оглядкой и безнаказанно, какъ это возможно было наканунѣ около тѣхъ самыхъ сопокъ, съ которыхъ японцы на слѣдующій день жесточайшимъ образомъ поражали насъ фланговымъ огнемъ, пулеметнымъ и ружейнымъ *).

Отнюдь не имѣю въ виду этими оговорками дѣлать кому бы то ни было какіе-нибудь косвенные упреки. Всѣ мы на этой войнѣ учились уму-разуму, и горько платились за эти уроки: артиллерія наша, прибывавшая изъ Россіи, при первыхъ выѣздахъ на позиціи забывала иногда, что это бой, а не маневры, пускалась впередъ безъ развѣдокъ, или искала „французскіе“ и „германскіе“ гребни, и жестоко платилась за это тяжкими потерями, а иногда и потерей

*) По офиціальнымъ даннымъ значится, что начальникомъ отряда ген.-м. Орловымъ сдѣлано было своевременно распоряженіе объ укрѣпленіи позиціи; но, повидимому, это распоряженіе осталось безъ исполненія. *М. Г.*

орудій. Зато эта безразсудная лихость вначалѣ смѣнялась затѣмъ преступной робостью. Пѣхота, прибывавшая изъ Россіи, окапывалась всегда не иначе, какъ по особому приказанію; а затѣмъ собственнымъ горькимъ опытомъ научилась окапываться даже во время наступленія, при каждой остановкѣ. Слишкомъ даже научилась: — настолько, что усердное возведеніе укрѣпленій являлось уже тормазомъ для наступательнаго импульса.

Можетъ быть и въ данномъ случаѣ Янтайскій отрядъ имѣлъ какую-нибудь наступательную задачу и потому не подумали объ укрѣпленіи позиціи; но по существу обстановки, чтобы предупредить возможность прорыва въ нашъ тылъ, — задача отряда была оборонительная и раньше всего надо было укрѣпиться. Впрочемъ, говорятъ, генералъ - адъютантъ Куропаткинъ завѣдомо не препятствовалъ переправѣ Куроки, готовя ему могилу на правомъ берегу Тайцзыхе, выразившись съ той же самонадѣянностью какъ при извѣстіи о высадкѣ японцевъ въ Бицзево: пусть переправляются (высаживаются); чѣмъ больше ихъ переправится (высадится), тѣмъ лучше...

Было уже около 4-хъ часовъ пополудни, когда я измученный и усталый вернулся къ себѣ въ палатку. Никакихъ приказаній и распоряженій ни откуда не поступало.

Поздно ночью принесли диспозицію, которую я прочиталъ нѣсколько разъ и никакъ не могъ опредѣлить—что намъ предстоитъ на слѣдующій день: оборона или наступленіе. Вѣроятно въ этой диспозиціи отразилась общая нерѣшительность верховъ арміи. Какъ выяснилось потомъ, въ 7 часовъ ве-

чера 19 августа генералъ-маіоръ Орловъ получилъ записку отъ генерала Бильдерлинга о томъ, что его отрядъ въ боевомъ отношеніи подчиняется ему, командиру 17-го армейскаго корпуса, что на правый берегъ Тайцзыхе переправилось до 2-хъ дивизій японцевъ и что въ случаѣ движенія значительныхъ силъ противника противъ 17-го армейскаго корпуса и въ обходъ его лѣваго фланга, отряду генералъ-маіора Орлова надлежитъ поддержать лѣвый флангъ этого корпуса энергичнымъ движеніемъ впередъ, а въ случаѣ напора превосходныхъ силъ противника, слѣдуетъ отходить на Янтай для прикрытія желѣзной дороги.

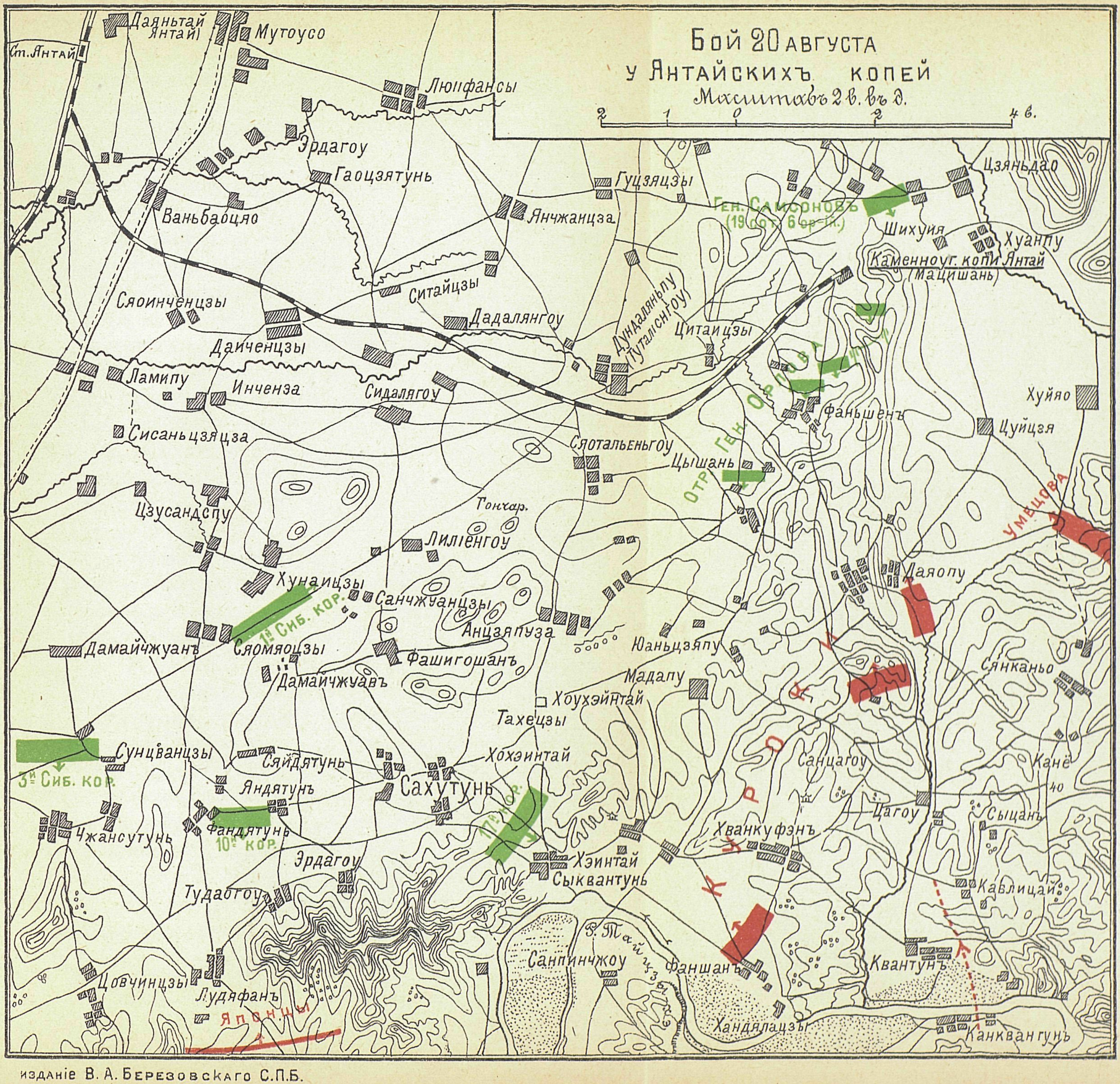
Въ 2 часа пополуночи 20 августа было получено приказаніе генерала Бильдерлинга отъ 5 час. 45 мин. вечера 19 августа: Въ виду наступленія 17-го армейскаго корпуса съ разсвѣтомъ 20 августа на позиціи противника, янтайскому отряду съ разсвѣтомъ тоже перейти въ наступленіе для дѣйствія на правый флангъ противника.

Ночью начальникъ отряда получилъ слѣдующее приказаніе: *) „Въ развитіе диспозиціи командующій арміей приказалъ вамъ дать слѣдующія указанія.

*) Приводимыя здѣсь нѣкоторыя данныя — помимо тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны, какъ непосредственному участнику въ этихъ бояхъ—заимствованы мною изъ статей г. Корнилова, помѣщенныхъ въ №№ 108—110 газеты „Русь“ (апрѣль 1905 г.). Но странно довольно, что не только данныя, но во многихъ мѣстахъ и текстъ статей совпадаетъ съ офиціальнымъ отчетомъ ген.-адъют. Куропаткина, появившимся въ печати въ 1906 году.

Все касающееся дѣйствій отряда ген.-м. Орлова приведено со словъ *его реляціи*, исключая дѣйствій моего полка, которыя мнѣ лично самому хорошо извѣстны.

М. Г.

изданіе В. А. Березовскаго С.П.Б.

Вамъ надлежитъ прежде всего установить связь съ генераломъ Бильдерлингомъ, и если онъ не будетъ атакованъ, слѣдовать въ указанномъ вамъ направленіи; въ случаѣ же, если онъ будетъ атакованъ на своей позиціи у Сыквантуна, вы должны идти кратчайшимъ путемъ ему на подкрѣпленіе“.

Къ разсвѣту была занята позиція на высотахъ къ югу отъ Янтайскихъ копей. По обѣимъ сторонамъ артиллеріи располагался Инсарскій полкъ, имѣя на своемъ лѣвомъ флангѣ 3 роты Срѣтенскаго резервнаго полка; лѣвый флангъ позиціи былъ занятъ Бузулукскимъ полкомъ; Псковскій полкъ сталъ въ резервѣ, приблизительно на половинѣ разстоянія между Фаньшеномъ и поселкомъ Янтайскихъ копей, которыя были заняты коннымъ отрядомъ генералъ-маіора Самсонова, выславшимъ развѣдки на востокъ къ долинѣ р. Тайцзыхе, причемъ одна сотня была послана на дорогу Садагоу-Мукденъ для связи съ отрядомъ генералъ-маіора Любавина. На правомъ флангѣ отряда генералъ-маіора Орлова, въ окрестностяхъ Тайяо, держалась конница генералъ-маіора кн. Орбеліани.

Съ разсвѣтомъ обнаружилось, что трехголовая высота, простирающаяся къ юго-востоку отъ позиціи отряда генералъ-маіора Орлова, сильно занята противникомъ, причемъ ясно обнаружились пѣхотные и артиллерійскіе окопы, возведенные ими за ночь.

Генералъ-Маіоръ Орловъ въ 6 час. утра приказалъ открыть артиллерійскій огонь; въ началѣ, въ теченіе часа, противникъ молчалъ, но затѣмъ началось весьма сильное обстрѣливаніе нашей позиціи съ батарей на трехголовой высотѣ, а также и въ направленіи отъ Санцагоу и Хванкуфена.

Свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ 17 армейскомъ корпусѣ генералъ-маіоръ Орловъ не получалъ, почему въ 7 час. 40 мин. послалъ записку генералъ-лейтенанту Добржинскому съ просьбой сообщить, что предполагаетъ дѣлать его дивизія, или на какія совмѣстныя дѣйствія разсчитываетъ, присовокупляя, что позиція Янтайскаго отряда удобна и для обороны и какъ исходный пунктъ для наступленія на трехголовую высоту. Но отвѣта на эту записку генералъ Орловъ совсѣмъ не получилъ.

Въ 7 час. 45 мин. пополуночи 20 августа генералъ маіоръ Орловъ приказалъ второму батальону Инсарскаго полка занять д. Цышань. Батальону, спустившемуся съ позиціи по восточному склону высотъ, пришлось двигаться въ сплошномъ гаолянѣ, превышавшемъ вышину всадника.

Вообще, вся мѣстность въ раіонѣ дѣйствій право-бережной группы манчжурской арміи 20 августа представляется сплошнымъ гаоляномъ, среди котораго, подобно островамъ, разсѣяны многочисленные населенные пункты. Это обстоятельство весьма затрудняло управленіе войсками, оріентировку и производство движеній.

Деревня Цышань оказалась занятой противникомъ силою до одного батальона, который укрылся за каменнымъ валомъ, составляющимъ деревенскую околицу.

Подойдя на 400 шаговъ къ деревнѣ, второй баталіонъ былъ встрѣченъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, на который не имѣлъ возможности отвѣчать, не видя противника за высокимъ гаоляномъ, подходившимъ почти вплоть къ деревнѣ.

Выйдя на открытое мѣсто, Инсарскія роты зале-

гли въ 100 шагахъ отъ позиціи противника и въ свою очередь открыли огонь. Выждавъ время, когда непріятельскій огонь нѣсколько стихъ, командиръ батальона подалъ сигналъ атаки, который съ перваго раза принятъ не былъ. По повторенному сигналу части 5, 6 и 8 ротъ поднялись въ атаку и заняли деревню, выбивъ противника.

Какъ только была занята ротами Инсарцевъ деревня Цышань, противникъ открылъ по ней сильнѣйшій огонь ружейный и шрапнельный, вынудившій Инсарскія роты, по приказанію командира батальона, очистить эту деревню, отступивъ на подходившія части Псковскаго полка *).

Начальникъ отряда, наблюдая съ разсвѣта къ сторонѣ 17 армейскаго корпуса, но не получая оттуда никакихъ свѣдѣній, постепенно пришелъ къ заключенію, что Нѣжинская высота и окрестныя деревни находятся въ рукахъ японцевъ; въ то же время ружейный и артиллерійскій огонь въ раіонѣ расположенія 17-го армейскаго корпуса усиливался, у японцевъ стали замѣтны оживленная дѣятельность и передвиженія войсковыхъ колоннъ; бой, начавшійся въ раіонѣ Сахутуня, убѣдилъ генералъ-маіора Орлова въ томъ, что непріятель атакуетъ генерала Бильдерлинга; поэтому онъ рѣшилъ перейти въ наступленіе по направленію на сопку съ соскомъ (Нѣжинская высота), что въ сущности не противорѣчило

*) Въ оффиціальномъ описаніи сказано, что баталіонъ этотъ отступилъ на подходившія части Инсарскаго полка; но въ дѣйствительности упомянутыя роты были приняты 1-мъ баталіономъ Псковскаго полка, именно съ этой цѣлью двинутымъ въ боевую линію. *М. Г.*

инструкціямъ штаба арміи и согласовалось съ приказаніями командира 17-го армейскаго корпуса.

Въ виду этого генералъ-маіоръ Орловъ посредствомъ записокъ, черезъ ординарцевъ и словесно, между $8^1/_2$ и 9 час. утра, отдалъ распоряженіе о переходѣ въ наступленіе.

Тронулись впередъ баталіоны Инсарскаго полка, а вслѣдъ за ними вытянулся и мой полкъ. Черезъ полчаса вся колонна наша, двигавшаяся по узкой пѣшеходной дорогѣ, точно потонула въ гаоляновомъ морѣ. Мы видѣли только небо надъ нашими головами и необозримое море качающихся головокъ гаоляна.

Тѣмъ временемъ все явственнѣе и сильнѣе доносилась канонада со стороны Сахутуня, гдѣ, повидимому, кипѣлъ жестокій бой. Необходимо было торопиться, а тутъ какъ-разъ Инсарскій полкъ почему-то остановился, заставивъ и насъ остановиться. Я нѣсколько разъ напоминалъ командиру Инсарскаго полка черезъ своего полкового адъютанта о необходимости двигаться скорѣй и безостановочно и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, скомандовалъ своей колоннѣ двинуться на-проломъ — черезъ инсаровцевъ и черезъ гаолянъ. Черезъ $^1/_4$ часа мы уже обогнули голову колонны Инсарскаго полка, который стоялъ у окраины деревни, приваливъ около колодца. Встрѣтившій меня здѣсь командиръ этого полка полковникъ Л—мъ заявилъ мнѣ, что онъ остановился, не зная дороги на Сахутунь, но двинется вслѣдъ за моей колонной. Не зналъ и я дороги на Сахутунь: мы двигались по компасу, держа направленіе на юго-западъ.

Не успѣли мы пройти и $^1/_2$ версты отъ колонны инсаровцевъ, какъ попали подъ шрапнельный огонь

японцевъ, поражавшій нашу колонну во флангъ. Въ это же время мы наткнулись въ гаолянѣ на отступавшія на насъ нѣкоторыя роты Инсарскаго полка, занимавшія, повидимому, дер. Цышань. Встрѣченный мною здѣсь штабъ-офицеръ этого полка обратился ко мнѣ за помощью, указывая гдѣ засѣли японцы. Нельзя было пройти мимо и не оказать поддержки своимъ; тѣмъ болѣе, что нельзя было продолжать движеніе фланговымъ маршемъ, выставляя подъ шрапнельный огонь свою колонну во всю ея длину. Надо было повернуть ее лицомъ къ противнику и развернуть боевой порядокъ. Такимъ образомъ наше движеніе на Сахутунь отступило куда-то на задній планъ.

Я выдвинулъ въ боевую позицію 1-й баталіонъ, давъ ему направленіе правымъ плечомъ впередъ, и начали энергично наступать подъ жестокимъ огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ, стремясь охватить то мѣсто, гдѣ, какъ намъ указывали отступившіе инсаровцы, засѣли японцы. Не было никакой возможности оріентироваться въ этомъ проклятомъ гаолянѣ. Трудно было опредѣлить даже направленіе— откуда въ насъ стрѣляютъ: мы двигались какъ въ безпросвѣтномъ лѣсу, видя лишь какъ падаютъ наши убитые и раненые подъ характернымъ свистомъ и шелестомъ пуль, прорѣзывающихъ гаоляновые стебли, какъ казалось, по всѣмъ направленіямъ. Да и дѣйствительно насъ поражали и съ фронта, и съ лѣваго фланга, чему имѣется у меня документальное доказательство: ружейной пулей пробило у меня переднюю луку сѣдла слѣва направо въ то время, когда я двигался за фронтомъ нашей цѣпи. Это была удачная „рана“—взяла бы пуля на полъ-дюйма

вправо, и я получилъ бы смертельную рану въ животъ. Меня ссадили съ лошади, сидя на которой я могъ хоть что-нибудь видѣть на поверхности гаолянового океана, но зато и представлялъ собою кой-какую цѣль. Спѣшившись, я убѣдился, что мы двигаемся и дѣйствуемъ совершенно вслѣпую: офицеры увѣряютъ, что въ насъ стрѣляютъ будто-бы наши-же...

Двигаясь за цѣпью, въ гаолянѣ, я наткнулся на группу деревьевъ и невысокій могильный холмикъ среди нихъ, который давалъ хоть нѣкоторый кругозоръ.

Тутъ же укрылась немного отъ губительнаго огня 5-я рота, служившая ближайшей поддержкой для боевой части; остальнымъ двумъ ротамъ 2-го баталіона, я указалъ стать около нашей полубатареи, которая направилась среди гаоляна искать себѣ „позицію".

Намъ казалось, что все спасеніе теперь въ артиллеріи: насъ бьютъ перекрестнымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ, на который мы отвѣчать не можемъ, потому что изъ винтовки по закрытымъ цѣлямъ можно стрѣлять лишь наугадъ, а современная скорострѣльная пушка можетъ стрѣлять со дна гаоляна. Къ счастью, мнѣ сообщили, что около 1/2 версты отъ насъ направляется куда-то вся 26 артиллерійская бригада. Я послалъ туда полкового адъютанта, а затѣмъ самъ бросился туда вскачь, упросить дать мнѣ одну батарею. Благодаря отзывчивости командира бригады мнѣ не долго пришлось просить и мнѣ предоставлена была 5-я батарея, которая сейчасъ-же отдѣлилась и направилась на позицію около дер. Таяпу.

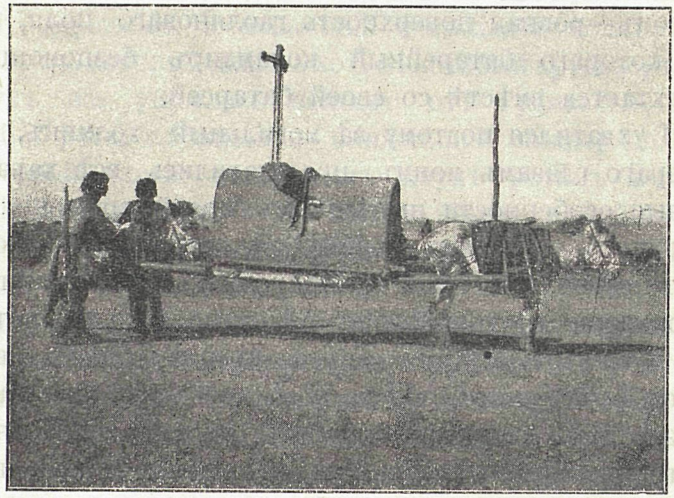
Но какую позицію найдешь на днѣ морскомъ,

когда глаза точно залѣплены и ничего кругомъ не видишь, кромѣ гаоляновыхъ стеблей и гаоляновыхъ макушекъ!... Строго говоря, для нынѣшней артиллеріи, дѣйствующей по невидимымъ цѣлямъ, нѣтъ лучше позиціи, чѣмъ гаоляновое поле, которое наилучшимъ образомъ маскируетъ расположеніе батареи; но при этомъ необходимъ наблюдательный пунктъ для батарейнаго командира, который долженъ направлять и корректировать стрѣльбу. А тутъ ничего кругомъ—ровная поверхность гаоляноваго поля, на днѣ котораго батарейный командиръ безпомощно барахтается вмѣстѣ со своей батареей.

Я ухватился поэтому за могильный холмикъ, съ котораго глазамъ моимъ представились всѣ характерныя особенности нынѣшнихъ полей сраженія: я находился въ самомъ омутѣ боя, среди моихъ боевыхъ цѣпей. Жестокій кровопролитный бой кипитъ несомнѣнно кругомъ меня; это видно хотя бы потому, что смерть—лютая смерть—коситъ направо и налѣво. Меня самаго смерть коснулась уже не разъ въ эти часы своимъ зловѣщимъ крыломъ, проносясь постоянно мимо меня, задѣвъ и сѣдло и лошадь; куда ни посмотришь около себя видишь кругомъ кровь, страданія и смерть. А, между тѣмъ,—обозрѣваю глазомъ это поле смерти и поражаетъ эта пустынность, эта наружная, чисто могильная тишина, прорывающаяся минутами среди ружейной трескотни; даже обычный мирный колоритъ жизни — судя по отдаленному дымку, который вьется изъ трубы китайской фанзы—покрываетъ этотъ ужасающій разгулъ смерти...

Что еще ужаснѣе могла бы придумать дьявольская цивилизація нашего времени! Въ прежнее время,

бывало, смерть собирала свою жатву во время войны хоть при соотвѣтствующей, выходящей изъ ряда обыкновеннаго, обстановки: гремѣли пушки, трещала пальба изъ ружей, трубились сигналы, проносятся въ пороховомъ дыму адъютанты. А теперь—могильная тишина кругомъ: слышишь и видишь только себя и своихъ, когда стоишь среди нихъ; но со сто-

Перевозка раненыхъ съ перевязочнаго пункта въ тылъ.

роны непріятеля, по всему горизонту, охватывающему поле сраженія—полная пустынность, ничего не видно и не слышно; — только характерное завываніе пуль, проносящихся мимо въ воздухѣ, или шлепанье пуль, ударяющихъ и прорѣзывающихъ гаоляновые стебли.

А смерть тѣмъ временемъ похищаетъ свои жертвы незамѣтно для нихъ самихъ и для окружающихъ,

отнимая послѣднее, хотя бы и фривольное, утѣшеніе—„умереть, такъ съ музыкой“...

Было около часу пополудни. Посмотрѣлъ я на сопку, у подошвы которой мы стояли сегодня утромъ, находившуюся влѣво (къ востоку) отъ меня въ разстояніи 1—1½ верстъ. На сѣверномъ склонѣ этой сопки, обращенномъ, значитъ, къ нашему тылу и скрытомъ отъ японцевъ, лежали наши войска, вѣроятно, Бузулукскій полкъ. Благодаря бѣлоснѣжнымъ гимнастическимъ рубашкамъ длинныя правильныя ряды ротъ мнѣ видны были какъ на ладони. Японская артиллерія буквально засыпала этотъ склонъ горы шрапнельнымъ огнемъ: кудреватые дымки шрапнельныхъ разрывовъ цѣлыми десятками, очевидно отъ батарейныхъ залповъ, поминутно мелькали надъ бѣлыми линіями нашихъ ротъ, которыя лежали на *открытой голой поверхности* сопки.

Видно было издали какъ люди лежали точно притаившись, не шевелясь, видимо захваченные уже цѣпкими когтями безжалостной смерти. Сердце кровью обливалось, глядя на эту ужасающую картину, и видя свое безсиліе помочь какъ-нибудь. Вѣдь никого и ничего не видишь. Чтобы хоть какіе-нибудь окопы были вырыты на этомъ склонѣ заблаговременно! А вѣдь это такъ возможно было. А теперь во всю свою длину, рядъ за рядомъ, точно завѣдомо обреченныя насмерть жертвы, лежатъ эти роты не будучи въ силахъ со своей стороны отвѣтить хоть ружейнымъ огнемъ.

О, опытъ,—опытъ великое дѣло! Для 54 дивизіи это была первая встрѣча съ непріятелемъ. И я увѣренъ, что при послѣдующихъ встрѣчахъ Бузулукскія роты навѣрное принимались укрѣпляться, не дожидаясь особыхъ приказаній.

— „Никакъ апонцы, Ваше—бродіе, гляньте-ка туда“... указалъ мнѣ мой ординарецъ.

— „Да, г. полковникъ, это японцы наступаютъ“, прибавилъ находившійся тутъ же со мной на холмикѣ лихой командиръ 5-й роты, капитанъ Ж—тъ.

Въ бинокль я замѣтилъ, что и горная батарея спускается съ прилегающихъ горъ.

— „Ну-ка, угостите ихъ залпами. Только проворнѣе“.

Капитанъ Ж—тъ быстро поднялъ роту, скомандовалъ цѣль, разстояніе и открылъ огонь. Я въ бинокль слѣдилъ за результатами залповъ, которые, безъ сомнѣнія, были весьма удачны и сразу попали въ точку: тянувшаяся длинная кишка горной батареи порвалась во многихъ мѣстахъ и бросилась многими концами въ разныя стороны, видимо ища закрытій.

Но пѣхота,—пѣхота японская меня поразила своей ловкостью и проворствомъ: по условіямъ мѣстности, какъ батареѣ такъ и пѣхотѣ, приходилось дебушировать изъ горъ и направиться затѣмъ по нашему гаоляновому полю къ Янтайскимъ копямъ, т. е. на лѣвый флангъ моей боевой линіи или фронта: *позиціей* никакъ нельзя было назвать это проклятое гаоляновое поле; дебушируя изъ горнаго ущелья и пересѣкая высокій гребень, отдѣлявшій эти горы отъ гаоляноваго поля, японцы не втягивались длинной кишкой прямо въ гаолянъ, гдѣ легко было потерять всякую связь и разбрестись въ разныя стороны; а выбѣгая изъ ущелья, они цѣлыми ротами, точно изъ-подъ земли, выростали длинными цѣпями на гребнѣ, показываясь во весь ростъ на одну—двѣ секунды, и затѣмъ вся шеренга *ныряла*

въ прилегающій гаолянъ, совершенно исчезая изъ виду. Конечно, двигаясь фронтально цѣлыми шеренгами, держа, такъ сказать, другъ друга за руку— значительно легче въ гаолянѣ не терять связь и сохранить данное направленіе.

Это дебушированіе, выстраиваніе шеренгъ на гребнѣ и пропаданіе ихъ въ гаолянѣ происходили, однако, такъ быстро, что наша рота не успѣвала залпомъ изловить шеренги при появленіи ихъ на гребнѣ. Точно акробаты на сценѣ, онѣ появлялись и пропадали въ гаолянѣ.

Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько залповъ, какъ точно чудовищнымъ хлыстомъ стеганули по насъ,— понеслись намъ откуда-то отвѣтные залпы, которые такъ насъ ударили сразу, что роты шарахнулись назадъ и, можетъ быть, готовы были исчезнуть въ гаолянѣ. Я разразился—признаюсь къ моему стыду— отборной площадной руганью, которая, однако, подѣйствовала, должно быть, отрезвляющимъ образомъ: ко мнѣ присоединились ротные командиры, и мы заставили людей стать на прежнее мѣсто; 5 рота возобновила свои залпы, а намъ откуда-то продолжали отвѣчать.

Не прошло и полчаса, какъ насъ стали поражать жестокимъ огнемъ съ лѣваго фланга. Я оглянулся на сопку, на которой лежали бѣлыя линіи ротъ Бузулукскаго полка. Тамъ уже бѣлыхъ линій этихъ не видно было; не видно было и шрапнельныхъ разрывовъ японскихъ. Зато съ этой сопки несется характерная трескотня пулеметовъ; несмолкаемый свистъ и шипѣніе охватываютъ насъ смертоносной струей, направляющейся вдоль линіи нашего фронта. Жестокій артиллерійскій огонь смелъ, очевидно, роты

Бузулукскаго полка, а подкравшаяся по гаоляну японская пѣхота съ пулеметами сейчасъ же и заняла сопку...

Во время франко-прусской войны 1870 года нѣмцы отличались тѣмъ, что каждую завоеванную позицію, или захваченный пунктъ, сейчасъ-же закрѣпляли за собой установкой тутъ артиллеріи, а въ минувшую нашу войну у японцевъ эту роль прекрасно выполняли пулеметы, которые иногда подвигались *слѣдомъ за передовыми застрѣльщиками*: чуть только зацѣпились гдѣ-нибудь стрѣлки—смотришь, есть уже и пулеметъ, и становится весьма трудно выбить иногда даже и слабыя силы. Недаромъ мы впослѣдствіи научились такъ цѣнить пулеметы, что старались ихъ выписать даже на полковыя суммы.

Тутъ отличную службу сослужила предоставленная мнѣ 5-я батарея, которая къ этому времени нашла себѣ позицію около желѣзнодорожной вѣтки: захвативъ Янтайскія высоты, японцы собирались уже перейти въ наступленіе и направились къ дер. Цышань и могли бы легко захватить полотно желѣзной дороги и прилегающія деревни, но были остановлены жестокимъ огнемъ 5-й батареи. Повидимому, артиллерійскій огонь былъ для нихъ полной неожиданностью, и они сразу пріостановили свое наступленіе, но открыли со своей возвышенной позиціи убійственный огонь по нашимъ ротамъ, скрытымъ въ гаолянѣ. Строго говоря, мы обречены были въ это время на тактику страуса, который прячетъ голову подъ крыломъ и думаетъ, что его никто не видитъ: намъ казалось на днѣ гаоляна, что насъ никто не видитъ; а на самомъ дѣлѣ японцамъ съ захваченныхъ ими высотъ не трудно было по многимъ признакамъ

опредѣлить издали, въ какихъ именно мѣстахъ гаолянъ прикрываетъ дѣйствія войскъ и начать обстрѣливаніе этихъ площадей.

Около часу дня я получилъ записку отъ моего офицера поручика Плуталова (который съ начала боя назначенъ былъ мною состоять безотлучно при штабѣ отряда и доносить мнѣ обо всѣхъ исходящихъ отъ начальства распоряженіяхъ и о притекающихъ туда донесеніяхъ), что „начальникъ отряда приказалъ отступить для прикрытія желѣзной дороги“... Приказаніе это было недостаточно понятно, потому что и безъ того наша „позиція“, или фронтъ боевого расположенія къ югу отъ желѣзнодорожной вѣтки на Янтай, самъ собою прикрывалъ желѣзную дорогу.

Куда же отступать? Янтайскія копи, повидимому, захвачены уже японцами: это видно изъ того, что насъ жарятъ оттуда губительнѣйшимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ является казакъ съ приказаніемъ отъ начальника отряда „отступить *за* желѣзную дорогу“. Но это легко сказать подняться и отступать: когда лежа въ гаолянѣ мы несемъ чувствительныя потери, охваченные съ фронта и фланга;—что же съ нами будетъ, если начать отступленіе? Хотя движеніе по гаоляну, какъ будто, совершается скрытно отъ глазъ противника; но на самомъ дѣлѣ я замѣтилъ, что огонь усиливается какъ-разъ въ минуты передвиженія по гаоляну,—что можно объяснить тѣмъ, что, при зоркомъ наблюденіи издали, съ высоты, не трудно замѣтить усиленное движеніе и качаніе въ разныя стороны тяжеловѣсныхъ макушекъ гаоляна при перебѣжкахъ массы людей; при

этомъ пробѣжитъ еще группа людей съ ружьями на плечо, такъ что издали видны сверкающіе на солнцѣ штыки, покажется голова скачущаго всадника и т. п. Всѣ такіе признаки обнаруживаютъ издали скрытое, повидимому, движеніе по гаоляну, и внимательный противникъ сейчасъ-же направлялъ туда огонь. Отступать при такихъ условіяхъ среди бѣлаго дня было рискованно.

Въ минуту вотъ этихъ размышленій я услышалъ голосъ въ гаолянѣ.

— „Да вотъ командиръ полка“...

Ко мнѣ вышелъ изъ гаоляна командиръ Инсарскаго полка въ сопровожденіи 2 офицеровъ, среди которыхъ, какъ мнѣ сказали, былъ, кажется, завѣдывающій охотничьей командой, и обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— „Вы получили приказаніе начальника отряда объ отступленіи?“

Я отвѣтилъ утвердительно.

— „Что же вы намѣрены дѣлать?“

— „На мой взглядъ намъ нельзя отступать сейчасъ, а необходимо всѣми мѣрами держаться до наступленія темноты; иначе, понесемъ жестокія и напрасныя потери“.

— „А я предполагаю исполнить полученное мною приказаніе, которое было мнѣ подтверждено вотъ при офицерахъ“,—прибавилъ полковникъ Линдстремъ, указывая на сопровождавшихъ его офицеровъ.

Лѣвый флангъ моего расположенія и до того былъ совершенно обнаженъ и „наблюдался“ убогимъ патрулемъ въ гаолянѣ,—если вообще наблюдать что-нибудь можно на днѣ такой могилы,—не было ни одного разъѣзда; теперь, съ уходомъ инсар-

цевъ и лѣвому флангу грозило повиснуть на воздухѣ, имѣя недалеко японцевъ на захваченныхъ высотахъ...

Я попытался поэтому повторить высказанное о необходимости обождать до вечера, но полковникъ Линдстремъ сейчасъ-же ушелъ въ гаолянъ, и я его больше не видѣлъ. Черезъ 1/2 часа мнѣ уже стали докладывать со всѣхъ сторонъ—„Инсарскій полкъ уходитъ“, „Инсарскіе отступаютъ“...

Необходимо было, однако, выяснить положеніе.

Ни откуда нѣтъ никакихъ приказаній, кромѣ единственнаго приказанія „отступить“. Я предложилъ тогда своему адъютанту поѣхать съ неотпущеннымъ мною казакомъ къ начальнику отряда для личнаго доклада, чтобы испросить указаній и указать, гдѣ находятся сейчасъ тѣ войска нашего отряда, которыя утромъ занимали позицію на сопкахъ около копей. Тутъ только я узналъ отъ казака, что нашъ начальникъ отряда „шибко раненъ“ и „лежитъ около деревни“, гдѣ-то за желѣзной дорогой... Посылать туда было безполезно.

Около 2-хъ часовъ дня я замѣтилъ вдали группу всадниковъ, ѣдущихъ по дорогѣ по направленію той деревни, гдѣ, по словамъ казака, находился раненый генералъ-маіоръ Орловъ. Я направилъ туда адъютанта. Оказалось, что это ѣдетъ (какъ я узналъ послѣ) генералъ Гернгроссъ и съ ними генеральнаго штаба полковникъ Андреевъ, который черезъ 1/2 часа подъѣхалъ ко мнѣ и разразился невыразимыми ругательствами и проклятіями по адресу моего непосредственнаго начальства за то, что „такую дивную позицію, такія сопки отдалъ японцамъ вмѣсто того, чтобы ихъ оборонять. Куда онъ пошелъ? Зачѣмъ? Ему хотѣлось вырвать побѣду, какъ въ китайскую

войну!“ и т. д. Мнѣ показалось страннымъ такое поведеніе офицера, котораго я видѣлъ первый разъ въ жизни, неизвѣстно откуда взявшагося и спросилъ его—кто онъ и отъ кого посланъ. Тутъ только я узналъ, что тамъ на дорогѣ ѣдетъ штабъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи съ генераломъ Гернгроссомъ, что за ними слѣдомъ спѣшитъ къ намъ на выручку генералъ Штакельбергъ съ 1-мъ Сибирскимъ корпусомъ.

Ну и слава Богу!... Отлегло отъ сердца...

Тѣмъ временемъ огонь японцевъ усиливался. Артиллеріи нашей не слыхать. При этомъ душитъ невыносимая жара. Люди измучены до послѣдней степени. Было около 4 час. пополудни. Люди уже 12 часовъ въ безпрерывной работѣ; почти все время подъ огнемъ. На бѣду нѣтъ нигдѣ хотя-бы лужи съ какой-нибудь жидкостью. Истекающіе кровью раненые молятъ о глоткѣ воды, но гдѣ ее взять?

Около 3—4 час. пополудни 1-й баталіонъ нашъ выбрался изъ дер. Цышань и направленъ былъ мною занять позицію за полотномъ дороги. Командиръ баталіона подполковникъ Перовъ выбылъ и временно командуетъ баталіономъ Гарбузъ.

Залегли подъ полотномъ дороги и кой-какъ отстрѣливаемся. Слава Богу, что хоть видно что-нибудь,—не то что на днѣ гаоляна. Я лежу въ цѣпи рядомъ съ капитаномъ Гарбузомъ и подъ стрѣлковымъ огнемъ обмѣниваемся впечатлѣніями. Вдругъ лежавшій за мною Амурскій казакъ заревѣлъ бѣлугой:—оказывается угодила ему пуля куда-то въ мягкія части. Я только нагнулся къ нему, чтобы посмотрѣть рану—какъ въ тылу у насъ раздалась неистовая бѣшенная канонада артиллерійская, а вмѣстѣ

съ нею, какъ чудовищная дробь, посыпалась трескотня ружейная, смѣшанная съ залпами...

Все это происходитъ у насъ въ тылу, гдѣ-то по дорогѣ на ст. Янтай. Кто-то въ цѣпи произноситъ уже роковое: „японцы обошли"... У солдатъ головы повернуты къ тылу... Блѣдныя лица, тревожно прислушиваются къ пальбѣ... Я вижу какъ многіе поминутно взглядываютъ на меня, желая, очевидно, прочесть у меня на лицѣ объясненіе тому, что дѣлается въ тылу и что происходитъ у меня на душѣ...

Сколько самообладанія нужно начальнику въ такую минуту!... Не знаю, конечно, что выражало мое лицо; но на словахъ я успокоилъ людей, что это, вѣроятно, вспышка паники въ тылу, какъ оно затѣмъ и оказалось на дѣлѣ.

Около этого времени вблизи насъ занялъ позицію, т. е. нырнулъ въ гаолянъ, баталіонъ 2-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, который сейчасъ-же понесъ большія потери убитыми и ранеными. Я вызвалъ изъ резерва мой 4-й баталіонъ и расположилъ его рядомъ, приказавъ немедленно окопаться и рѣзать впереди лежащій гаолянъ, хотя вполнѣ понималъ безполезность этой работы: рѣзать гаолянъ на этомъ безбрежномъ гаоляновомъ океанѣ все равно, что стараться ковшомъ море вычерпать; но—хоть чѣмъ-нибудь людей занять. Мы едва лишь устроились въ наскоро вырытыхъ окопахъ, какъ вижу, что баталіонъ стрѣлковъ насъ покидаетъ: баталіонный командиръ поднимаетъ цѣпь и собирается отступать. Я горячо протестовалъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста.

Къ счастью подошелъ и командиръ полка полковникъ Озерскій, который приказалъ цѣпи остать-

ся на своихъ мѣстахъ. Не успѣлъ онъ отойти отъ меня нѣсколько шаговъ, какъ бѣдняга упалъ, сраженный пулей въ грудь. Уложили его на носилки, состряпанные, кажется, изъ полотнища и ружей. Я пожалъ ему руку и его понесли куда-то на перевязочный пунктъ; но, повидимому, страдалъ очень до-

Переноска раненыхъ—съ боя на перевязочный пунктъ.

блестный командиръ отъ полученной раны: поминутно онъ садился, хватался рукой за рану, повторяя „жгетъ", „жгетъ". Въ эту минуту вторая предательская пуля угодила въ шею, и онъ уже лежалъ тогда спокойно... А ночью—какъ я узналъ послѣ, онъ умеръ.

Начало уже смеркаться. Съ обѣихъ сторонъ огонь ослабѣвалъ. Баталіонъ стрѣлковъ, послѣ того какъ унесли командира полка, все-таки куда-то отступилъ. Сидя въ цѣпи, окруженный офицерами 4 баталіона, я сталъ обдумывать наше положеніе. Не только во рту, но и въ головѣ, кажется, все пересохло. На-

палъ какой-то столбнякъ. Смертельная усталость одолѣваетъ въ конецъ;—хочется упасть и заснуть, а тамъ будь—что будетъ; жгетъ жажда. Кто-то досталъ горсточку трухи сухарной. Я вспомнилъ, что можетъ быть и у меня въ кобурахъ сѣдла что-нибудь найдется; принесли кусочекъ завалявшагося шоколада.

Вдругъ впереди въ цѣпи какъ дикій сорвался какой-то солдатъ, винтовку свою онъ швырнулъ вверхъ съ такой силой, которая немыслима у нормально сильнаго человѣка: — потому что она точно щепка взлетѣла высоко надъ нами;—самъ онъ палъ на колѣни и какимъ-то дикимъ нечеловѣческимъ голосомъ, скорѣе похожимъ на истерическое рыданіе, взвылъ на все поле: — „Не убивайте меня!.. Не убивайте!—Не хочу убивать!.. Я въ монастырь пойду... Не убивайте“...

Этотъ неестественный истерическій крикъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Очевидно, человѣкъ лишился разсудка, не вынесъ кровавыхъ впечатлѣній пережитаго дня... Точно жгучими ударами хлесталъ его дикій голосъ по нервамъ окружающихъ. Безумные глаза его блуждали кругомъ во всѣ стороны; онъ поминутно вырывался, бросался на колѣни, не переставая вопить „не убивайте меня!“...

Подхватили бѣднаго солдата подъ-руку и повели его на перевязочный пунктъ. А онъ неистово и пронзительно вопилъ—„Не убивайте меня... Я въ монастырь пойду“...

Необходимо было подумать о томъ, что предпринять дальше. Я съ полкомъ очутился совершенно затеряннымъ въ гаолянѣ, лишеннымъ всякой связи

съ кѣмъ бы то ни было, не зная гдѣ начальство, отъ кого ждать указаній. Раньше всего нужно было собрать полкъ въ одно мѣсто, что не легко было на безбрежномъ днѣ этого проклятаго гаоляна. Я разогналъ всѣхъ бывшихъ около меня офицеровъ въ разныя стороны собирать роты въ одно мѣсто, гдѣ стояла поддержка 4-го баталіона.

Недалеко, въ разстояніи какихъ-нибудь 200—300 шаговъ, оказалась затерянной въ гаолянѣ группа фанзъ, какая-то деревушка очевидно, которую я раньше не замѣтилъ; да и трудно было замѣтить сквозь дремучій лѣсъ гаоляновыхъ стеблей, когда все вниманіе устремлено при этомъ въ другую сторону. Первая мысль, промелькнувшая у меня въ головѣ, это—не найду-ли въ этой деревушкѣ глотка воды, и я направился къ этимъ фанзамъ по дорожкѣ скрытой на днѣ гаоляна.

Дорожка оказалась поистинѣ напоенной нашей кровью. На каждомъ шагу брошенные обрывки бинтовъ, марли, тряпки, насыщенныя кровью; на самой дорогѣ лессовая пыль мѣстами пропитана кровью. По сторонамъ изъ гаоляна слышны минутами стоны раненыхъ, которые, повидимому, не могли добраться до перевязочнаго пункта и укрывались въ гаолянѣ отъ палящихъ лучей знойнаго солнца...

Заглянулъ я въ деревушку... Признаковъ воды нигдѣ не видать. Только смерть и страданія кругомъ. Каждая фанза биткомъ набита ранеными и умирающими, вокругъ фанзъ лежатъ уже покончившіе всѣ счеты съ жизнью и ея страданіями, вынесенные сюда, чтобы очистить мѣсто для приносимыхъ все новыхъ и новыхъ жертвъ войны...

Смотришь на эту бездну человѣческихъ страда-

ній и чувствуешь какую-то отупѣлость нервовъ.. Какъ будто это такъ и должно быть. Напала какая-то смертельная апатія, безсознательное отношеніе ко всему окружающему. Нервы, однако, притупились лишь потому, что они натянуты до крайности. Я обратился съ нѣсколькими банальными словами утѣшенія къ нѣкоторымъ смертельно раненымъ... Смерть ужъ витала у нихъ на лицѣ...

Выходя изъ фанзы, я наткнулся на безжизненный трупъ, лежавшій у самыхъ дверей... Боже мой, никакъ Вороновъ! Всматриваюсь ближе въ славное лицо молодого унтеръ-офицера. Да, это онъ — старшій унтеръ-офицеръ Вороновъ. Меня поразили эти загадочныя велѣнія судьбы... Когда эшелонъ нашъ со штабомъ полка шелъ на войну, во время остановки поѣзда на какой-то станціи желѣзной дороги, около Уфы ко мнѣ подошелъ молодой бравый унтеръ, съ запасными лычками на погонахъ, и обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— „Вашескоблагородіе. Я унтеръ-офицеръ Псковскаго полка, недавно вышелъ въ запасъ, занимаю тутъ на заводѣ хорошую должность, получаю 100 руб. въ мѣсяцъ; но мучаетъ совѣсть сидѣть дома, когда родной полкъ на войну идетъ. Изъявите Божескую милость, возьмите съ собою“...

Я разрѣшилъ ему отправиться съ нами, предполагая впослѣдствіи зачислить его добровольцемъ, или иначе оформить это какъ нибудь. И вотъ судьба „оформила“ это по своему. Мнѣ ужасно больно стало за его мать, о которой онъ мнѣ говорилъ, когда просился на службу, увѣряя, что „семьи нѣтъ, а есть только мать старушка“... Я нагнулся, поцѣловалъ и

перекрестилъ его, призвавъ мысленно поцѣлуй его матери *).

Воды, конечно, нигдѣ не нашелъ ни капли; но жажда какъ будто притупилась всѣмъ тѣмъ, что пришлось видѣть, точно затопленная этимъ моремъ человѣческихъ страданій...

Я возвратился къ сборному пункту, гдѣ долженъ собраться полкъ. Постепенно собирались роты, баталіоны... „Считать мы стали, товарищей считать"... Не досчитываемся многихъ офицеровъ. Въ ротахъ ряды сильно порѣдѣли. Построенный въ резервной колоннѣ полкъ военнаго состава поразилъ меня своей мизерностью. Мы насчитываемъ лишь половину—третью часть состава. Но въ отчаяніе приходить не изъза чего; я видѣлъ какъ часто одного раненаго выносило 4—5 человѣкъ; иногда огрызался на людей, видя такое отвиливаніе отъ смерти, а иногда и молчалъ, скрѣпя сердце.

Да сколько еще растерялось людей и спитъ теперь въ гаолянѣ!.. Спасибо и за то, что собрано. Впослѣдствіи во время войны мнѣ приходилось видѣть въ другихъ полкахъ (въ Псковскомъ полку я этого не видѣлъ, слава Богу, ни разу), что послѣ боя полкъ „весь погибъ", растаялъ; а—смотришь, черезъ день, два-три, опять наростаетъ постепенно...

Построили полкъ, выставили впередъ въ гаолянѣ густую охранительную цѣпь, чтобы обезпечить себя отъ нечаяннаго нападенія и приказалъ составить ру-

*) Такими же *первыми* жертвами изъ среды офицеровъ пали черезъ мѣсяцъ юные подпоручики Ульяновскій и Красновидовъ, только что прибывшіе въ полкъ со школьной скамьи. Что бы ни говорили скептики, приписывающіе все *случаю*, а въ жизни человѣческой виденъ какой-то перстъ Божій.

М. Г.

жья съ цѣлью освѣжить силы людей хоть нѣсколькими часами сна, когда нѣтъ возможности освѣжиться хотя бы глоткомъ воды. Но не успѣли еще составить ружья, какъ вправо отъ насъ разразилась въ гаолянѣ адская ружейная трескотня, а вслѣдъ за нею оглушительная артиллерійская канонада... Неугодно ли составлять ружья и лечь *спать* при такихъ условіяхъ.

Но гдѣ, кто, въ кого стрѣляетъ? Начало уже порядочно темнѣть. Было около 8—9 часовъ вечера.

— „А это, г. полковникъ, 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ", заявилъ мнѣ подпоручикъ И—въ. „Я тамъ былъ сейчасъ. Это недалеко отсюда, шаговъ 700 не больше".

— „Ну, братцы, не время отдыхать. Надо товарищей выручать". Нижніе чины живо разобрали ружья и мы двинулись по гаоляну за подпоручикомъ И—мъ.

Стрѣльба ружейная и артиллерійская бушевала какъ ураганъ, но продолжалась недолго—минутъ 10—15; затѣмъ стала затихать, затихли и одиночные запоздалые выстрѣлы. Водворилась кругомъ полная тишина. На днѣ гаоляна насъ охватываетъ и сплошной мракъ кругомъ. Мы все продолжаемъ спѣшить куда-то. Хватились,—потеряли въ гаолянѣ и подпоручика И—ва, оторвалась голова колонны;—долго ли потеряться, стоитъ на шагъ взять въ сторону.

Было безумно углубляться дальше, завѣдомо въ тѣсной близости съ противникомъ, на котораго можно было напороться неожиданно. Я опять остановился. Составили ружья, и люди тутъ же упали и заснули какъ убитые.

Собрались и мы тутъ, всѣ офицеры, въ одну ямку. Стали обсуждать наше положеніе. Люди уже около 20-ти часовъ безпрерывно были на ногахъ и безъ

пищи. Нашъ обозъ и кухни мы оставили на копяхъ Янтайскихъ, которыя теперь въ рукахъ японцевъ, и горятъ уже часа три яркимъ пламенемъ. Спаслись ли наши кухни и гдѣ онѣ теперь. Мы порѣшили раньше всего обезопасить наше положеніе и привалить гдѣ-нибудь около воды. Было безумно оставить полкъ въ гаолянѣ: нервы у людей были напряжены до крайности, и достаточно было какой-нибудь пустой случайности, чтобы вызвать панику.

Только въ силу этихъ соображеній я рѣшился покинуть мѣсто боя: тѣмъ болѣе, что на нашихъ глазахъ 2-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ покинулъ насъ еще около 7 час. вечера, отступивъ куда-то на западъ. Я былъ совершенно одинокъ и изолированъ съ Псковскимъ полкомъ: только яркое зарево горѣвшихъ впереди насъ Янтайскихъ копей служило единственнымъ оріентировочнымъ показателемъ о близости противника. Отъ возможности внезапнаго нападенія изъ гаоляна мы охранялись густой цѣпью со всѣхъ сторонъ выдвинутой на 200—300 шаговъ впередъ; но это была весьма плохая защита, потому что большинство „охранителей“ вѣроятно спали; да если и бодрствовали, то—что они могли видѣть на днѣ гаоляна, да еще ночью.

Черезъ нѣкоторое время вернулся мой неутомимый лихой ординарецъ Чесноковъ, незадолго передъ тѣмъ посланный мною, чтобы розыскать воды. Онъ доложилъ мнѣ, что водой можно воспользоваться только на разъѣздѣ, гдѣ-то около желѣзной дороги въ 4—5 верстахъ отъ насъ, гдѣ есть колодецъ и казарма пограничной стражи.

Получивъ это свѣдѣніе, я и рѣшилъ направиться съ полкомъ къ водѣ.

Въ своемъ офиціальномъ описаніи боя 20 августа генералъ-маіоръ Орловъ высказываетъ слѣдующее:

„Полковникъ Грулевъ, получивъ черезъ командира Инсарскаго полка приказаніе отступить, нѣсколько замедлилъ отходомъ и дождался прибытія 2-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; но и въ Псковскомъ полку, съ момента открытія огня японцами съ южнаго склона Янтайской позиціи, начало распространяться замѣшательство, выразившееся первоначально въ отходѣ 5-й роты, ранѣе удачно обстрѣливавшей японскую горную артиллерію, которая подымалась на янтайскія высоты“.

Тутъ необходимы существенныя поправки: выраженіе „нѣсколько замедлилъ отходомъ“ едва-ли примѣнимо,—если полковникъ Линдстремъ мнѣ передалъ приказаніе объ отступленіи около *часу дня*, а мы отступили около *часу ночи*. Замѣшательство въ 5-й ротѣ продолжалось, буквально, нѣсколько *минутъ* и было быстро устранено какъ выше сказано. Лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что лихой командиръ этой самой 5-й роты *послѣ этого замѣшательства* получилъ *пять* ранъ, бросившись съ ротой въ штыки на японцевъ. Это, конечно, возможно было лишь съ ротой, въ которой порядокъ былъ безусловно возстановленъ. Разумѣется, было не мало отбившихся отъ ротъ людей съ погонами Псковскаго полка, бродившихъ на тыловыхъ дорогахъ послѣ выноса раненыхъ; это и вводило въ заблужденіе, будто „и въ Псковскомъ полку начало распространяться замѣшательство“.

Около часу ночи поднялъ полкъ и двинулись по указанію Чеснокова; а полкового адъютанта

я направилъ, чтобы вернуть полуроту со знаменемъ, которая подъ начальствомъ капитана Л.-О. во время паники въ тылу, самовольно удалилась для безопасности знамени на ст. Янтай; кромѣ того необходимо было розыскать какую-нибудь пищу для полка. Кухни наши и весь обозъ при нашемъ вступленіи въ бой, остались на бивакѣ у Янтайскихъ копей, которыя теперь въ рукахъ японцевъ и, какъ сказано, горятъ пылающимъ заревомъ съ ранняго вечера. Не хотѣлось вѣрить, что наши обозы не успѣли уйти оттуда во-время. Какъ бы то ни было, а надо было узнать хоть гдѣ наши кухни, можно ли расчитывать добыть для людей какую-нибудь пищу, послѣ почти суточнаго голоданія.

Растянутой колонной потянулись мы къ водѣ, слѣдуя впотьмахъ по указаніямъ Чеснокова. Люди едва передвигаютъ ноги отъ крайняго изнеможенія. Многіе дремлютъ на ходу поминутно роняя изъ рукъ винтовку; при малѣйшей остановкѣ заваливаются и спятъ мертвымъ сномъ... Послѣ скитаній въ темнотѣ голова колонны вышла на полотно желѣзнодорожной каменноугольной вѣтки; но едва лишь мы хотѣли пересѣчь полотно дороги, какъ изъ темноты насъ огорошили грознымъ окликомъ:—„Стой! не смѣть и шагу дальше“. Оказывается какая-то колонна намъ пересѣкаетъ путь... Около 1/4—1/2 часа двѣ колонны просачивались одна черезъ другую; наконецъ разобрались и разошлись.

Какъ я узналъ послѣ, намъ пересѣкла путь 1-я, кажется, бригада 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи, которая въ часъ ночи продолжала отступленіе изъ д. Сяодалянгоу (куда отступила съ вечера) къ д. Лильенгоу, куда и собралась къ 5 час.

утра. Данныя эти засвидѣтельствованы запиской генерала Штакельберга, отправленной генералъ-адъютанту Куропаткину въ 11 час. ночи 20 августа за № 727.

Грозный окликъ на полотнѣ желѣзной дороги, гдѣ двѣ колонны пересѣкли путь другъ другу, принадлежалъ генералъ - маіору Довборъ - Мусницкому, здравствующему понынѣ.

Привожу эти данныя, чтобы доказать, что въ бою 20 августа подъ Янтайскими копями Псковскій полкъ *послѣднимъ* оставилъ мѣсто боя и отступилъ только въ *часъ ночи*, много времени послѣ того какъ отступили не только всѣ части отряда генералъ-маіора Орлова, но и всѣ части 1-го Сибирскаго корпуса. Данныя, принадлежащія пространству и времени, какъ подлежащія измѣренію, должны служить единственно правильнымъ мѣриломъ для сужденій объ обстановкѣ боя — какія бы красоты не разводили умѣлые начальники въ своихъ реляціяхъ. Встрѣча Псковскаго полка съ бригадой генералъ-маіора Довборъ-Мусницкаго на полотнѣ желѣзной дороги точно устанавливаетъ время отступленія Псковскаго полка въ бою 20 августа.

Было уже около 2½ часовъ ночи, когда Чесноковъ насъ привелъ къ обѣтованному бивaку, гдѣ должна быть вода. Къ моей радости—какъ впослѣдствіи оказалось совершенно напрасной — я узналъ, что здѣсь же на бивакѣ стоятъ Инсарскій и Бузулукскій полки, которые еще около 2—3 часовъ дня собрались сюда на бивакѣ. Это-то случайное сосѣдство, которое на слѣдующій день показало Псковскій полкъ рядомъ съ упомянутыми полками 54-й дивизіи, привело къ тому, что намъ пришлось

раздѣлить съ ними всѣ упреки — справедливые или несправедливые, это другой вопросъ — которые къ намъ никоимъ образомъ относиться не могли, потому что Псковскій полкъ случайно, и не ранѣе 2—3 часовъ ночи, пришелъ на это мѣсто, оставивъ послѣднимъ мѣсто боя, много времени спустя не только послѣ Инсарскаго и Бузулукскаго полковъ, но и послѣ 1-го и 2-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Воды, однако, и тутъ не оказалось. Колодецъ при казармѣ пограничной стражи былъ вычерпанъ до дна. Опять кругомъ около казармы и весь дворъ устланъ ранеными... Опять страданіями, кровью и стонами насыщенъ воздухъ. Вошелъ въ казарму и увидѣлъ настоящій военный совѣтъ изъ нѣсколькихъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, происходившій при едва мерцавшемъ огаркѣ. Приходу моему, какъ старшему, повидимому, обрадовались. Мнѣ заявили, что штабъ отряда генералъ-маіора Орлова не существуетъ: онъ весь растаялъ въ бою, что генералъ-маіоръ Орловъ раненъ и отправленъ въ госпиталь, что присутствующіе здѣсь на совѣщаніи принадлежатъ къ штабу 1-го Сибирскаго корпуса, но согласно приказанію командующаго арміей образуютъ въ настоящую минуту штабъ отряда генерала Орлова, подчиненнаго генералу Штакельбергу, что этотъ послѣдній требуетъ немедленно всѣхъ командировъ частей явиться къ нему, — что, наконецъ, мнѣ, какъ старшему, надо принять на себя командованіе отрядомъ.

— Но, позвольте, — есть вѣдь еще командиры другихъ частей? Тѣ ужъ поѣхали къ генералу Штакельбергу? Куда ѣхать? Далеко это отсюда?

— А вотъ всѣ уже собрались. Вотъ капитанъ N покажетъ дорогу.

Временно командующими командирами частей оказались юные оберъ-офицеры... Я, дѣйствительно, оказался самымъ старшимъ.

Со всѣмъ этимъ можно бы мириться; но ѣхать сейчасъ куда-то мнѣ казалось положительно превыше силъ моихъ. Чувствую, что вотъ-вотъ упаду. Нервы напряжены до такой степени, что человѣкъ въ такую минуту способенъ выкинуть что-нибудь необычайное, если хоть на іоту выпустить себя изъ рукъ. Я готовъ былъ разразиться проклятіями и ругательствами по адресу тѣхъ, которые такъ „медленно поспѣшали" къ намъ на выручку и цѣлымъ корпусомъ не могли вырвать побѣду изъ рукъ 2—3 баталіоновъ японцевъ, захватившихъ сопку, а теперь требуютъ еще зачѣмъ-то. Наконецъ, какъ гора—душитъ эта горечь пораженія...

Однако надо ѣхать. Мой конь давно уже не везетъ, еле передвигая ноги. Мнѣ дали чужую лошадь, и мы направились куда-то напрямикъ черезъ поля и болота. Тьма кромѣшная. Едва видимъ другъ-друга хотя держимся кучно. Долго мы путались и блуждали за нашимъ проводникомъ, который вмѣстѣ со своими двумя проводниками тоже сбился съ направленій и дороги. Я долго всѣми силами боролся съ одолѣвавшимъ меня сномъ, но все-же неудержимо дремалъ сидя въ сѣдлѣ, спохватываясь поминутно, когда навалится кошмаръ, или лошадь побѣжитъ, или спотыкнется.

Было уже близко къ разсвѣту, когда лошадь остановилась и мнѣ сказали, что пріѣхали. Я спѣшно слѣзъ съ лошади около какой-то кумирни. У калитки

наткнулся на какихъ-то двухъ военныхъ агентовъ, которыхъ въ душѣ послалъ въ эту минуту ко всѣмъ нелегкимъ... Такъ не хотѣлось въ эту минуту видѣть постороннихъ свидѣтелей нашихъ бѣдствій и нашего позора. Разбудили генерала Штакельберга, который тутъ же на дворѣ спалъ у небольшого костра, имѣя подъ собою тощую подстилку изъ чумизной соломы. Забавно было немножко наше представленіе генералу Штакельбергу, который, впотьмахъ не видя насъ, ни нашихъ лицъ, ни чиновъ, выкликалъ просто:

— „Командиръ Н-го полка“...

Отвѣчаютъ изъ темноты—„подпоручикъ Н, Вашество“...

— „Командиръ М—го полка“.

— „Подпоручикъ М., Ваше—ство“...

Все подпоручики и поручики...

Признаюсь откровенно, что я здорово выругался—про себя, конечно—видя такую профанацію моего подлиннаго командирскаго достоинства.

— „Ахъ ты простофиля“, подумалъ я о самомъ себѣ.—Вѣдь вотъ другіе командиры остались при своихъ частяхъ на бивакѣ, сами не поѣхали, а послали вмѣсто себя оберъ-офицеровъ“...

Дошла очередь и до меня.

— „А Вашъ полкъ бѣжалъ тоже. Я самъ его собиралъ“.

Вотъ тебѣ итогъ дня! „Бѣжалъ“, и чужой генералъ его собиралъ... Господи, гдѣ же я былъ!

Вѣдь цѣлый день былъ въ цѣпи, то при одномъ, то при другомъ баталіонѣ... Что тутъ возразить на такое обвиненіе, когда генералъ говоритъ, что онъ „самъ собиралъ“...

Тутъ изъ темноты послышались какіе-то посторонніе голоса.

— „Никакъ нѣтъ, Ваше-ство, тутъ недоразумѣніе. Мы сами видѣли въ теченіе дня нѣсколько разъ Псковскій полкъ на позиціи и его командира въ цѣпи. То, что мы видѣли съ Вашимъ Превосходительствомъ около батареи были только группы отбившихся людей Псковскаго полка“...

— „А,—въ такомъ случаѣ беру свои слова назадъ“...

Послѣ этой „бесѣды“ я узналъ, что благородные голоса, заступившіеся за Псковскій полкъ, принадлежали генералу Гернгроссу и генеральнаго штаба полковнику Андрееву, впослѣдствіи смертельно раненному въ бояхъ на Шахэ, кажется.

Однако, никакихъ особыхъ приказаній на слѣдующій день намъ дано не было. Повидимому, насъ вызывали лишь для того, чтобы выслушать нѣсколько ласковыхъ словъ, съ которыми и отпустили назадъ...

Удивительна эта легкость приговора со стороны генерала Штакельберга, который могъ бы знать, что отъ полка въ бою всегда отбивается всякій сбродъ, занятый выносомъ раненыхъ, да и безъ всякихъ причинъ.

Но можно ли за это осуждать весь полкъ? Мало-ли, въ противоположность нѣсколькимъ мерзавцамъ, было и самоотверженныхъ нижнихъ чиновъ, которые и съ ранами оставались въ бою до конца?...

Было уже вполнѣ свѣтло, когда я вернулся на бивакъ. Я слѣзъ, вѣрнѣе свалился съ лошади и сейчасъ-же заснулъ. Но меня черезъ четверть часа поставили опять на-ноги: пріѣхалъ генералъ Столица, назначенный начальникомъ отряда вмѣсто генерала Ор-

лова. Требуетъ онъ меня, требуетъ построить мой полкъ и весь отрядъ... Очевидно, согласно установившимся маневреннымъ порядкамъ мирнаго времени, желаетъ „знакомиться“ съ отрядомъ,—т. е. поздороваться и показать себя... Вотъ что значитъ безсмысленная рутина! Почти сутки люди истекали кровью, измучены въ конецъ, не ѣли, не спали, умираютъ отъ жажды. Осталась какая-нибудь капля силъ. Беречь бы надо эту убогую каплю на случай встрѣчи съ врагомъ, который неминуемо долженъ ринуться на насъ сейчасъ. А тутъ отнимаютъ эту каплю въ угоду мертвящей рутинѣ! Точно мы не познали бы своего премудраго начальника отряда по энергичнымъ распоряженіямъ въ первомъ бою, никогда не видавъ его раньше въ лицо,—точно нельзя было отложить хоть на нѣсколько часовъ этотъ „мигъ свиданія“ и дать возможность людямъ хоть сномъ освѣжить силы. Казалось-бы болѣе разумнымъ, если бы для знакомства, вмѣсто пустого лицезрѣнія, новый начальникъ подумалъ бы о томъ, что полкъ измотанъ кровопролитнымъ боемъ, *вторые сутки* ничего не ѣлъ, и распорядился бы самъ, или полюбопытствовалъ у командира полка раньше всего о томъ какъ накормить людей, не тормоша ихъ выстраиваніями и равненіями. Но для такихъ заботъ надо пошевелить какъ нибудь мозгами, а приказать построиться, подъѣхать и сказать „здорово братцы“ гораздо проще...

Генералъ Столица, однако, не удовольствовался тѣмъ, чтобы поздороваться, но еще началъ ругать полкъ и говорить обычныя истасканныя фразы, что полкъ „не поддержалъ славы“ и т. п. Мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы не прорваться передъ строемъ и дать надлежащій отпоръ въ отвѣтъ на выслу-

шанныя пошлости. Когда полкъ былъ отпущенъ на бивакъ я все же потребовалъ отъ генерала Столицы объясненій—отъ какихъ корреспондентовъ онъ знаетъ про поведеніе Псковскаго полка въ бою...

Не успѣлъ полкъ составить ружья, какъ надо было снова выстраиваться: пріѣхалъ командиръ 5-го Сибирскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Дембовскій, который тоже пожелалъ поздороваться съ людьми. Отпустили, слава Богу, на бивакъ.

Люди отыскали гдѣ-то лужу съ грязной водой въ разстояніи около одной версты отъ бивака и начали кипятить котелки, у кого таковые сохранились, чтобы успокоить желудокъ хоть горячей водой; тѣмъ болѣе, что въ сыромъ видѣ ее и пить немыслимо было. Пришлось, однако, бросить заботы о желудкѣ и сейчасъ-же по тревогѣ собирать людей, потому что приказано было немедленно снова построиться для встрѣчи командующаго арміей...

Подъѣхалъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ въ сопровожденіи огромной свиты, которая казалась еще больше при многочисленномъ конвоѣ. Подъѣхалъ къ полку, и тоже почему-то началъ поносить насъ... Я, да вѣроятно и многіе офицеры полка, не могли отдать себѣ отчетъ,—что это происходитъ съ нами. Вѣдь мы строевые бойцы,—никакихъ штабныхъ распоряженій не знали. Совершенно не знали и не знаемъ, кто у нихъ тамъ напуталъ, и что именно,—нужно было намъ обороняться или наступать. Мы знаемъ одно: когда войска бились на-смерть, истекая кровью, никто изъ начальниковъ не показывался. А теперь, когда бой кончился появилось такое обиліе начальства; и всѣ ругаются; варварски ругаютъ остатки мучениковъ, случайно пощаженныхъ смертью...

Однако, за что? Развѣ мы отдали какую-нибудь ввѣренную намъ позицію? Развѣ мы не умирали вчера длинный-длинный день? Развѣ мы не дошли до какого-нибудь указаннаго намъ пункта атаки? Чего отъ насъ хотятъ? за что ругаютъ???

— „А вы“,—обращаясь ко мнѣ прибавилъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ,“—„вы должны были умереть вчера, должны были быть убиты“...

Пожалуй, можетъ быть дѣйствительно въ томъ моя великая вина, что я живъ...

Но вѣдь и смерть большая капризница. Мало ли она вчера заигрывала мною! Чѣмъ же я виноватъ, что она поиграла да бросила, до другого раза. Неужели мнѣ учинить надъ собою харакири? Вѣдь для Россіи, для арміи-то нашей, *моя* смерть безразлична...

Кончилъ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ свою ругань, отпустилъ полкъ. Меня окружили офицеры крайне взволнованные жестокими словами командующаго арміей:—„Что мы сдѣлали, г. полковникъ? Въ чемъ наша вина?“... Но вѣдь меня также мучаетъ тотъ же вопросъ;—что я имъ могъ сказать? „Намъ, господа, нужно было умереть вчера, и мы были бы правы—„бо мертвые срама не имутъ“... На всѣхъ лицахъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ видно было крайнее смущеніе. Намъ больно было смотрѣть въ глаза другъ другу.

Черезъ нѣсколько минутъ меня потребовали къ генералъ-адъютанту Куропаткину, и онъ началъ меня разспрашивать объ обстоятельствахъ боя въ значительно смягченномъ тонѣ. Я доложилъ, что могъ и затѣмъ прибавилъ, что полкъ крайне смущенъ незаслуженнымъ приговоромъ.

— „Ну, успокойте людей“. Вѣдь съ вашимъ

полкомъ я поздоровался, въ отличіе отъ этихъ полковъ",—утѣшилъ меня генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, указывая на расположенные недалеко отъ насъ Инсарскій и Бузулукскій полки.

Повидимому, командующій арміей почувствовалъ свою несправедливость къ Псковскому полку, послѣ того какъ сорвались горячія фразы съ накипѣвшаго сердца. Я утѣшилъ нижнихъ чиновъ словами, сказанными мнѣ генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ, хотя и не въ присутствіи всего полка. И всѣ мы, кажется, всѣмъ сердцемъ искренно простили любимаго командующаго арміей, стараясь постигнуть великую драму, которую *онъ* долженъ переживать душой въ эту минуту, испытывая новую неудачу, послѣ того какъ всѣ надежды возлагались на Ляоянскія укрѣпленія.

А генералъ-адъютанта Куропаткина долго и упорно любила армія,—любила и вѣрила не менѣе упорно, не переставая вѣрить даже послѣ Мукденской катастрофы.

А когда любишь—такъ легко простить...

Черезъ часъ меня опять потребовали къ генералъ-адъютанту Куропаткину, который стоялъ на полотнѣ желѣзной дороги недалеко отъ разъѣзда № 8.

— „Вы уясняете себѣ приблизительно обстановку?"

— „Въ общихъ чертахъ, кажется, да."

— Въ такомъ случаѣ отправьтесь сейчасъ съ вашимъ полкомъ и полубатареей 3-й бригады въ Тумынзы. Задача ваша держать связь между V-мъ Сибирскимъ корпусомъ, который будетъ расположенъ на позиціи лѣвѣе васъ, и I-мъ Сибирскимъ корпусомъ, который будетъ находиться правѣе васъ".

— „Слушаю“.

Очевидно I-й и V-й корпуса вмѣстѣ со связующимъ звеномъ, моимъ полкомъ, должны изобразить собою заслонъ вдоль Мандаринской дороги, чтобы прикрыть фланговое движеніе нашей арміи отъ Ляояна къ Мукдену противъ арміи Куроки со стороны Янтайскихъ копей. Задача весьма важная и отвѣтственная и не могла не преисполнить меня чувствомъ глубокаго удовлетворенія послѣ всего слышаннаго. Я въ карьеръ понесся къ полку, подѣлился съ этимъ важнымъ порученіемъ и приказалъ сейчасъ же строиться. Я ждалъ кухни со станціи Янтай черезъ часъ-другой; но гдѣ же теперь ждать. Потерпимъ еще. Ясно, что намъ довѣряютъ. Необходимо и то имѣть въ виду, что японцы каждую минуту могли обрушиться изъ Янтайскихъ копей на совершенно оголенный нашъ фронтъ.

Мы быстро собрались и двинулись въ Тумынзы, куда прибыли около 2-хъ часовъ дня, пройдя эти 8 верстъ въ 2 часа.

2-й баталіонъ нашъ во время стоянки сегодня въ сторожевомъ охраненіи собралъ въ гаолянѣ больше ста винтовокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера была паника.

Расположились на бивакѣ, обрекогносцировалъ мѣстность, намѣтилъ позицію. Впереди въ разстояніи 3—4 верстъ видны въ бинокль около Янтайскихъ копей передвиженія японскихъ войскъ: вправо и позади насъ видны и кавалерійскіе разъѣзды,—повидимому казаки генерала Самсонова, который долженъ быть гдѣ-то около насъ; но у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ въ распоряженіи ни одного разъѣзда: фронтъ нашъ совершенно оголенъ,—только и есть впереди

моя сторожевая цѣпь. Мало того,—послалъ я охотничью команду направо и налѣво установить связь, для которой и пришли-то сюда; и оказывается не съ кѣмъ поддерживать связь: поздно ночью вернулись охотники съ донесеніемъ, что пробродили не менѣе *7—8 верстъ* вправо и влѣво отъ нашего фронта и—нигдѣ никого нѣтъ; одни японцы передъ нами въ разстояніи 3—4 верстъ...

Все же, слава Богу, оправились немного отъ пережитаго наканунѣ испытанія. Пришли кухни, люди сытно поѣли, хорошо выспались, хотя лично я провелъ очень тревожную ночь, опасаясь за совершенно изолированное положеніе полка на виду передъ превосходными силами противника. Положительно можно сказать, что грошъ цѣна японцамъ, если они не сумѣли использовать 21 августа одержанную наканунѣ побѣду. Вѣдь тутъ былъ готовый завершенный Седанъ,—стоило лишь пустить сюда полкъ кавалеріи и за нимъ одну хоть дивизію пѣхоты. Дверь была совершенно открыта...

22 августа. Я уже готовился стать на позицію, 1-й Сибирскій корпусъ тоже появился уже на нашемъ флангѣ. Около 11 час. утра ко мнѣ прибылъ на бивакъ генеральнаго штаба капитанъ С—въ съ собственноручной запиской отъ генералъ-адъютанта Куропаткина: „Предлагаю вамъ съ порученіемъ сего немедленно отправиться на соединеніе съ остальными частями 17-го корпуса“. Въ тотъ же день вечеромъ мы были на станціи Янтай, куда по собраннымъ мною свѣдѣніямъ должна была на слѣдующій день прибыть и 3 дивизія.

Остановились на бивакѣ на старомъ мѣстѣ, гдѣ стояли 17-го августа. Какихъ-нибудь четыре дня...

Вотъ ужъ поистинѣ—„мало прожито, да много пережито“ за эти 4 дня...

Увидѣли мы, наконецъ, нашъ обозъ, офицеровъ нестроевой роты, завѣдывающаго хозяйствомъ подполковника С—ва. Мой вѣрный денщикъ, славный мой Юліанъ, мнѣ чуть на шею не бросился,—отъ чего, конечно, удержался въ силу дисциплины, но слезы его оказались мало дисциплинированными и покатились у него градомъ, когда онъ увидѣлъ меня.

— „Такъ неужто вы живы В. В—іе? Вѣдь мы всѣ уже тутъ васъ оплакивали. Вѣдь ихъ благородіе подпоручикъ Е—въ сказали вы убиты, что они сами васъ хоронили“...

Тутъ только мы узнали, что дѣлалось въ тылу во время боя.

Оказывается, что послѣ нашего вступленія въ бой 20-го августа, уже около 10—11 час. утра, на оставленномъ нами бивакѣ среди обозовъ начала уже распространяться паника. Обозы перебрались сначала къ разъѣзду № 8, а затѣмъ и здѣсь разразилась паника и около 4-хъ часовъ дня ушли на ст. Янтай. На этой послѣдней тоже все больше и больше росли грозные слухи. Бѣглецы, постыдно забывшіе свой долгъ, разсказывали въ тылу всякія нелѣпости, врали неистово, потому что только враньемъ и можно было сколько-нибудь оправдаться въ глазахъ слушателей. Одинъ офицеръ нашъ обезумѣлъ настолько, что все ему представилось потеряннымъ: въ паническомъ ужасѣ примчался онъ на станцію Янтай и лѣзетъ въ стоявшій пустой вагонъ, чтобы „ѣхать въ Россію“—„все кончено: нашъ командиръ полка убитъ, знамя потеряно“... и плачетъ. Его обступили офи-

церы, нижніе чины, мой вѣрный денщикъ Юліанъ съ разспросами:

— „Неужели убитъ, можетъ быть раненъ?“...

— „Нѣтъ, нѣтъ!.. убитъ... Я самъ своими руками его укладывалъ на носилки“...

Тутъ же подвернулся извѣстный корреспондентъ Немировичъ-Данченко, который сталъ разспрашивать офицера о подробностяхъ, къ которымъ относился, конечно, съ безусловнымъ довѣріемъ, какъ исходящимъ отъ непосредственнаго участника...

Спасибо, что добрые товарищи—другіе офицеры полка—убѣдившись доподлинно, что я живъ, сами послали сейчасъ же телеграмму домой, что я живъ, опасаясь, что записанная корреспондентомъ телеграмма со словъ „непосредственнаго участника“ можетъ причинить женѣ совсѣмъ напрасныя страданія.

Расположился чай пить на бивакѣ, послѣ продолжительнаго невольнаго воздержанія. Явился ко мнѣ какъ-то офицеръ пограничной стражи и сообщилъ таинственно:

— „Съ вашимъ товарищемъ, офицеромъ Генеральнаго Штаба, полковникомъ Н—мъ, происходитъ что-то неладное“.

— „А что такое?“.

— „Телеграмму, знаете, послалъ, говорятъ, на Имя Государыни, умоляя ради спасенія арміи сейчасъ же заключить миръ: иначе арміи грозитъ гибель. Говорятъ, что и Государю послалъ такую же телеграмму, но задержали“...

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ къ моей палаткѣ и самъ полковникъ Н—въ, котораго я видѣлъ тогда въ первый разъ. Онъ дѣйствительно показался мнѣ немного въ нервномъ возбужденіи; но при той

обстановкѣ, которую мы тогда переживали, нужно было имѣть крѣпкіе нервы, чтобы сохранить достаточную уравновѣшенность. Не одинъ только полковникъ Н—въ, но и многіе другіе находили наше положеніе критическимъ: генеральнаго штаба капитанъ С—въ поминутно тоже тревожился. Указывая рукой на необозримые обозы, запрудившіе весь горизонтъ, онъ часто твердилъ.

— „Посмотрите, посмотрите... Вѣдь это Седанъ“...

И дѣйствительно мы были на краю гибели. Японцы оказались ниже величія этой минуты. Насколько тутъ проявилось творчество ген. Куропаткина, настолько японцы не сумѣли воспользоваться выгодами своего положенія *). И великъ Богъ земли русской, что вывелъ нашу армію изъ бѣды!..

Вечеромъ я узналъ, что ожидаютъ сейчасъ пріѣзда командира нашего корпуса генерала Бильдерлинга; я поѣхалъ къ нему навстрѣчу, такъ какъ не видѣлся съ начальствомъ вѣдь съ самаго *начала іюля*, передъ отправленіемъ въ Бенсиху. Нашъ обаятельный начальникъ встрѣтилъ меня ласково, спросилъ, что пережили за это время. Я отвѣтилъ короткой фразой: „Видѣли хорошіе дни,—бѣгущихъ передъ нами японцевъ 7-го августа; видѣли и печальные дни, какъ 21-го августа, когда Псковскій полкъ выслушалъ суровый приговоръ отъ командующаго арміей за бой подъ Янтайскими копями“. Находившійся

*) Говорятъ, японцы сами собирались отступать. Но это не подтверждается теперь извѣстными данными. Говорятъ еще, они сами обезсилѣли совершенно; это не оправданіе: когда нужно, организуютъ преслѣдованіе даже при помощи барабанщиковъ, посаженныхъ на коней, какъ это дѣлалъ Наполеонъ I. Можетъ быть они не знали обстановку. Но противъ Янтайскихъ копей обстановка должна была для японцевъ быть вполнѣ ясной.

при этомъ генеральнаго штаба капитанъ С—въ, состоявшій при главной квартирѣ, прибавилъ отъ себя: „И я могу засвидѣтельствовать, что по всеобщимъ отзывамъ сдѣланный Псковскому полку упрекъ совершенно незаслуженный“... „Такъ вы бы это сказали тамъ, въ штабѣ арміи“, закончилъ генералъ Бильдерлингъ этотъ короткій разговоръ и поѣхалъ дальше. Упоминаю объ этихъ нѣсколькихъ фразахъ потому, что онѣ послужили основаніемъ цѣлаго событія, какъ это видно будетъ ниже.

Начинаю оглядываться на товарищей и друзей, съ которыми не видѣлся почти 1½ мѣсяца, и я пораженъ ужасной перемѣной, какую я вижу на знакомыхъ лицахъ: Господи, какъ они постарѣли всѣ! Какъ на себя не похожи. Что съ ними?—неужели всѣ такъ измызганы? Увидѣлъ писаря штаба дивизіи и окликаю его по имени:—„Федоренко,—здравствуй братъ! Какъ живется?“.

Смотрю, выпучилъ на меня глаза и смотритъ съ недоумѣніемъ... Понатужился и выпалилъ:

— „Ваше—бродіе. Неужто это вы, полковникъ Грулевъ, нашъ бывшій начальникъ штаба? Вѣдь васъ только по голосу и узнать можно“...

„Эге,—то-то“ подумалъ я,—„значитъ самъ-то я тоже постарѣлъ и ужъ *не тотъ*. Не даромъ на войнѣ считаютъ мѣсяцъ за годъ...

23-го августа. Едва разсвѣтало, когда меня соннаго разбудилъ тревожный голосъ офицера нестроевой роты. Съ искаженнымъ отъ страха лицомъ онъ сообщилъ мнѣ, что приказано немедленно всѣ обозы возможно скорѣе убрать изъ окрестностей станціи.

Вслѣдъ за нимъ въ палатку влетѣлъ еще офицеръ изъ полевого штаба арміи съ торжественнымъ

приказаніемъ:—„г. полковникъ! командующій арміей приказалъ немедленно отправить обозы по дорогѣ въ Мукденъ“...

— „Что за штука“—подумалъ я—„что это вдругъ такъ загорѣлось сразу. Да и откуда тутъ взялся самъ командующій арміей, что его интересуетъ мой обозъ. Отдалъ необходимыя приказанія и наскоро сталъ одѣваться.

— „А эта тутъ чья палатка?“ слышу голосъ генералъ-адъютанта Куропаткина.

— „Эта палатка командира Псковскаго полка“ отвѣчаетъ кто-то.

— „Сію минуту убрать ее“...

„Вотъ привалило“, подумалъ я—„суждено мнѣ все попадаться на глаза командующему арміей“...

Когда я выскочилъ изъ палатки, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ въ сопровожденіи своей свиты пробирался уже черезъ обозы по направленію къ Мукдену. Оказывается, я провелъ ночь въ близкомъ сосѣдствѣ съ Куропаткинымъ, потому что палатку мою поставили около какого-то желѣзнодорожнаго зданія, гдѣ ночевалъ и командующій арміей. На бивакѣ среди необозримыхъ обозовъ въ это время клокотала кипучая дѣятельность.

Приказаніе, переданное высшимъ начальствомъ непосредственно обозамъ—„отступить“, „убраться немедленно, не теряя ни минуты“, попало какъ искра въ горючій матерьялъ.

И безъ того настроеніе въ тылу уже нѣсколько дней было пересыщено отголосками непрерывныхъ боевъ и тревожными ожиданіями всякаго рода. Обозы давно уже „настораживали лыжи“; а тутъ вдругъ самое высокое начальство приказываетъ „уходи по-

скорѣй по добру, по здорову“... Въ такія минуты подобныя приказанія для обозовъ равнозначущи выраженію „спасайся кто можетъ“. И дѣйствительно, я былъ въ высшей степени пораженъ магическимъ дѣйствіемъ этого приказанія. Глядя наканунѣ на необозримую площадь, запруженную вплотную многочисленными обозами и неуклюжими транспортами, я былъ глубоко увѣренъ, что потребуется не менѣе сутокъ, чтобы вытянуть ихъ на Мандаринскую дорогу; тѣмъ болѣе, что стояла невылазная грязь. А на самомъ дѣлѣ я оглянуться не успѣлъ, какъ все кругомъ опустѣло. Вотъ что значитъ страхъ смертный—какой это сильный чудодѣйственный бичъ!

Конечно, надо было видѣть чего это стоило и что происходило, когда всѣ обозы рванулись разомъ: одинъ обозный всадилъ ножъ въ спину товарищу, заслонившему ему дорогу своей повозкой... Но какъ бы то ни было, а площадь опустѣла. Видно было издали какъ широкая Мандаринская дорога точно заклинена обозами, которые бьются въ грязи, какъ въ муравейникѣ, а мѣстами быстро расползаются какъ тараканы по прилегающимъ полямъ, стараясь возможно дальше обогнать тѣхъ, которые судорожно бьются на дорогѣ; но цѣлиной идти весьма рискованно: не вывезетъ лошадь и пропадешь...

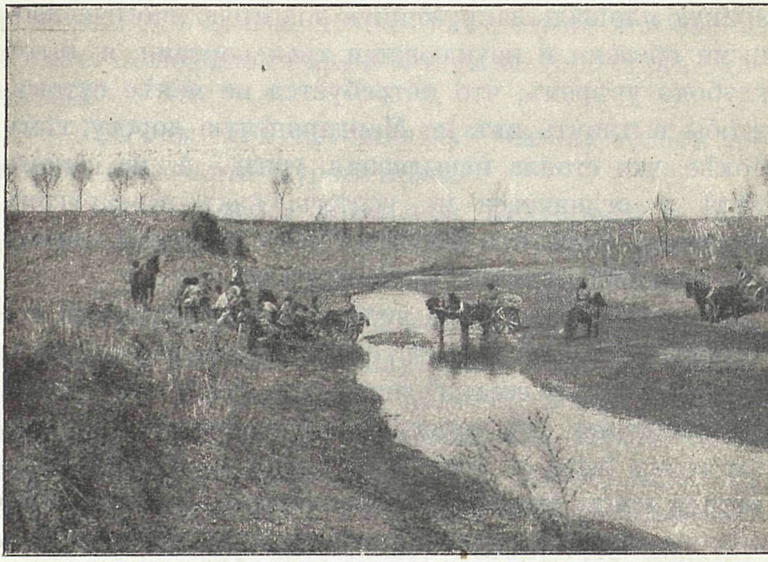
Мнѣ передали предписаніе, что я назначаюсь въ помощь генералу Э—ку, чтобы эвакуировать станцію Янтай...

„Поздравляю съ праздникомъ“ вырвалось у меня невольно, обращеніе къ офицерамъ; когда я прочелъ это непріятное порученіе.

„А что такое?“, спросили меня офицеры.

— „Да вотъ, неугодно-ли, намъ поручаютъ жечь

здѣсь все наше добро, уничтожать желѣзнодорожныя зданія и проч., чтобы это не досталось въ руки японцамъ... А этихъ никакъ надо ожидать съ часу на часъ, такъ какъ черезъ 1/2 часа подойдетъ арьер-

Отступленіе отъ Ляояна.

гардъ, а за нимъ слѣдомъ должны итти японцы, если они учились тактикѣ.

Ничего не подѣлаешь, поѣхалъ по станціи розыскивать генерала Э—ка и привести въ извѣстность имущество. Генерала Э—ка, оказывается, нѣтъ; но встрѣтилъ меня извѣстный лихой инженеръ С—въ, который объявилъ мнѣ, что и онъ получилъ такое предписаніе еще наканунѣ и уже все подготовилъ, что нужно, а частью уже жгутъ. Дѣйствительно,— около какого-то зданія пылалъ костеръ, въ которомъ жгли сухари, консервы — которыхъ мы отъ интен-

дантства не могли допроситься вчера. Операціи наши по эвакуаціи станціи были несложны и необременительны. Около 11 час. дня примчался генералъ Э—къ, который былъ уже по пути въ Мукденъ; розыскалъ меня и высказалъ, что онъ весьма раздосадованъ даннымъ ему порученіемъ. Къ счастью, я могъ его успокоить, что все уже сдѣлано, и онъ сейчасъ-же повернулъ обратно къ своимъ войскамъ.

Вскорѣ появился нашъ арьергардъ—3-я пѣх. дивизія. Послѣ долгой разлуки я встрѣтился, наконецъ, со своимъ непосредственнымъ начальствомъ, генераломъ Я—мъ, товарищами и сослуживцами. На перронѣ опустѣвшаго вокзала собралась порядочная оживленная группа, точно въ ожиданіи пріѣзда начальства... Всѣ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, которое наступаетъ всегда послѣ пережитой великой опасности... Пережиты многодневные кровопролитные бои. Смерть витала кругомъ, многихъ унесла, насъ бросила,—можетъ быть не надолго; но отсрочка дана несомнѣнно, пока мы живы. Это нервируетъ и вызываетъ повышенное настроеніе... Генералъ З—къ мечтаетъ о чаѣ и предлагаетъ какому-то солдату 3 руб., чтобы онъ добылъ ему стаканъ чаю; капитанъ Шаровъ, погибшій во время Мукденскаго отступленія, передалъ мнѣ письмо изъ дому. Генералъ Б—ій заигрываетъ со Смолкой, которая флиртуетъ и кокетничаетъ, что такъ мало идетъ къ ея чисто боевому виду въ ея мужскомъ костюмѣ. Но вѣдь à la guerre comme à la guerre, и Смолка—дама на безрыбьи... Полковникъ Криштопенко, убитый черезъ мѣсяцъ на Шахэ, разсказываетъ, что они пережили на Анпинѣ. Начальникъ дивизіи показываетъ карту и поясняетъ диспозицію на сегодняшній день,—что

ночлегъ мы будемъ имѣть въ дер. Гуцзяцзы и Падяза, т. е. тутъ недалеко, въ 3—4 верстахъ къ сѣверу отъ ст. Янтай. Я выразилъ сомнѣніе въ томъ, будемъ ли ночевать въ Гуцзяцзѣ.

— „Почему вы такъ думаете“.

— „Потому что противникъ тоже имѣетъ право голоса. Трудно себѣ представить, чтобы японцы оставили наше отступленіе совершенно въ покоѣ. А они сейчасъ заняли уже Ляоянъ и владѣютъ обоими берегами Тайцзыхе. Полагаю, что въ д. Гуцзяцзѣ будутъ, пожалуй, ночевать японцы.

Я едва кончилъ свою фразу, какъ надъ нами высоко въ воздухѣ одна за другой зашипѣли, забулькали шимозы и со страшнымъ грохотомъ бухнули недалеко отъ вокзала въ самый бивакъ 10-го Новоингерманландскаго полка, который мирно стоялъ на лугу,—ружья составлены, люди сняли снаряженіе, разбрелись въ разныя стороны, кипятятъ котелки и проч.

Эфектъ былъ необычайный... Мечтаніе о чаѣ, флиртъ со Смолкой—все смѣшалось и завертѣлось. Начальство только на ходу успѣло отдать приказаніе „въ ружье“ и направилось куда-то. Я розыскалъ свою лошадь и подъѣхалъ къ бивaку моего полка, который стоялъ уже въ ружье. Слава Богу, что мнѣ не пришлось видѣть въ Псковскомъ полку той тревоги,—чтобы не сказать больше,—что я видѣлъ сейчасъ въ другихъ частяхъ. Полкъ спокойно и молча стоялъ на мѣстѣ, благодаря хладнокровію командующаго 1-мъ баталіономъ капитана Г—за. А въ воздухѣ надъ нами рвались поминутно цѣлыми очередями шимозы и шрапнели. Въ бинокль отлично видна была *одна* несчастная батарея, которая прилѣпилась къ

сѣвернымъ скатамъ горъ, отдѣляющихъ Ляоянъ отъ Янтайской равнины. Всего только *одна* несчастная батарея. А у насъ тутъ цѣлая артиллерійская бригада шарахнулась... Вспоминать совѣстно. Непонятная

При отступленіи отъ Ляояна.

и преступная безпечность со стороны частей, прикрывавшихъ отступленіе.

Было уже, кажется, что-то около 4-хъ часовъ пополудни, когда ѣхавшій на походѣ рядомъ со мною начальникъ дивизіи обратился ко мнѣ съ тревожнымъ вопросомъ:

— „Позвольте.—Да вѣдь мы, кажется, не по своей дорогѣ идемъ. Вѣдь мы должны двигаться на дер. Улитайцзы и Шилихе, а вѣдь онѣ вонъ гдѣ, къ востоку отъ насъ“.

— „Конечно мы двигаемся не по той дорогѣ, которую вы изволили показывать. Да и ночлегъ нашъ въ деревнѣ Гуцзяцзы остался далеко-далеко позади“.

— „Такъ вѣдь нельзя же такъ! Тамъ вѣдь главныя силы двигаются, 35-я дивизія, и мы должны ихъ прикрывать; иначе—значитъ онѣ тамъ обнажатся совершенно. Переходите сейчасъ съ полкомъ и дивизіономъ драгунъ на ту дорогу, а вслѣдъ за вами перейдутъ туда и остальные полки“.

Я сейчасъ-же направился прямо на востокъ, и черезъ 2—3 часа труднаго перехода цѣлиной, безъ дорогъ, вышелъ... какъ разъ на хвостъ 35-й дивизіи, которая расположилась уже здѣсь на ночлегѣ. Значитъ арьергардъ слился съ главными силами, а позади—насъ прикрываетъ святитель Николай. Совершенно стемнѣло. Подошли и остальные полки дивизіи. Надо бы пойти назадъ, къ Ляояну, чтобы выиграть надлежащее разстояніе между арьергардомъ и главными силами. Но... пойти опять навстрѣчу, можетъ быть, шимозамъ и шрапнелямъ... Да и ночь; грязь невылазная. Рѣшили заночевать тутъ. Авось...

Поѣхалъ я ночью осмотрѣть свою цѣпь и выѣхалъ на какой-то ручеекъ, разбухшій отъ предшествовавшихъ дождей и пересѣкавшій дорогу, по которой бѣшенно порывались обозы, неистово обгоняя другъ друга, отчаянно выбиваясь изъ засасывающей грязи. А тутъ еще эта проклятая рѣчушка, по которой повозки могутъ двигаться лишь гуськомъ. Боже,—какое столпотвореніе тутъ получилось отъ сгрудившихся обозовъ! Для наблюденія за переправой тутъ распоряжался генер. шт. капитанъ гр. И—евъ, который совершенно одинъ, безъ всякихъ помощниковъ, съ прутиной въ рукахъ употреблялъ нечело-

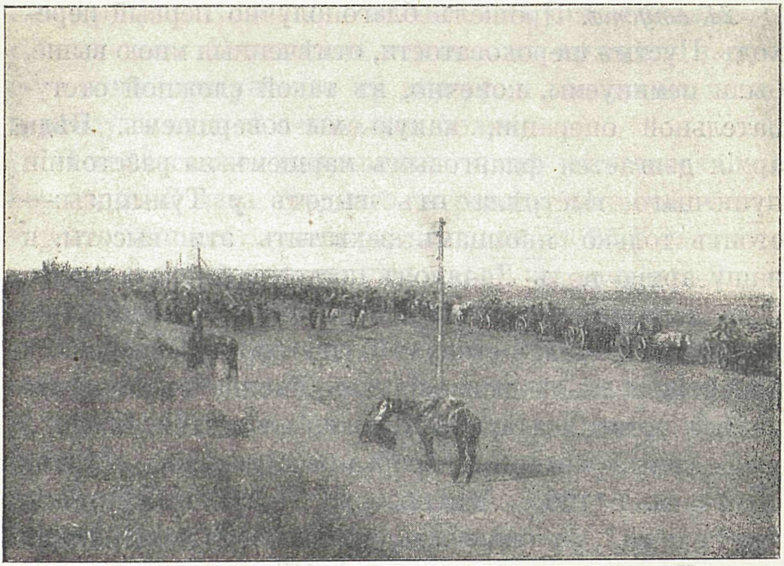
вѣческія усилія, хлесталъ направо и налѣво, отчаянно ругался и совершенно охрипъ, стараясь водворить порядокъ. Я далъ ему въ помощь нѣсколько нижнихъ чиновъ. Всю ночь онъ бился тутъ у рѣчки. Къ утру обозовъ тутъ не было.

24 августа. Прошелъ благополучно первый переходъ. Пустыя шероховатости, отмѣченныя мною выше, были неминуемы, конечно, въ такой сложной отступательной операціи, какую мы совершаемъ. Вѣдь армія двигается фланговымъ маршемъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ высотъ у Тумынцзы:— стоитъ только японцамъ захватить эти высоты, и нашу армію подъ Ляояномъ постигла бы катастрофа куда печальнѣе той, чѣмъ испытанная впослѣдствіи подъ Мукденомъ, потому что со стороны Янтайскихъ копей на флангѣ движенія изъ Ляояна въ Мукденъ висѣла почти вся армія Куроки, а не такія ничтожныя силы, которыя прорвались черезъ Кіузань 25 февраля (1905 г.) и позорно гнали наши арміи въ Тѣлинъ. Эта опасность, угрожавшая нашей арміи подъ Ляояномъ, положительно чувствовалась, если не понималась, каждымъ солдатомъ. Весь переходъ 23-го августа (и 24-го) нижніе чины украдкой, но тревожно озирались на горы вправо отъ насъ, т. е. со стороны Янтайскихъ копей; и если при всемъ томъ армія совершила свое отступленіе вполнѣ хладнокровно, то это ей дѣлаетъ честь и славу.

Почему подъ Ляояномъ армія справилась съ болѣе трудной задачей, чѣмъ подъ Мукденомъ, можно объяснить лишь тѣмъ, что моральная упругость нашей арміи подъ Ляояномъ была выше, чѣмъ подъ Мукденомъ; подъ вліяніемъ длиннаго ряда неудачъ и пораженій износились постепенно нервы, а прибывшіе

запасные изъ Россіи отравили остатки таившейся въ насъ вѣры въ свои силы и въ наше дѣло.

Да! Бываютъ несомнѣнно „герои проигранныхъ сраженій", какъ бываютъ также несомнѣнно чрезвы-

При отступленіи отъ Ляояна.

чайно искусно выполненныя сложныя военныя операціи, которыя, при видимыхъ отрицательныхъ результатахъ, въ дѣйствительности скрываютъ въ себѣ блестящій успѣхъ. Къ такимъ именно операціямъ надо отнести отступленіе нашей арміи изъ Ляояна. Мы такъ привыкли восторгаться боевыми качествами японцевъ,—и я отнюдь не намѣренъ умалять ихъ,—что должны были бы выразить великое удивленіе, какъ это три сосредоточенныхъ арміи, занявъ такое чудовищно-выгодное стратегическое положеніе отно-

сительно противника, позволили ему безнаказанно выйти изъ великой бѣды. А между тѣмъ никто этому не удивляется, точно такъ и должно было быть.

Говорятъ, что армія Куроки была сильно утомлена почти девятидневнымъ боемъ,—что у японцевъ вышли боевые запасы и т. п. Все это не можетъ служить оправданіемъ при данной обстановкѣ, когда чуть ли не цѣлая непріятельская армія висѣла надъ нашей жизненной артеріей въ разстояніи 3—4 часовъ марша; и если грандіозная военная операція оказалась не использованной японцами, свелась для нихъ въ пустую,—если не считать простое занятіе Ляояна, который все-же вѣдь не крѣпость,—то только потому, что со стороны русской арміи были своевременно приняты искусныя мѣры, а также и потому, что японскіе военачальники оказались не на высотѣ сложной задачи. Повторяемъ, что чрезмѣрное утомленіе войскъ не можетъ служить оправданіемъ бездѣятельности при подобной обстановкѣ, когда возможны чрезвычайныя послѣдствія: Наполеонъ I при одной изъ такихъ операцій за неимѣніемъ войскъ посадилъ барабанщиковъ на коней, чтобы преслѣдовать отступающаго противника... Маршалъ Ойяма телеграфировалъ даже въ Токіо 23-го—24-го августа, что онъ *тѣснитъ русскую армію на сѣверъ;* но тутъ очень мало или, вѣрнѣе сказать, вовсе нѣтъ правды: при отступательномъ движеніи нашей арміи изъ Ляояна въ Мукденъ, я шелъ со своимъ полкомъ въ *арріергардѣ,* смѣняясь съ 12-мъ полкомъ, прикрывая движеніе нашихъ войскъ, и не понесъ почти *никакихъ потерь.* Вѣдь огромная армія съ многочисленными обозами должна была совершить *три* перехода при очень невыгодномъ стратегическомъ положеніи;

при такой обстановкѣ назначеніе арріергарда—служить цѣликомъ жертвой искупленія для всей арміи... А намъ это обошлось въ нѣсколько человѣкъ раненыхъ. Значитъ „тѣснили“ слабо.

25 августа. Ночь съ 24 на 25 я провелъ въ какой-то полуразрушенной фанзѣ, стоявшей у дороги. Войдя туда ночью, я въ темнотѣ завалился спать на кучѣ какого-то мусора; но утромъ, когда проснулся, глазамъ моимъ представилась весьма печальная картина: домъ, очевидно, богатый, наполовину занятъ былъ большой лавкой, а вторая половина служила жилымъ помѣщеніемъ весьма зажиточнаго, повидимому, купца-китайца, судя по уцѣлѣвшей мѣстами богатой рѣзьбѣ и предметамъ китайской роскоши. Все это было разрушено, разбито и смѣшано въ какую-то общую кашу. Спалъ я оказывается на кучѣ чумизы (родъ проса) смѣшанной съ муссоромъ, обрушившимся съ полуразобранной крыши.

Вышелъ на улицу; у дверей этой руины стоитъ старикъ-китаецъ, плачетъ и причитываетъ—„ломайло“, „ломайло“.

Увидѣвъ меня онъ бросился на колѣни и началъ жаловаться мнѣ по-китайски, изъ чего я понималъ только одно слово „ломайло“, которое онъ повторялъ поминутно. Отъ души жалко было старика, но я могъ его утѣшить только по-русски, что „здѣсь и людямъ ломайло, не только имуществу“...

„Картину отступленія,—печальную мрачную картину,--надо видѣть сверху, съ горы, что ли. Вся долина передъ вами—одинъ сплошной разбродъ, тутъ—сломанныя, брошенныя телѣги, тамъ—палыя лошади. По всѣмъ рвамъ, подъ деревьями, гдѣ только есть

хоть клочекъ тѣни, лежатъ, сидятъ, или стоятъ солдаты, такъ же похожіе на солдатъ, какъ замученный кавалерійскій конь на Пегаса“...

Такъ Вас. Немировичъ-Данченко рисуетъ картину отступленія нашихъ войскъ изъ подъ Дашичао. Не сомнѣваюсь, что талантливымъ корреспондентомъ картина эта нарисована съ натуры. Казалось бы, что при отступленіи нашей арміи отъ Ляояна къ Мукдену неприглядныя черты отступательныхъ движеній должны были выступить несравненно сильнѣе и ярче, если принять во вниманіе, что тутъ отступала цѣлая армія, весьма узкимъ фронтомъ, при критической обстановкѣ въ стратегическомъ отношеніи, которая, по мнѣнію многихъ, граничила съ неизбѣжностью катастрофы. Въ дѣйствительности, какъ я уже замѣтилъ, все обошлось вполнѣ благополучно. Насколько отступательное движеніе совершено было нами въ порядкѣ, могу высказаться вполнѣ опредѣленно потому, что, слѣдуя въ хвостѣ арріергарда, видѣлъ всю сумму признаковъ, которые позволяютъ судить безошибочно о степени нервозности отступленія: что въ душѣ таилось при отступленіи, было, вѣроятно, одинаково какъ при оставленіи Дашичао, такъ и при отступленіи отъ Ляояна, но съ внѣшней стороны картина отступленія отъ Ляояна совсѣмъ не похожа на ту, которая наблюдалась В. Немировичемъ-Данченко подъ Дашичао: измученныхъ, отсталыхъ людей не было вовсе,—не потому, что миновали жаркіе дни, а потому, во-первыхъ, что при отступленіи всегда бываетъ мало отсталыхъ по очень понятнымъ причинамъ, вытекающимъ изъ чувства самосохраненія; во-вторыхъ, отступательное движеніе было настолько нефорсированное, медленное, что части 10-го

корпуса, напримѣръ, сдѣлали въ первый день переходъ лишь въ *5—7 верстъ.* Откуда же тутъ быть отсталымъ? Наибольшій переходъ былъ въ 18—20 верстъ. Палыхъ лошадей отъ ст. Янтай до Мукдена я насчиталъ что-то около 8—10-ти; это—на протяженіи 30—35 верстъ. Если принять во вниманіе трудности пути и дожди, выпавшіе въ предшествовавшіе дни, и сопоставить это все съ многочисленными обозами, прослѣдовававшими по этому пути, то нельзя не признать, что конскій составъ нашихъ обозовъ оказался на высотѣ очень трудной задачи и что отступленіе отнюдь не было форсированное. Изъ брошенныхъ повозокъ я видѣлъ *одну,* завязнувшую китайскую арбу и покинутый передокъ форменной войсковой повозки, который, однако, послѣ насъ, вѣроятно, никто не увидѣлъ, потому что мы убрали этотъ передокъ съ дороги и запрятали его въ высокій гаолянъ. Что же касается собственно движенія войскъ, то съ внѣшней стороны оно, конечно, мало чѣмъ отличалось отъ движенія наступательнаго: тѣмъ не менѣе чувствовалось усиленное біеніе отступательнаго пульса: всѣ нервно настроены, молчаливы, мрачны; среди людей не слышно ни пѣсенъ, ни прибаутокъ.

Но что главнымъ образомъ выдаетъ характеристику отступательныхъ движеній, отличая ихъ рѣзко отъ наступательныхъ маршей, это—отношеніе къ мѣстному населенію, т. е. вѣрнѣе, къ имуществу мѣстнаго населенія: у всѣхъ въ головѣ гвоздемъ сидитъ мысль, что слѣдомъ за нами идетъ непріятель,—что покинутое нами достанется ему: солдаты видятъ, что намъ приходится предавать пламени свое собственное добро, чтобы оно не досталось врагу; какъ

же при такихъ условіяхъ щадить добро чужое, принадлежащее китайцамъ, когда сознаешь, что мы оставляемъ это врагу!

Къ этому необходимо прибавить, что во всей зонѣ отступательнаго движенія арміи отъ Ляояна къ Мук-

Отступленіе отъ Ляояна. Привалъ у дер. Шилихэ (памятной намъ впослѣдствіи во время боевъ на Шахэ).

дену населенные пункты были покинуты жителями, ожидавшими скораго появленія японцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ невзгодъ и опасностей боевыхъ дѣйствій; такъ что наши войска на пути движенія встрѣчали покинутыя фанзы (дома) съ оставленнымъ въ нихъ иногда имуществомъ, которое, весьма естественно, могло ввести въ соблазнъ людей порочныхъ. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что случаи пользованія какимъ-нибудь цѣннымъ имуществомъ китайцевъ, унесеннымъ изъ опустѣвшихъ домовъ, срав-

нительно рѣдки: вѣдь солдатъ понимаетъ, что съ собою награбленное не унесетъ,—начальство сейчасъ же замѣтитъ и предадутъ суду.

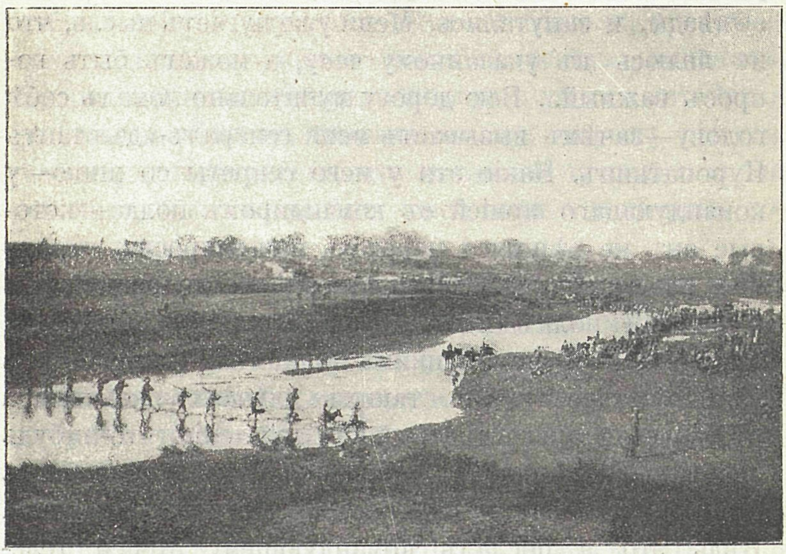
Тѣмъ не менѣе всѣ китайскія деревни по пути отступленія представляли собою печальную картину разрушенія и опустѣнія; жители бѣжали, угнавъ,— кто успѣлъ, конечно,—скотъ и всякую живность, двери и оконныя рамы, а иногда и убогая китайская мебель, пошли на топливо; въ нѣкоторыхъ домахъ, за отсутствіемъ всего, что могло бы пригодиться для топлива, позаимствованы уже оконные и дверные косяки, часть крыши.

Такое отношеніе къ имуществу мѣстныхъ жителей надо признать вполнѣ вынужденнымъ, вытекающимъ изъ обстоятельствъ военнаго времени, и продолжалось оно не долго,—до первой остановки для встрѣчи непріятеля. Всѣ быстро опомнились. Готовый помѣряться силами съ противникомъ, каждый солдатъ сознавалъ необходимость щадить мѣстныхъ жителей, ихъ имущество, которые, можетъ быть, насъ же будутъ обслуживать въ будущемъ.

Поздно ночью возвратился на бивакъ около дер. Хоашихэ, послѣ осмотра сторожевого охраненія, и только расположился было согрѣться чайкомъ, какъ мнѣ передаютъ приказаніе „явиться къ командующему арміей завтра 26-го августа къ 9 час. утра на ст. Мукденъ“. Передохнулъ часокъ, подкормили лошадь и около полуночи съ моимъ неизмѣннымъ другомъ, ординарцемъ Чесноковымъ, пустился въ путь, а до Мукдена цѣлый переходъ верстъ 18. Тьма кромѣшная, дождь льетъ какъ изъ ведра; дорогу мы оба не знаемъ и пустились наугадъ, безъ проводниковъ— только потому, что Мукденъ большой городъ, а Ман-

даринская дорога большая дорога, съ которой трудно сбиться. Оказалось, однако, что ночью это вполнѣ возможно, потому что на Мандаринской дорогѣ такая грязь, что верхомъ на сильной лошади пробираешься съ большимъ трудомъ, ищешь какіе-нибудь объѣзды, и запутались. Меня уже пугаетъ мысль, что не явлюсь къ указанному часу, а можетъ быть вопросъ важный... Всю дорогу мучительно ломалъ себѣ голову—зачѣмъ вызываетъ меня генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Какіе это у него секреты со мною—у командующаго арміей съ командиромъ полка—которые онъ не рѣшился передать или запросить черезъ мое начальство. И неужели ему не доложили, что Псковскій полкъ идетъ временами въ арьергардѣ, смѣняясь съ Великолуцкимъ полкомъ и что не вполнѣ удобно отвлекать въ такихъ случаяхъ командира полка, если арьергардъ при отступленіи что-нибудь значитъ. А, впрочемъ, можетъ быть меня вызываютъ для какого нибудь еще болѣе важнаго порученія. Вѣдь это я послалъ командующему арміей телеграмму 18-го августа съ предупрежденіемъ о готовящемся Седанѣ: и этимъ предупрежденіемъ несомнѣнно воспользовались... Пусть отрядъ генерала Орлова разбитъ и задачи своей не выполнилъ, потопить армію Куроки въ Тайцзыхе Куропаткину не удалось, но зато и наша армія спасена отъ неминучей великой бѣды; она теперь въ безопасности. А что было бы если бы я не послалъ своей телеграммы 18-го августа генералу Куропаткину,—если бы 19 и 20-го августа отряда генерала Орлова не было вовсе у Янтайскихъ копей, гдѣ безспорно уже висѣли значительныя силы японцевъ, а генералъ Штакельбергъ только 20-го августа послѣ полудня поспѣлъ съ двумя пол-

ками и было бы конечно поздно: японцы успѣли бы захватить станцію Янтай и осуществить задуманный планъ—Седанъ готовъ... И все это предотвращено моей телеграммой... Пожалуй дадутъ Георгія...

Отступленіе отъ Ляояна. (На р. Шилихе).

Такъ сладко мечтается подъ непроницаемымъ покровомъ ночи, въ полудремотѣ, пробираясь верхомъ по глубокой вязкой грязи.

— „Стойте Ваше-бродіе, тутъ не проѣдемъ, видно раздуло рѣку отъ дождей, и мостъ снесло"...

Сунулся мой Чесноковъ и прямо, и вкось, выискивая бродъ, но всюду лошадь вотъ-вотъ всплыветъ; а теченіе весьма стремительно.

Топтались тутъ впотьмахъ добрый часъ, и все напрасно. Забрежжилъ свѣтъ, и обрадовались китайцу, подъѣхавшему на арбѣ; онъ ужъ хотѣлъ по-

вернуть назадъ, показывая бичомъ на бушующую рѣку, но мы загородили ему дорогу и заставили повернуть въ рѣку. Поминутно оглядываясь на насъ и жалобно повторяя неизмѣнное „ломайло“, китаецъ все же съ неистовымъ цуканьемъ, улюлюканьемъ и пронзительными восклицаніями въѣхалъ въ рѣку; а мы за нимъ. Сразу всплыли, но китаецъ по какимъ-то ломаннымъ линіямъ, не переставая ни секунды ободрять лошадей завываніями и гиканіями, выплылъ въ грязь противоположнаго берега; а мы за нимъ. Далъ китайцу пару серебряныхъ рублей, и онъ еще не полѣнился вылѣзть изъ арбы и на прощанье сдѣлалъ мнѣ книксенъ въ глубокой грязи. Удивительно добродушный и незлобивый народъ!

Подъѣхалъ къ вокзалу на ст. Мукденъ какъ-разъ во-время. Но на кого я похожъ былъ! Весь въ грязи и наполовину мокрый. Платье и сапоги не снималъ уже больше недѣли. Да и какъ тутъ сапоги почистить, когда они полны воды.

Въ $9^{1}/_{2}$ часовъ меня ввели въ вагонъ генералъ-адъютанта Куропаткина.

Господи,—какимъ роскошнымъ дворцомъ показалось мнѣ это жилище! Дѣйствительно ли тамъ было очень хорошо все, или глазъ отвыкъ,—но помню, что впечатлѣніе было ошеломляющее: огромный великолѣпно обставленный кабинетъ, въ который изъ противоположныхъ дверей показался генералъ Куропаткинъ, появившійся, повидимому, изъ спальни, — а можетъ быть изъ какой-нибудь гостиной, или ванной, не знаю. Командующій арміей встрѣтилъ меня сурово, хотя и протянулъ руку, сѣлъ за письменный столъ и озадачилъ меня совершенно непонятнымъ мнѣ вопросомъ:

— „Скажите пожалуйста,—какіе такіе подвиги вы совершили съ полкомъ въ бою 20 августа подъ Янтаемъ“?

Вопросъ этотъ меня удивилъ и поставилъ въ тупикъ.

— „Никакихъ подвиговъ не совершалъ и ничего себѣ не приписываю. Полкъ честно въ этотъ день дѣлалъ свое дѣло, и только“....

— „А вы посмотрите, что про васъ пишутъ“,— указываетъ генералъ на лежащія на столѣ бумаги.

Мое недоумѣніе росло все больше и больше.

— „А впрочемъ,—вотъ вамъ карта и доложите мнѣ сначала весь ходъ боя 20 августа“...

Что я могъ доложить о только-что пережитыхъ кровавыхъ впечатлѣніяхъ среди гаоляна съ замазанными глазами, точно на днѣ какой-то бездны?

Бросался отъ одной роты къ другой, все время въ цѣпи, видя въ гаолянѣ около себя всегда лишь нѣсколько десятковъ нижнихъ чиновъ и 1—2 офицеровъ. Генералъ Куропаткинъ, вѣроятно, уже забылъ то время, когда онъ самъ былъ въ строю, что можетъ видѣть строевой офицеръ въ бою.

Теперь, много времени спустя, воспроизводя въ памяти все пережитое, читая записки, которыя самъ посылалъ и получалъ, устанавливая связь во времени и пространствѣ—я рисую себѣ общую картину этого боя. Но тогда!....

Помимо всего, уже одиннадцатый день въ безпрерывныхъ маршахъ, отдыхалъ и спалъ урывками, измотанъ и боемъ, и походомъ; гдѣ тутъ собрать мысли. Ничего связнаго, конечно, доложить не могъ, особенно, когда грозное начальство съ мѣста окатило еще горячимъ паромъ; поэтому изложилъ кое-что

изъ того, что могло подвернуться въ памяти, интересуясь не тѣмъ, что *я* скажу,—а тѣмъ что *мнѣ* скажутъ; ибо чуялъ что надвигается какая-то туча, не то съ грозой, не то, чтобы показать за собою яркое солнышко.

— „Видите.... А вы посмотрите теперь, что пишетъ генералъ Бильдерлингъ“...

При этихъ словахъ генералъ Куропаткинъ читаетъ письмо, адресованное на его имя и подписанное генераломъ Бильдерлингомъ. Въ письмѣ заключается горячій протестъ нашего рыцарскаго командира корпуса противъ незаслуженнаго упрека, брошеннаго командующимъ арміей полку въ лицо на другой день послѣ боя 20 августа...

Я начинаю соображать въ чемъ дѣло. Очевидно, паны дерутся, а у хлопцевъ въ такихъ случаяхъ, какъ извѣстно, чубы страдаютъ. Однако къ чорту всѣ чубы! Я ухватился, конечно, за доблестное заступничество нашего всѣми обожаемаго командира корпуса, и горячо его подтверждаю; тѣмъ болѣе, что командующій арміей, очевидно, не знаетъ истинной обстановки боя.

— „Ничего не вижу выдающагося въ дѣйствіяхъ вашего полка“.

— „А вотъ что пишетъ мнѣ генералъ Штакельбергъ, отъ котораго я потребовалъ письменно подтвердить мнѣ то, что онъ доложилъ мнѣ устно вечеромъ 20 августа“.

При этомъ генералъ Куропаткинъ читаетъ мнѣ: 1) свое письмо, которое онъ писалъ генералу Штакельбергу и 2) отвѣтъ на это письмо отъ генерала Штакельберга. Въ первомъ генералъ Куропаткинъ пишетъ, что „генералъ Бильдерлингъ обратился ко

мнѣ съ письмомъ такого содержанія (приводится содержаніе письма генерала Бильдерлинга): „между тѣмъ при встрѣчѣ съ Вами вечеромъ 20 августа Вы доложили мнѣ, что отряда генерала Орлова не существуетъ, все бѣжало; и когда я спросилъ Васъ: „какъ, и Псковскій полкъ?“, Вы отвѣтили:—„да, и Псковскій“. Въ виду сего прошу Васъ письменно подтвердить мнѣ эти слова“. Во второмъ письмѣ заключалось подтвержденіе генерала Штакельберга,—сколько помню въ нѣкоторой смягченной формѣ и съ оговорками.

Повторяю, что у меня, конечно, нѣтъ копій этихъ писемъ, и я воспроизвожу суть ихъ содержанія на память, какъ мнѣ читалъ ихъ командующій арміей, но ручаюсь, что содержаніе передано мною вполнѣ вѣрно.

— „Вотъ видите, въ какомъ видѣ это все представляется. Генералъ Штакельбергъ самъ собиралъ вашъ полкъ, а васъ хотятъ возводить въ герои. Вотъ, если бы вы отбили сопки у японцевъ, захваченныя ими у копей, это было-бы такъ. А теперь, постигаете-ли что вы надѣлали? Вѣдь если бы не отрядъ Орлова, армія въ настоящую минуту не была бы здѣсь“.

Я пытался давать слабыя реплики, сколько это возможно было въ моемъ положеніи, при крайне растрепанныхъ чувствахъ, ошпаренныхъ притомъ грозными окликами.

— „Полагаю, Ваше Высокопревосходительство, что отнять сопки отъ японцевъ было бы легче сдѣлать генералу Штакельбергу съ цѣлымъ корпусомъ, чѣмъ мнѣ съ однимъ полкомъ, который незаслуженно навлекъ вашу немилость. Честь Георгіевскаго знамени

Псковскаго полка, которымъ командую, обязываетъ меня просить Ваше Высокопревосходительство произвести надлежащее разслѣдованіе“.

— „Да, разслѣдованіе будетъ произведено, чтобы выяснить можете ли оставаться во главѣ полка“.

Легко себѣ представить мое душевное настроеніе послѣ всего пережитаго, когда я вышелъ изъ вагона командующаго арміей. При естественномъ въ моемъ положеніи разбродѣ мыслей я забылъ доложить генералу Куропаткину главное: что генералъ Штакельбергъ впалъ въ ошибку, принявъ одну—двѣ разстроенныя роты, которыя онъ видѣлъ, за весь Псковскій полкъ, а другого штабъ-офицера принялъ за командира полка,—что генералъ Гернгроссъ и полковникъ Андреевъ около 3-хъ часовъ ночи выяснили ему эту ошибку, которую онъ призналъ и взялъ свои слова назадъ.

Вѣдь при сопоставленіи отдѣльныхъ событій все это дѣло въ отношеніи Псковскаго полка было достаточно ясно: *около 5—6 часовъ вечера* 20 августа (т. е. когда еще шелъ бой и Псковскій полкъ бился рядомъ со 2-мъ Восточно-Сибирскимъ полкомъ) генералъ Штакельбергъ встрѣтилъ генерала Куропаткина и сказалъ ему свою фразу:—„отряда Орлова не существуетъ“....

„Какъ,—и Псковскій полкъ“....

„Да, и Псковскій“....

Только *въ 3—4 часа ночи* генералу Штакельбергу разъяснили его заблужденіе; но генералъ Куропаткинъ остался при томъ, что слышалъ отъ генерала Штакельберга, и на слѣдующій день разразился жестокими и незаслуженными упреками Псковскому полку....

Впослѣдствіи я узналъ, что находившійся для

связи при генералѣ Штакельбергѣ ординарецъ генерала Бильдерлинга, корнетъ графъ Келлеръ, слышалъ въ штабѣ перваго полное признаніе того, что на Псковскій полкъ Командующій арміей возвелъ незаслуженный поклепъ по недоразумѣнію; и это, кажется, послужило основаніемъ всей этой переписки, которую генералъ-адъютантъ Куропаткинъ удостоилъ меня выслушать....

Теперь, три года спустя, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, свободно и легко переживая снова все пережитое тогда какъ тяжелый кошмаръ подъ давящимъ гнетомъ свѣжихъ впечатлѣній, меня больше всего поражаетъ со стороны генерала Куропаткина эта слабость къ письменности. Да неужели у Командующаго Манчжурской арміей не было тогда большихъ заботъ и хлопотъ, чѣмъ эта сорвавшаяся въ сердцахъ умышленная или неумышленная, справедливая или несправедливая, обида по адресу одного изъ участвующихъ полковъ?! Кончится война и тогда будемъ сводить счеты: если Командующій арміей человѣкъ, не чуждый любви къ правдѣ, то онъ, вѣроятно, самъ постарается возстановить попранную имъ сгоряча истину; если нѣтъ—можно будетъ заставить это сдѣлать.

Но—все это *послѣ* войны! А во время войны,—какіе могутъ быть счеты личные или въ интересахъ отдѣльныхъ частей войскъ... Развѣ есть такая жертва, которую мы въ ту минуту не должны бы принести ради общей главной цѣли. Вѣдь подумать только, что отъ рѣшеній генералъ-адъютанта Куропаткина зависѣла тогда судьба всѣхъ нашихъ владѣній на тихоокеанскомъ побережьѣ,—можетъ быть судьба пятивѣковыхъ колонизаторскихъ усилій величайшихъ

нашихъ богатырей-піонеровъ,—быть или не быть Россіи великой міровой державой! И—въ такую минуту командующій арміей пишетъ самъ и заставляетъ другихъ писать длинныя письма, точно никакихъ другихъ заботъ и хлопотъ у него нѣтъ!.. Это въ такую минуту, когда генералъ-адъютантъ Куропаткинъ самъ еще не рѣшилъ, напримѣръ, даже и такой важный вопросъ: отдать ли также и Мукденъ японцамъ и отступить ужъ прямо, за-одно, къ Тѣлину—какъ онъ предполагалъ это сдѣлать; или задержаться у Мукдена, какъ предлагалъ генералъ-лейтенантъ Случевскій...

Такую же переписку, какъ приведенная мною выше, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ затѣялъ и съ покойнымъ военнымъ министромъ В. В. Сахаровымъ по поводу его выраженія въ одной изъ телеграммъ, въ которой сраженіе подъ Ляояномъ было названо пораженіемъ или неудачей... Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ шифрованной телеграммой потребовалъ объясненій: на какомъ основаніи и по какимъ даннымъ генералъ-адъютантъ Сахаровъ называетъ это сраженіе пораженіемъ. Послѣдній далъ длинное мотивированное объясненіе въ безконечной шифрованной телеграммѣ, на которую генералъ-адъютантъ Куропаткинъ далъ свои возраженія также въ шифрованной телеграммѣ... И начался споръ Иванъ Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ въ длинныхъ шифрованныхъ телеграммахъ.

Конечно, для исторіи минувшей войны, и для исторіи Россіи вообще, было бы въ высокой степени безразлично—какъ благоугодно было генералу Сахарову назвать сраженіе подъ Ляояномъ; но завязавшійся по этому поводу горячій споръ командующаго

арміей съ военнымъ министромъ, напоминающій споръ гоголевскихъ пріятелей о предметахъ далеко менѣе важныхъ,—имѣетъ несомнѣнно важный историческій интересъ, какъ разъясняющій отчасти тайну нашихъ неслыханныхъ пораженій: въ пылу такого спора, спорщики—оба важные персонажи въ дальневосточной трагикомедіи,—могли, конечно, забыть многое, болѣе важное...

Вышелъ я изъ вагона генералъ-адъютанта Куропаткина крайне подавленнымъ,—въ такомъ душевномъ состояніи, когда люди бываютъ близки къ самоубійству. Въ головѣ неумолчно, точно раскаленнымъ молотомъ стучалъ неотступный вопросъ—„за что?“. За что такая напасть на Псковскій полкъ и на меня, когда, казалось, никоимъ образомъ не заслуживали упрека, а совершенно напротивъ—рѣзко выдѣлились по сравненію съ другими частями войскъ изъ отряда генералъ-маіора Орлова и даже 1-го Сибирскаго корпуса, участвовавшихъ въ этомъ бою: вѣдь и намъ приказано было отступить, а мы не отступили!...

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ настоящее время, три года спустя *), генералъ-адъютантъ Куропаткинъ на основаніи документальныхъ данныхъ выяснилъ себѣ вполнѣ обстоятельства боя 20-го августа. Но этого мало: полагаю, что бывшему

*) Не только теперь, но и тогда, 2—3 недѣли спустя, послѣ произведеннаго разслѣдованія генералъ-лейтенантомъ Волковымъ и, вѣроятно, по многимъ другимъ даннымъ, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ позналъ несправедливость своего упрека 21-го августа; прислалъ полку подарки 8-го сентября въ день полкового праздника; оказалъ лично мнѣ вниманіе—при обходѣ позиціи, принявъ мое приглашеніе позавтракать, и удостоилъ меня приглашенія пообѣдать у него.

нашему командующему арміей и по сіе время едва ли приходитъ въ голову самое главное: что отрядъ генералъ-маіора Орлова, на который генералъ-адъютантъ Куропаткинъ вылилъ всю досаду за отступленіе отъ Ляояна, въ дѣйствительности былъ причиной *спасенія нашей арміи* подъ Ляояномъ отъ такой же катастрофы, которая постигла французовъ подъ Седаномъ,—что сказанной мнѣ въ вагонѣ фразой— „если бы не вы (отрядъ генерала Орлова), армія бы не была здѣсь“—генералъ-адъютантъ Куропаткинъ напоминаетъ неблагодарнаго человѣка, который плачется на судьбу за то, что пулей прорвало у него фуражку, забывая, что благодаря той же пулѣ могла бы сгинуть вмѣстѣ съ фуражкой и сама голова.

Постараюсь дать связный, хотя и краткій, очеркъ обстановки, опираясь на документальныхъ данныхъ; и извиняюсь, если для связности мнѣ придется повторить кое-что изъ того, что уже сказано.

Въ свое время печать всего міра громко, и вполнѣ заслуженно, превозносила искусство генералъ-адъютанта Куропаткина, проявленное имъ во время отступленія отъ Ляояна: японцы готовили намъ Седанъ и были совершенно близки къ осуществленію этого плана, и тѣмъ не менѣе армія наша въ удивительномъ порядкѣ отступила, высвободившись изъ весьма опаснаго положенія. По моему крайнему разумѣнію, основанному на критической оцѣнкѣ всѣхъ операцій минувшей войны, искусное отступленіе нашей арміи отъ Ляояна представляетъ собою лучшую заслугу бывшаго главнокомандующаго передъ Родиной, потому что, повторяю, арміи нашей подъ Ляояномъ грозила гибель. Было бы, конечно, лучше если бы

генералъ-адъютантъ Куропаткинъ далъ намъ побѣду вмѣсто искуснаго отступленія. Но это уже другой вопросъ. Что дѣлать! — бываютъ и герои проигранныхъ сраженій.

Если вся эта блестящая сторона операціи выражена довольно тускло въ появившемся въ печати оффиц. описаніи сраженія подъ Ляояномъ, то это вполнѣ извинительно и понятно. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемся тутъ съ зіяющими пробѣлами въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ: говорится о поворотѣ важнѣйшихъ распоряженій штаба арміи 18-го августа вечеромъ, о спѣшномъ сосредоточеніи войскъ къ Янтайскимъ копямъ — отрядъ генерала Самсонова двинутъ былъ даже форсированнымъ ночнымъ маршемъ,—и нигдѣ нѣтъ ни звука, чѣмъ былъ вызванъ этотъ поворотъ распоряженій, имѣвшій самыя благодѣтельныя послѣдствія для спасенія арміи. Позволяю себѣ здѣсь заявить на основаніи приводимыхъ ниже документальныхъ данныхъ, что причиной этого поворота во взглядахъ командующаго арміей *была моя телеграмма, отправленная ему со ст. Янтай 18 августа въ 3 часа дня.* Такъ какъ въ „отчетѣ“ генерала Куропаткина о сраженіи подъ Ляояномъ объ этомъ нѣтъ даже и намека, то это мое заявленіе не зачтется мнѣ какъ нескромность. Мною руководитъ желаніе только установить историческую правду въ событіи такой огромной важности;—въ особенности это необходимо теперь, пока еще здравствуютъ и могутъ откликнуться упоминаемыя здѣсь дѣйствующія лица.

Повторю еще разъ суть дѣла.

Слѣдуя изъ Бенсиху въ Ляоянъ съ Псковскимъ полкомъ и полубатареей 3-й артиллерійской бригады,

издание В. А Березовскаго С.П.Б.

я 18-го августа въ 2 часа прибылъ на ст. Янтай. Здѣсь пограничной стражи подполковникъ Пономаревъ показалъ мнѣ телеграмму только-что полученную имъ изъ Янтайскихъ копей отъ командира 22 сотни ротмистра Каменскаго слѣдующаго содержанія: „японцы переправились черезъ Тайцзыхе и въ числѣ шести полковъ появились въ 3-хъ верстахъ къ югу отъ копей. Идетъ бой. Ротмистръ Каменскій". Телеграмма эта мнѣ показалась весьма важной по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Указанное направленіе переправы японцевъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало обстановкѣ и било кратчайшимъ путемъ въ самое чувствительное мѣсто, въ тылъ арміи и всего укрѣпленнаго района Ляояна. 2) Весь этотъ районъ былъ совершенно обнаженъ отъ нашихъ войскъ и доступенъ безпрепятственному пробѣгу японцевъ. Въ Янтайскихъ копяхъ, откуда я самъ только-что прибылъ, расположенъ былъ баталіонъ 10 Новоингерманландскаго полка, занятый этапной службой чуть-ли не до Бейтапу; такъ что налицо былъ только командиръ баталіона, подполковникъ Френевъ, и одна 9-я рота слабаго состава. Имѣлась еще 22-я сотня пограничной стражи, еще болѣе раздерганная этапной службой, летучей почтой и пр.; поэтому приведенная въ телеграммѣ фраза „идетъ бой"—между 6 полками японскими и нашей ротой и сотней?—мнѣ показалась не лишенной нѣкоторой доли комизма. 3) Появленіе шести полковъ японскихъ (пусть ихъ даже не 6, а 5, 4, 3—*одинъ*, если угодно *) со

*) Впослѣдствіи, однако, оказалось, что здѣсь дѣйствительно переправ лось около семи полковъ японскихъ, такъ какъ „изъ оффиціальнаго донесенія генерала Куроки можно было заключить, что 20 августа вся первая (правая?) колонна его арміи,

стороны Канквантуня противъ Янтайскихъ копей служило указаніемъ, что это настоящій авангардъ арміи Куроки, и что не сегодня—завтра здѣсь появится вся армія. Предположеніе это совпадало съ прежними моими свѣдѣніями и съ извѣстными мнѣ предположеніями генералъ-адъютанта Куропаткина, который еще въ началѣ августа, какъ это упомянуто было выше, предупреждалъ меня телеграммой: „ждите нападенія на васъ превосходныхъ силъ Куроки, не менѣе 2-хъ дивизій". 4) При слѣдованіи теперь фланговымъ маршемъ изъ Бенсиху въ Янтай меня предупреждали также изъ штаба 17 корпуса „имѣть все время глаза на югъ къ Тайцзыхе", откуда ожидались японцы.

Осмотрѣлся я на ст. Янтай и ужаснулся царившему здѣсь хаосу: вся равнина кругомъ была сплошь запружена обозами, арбянными транспортами. Къ тому же предшествовавшіе дожди развели невѣроятную грязь. Изъ войскъ тутъ находилась только одна рота Новоингерманландскаго полка, вся израсходованная по нарядамъ. Не трудно себѣ представить картину при появленіи японскаго разъѣзда. А судя по телеграммѣ значительныя пѣхотныя части непріятеля находятся отсюда въ разстояніи всего лишь *3—4 часовъ марша.*

Положеніе нашей арміи мнѣ показалось критическимъ.

Видя, что мой полкъ съ полубатареей представляютъ собою единственную силу, которая все же

раздѣленная на три колонны, сосредоточилась въ окрестностяхъ Янтайскихъ копей; считая по имѣющимся даннымъ армію Куроки въ 76 баталіоновъ, дѣйствительно третья часть ея и составляла приблизительно силу дивизій въ двѣ (т. е. 7—8 полковъ)".

могла бы задержать японцевъ на нѣкоторое время, я въ 3 часа дня послалъ генералъ-адъютанту Куропаткину телеграмму слѣдующаго содержанія: „Сейчасъ пограничной стражи подполковникъ Пономаревъ получилъ телеграмму изъ Янтайскихъ копей отъ командира 22 сотни погр. стражи ротмистра Каменскаго, слѣдующаго содержанія:—„японцы переправились черезъ Тайцзыхе и въ числѣ 6 полковъ пѣхоты появились въ 3-хъ верстахъ южнѣе Янтайскихъ копей. Идетъ бой.“ „Ввиду опасности, угрожающей тылу арміи и всему укрѣпленному району предполагаю принять бой и располагаюсь на позиціи съ полкомъ и полубатареей. Буду ждать приказаній до 9 часовъ вечера, если не получу слѣдую дальше въ Ляоянъ“.

Розыскивая позицію совмѣстно съ подполковникомъ Пономаревымъ *) и командиромъ полубатареи капитаномъ Ильенко, я около Мандаринской дороги наткнулся въ гаолянѣ на бивакъ 54 дивизіи и 26 артиллерійской бригады, чему не мало обрадовался, встрѣтивъ въ такую трудную минуту значительныя силы и старшаго начальника, къ которому сейчасъ-же направился и доложилъ обстановку. Командующій 54 дивизіей, генералъ-маіоръ Орловъ, не призналъ для себя возможнымъ уклониться отъ своей задачи, имѣя категорическое приказаніе слѣдовать на Ляоянъ.

При моемъ уходѣ отъ генерала Орлова (было около 6 час. вечера) ему принесли телеграмму, которую онъ, прочитавъ про себя, прибавилъ затѣмъ вслухъ, обращаясь ко мнѣ: „Вотъ видите, я не могу

*) Который въ ожидаемомъ бою долженъ былъ играть роль начальника конницы.

брать на себя постороннія задачи; телеграмма за подписью генералъ-лейтенанта Сахарова подтверждаетъ мнѣ завтра къ 8 час. утра быть у Чжансютуня, въ распоряженіи генерала Бильдерлинга".

Нельзя было не согласиться съ основательностью такихъ доводовъ. Признаюсь, и у меня закрадывалось сомнѣніе о правильности моей оцѣнки обстановки: вѣдь полученная при мнѣ около 6 час. вечера телеграмма генерала Сахарова была отправлена, вѣроятно, около 4—5 час. дня, т. е. можетъ быть *послѣ* полученія моей телеграммы. Предполагая, во всякомъ случаѣ, наверстать потерянное время ночнымъ маршемъ я сдѣлалъ распоряженіе на случай боя и направился на ст. Янтай, чтобы узнать передана ли моя телеграмма и нѣтъ-ли отвѣта. Было около 8 час. вечера. Скоро дѣйствительно я получилъ телеграмму отъ генерала Харкевича слѣдующаго содержанія: „Вашъ полкъ съ полубатареей подчиняются генералъ-маіору Орлову, которому предписывается направиться Янтайскія копи". Вслѣдъ затѣмъ мнѣ принесли приказаніе и отъ генералъ-маіора Орлова: „Вашъ полкъ съ полубатареей входятъ въ составъ моего отряда, которому указано движеніе въ Янтайскія копи. Завтра къ 7 час. утра быть у дер. Ваньбяоцяо".

Какъ сейчасъ увидимъ, кромѣ 54 дивизіи и моего полка сдѣлано было распоряженіе о немедленномъ движеніи къ Янтайскимъ копямъ ночнымъ маршемъ также и коннаго отряда генералъ-маіора Самсонова изъ 19 сотенъ и 6 орудій.

Но, — можетъ быть и помимо моей телеграммы у командующаго арміей имѣлись другія свѣдѣнія о переходѣ японцевъ черезъ Тайцзыхе, просто со-

впавшія съ моей телеграммой? Обратимся къ документамъ.

Судя по оффиціальному отчету, 17-го, а также 18 августа, стекалось, повидимому, не мало донесеній о переправахъ японцевъ черезъ Тайцзыхе въ различныхъ пунктахъ. Такъ, извѣстно было, что 18 августа части противника приступили къ переправѣ черезъ Тайцзыхе выше Ляояна, на участкѣ между Саканемъ и Сандзяцзы. Еще 17-го августа командиръ Дагестанскаго полка, охранявшаго долину р. Тайцзыхе между Саканемъ и Бенсиху, доносилъ, что японцы переправляются небольшими партіями у Бенсиху и выше.

Съ утра 18 августа были донесенія и отъ командира 52 драгунскаго Нѣжинскаго полка и отъ генерала Бильдерлинга, что мелкіе отряды противника начали переправляться у Сидзяпу, Тиньдятуна, Линдзяванцзы и Худегоу; близъ устья Сихе перешло около 3 ротъ съ 1 эскадрономъ; у Линьдзяванцзы обнаружены были 4 орудія.

Тѣмъ не менѣе ничего особеннаго командующимъ арміею не предпринимается по этимъ донесеніямъ, въ виду такого чрезвычайнаго, казалось бы, обстоятельства, какъ переправа японцевъ на правый берегъ Тайцзыхе. Очевидно, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ вполнѣ резонно не допускалъ возможности такой безумной выходки со стороны противника:— раздѣлить свои силы широкой и бурной рѣкой, бросивъ одну часть противъ сильно занятыхъ серьезныхъ укрѣпленій, а другую часть—противъ превосходныхъ силъ непріятеля, имѣя въ тылу рѣку Тайцзыхе.

Только *послѣ моей телеграммы*, въ которой не только указывалось о переправѣ двухъ японскихъ

дивизій, но тревожно *подчеркивалось опасное направленіе этихъ войскъ непріятеля, въ тылъ всему нашему укрѣпленному району,* — только послѣ полученія этой моей телеграммы генералъ-адъютантъ Куропаткинъ принялъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ. Что это именно такъ, видно изъ того, что всѣ распоряженія о спѣшномъ занятіи нами Янтайскихъ копей и скорѣйшемъ сосредоточеніи туда войскъ исходятъ *послѣ 6 час. вечера,* т. е. непосредственно послѣ полученія моей телеграммы.

Вотъ что мы находимъ въ оффиціальномъ отчетѣ, относящееся къ этому времени, т. е. къ 6 час. вечера 18 августа.

„Въ виду обнаружившагося (когда? кѣмъ? откуда?) наступленія противника къ Янтайскимъ копямъ, первостепенной заботой являлось удержаніе ихъ за собой до окончанія развертыванія частей арміи на правомъ берегу рѣки Тайцзыхе, для дѣйствій противъ арміи генерала Куроки. Янтайскія копи представлялись, во-первыхъ, весьма выгоднымъ противнику исходнымъ пунктомъ для развитія операцій на наши сообщенія съ Мукденомъ; а во-вторыхъ—весьма сильной тактической позиціей для насъ, на которой можно было бы дать сильный отпоръ наступающей арміи Куроки“.

„Поэтому командующій арміей, во время пребыванія своего у форта № 4, послалъ *около 6 час. вечера* приказаніе генералъ-маіору Самсонову немедленно выступить, занять копи съ цѣлью охраненія какъ ихъ, такъ и лѣваго фланга XVII армейскаго корпуса, равно и для производства широкихъ развѣдокъ на югъ къ р. Тайцзыхе и на востокъ. Около 7 часовъ вечера отрядъ генералъ-маіора Самсонова выступилъ по назначенію“.

„Такъ какъ, въ виду ясно обнаружившагося наступленія противника на Янтайскія копи, центръ тяжести положенія данной минуты привлекался къ нимъ, то и отряду генералъ-маіора Орлова, — коему ранѣе было предписано слѣдовать въ Чжансутунь на соединеніе со сводной бригадой генералъ-маіора Экка,—задачу *пришлось измѣнить*. Теперь этому отряду, силою въ 12 баталіоновъ, 20 орудій и 3 сотни, было поставлено цѣлью обезпеченіе лѣваго фланга арміи, для чего отряду слѣдовало выступить съ разсвѣтомъ 19 августа къ Сяотальенгоу, выяснить направленіе движенія и силы противника и дѣйствовать на его правый флангъ, а въ случаѣ превосходства его силъ отходить въ направленіи къ ст. Янтай“.

Этимъ экстреннымъ распоряженіямъ вполнѣ справедливо придавалось такое значеніе, что отрядъ генерала Самсонова направленъ былъ въ Янтайскія копи даже ночнымъ маршемъ, чтобы предупредить тамъ появленіе японцевъ. Въ составѣ 19 сотенъ и 6 орудій отрядъ выступилъ въ 7 час. вечера 18-го августа и около 4-хъ часовъ утра 19-го августа прибылъ въ Янтайскія копи.

Изъ сказаннаго видно, что спѣшное сосредоточеніе войскъ къ Янтайскимъ копямъ было сдѣлано исключительно на основаніи моей телеграммы. Этого мало. Изъ оффиціальнаго донесенія Куроки *) видно, что переправа его у Канквантуня совершилась дѣйствительно только около 11 час. дня 31-го августа (18-го ст. стиля); слѣдовательно телеграмма ротмистра Каменскаго должна была быть первой, и иныхъ донесеній и быть не могло **).

*) The Russo-Japanese war. Official reports v. I, p. 231.

**) Отъ генерала Бильдерлинга объ этой переправѣ получено

Какъ ни хорошо, или плохо дѣйствовалъ отрядъ генерала Орлова, но ясно какъ день, что ко времени наступленія Куроки 19—20 августа на тылъ нашей арміи, онъ вмѣсто пустого пространства встрѣтилъ на открытомъ прежде пути значительныя силы всѣхъ родовъ оружія. Бывшая здѣсь опаснѣйшая пустота была уже заполнена; между тѣмъ японцы мечтали, согласно выработанному заранѣе плану, что „Куроки, имѣя въ рукахъ всю свою армію и при содѣйствіи бригады Умецавы изъ Бенсиху, можетъ бросить 50.000 испытанныхъ и побѣдоносныхъ войскъ на русскія сообщенія". Вотъ что повѣствуетъ генералъ-лейтенантъ Гамильтонъ, находившійся 31-го (18-го) августа при штабѣ арміи Куроки:

„Куроки сіяетъ. Великій моментъ его жизни наступилъ. Ему остается лишь прорваться черезъ Манджуяму и сопку 131, чтобы сѣсть верхомъ на линію желѣзной дороги, которая ясно виднѣется отсюда въ западномъ направленіи за деревней Сыкванту нь съ ея длинными поѣздами, хлопотливо увозимыми на сѣверъ. Нѣкоторые изъ штаба напомнили мнѣ (какъ будто мнѣ нужно было напоминать), что сегодня годовщина Седана. Какъ будетъ странно, если исторія повторится. Надежды японцевъ велики, и все кажется имъ возможнымъ. Я послалъ слѣдующую телеграмму: „1-е сентября. Съ прошлой телеграммы шесть дней и ночей непрерывный упорный бой, марши, укрѣпленіе позицій. Войска безъ сна три ночи, но Куроки не даетъ непріятелю отдыха и переправой Тайцзыхе открылъ прекрасные виды на будущее, полное обезпеченіе большой побѣды".

было донесеніе командующимъ арміей 19 августа утромъ, отправленное (за № 329) 18 августа *въ 9 час. вечера.*

„Въ 1 ч. 50 м. пришло донесеніе, написанное въ нѣсколько тревожныхъ выраженіяхъ, изъ котораго усматривалось, что русская колонна, длиною въ двѣ мили, надвигалась изъ окрестностей Янтайскихъ угольныхъ копей и угрожала охватить правый флангъ арміи“.

„Подобное извѣстіе не соотвѣтствуетъ убѣжденію, будто русскіе находятся въ полномъ отступленіи, и я замѣчаю большую перемѣну въ настроеніи всѣхъ пріятелей. Генералъ-лейтенантъ Инуйе, начальникъ 12-й дивизіи, *совѣтуетъ Куроки пріостановить свое наступленіе на западъ, пока не будутъ приняты мѣры, чтобы выяснить вполнѣ значеніе этого угрожающаго движенія на сѣверъ*“...

Теперь представимъ себѣ положеніе нашей арміи 19, 20 и 21 августа, прикованной боемъ у Ляояна, если-бы Куроки не встрѣтилъ у Янтайскихъ копей никакихъ нашихъ войскъ и нашелъ-бы свободнымъ дорогу къ нашей желѣзнодорожной магистрали, до которой оставалось *3—4 часа пѣшаго марша*, и принимая во вниманіе, что передовыя части 1-го Сибирскаго корпуса появились здѣсь только къ 2 час. дня 20 августа.

Итакъ,—изъ всего сказаннаго можно прійти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) При наличности обстановки 18—20 августа на фронтѣ копи Янтай—ст. Янтай арміи нашей грозила большая опасность и

2) опасность эта была предотвращена мѣрами командующаго арміей, принятыми на основаніи полученой отъ меня телеграммы.

По моему скромному разумѣнію въ приведенныхъ мною данныхъ заключается центръ тяжести всего исхода операціи подъ Ляояномъ, и онѣ обязательно

должны были найти себѣ мѣсто въ офиціальномъ отчетѣ; между тѣмъ объ этой телеграммѣ не упоминается вовсе,—точно *внезапныя* распоряженія въ 6 час. веч. 18-го августа подсказаны наитіемъ свыше *).

Есть французская поговорка „qui s'excuse s'accuse", и на этомъ основаніи я могъ бы вовсе не касаться боевой дѣятельности Псковскаго полка въ бою 20-го августа подъ Янтайскими копями: доблестное поведеніе полка въ этотъ день стоитъ совершенно внѣ всякихъ разговоровъ, такъ какъ оно устанавливается документально по времени и пространству и вполнѣ признано впослѣдствіи командующимъ арміей. Но мнѣ хотѣлось установить значеніе факта неизмѣримо большей важности: это то, что нашей арміи подъ Ляояномъ угрожала катастрофа, которая косвенно была предотвращена благодаря моей телеграммѣ генералъ-адъютанту Куропаткину 18-го августа. Все же, разъ коснувшись событій этихъ дней, позволю себѣ упомянуть еще и о слѣдующей необходимой поправкѣ: о дѣйствіяхъ Псковскаго полка 20 августа въ отчетѣ генерала-адъютанта Куропаткина сказано, что „полковникъ Грулевъ, получивъ черезъ командира Инсарскаго полка приказаніе отступить, нѣсколько замедлилъ отходъ и дождался прибытія 2-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка". Выраженіе „нѣсколько замедлилъ" едва-ли тутъ умѣстно, если отступить мнѣ приказали *въ часъ дня*, а я отступилъ въ *часъ ночи*. Данныя времени и пространства подлежатъ измѣренію

*) По личному объясненію составителя „отчета", генеральнаго штаба полковника Илинскаго, телеграмму мою *онъ видѣлъ*, но впослѣдствіи она взята была генераломъ Харкевичемъ; дѣла же штаба арміи за этотъ періодъ утеряны подъ Мукденомъ.

и могутъ быть установлены точно. Такъ что и съ этой стороны Псковскій полкъ никоимъ образомъ не заслужилъ ни малѣйшаго упрека.

На обратномъ пути въ полкъ я заѣхалъ въ штабъ корпуса, гдѣ, повидимому, были поражены моимъ непрезентабельнымъ видомъ.

— „Да что съ вами, вѣдь на васъ лица человѣческаго нѣтъ?“—встрѣтилъ меня командиръ корпуса. „Ступайте раньше всего отдохните часъ-другой“.

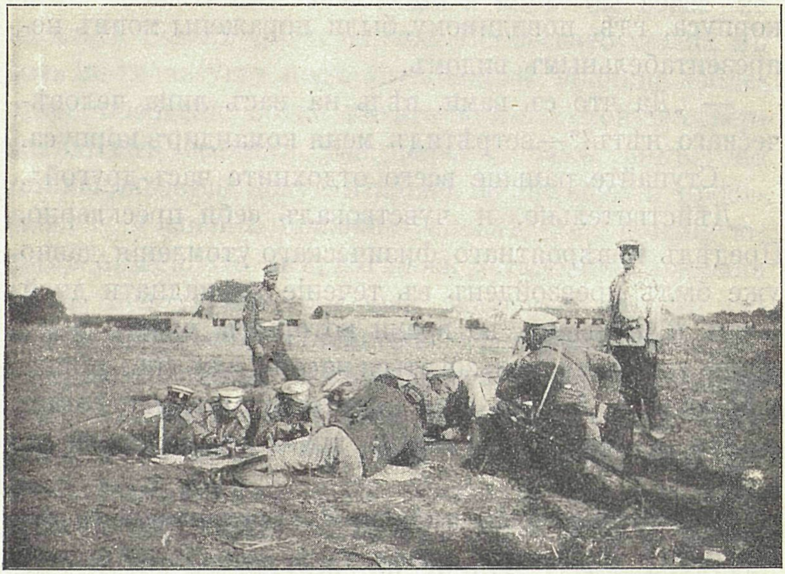
Дѣйствительно, я чувствовалъ себя прескверно. Предѣлъ невѣроятнаго физическаго утомленія давно уже былъ превзойденъ въ теченіе двѣнадцати дней боевъ и походовъ, во время которыхъ можно было лишь урывками пользоваться часами для сна, пищи, или отдыха. А тутъ еще нравственная пытка совершенно незнакомаго свойства, точно свалившаяся съ неба...

Я воспользовался любезнымъ предложеніемъ отзывчиваго сердечнаго начальника, зашелъ къ своему другу М. К. Д—су, завалился у него на койку и сейчасъ же заснулъ: крайняя физическая усталость взяла свое и быстро поборола нервную напряженность.

Вечеромъ того же дня я направился въ полкъ и опять цѣлую ночь испытывалъ разнородныя казни египетскія, пока добрался до полка.

Тутъ я узналъ, что послѣдовало *важное* распоряженіе: наши арьергарды переименовываются въ авангарды, и я назначаюсь начальникомъ особаго авангарда, который будетъ расположенъ въ дер. Линшинпу, куда мнѣ предписывается перейти на слѣ-

дующій же день. Такимъ образомъ первые полки нашей дивизіи уходили въ тылъ, за р. Хуньхэ, на полный отдыхъ, въ предѣлахъ возможнаго на театрѣ войны; а Псковскій полкъ выдвинется опять на передовую позицію...

Штабъ дивизіи въ дѣйствіи. Начальникъ дивизіи диктуетъ диспозицію.

Конечно, для насъ, офицеровъ, не можетъ быть болѣе высокаго нравственнаго удовлетворенія чѣмъ это отмѣнное довѣріе начальства: при отступленіи пожалуйте въ арьергардъ, при наступленіи—въ авангардъ. Но со стороны нижнихъ чиновъ, по словамъ офицеровъ, слышны были иногда разсужденія такого рода:

— „Что же это мы за отпѣтые такіе. Поди, вонъ, ингерманландцы, говорятъ, сегодня въ банькѣ были,

а мы вотъ на ванпостахъ маемся, да все за апонцемъ поглядывай. Нѣшто нѣтъ тебѣ никакой очереди"...

Дѣйствительно,—со времени высадки изъ вагоновъ по сей день полкъ находился безпрерывно на передовыхъ позиціяхъ, постоянно лицомъ къ лицу съ

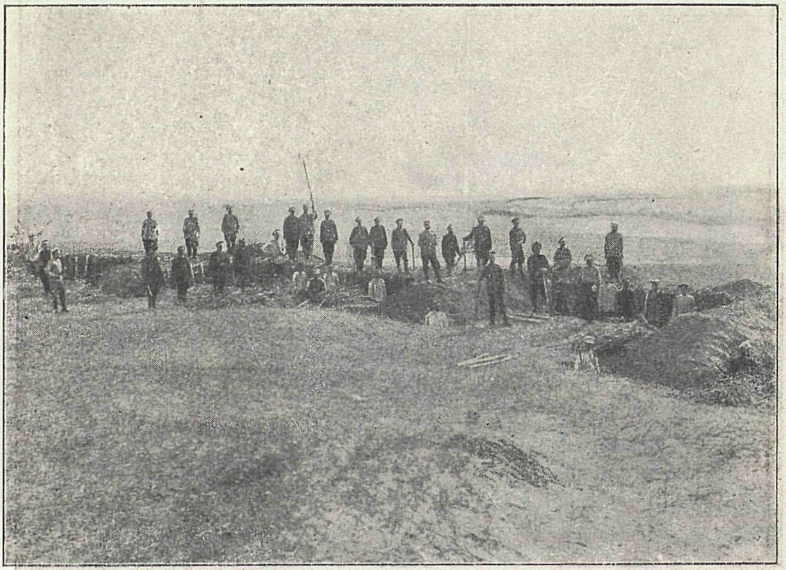

Постройка укрѣпленій.

противникомъ, каждую ночь въ ожиданіи возможности тревоги. Мы еще не были въ такомъ положеніи какъ, напримѣръ, сейчасъ 9-й и 10-й полки нашей дивизіи, которыя могутъ сходить въ баньку, спать ночью раздѣвшись хоть на половину, зная, что впереди ихъ есть другая наша часть войскъ. А когда мы находились въ Бенсиху, оторванные отъ нашей арміи дикими горами на протяженіи 80 верстъ, въ ожиданіи каждый день „нападенія превосходныхъ

силъ Куроки, не менѣе двухъ дивизій,“ то, какъ говорятъ, командующій арміей часто выражалъ тревожныя опасенія за участь моего отряда.

Теперь опять дали почетную роль, которую нижніе чины, правда, не сразу признали. Когда при-

Постройка окоповъ вдали отъ противника.

шлось въ товарищеской бесѣдѣ говорить съ покойнымъ командиромъ 9-го полка на эту тему, то онъ мнѣ серьезнымъ образомъ отвѣтилъ:

— „На то вы генеральный штабъ“...

— „Позвольте,—за что же въ мирное время вы считаете насъ лишь теоретиками, мало пригодными для практики?“...

Когда я высказалъ начальнику дивизіи пожеланіе, что хорошо бы вторую бригаду хоть на пару

дней смѣнить первой и дать возможность также и 11-му и 12-му полкамъ помыться въ Мукденской банѣ, то начальникъ дивизіи мнѣ отвѣтилъ прямо— „Кого же послать“... „Нѣтъ, нельзя“...

Я въ душѣ былъ вполнѣ согласенъ съ этимъ мнѣніемъ начальника дивизіи, и самъ на его мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же. Позднѣйшія событія вполнѣ подтвердили это...

„Примѣрка“ окопа.

ГЛАВА VIII.

Мѣсяцъ отдыха.

(26 августа—22 сентября).

Снова на передовой позиціи. Линшинпу и знаменитая кумирня. Появленіе дамы передъ аванпостами. Въ поискахъ за позиціей. „Мой домикъ". Полковой праздникъ. Подарки отъ генералъ-адъютанта Куропаткина. Характеристика китайскихъ селеній. Китайцы, ихъ обычаи и церемоніи. Китайское гостепріимство. Характеристика японскихъ войскъ,—солдата и офицера. Подготовка къ наступленію. Рядовой Тырпнъ и Судъ Божій.

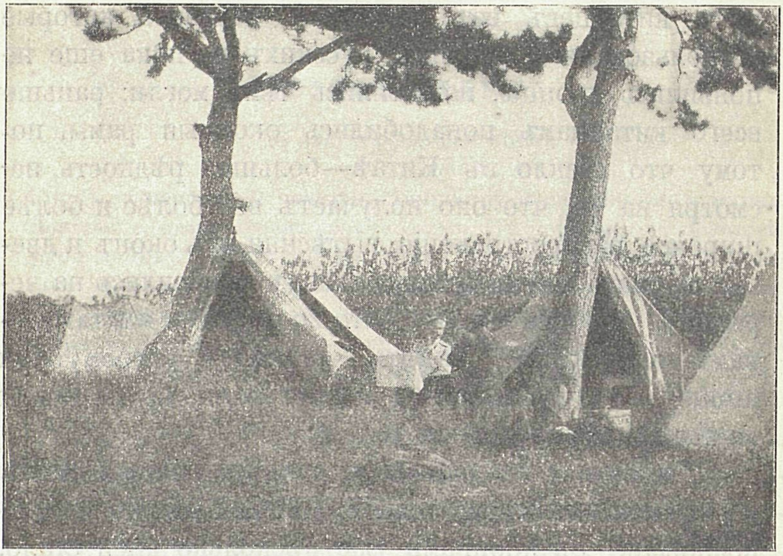
Линшинпу 27-го августа.—Отступленіе кончилось. Вся армія отступила за р. Хуньхе, оставивъ на лѣвомъ берегу этой рѣки арріергарды на главныхъ путяхъ между Мукденомъ и Ляояномъ. Путей этихъ немного—всего два: такъ называемая Мандаринская дорога, отличающаяся легендарной, прямо стихійной грязью, благодаря которой распутица свирѣпствуетъ на этой дорогѣ въ томъ или иномъ видѣ круглый годъ; второй путь—желѣзнодорожный, пока отдыхающій отъ своей обычной работы.

Моему арріергарду пришлось остановиться въ верстѣ къ сѣверу отъ ст. Шахе, покинутой и разоренной. Больно видѣть наши щеголеватыя станціонныя постройки,—настолько новенькія, что нѣкоторыя изъ нихъ вотъ-вотъ окончены лишь постройкой,—стоящими въ такомъ уныломъ, полуразрушенномъ видѣ:

телеграфная проволока, мѣстами порванная, виситъ въ необычномъ видѣ, путается подъ ногами; постройки жилыя и нежилыя, зіяютъ оконными и дверными отверстіями, безъ рамъ и дверей; мѣстами начата даже разборка крышъ, съ которыхъ пытались унести черепицу. Все это большей частью дѣло рукъ китайцевъ изъ сосѣднихъ деревень, которые воспользовались уходомъ русскихъ и, пока еще не появились японцы, поживились чѣмъ могли: раньше всего китайцамъ понадобились оконныя рамы, потому что стекло въ Китаѣ—большая рѣдкость, несмотря на то, что оно получаетъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе, вытѣсняя изъ оконъ и дверей промасленную бумагу; затѣмъ позарились на черепицу, кирпичъ и проч. Зато во многихъ мѣстахъ,—намъ приходилось видѣть,—валяются нетронутыми ящики съ телеграфными изоляторами, круги новой телеграфной проволоки и т. п.

Главныя силы нашего арріергарда остановились на высотѣ желѣзнодорожной станціи Суятунь. Соприкосновеніе съ японцами уже нѣсколько дней стало, такъ сказать, очень нѣжнымъ, мало чувствительнымъ: противникъ, повидимому, дошелъ до намѣченной линіи и остановился. Это заставило насъ *перейти въ наступленіе*. Арріергарды обратились въ авангарды. Главныя силы авангарда продвинулись впередъ около 6-ти верстъ, возстановили болѣе тѣсную, чувствительную связь съ противникомъ, которая выразилась въ потерѣ съ нашей стороны двухъ раненыхъ и добычѣ плѣннаго японскаго гусара, послѣ чего моему авангарду приказано было остановиться около деревни Линшинпу, въ одной верстѣ къ сѣверу отъ ст. Шахе, вблизи желѣзнодорожнаго моста.

Расположились бивакомъ, скрытымъ въ гаолянѣ. Люди устроили себѣ изъ гаоляна прекрасные шалаши, которые служатъ внѣшней оболочкой для солдатской походной палатки; такъ что, несмотря на холодныя ночи, наступившія въ началѣ сентября,

Штабъ дивизіи,—на гаолянскомъ полѣ.

люди въ этихъ шалашахъ—палаткахъ не испытывали особаго холода.

Въ первый же день, выѣхавъ на линію сторожевыхъ постовъ, я увидѣлъ издали совсѣмъ необычайный при нашей обстановкѣ „предметъ": какая-то дама,—настоящая, по-европейски одѣтая дама,—одиноко шла пѣшкомъ на полуразрушенный желѣзнодорожный мостъ около ст. Шахе, по направленію къ передовымъ постамъ японцевъ. Надо замѣтить, что пробраться по мосту безъ настилки и перилъ, по

скрученнымъ отъ дѣйствія пироксилина рельсамъ, съ висящими сверху и снизу частями разрушенныхъ фермъ, было подвигомъ помимо всего прочаго. Притомъ еще одинокое путешествіе по мѣстности, кишащей хунхузами, унесшими у насъ изъ-подъ глазъ не одну уже жертву, казалось очень загадочнымъ. Заинтересовавшись этимъ явленіемъ, я послалъ офицера узнать, кто это смѣлая дама и куда она направляется. Оказалось, что это Александра Николаевна Онтаева, уполномоченная воронежскаго земства, отправляется на ст. Янтай, гдѣ, какъ ей сказали, осталось нѣсколько человѣкъ нашихъ раненыхъ; а такъ какъ изъ всѣхъ врачебныхъ заведеній лазаретъ воронежскаго земства послѣднимъ покинулъ ст. Янтай, то эти раненые, по словамъ А. Н. Онтаевой, являются упрекомъ именно ея совѣсти. И вотъ она отправляется убѣдиться въ этомъ...

Развѣ это не истинно геройскій подвигъ! Конечно, японцы—не людоѣды, и А. Н. Онтаевой опасаться ихъ нечего было. Но хунхузы, повторяю, свирѣпствовали именно въ этой полосѣ: въ послѣдніе дни они подстрѣлили артиллериста изъ гаоляна, изувѣчили одного унтеръ-офицера; попалъ въ ихъ руки и безслѣдно пропалъ у насъ конный казакъ; не подлежитъ сомнѣнію, что хунхузы не проявили бы особаго джентльменства и въ обращеніи съ г-жей Онтаевой.

Дер. Линшинпу, гдѣ расположился мой авангардъ, оказалась большимъ селеніемъ со многими хорошими фанзами съ зажиточными хозяевами. Когда я въѣхалъ въ эту деревню, меня больше всего поразила необычайная, по тому времени, мирная картина: попадались на улицѣ мирные китайцы и даже китаянки, не

успѣвшія скрыться въ глубинѣ дворовъ; масса домашней птицы, животныхъ; кой-гдѣ въ пестрыхъ, артистически воздѣланныхъ огородахъ, болѣе напоминающихъ нашихъ цвѣтниковъ, взлелѣянныхъ искусной рукой, копошились китаянки и китайчата. Какъ это не похоже на то, что пришлось видѣть въ полосѣ отступленія нашей арміи изъ Ляояна, хотя эта деревня Линшинпу лежитъ въ какихъ-нибудь 2—3 верстахъ отъ этой полосы. Но таковы ужъ свойства отступательнаго движенія и его характерные признаки: какъ опустошительная лавина проносится оно по своему пути, оставляя нетронутымъ все что лежитъ въ сторонѣ.

Не прошло, впрочемъ, и 1/2 часа послѣ моего въѣзда въ деревню, какъ и тутъ появилась перемѣна декораціи: улицы постепенно опустѣли, пугливо выглядывали мальчуганы и подростки, у которыхъ жгучее любопытство посмотрѣть небывалыхъ посѣтителей видимо поборола чувство страха; съ нѣкоторыхъ дворовъ доносился неистовый визгъ поросятъ, убѣгавшихъ съ перепуга, а можетъ быть, громко протестуя противъ посягательствъ бывшихъ со мною драгунъ. А когда я объявилъ китайцамъ, что черезъ часъ— другой сюда войска придутъ, то они съ лихорадочной поспѣшностью начали укладывать свое имущество въ арбы, чтобы поскорѣй увезти что можно и подальше отправить свои „мадама“ (женщинъ) съ дѣтьми.

Да.—печальная, но неизбѣжная картина войны.

Полкъ вмѣстѣ съ 6-й батареей 3-й артиллерійской бригады расположились бивакомъ около самой деревни. Я помѣстился въ кумирнѣ. Кто могъ думать въ ту минуту, что эта самая деревня Линшинпу

ровно черезъ мѣсяцъ будетъ стоить намъ такихъ неслыханныхъ потерь, такихъ ужасныхъ потоковъ крови,—что эту злосчастную кумирню будутъ безуспѣшно громить свыше ста нашихъ орудій почти въ теченіе цѣлой недѣли,—что, наконецъ, весь этотъ пунктъ станетъ чуть ли не осью вращенія для всѣхъ операцій въ предстоящую зиму, вплоть до Мукденскаго сраженія... По всему фронту обѣихъ воюющихъ армій русскіе и японцы сцѣпились впослѣдствіи въ деревнѣ Линшинпу такъ, что ни одна сторона не могла ни отступить назадъ, ни продвинуться впередъ; такъ, сцѣпившись, и держались здѣсь всю зиму. А что именно нашему полку больше другихъ придется увлажнить своей кровью эту китайскую деревню,— въ описываемое мною время, въ концѣ августа, никто изъ насъ не подозрѣвалъ вовсе.

Кумирня, въ которой поселился штабъ полка, состояла изъ трехъ небольшихъ каменныхъ построекъ, расположенныхъ на обширномъ дворѣ, обнесенномъ кирпичной стѣнкой, толщиной въ 3—4 кирпича. Подчеркиваю эту подробность въ виду того, что *сто* нашихъ орудій новѣйшей конструкціи, какъ я уже замѣтилъ, около недѣли безсильно громили эту кумирню и со срамомъ должны были отказаться отъ своей задачи выжить оттуда японцевъ. Старая наша пушка съ ударной гранатой несомнѣнно разнесла бы эту стѣнку въ какой-нибудь часъ—другой. Удивительно, какъ это ученый артиллерійскій комитетъ при проектированіи снаряда для скорострѣльной пушки, упустилъ изъ виду такой пустякъ, какъ разрушительное дѣйствіе снаряда...

Сожителями моими въ большой, т. е. главной, кумирнѣ оказались пять грозныхъ буддійскихъ боговъ—

должно быть изъ серіи „докшитовъ“, боговъ—мстителей, призванныхъ карать за всякіе пороки и воздавать людямъ заслуженное ими еще при земной жизни, не откладывая всѣ расчеты до встрѣчи въ аду. За тоненькой досчатой перегородкой помѣщалось съ

„Знаменитая“ кумирня въ дер. Линшипу.

полдюжины другихъ боговъ съ выпученными животами, закругленными навыворотъ длинными пальцами и смѣющимся или сосредоточеннымъ выраженіемъ сильно раскошенныхъ глазъ. На этой половинѣ расположился полковой адъютантъ, который, повидимому, скоро научилъ китайскихъ боговъ въ штоссъ играть: въ первую же ночь, по возвращеніи съ передовыхъ постовъ, я случайно услышалъ изъ-за перегородки необыкно-

венные для боговъ переговоры, вродѣ слѣдующаго: „уголъ съ двухъ и три мазу“, „напе три и очко рупь“, „четыре съ боку“, „фигура“ и т. д. У меня невольно вырвалось восклицаніе за перегородкой:—„какимъ надо быть дьяволомъ, чтобы соблазнить боговъ съ цѣлью обыграть ихъ!“. Зная, что я пуще всего преслѣдовалъ въ полку картежную игру, игроки сейчасъ же потушили свой огарокъ и прекратили игру; но для меня этотъ штоссъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ моей койкой, послужилъ своего рода откровеніемъ: я такъ горячо спорилъ со многими, увѣрявшими, что офицеры на театрѣ войны сильно играютъ въ карты; я ссылался на своихъ офицеровъ, которыхъ никогда не приходилось видѣть за картами, хотя бы случайно; а живемъ вѣдь мы всѣ вмѣстѣ на одномъ бивакѣ. А тутъ, вдругъ, рядомъ со мною...

Прибылъ въ полкъ новый штабъ-офицеръ подполковникъ фонъ—Л—гъ, по его словамъ воспылавшій воинственными наклонностями и покинувшій ради этого службу въ гвардейскомъ полку. Можетъ быть все это такъ; но я все же не могу рѣшиться отнять 1-й баталіонъ отъ капитана Г—за и передать его совершенно невѣдомому офицеру, который не знаетъ ни людей, ни офицеровъ баталіона. Я предложилъ ему, въ виду этого обстоятельства, поѣхать въ Харбинъ за покупкой лошадей для полка, зная, что ко времени его возвращенія освободится вакансія командира 2-го баталіона. Мнѣ не пришлось раскаиваться въ этомъ рѣшеніи, потому что въ послѣдовавшихъ бояхъ на Шахе, въ сентябрѣ, капитанъ Г—зъ въ отрядѣ полковника Стаховича доблестно командовалъ своимъ баталіономъ, который и впослѣд-

ствіи много разъ велъ въ бой, не разставаясь съ нимъ до конца войны.

Сильно порѣдѣло китайское населеніе въ дер. Линшинпу. Старый бонза, живущій при нашей кумирнѣ, говоритъ, что всѣ китайцы бѣгутъ за Ляохе,— что онъ останется при кумирнѣ, потому что ему немного жить осталось,—все равно гдѣ помирать... Цѣлыми днями бонза возился въ огородѣ при кумирнѣ. Но что это за огородъ! Европейцы видятъ такіе артистическіе цвѣтники лишь въ богатѣйшихъ знаменитыхъ паркахъ: точно пестрымъ разноцвѣтнымъ коврикомъ усѣяны плоскія грядки какакими-то затѣйливыми узорчатыми группами растительности, расположенными съ удивительной симетричностью. Просто непостижимо, какъ это достигается: вѣдь это не кистью нарисовано, вѣдь это растущіе на свободѣ прихотливыя растенія... Притомъ же это не цвѣты-цвѣточки, а огородныя овощи.

На такомъ вотъ огородѣ расположился бивакомъ 3-й баталіонъ. Бѣдный китаецъ съ отупѣвшими глазами какъ-бы безучастно смотрѣлъ на варварское истребленіе трудовъ его рукъ: меньше чѣмъ въ часъ времени его художественное произведеніе было обращено въ грязное мѣсиво. Оказалось, что во время боксерскаго движенія у этого же китайца убили жену и двоихъ дѣтей... Стоитъ ли, дѣйствительно, послѣ этого сожалѣть о гибели огорода... Я приказалъ все-таки уплатить ему хоть небольшую сумму за эту потраву и китаецъ принялъ это съ одинаковымъ равнодушіемъ, какъ если бы ничего не дали.

Осмотрѣвшись на своей авангардной позиціи, я убѣдился, что мы стоимъ въ дырѣ, японцы могутъ

навалиться на насъ съ противоположнаго берега Шахе и мы своевременно ничего и никого не увидимъ. Надо искать другую позицію, хотя приказомъ моему авангарду назначена дер. Линшинпу („около“). При такихъ условіяхъ военная этика указываетъ другую позицію искать *впереди*, поближе къ непріятелю, а не позади. Выѣхалъ на лѣвый берегъ Шахе, обрекогносцировалъ всю прилегающую мѣстность и ничего подходящаго для какого-нибудь хоть намека стрѣлковой позиціи не нашелъ: все та же впадина или равнина, обращающаяся тоже во впадину, такъ какъ покрыта чумизой и гаоляномъ. Все еще преслѣдуетъ насъ всюду этотъ проклятый гаолянъ. Китайское населеніе большей частью бѣжало; снимать съ полей некому. Въ особенности опустѣла полоса, раздѣляющая обѣ враждующія арміи: тутъ нѣтъ ничего живого, китайцы понимаютъ очень хорошо, что они тутъ непремѣнно угодятъ подъ русскую или японскую пулю; каждый пойманный въ этой полосѣ китаецъ будетъ признанъ непремѣнно шпіономъ и сейчасъ же поплатится жизнью. Поэтому китайцы заблаговременно выбрались изъ этой полосы, увезли и унесли что могли, оставивъ на произволъ судьбы необозримыя тучныя поля съ вполнѣ созрѣвшими хлѣбами.

Въ поискахъ позиціи я со своимъ конвоемъ проѣхалъ уже наши аванпосты и незамѣтно для себя очутился недалеко отъ ст. Шахе. Скоро, однако, насъ заставили вспомнить, что производимъ рекогносцировку на теарѣ войны и на виду противника, а не на маневрахъ: въ воздухѣ пронеслось характерное завываніе полета пуль, зашелестѣли пульки и въ гаолянѣ, по которому ѣхали... Мы притаились на

нѣкоторое время, а затѣмъ повернули назадъ. Поиски позиціи кончились ничѣмъ.

Обрекогносцировавъ фланги, я открылъ прекрасную позицію около дер. Ингуа въ 1|2 верстѣ къ сѣверо-востоку отъ д. Линшинпу, куда и перешелъ со своимъ авангардомъ 30-го августа.

Весьма грустную картину представляла собою расположенная по сосѣдству съ этой позиціей небольшая казарма у желѣзной дороги, занимавшаяся пограничной стражей и покинутая своими обитателями весьма поспѣшно,—даже иконы забыли снять при отступленіи... Странная поспѣшность, если принять во вниманіе, что отступленіе подъ Ляояномъ совершено было войсками отнюдь не торопливо и въ особенности къ сѣверу отъ Шахе. На дворѣ этой казармы валялись ящики съ разнымъ телеграфнымъ имуществомъ, на каждомъ шагу признаки брошеннаго добра, указывающіе на поспѣшный отъѣздъ. Я поселился въ одной изъ трехъ комнатъ этой казармы, вторую зянялъ штабъ полка, а въ третьей поселились ординарцы и конные охотники.

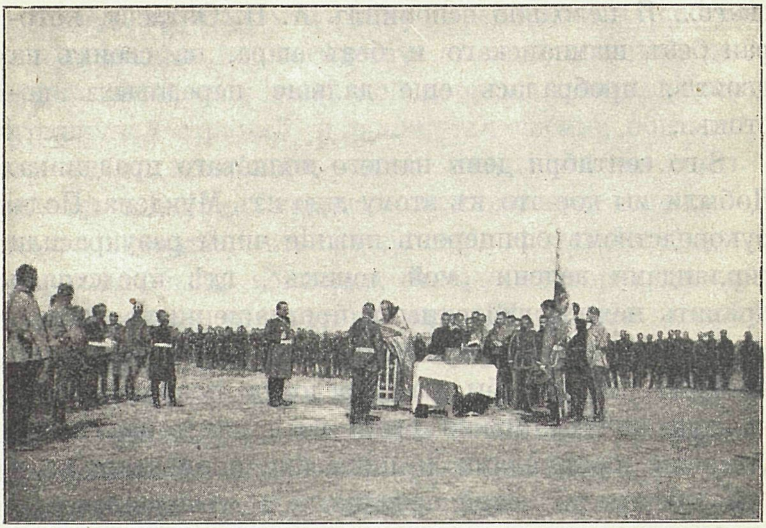
Несмотря на наше выдвинутое, передовое положеніе, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, жизнь наша, въ смыслѣ бытовомъ, наладилась съ первыхъ же дней: исправили рельсовый путь, и ежедневно, какъ для нашего полка, такъ и для отряда генералъ-маіора Мищенко, поѣздъ изъ паровоза и двухъ-трехъ вагоновъ сталъ доставлять намъ все необходимое, даже почту мы стали получать ежедневно, почти въ опредѣленные часы, 11—3 часа дня. Чего еще лучше! Есть полная возможность посылать каждый день въ Мукденъ за покупками, отправлять больныхъ и раненыхъ по желѣзной дорогѣ. Какъ пригородныя

дачницы выходимъ мы ежедневно встрѣчать приходящій поѣздъ, — событіе пріятное и занятное для всѣхъ. Стали съ поѣздомъ заѣзжать къ намъ даже корреспонденты и, узнавъ однажды, что они добрались „до самыхъ передовыхъ постовъ", изумились своему подвигу и выпили по этому случаю шампанскаго... Я невольно вспомнилъ А. Н. Онтаеву, которая безъ шампанскаго и безъ пара, на своихъ на двоихъ, пробралась еще дальше передовыхъ постовъ...

8-го сентября день нашего полковаго праздника. Добыли мы кое-что къ этому дню изъ Мукдена. Подъ руководствомъ офицеровъ нижніе чины разукрасили гирляндами зелени „мой домикъ", гдѣ предстояло принять немногочисленныхъ приглашенныхъ гостей. Задаваться многими приглашеніями нельзя было: кто къ намъ поѣхалъ бы на передовую позицію, когда каждую минуту можно было воспринять невольное угощеніе шрапнелями и шимозами японцевъ; да и праздновать полковой праздникъ не думали вовсе, а хотѣлось просто скрасить сколько-нибудь этотъ день, выдѣливъ его изъ другихъ; не рѣшились поэтому пригласить даже и нашего всѣми любимаго командира корпуса, генерала Бильдерлинга, ограничившись приглашеніемъ только штаба дивизіи и состоявшихъ при немъ двухъ военныхъ агентовъ, американскаго маіора Мэкомбъ и шведскаго капитана Эдлунда.

Во время богослуженія, когда весь полкъ стоялъ передъ аналоемъ, появился вблизи откуда-то небольшой обозъ, съ десятокъ головъ скота и проч. Оказалось, что это—подарки для нижнихъ чиновъ и офицеровъ полка, присланные ко дню полкового праздника генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ черезъ

своего адъютанта, командированнаго съ этой цѣлью для передачи подарковъ полку. Помимо всего,—все присланное командующимъ арміей въ этотъ день и въ эту минуту было въ высшей степени своевременно, потому что при расположеніи на передовой

Полковой праздникъ. Окропленіе св. водой первыхъ георгіевскихъ кавалеровъ.

позиціи нѣтъ возможности удѣлять много вниманія хозяйственнымъ заботамъ, и ко дню праздника у офицеровъ даже не было сахара къ чаю, вмѣсто котораго добыли немного китайскаго леденца; сухарей для людей получили въ обрѣзъ и т. п.; для офицерскаго пиршества добыто было у китайцевъ въ Мукденѣ нѣсколько бутылокъ разнообразной бурды, подъ названіемъ винъ, шанхайской фабрикаціи, десятка два коробокъ завалявшихся консервовъ, къ

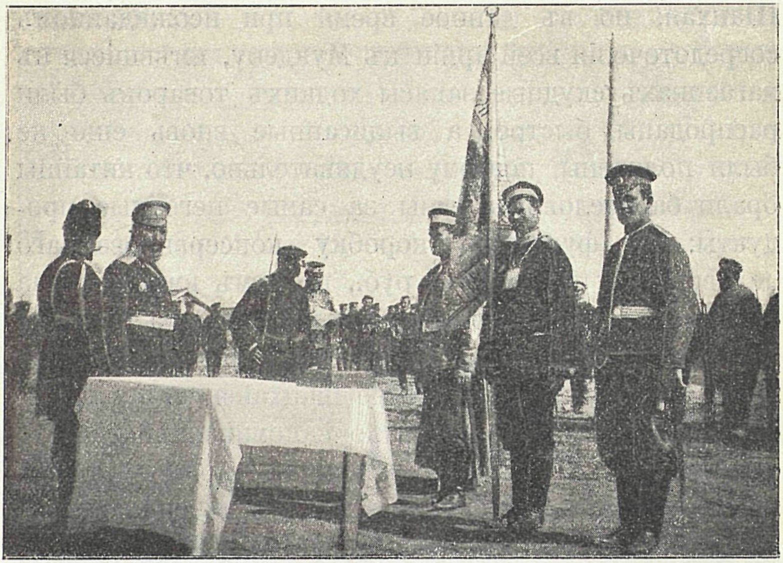
которымъ надо было относиться съ большимъ подозрѣніемъ.

Позднѣе въ Мукденѣ развилась кипучая торговая дѣятельность и, главнымъ образомъ, утробными предметами закуски и выпивки, доставлявшимися изъ Шанхая; но въ данное время при неожиданномъ сосредоточеніи всей арміи къ Мукдену, имѣвшіеся въ магазинахъ скудные запасы ходкихъ товаровъ были распроданы быстро, а выписанные вновь еще не были получены; поэтому неудивительно, что китайцы брали баснословныя цѣны за самые негодные продукты: за фунтовую коробку консервированнаго „сливочнаго“ масла 3—4 руб., причемъ вмѣсто масла оказывалась какая-то вонючая мерзость; за бутылку „коньяку“ 7—10 руб., причемъ на повѣрку оказывалось, что коньякъ даже не шанхайской, а мукденской фабрикаціи, совершенно напоминавшій распространенную у насъ въ западномъ краѣ — „Ривка махъ мадеру“... Очевидно, при увеличеніи спроса китайцы поняли въ чемъ секретъ, и съ береговъ р. Вузуна, у Шанхая, перенесли фабрикацію на берега р. Хуньхэ, у Мукдена.

При такихъ условіяхъ присылка генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ въ день праздника жаркого (въ видѣ нѣсколькихъ быковъ и барановъ) и сластей для нижнихъ чиновъ, а также много разныхъ ликеровъ, винъ, бисквитовъ (а также походныхъ карандашей и другіе предметы) для офицеровъ, была весьма кстати.

Но и помимо реальнаго значенія этихъ подарковъ присылка ихъ имѣла для полка огромное моральное значеніе, — какъ протянутая намъ высшимъ начальникомъ вѣтка мира: вѣдь двѣ недѣли передъ тѣмъ

командующій арміей сгоряча сдѣлалъ полку суровый упрекъ за бой 20 августа; слѣдовательно, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ боя, пришелъ теперь къ инымъ выводамъ

Полковой праздникъ (8 сентября 1904 г.) у дер. Ингуа. Ассистенты у знамени—только что прибывшіе изъ училища въ полкъ юные подпоручики Красновидовъ и Ульяновскій—оба убиты въ первыхъ бояхъ на Шахе.

и сознаетъ теперь, вѣроятно, свою горячность или свою ошибку...

Послѣ богослуженія и церемоніальнаго марша были обычные тосты, среди которыхъ былъ, конечно, горячій тостъ за всѣми любимаго командира корпуса генерала Бильдерлинга, который такъ рыцарски заступился за нанесенную полку невольную обиду генералъ-адъютантомъ Куропаткинымъ 20-го августа.

Упоминаю здѣсь объ этомъ тостѣ только потому, что до сихъ поръ не могу себѣ простить своей оплошности — не только не извѣстилъ командира корпуса о присланныхъ командующимъ арміей полку поздравительной телеграммѣ и подаркахъ, но и за-

Штабъ дивизіи и военные агенты—шведскій капитанъ Эдлундъ и американскій майоръ Мэкомбъ (въ дверяхъ).

былъ послать, вообще, какую бы то ни было поздравительную телеграмму...

Какъ водится, при такой чисто боевой обстановкѣ, праздникъ вышелъ на славу. Нашъ американскій военный агентъ, находясь „на-взводѣ", сказалъ даже задушевный спичъ по-англійски, и когда я съ нимъ спѣлъ дуэтомъ „Sweet Marie" (распространенный американскій романсъ), то американецъ пришелъ въ неописуемый восторгъ и увѣрялъ, что въ противоположность всѣмъ американцамъ, его симпатіи принадлежатъ всецѣло Россіи.

Характеристика китайцевъ.

Нельзя не воспользоваться этимъ временемъ сравнительнаго „отдыха“, чтобы не ознакомиться ближе съ китайскимъ населеніемъ, его культурой, жизнью, характеромъ населенныхъ пунктовъ и т. д. Вѣдь мы живемъ и дѣйствуемъ среди нихъ; какъ не сказать о нихъ хоть нѣсколько словъ!

Раньше всего насъ поражала культура земли: вся южная Манчжурія представляетъ собою настоящій цвѣтущій садъ; нигдѣ не видно и пяди пустопорожней земли; все воздѣлано и тщательнѣйшимъ образомъ обработано. О характерѣ обработки китайскихъ огородовъ, окружающихъ деревни, сказано было выше, но и поля воздѣланы также весьма тщательно; несмотря на то, что въ раіонѣ нашего расположенія деревни почти совершенно опустѣли, а оставшееся кой-гдѣ мужское населеніе какъ бы издали сторожитъ лишь свои фанзы и совершенно не занимается полевыми работами, — все же на поляхъ нигдѣ не видно сорной травки, все подчищено и выполено.

Отъ командующаго арміей было распоряженіе не препятствовать китайцамъ собирать урожай съ полей, который вездѣ вполнѣ созрѣлъ. Всюду куда ни хватишь глазомъ необозримыя поля гаоляна и чумизы, но снимать съ полей никто не думаетъ; только фуражиры нашихъ войскъ цѣлыми командами съ обозами собираютъ съ полей, обращая все въ фуражъ для лошадей. Платить никому не приходится, потому что если бы такое благое намѣреніе и пришло кому въ голову, то онъ не зналъ бы кому платить—за отсутствіемъ, въ большинствѣ случаевъ, хозяевъ этихъ

полей. Сколько экономіи при такихъ случаяхъ должна бы получить наша казна, если принять во вниманіе, что фуражные оклады отпускаются чудовищные—по рублю въ день на лошадь—и даже пѣхотному полку отпускается на фуражъ около 400 руб. въ день, изъ которыхъ онъ едва ли тратитъ и десятую долю.

Китайчата въ гостяхъ.

Затѣмъ, поражаетъ богатство и сравнительный комфортъ построекъ. Даже въ заброшенныхъ медвѣжьихъ углахъ южной Манчжуріи, въ гористыхъ мѣстахъ, лежащихъ въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ трактовъ, встрѣчаются въ деревняхъ богатыя фанзы изъ жженаго кирпича съ богатыми рѣзными рамами на дверяхъ и окнахъ и высокія узорчатыя кирпичныя стѣны. Въ домашней обстановкѣ встрѣчаются претензіи на комфортъ и роскошь, конечно,

съ точки зрѣнія китайскаго вкуса. Такія фанзы принадлежатъ обыкновенно мѣстнымъ кулакамъ, рядомъ съ которыми не мало бѣдноты и нищеты; но достаточно, что и у деревенскаго жителя, кто бы онъ ни былъ, есть потребность въ комфортѣ.

По сосѣдству съ „моимъ домикомъ“ *), въ разстояніи около одной версты, въ дер. Уенченпу, находилась, напримѣръ, фанза, въ которой можно было видѣть богатыя зеркала въ роскошныхъ рѣзныхъ рамахъ изъ сандальнаго дерева, стоимостью не менѣе 1000 рублей за зеркало, — масса богатой бронзы, разнообразный фарфоръ и т. п. Правда, это была фанза исключительная **), принадлежавшая „родственнику императора“, какъ гласила китайская надпись на стѣнѣ; но достаточно того, что такія фанзы встрѣчаются въ деревняхъ.

Входныя ворота во всѣхъ китайскихъ домахъ имѣютъ совершенно одинаковую форму и называются *па-мынь*, такъ какъ имѣютъ такое же начертаніе, какъ іероглифъ *па*—八; такую же форму имѣютъ ворота во всѣхъ храмахъ въ Японіи, а также и въ буддійскихъ дацанахъ (монастыряхъ). Домъ зажиточнаго китайца всегда дѣлится на нѣсколько половинъ, въ зависимости отъ числа женъ. Главную часть обстановки комнатъ составляетъ идущая вдоль стѣнъ широкая

*) Называю его такъ потому, что въ этомъ домикѣ мнѣ пришлось жить въ качествѣ начальника авангарда до Шахейской наступательной операціи, а затѣмъ опять во время зимнихъ операцій на Шахе; такъ что этотъ домикъ, за отсутствіемъ, вѣроятно, другихъ признаковъ, сталъ называться моимъ именемъ даже въ приказахъ по корпусу.

**) Мнѣ придется впослѣдствіи сказать о ней нѣсколько словъ, потому что не мало пережито нами было въ этой фанзѣ и въ Уенченпу.

нара, подъ которой проходитъ „канъ“, или печка, напоминающая въ нашемъ крестьянскомъ быту „лежанку“; топка находится снаружи; теплота собирается и удерживается въ канѣ; вслѣдствіе этого зимою температура въ комнатѣ крайне неравномѣрная: на канѣ нестерпимая жара, а посреди комнаты вода замерзаетъ. Оконныя рамы большею частью значительныхъ размѣровъ, но только у очень богатыхъ вставлены въ нихъ стекла; въ большинствѣ же случаевъ стекло замѣняется промасленною бумагой. Предметы украшеній, встрѣчаемые, конечно, лишь въ богатыхъ домахъ, обнаруживаютъ полнѣйшую безвкусицу и особый взглядъ на потребности европейскаго комфорта: нерѣдко встрѣтить въ домѣ богатаго чиновника или купца 5—8 стѣнныхъ часовъ въ одной комнатѣ, нѣсколько висячихъ лампъ, которыя, однако, никогда не зажигаются; — стѣнныя зеркала, подвѣшенныя такъ, что надо уцѣпиться за потолокъ, чтобы увидѣть въ нихъ свою физіономію и т. п. На канѣ ставятся невысокіе столики, вокругъ которыхъ и садятся, поджавши ноги.

Въ отношеніи костюма и внѣшняго вида китаянокъ, необходимо отмѣтить слѣдующую особенность, представляющую въ этомъ отношеніи большое сходство съ японками: какъ бы ни былъ убогъ и жалокъ костюмъ китаянки, прическа на головѣ всегда очень затѣйлива и въ полномъ порядкѣ, съ разными булавками, а иногда и бумажными цвѣтами; нерѣдко встрѣтить китаянку на полевыхъ работахъ въ невозможныхъ отрепьяхъ, но непремѣнно съ густо намазанными и тщательно причесанными волосами, напоминающую вполнѣ нѣчто вродѣ голаго франта въ цилиндрѣ. Молодыя, да и зрѣлыя, и перезрѣлыя

китаянки употребляютъ въ большомъ количествѣ румяна и бѣлила. Уродованіе ногъ среди сунгарійскихъ китаянокъ *), какъ и въ Мукденской провинціи, не принято; но со времени заселенія этого края выходцами изъ восточныхъ и южныхъ провинцій Срединнаго Китая встрѣчаются во многихъ селеніяхъ

Визитъ китайскаго полковника.

франтихи съ маленькими уродливыми ножками, которымъ начинаютъ подражать и мѣстныя уроженки. Замѣчательно, что этотъ дикій обычай уродованія ногъ почти вывелся среди женщинъ высшаго и даже средняго круга, въ которомъ прекрасная половина имѣетъ возможность предаваться „dolce far niente" хотя съ уродливыми, негодными для ходьбы, но

*) Согласно существующему старому закону, китаянкамъ не разрѣшается выѣзжать за Великую стѣну, т. е. за предѣлы Срединнаго Китая, но фактически законъ этотъ плохо соблюдается.

изящными ножками; тогда какъ женщины низшаго класса, которымъ ноги очень нужны, въ поискахъ за добываніемъ насущнаго пропитанія, продолжаютъ и по настоящее время уродовать до крайности свои ноги. Въ 1895 году мнѣ пришлось видѣть въ Гонолулу высадку китайскихъ переселенцевъ, среди которыхъ было немало женщинъ; нельзя было безъ жалости смотрѣть на бѣдныхъ китаянокъ съ козьими копытами вмѣсто человѣческихъ ногъ, съ которыми онѣ не могли не только двигаться, но и устоять на мѣстѣ, на слегка качавшемся суднѣ, безъ посторонней помощи.

Мнѣ приходилось уже знакомиться съ китайцами въ Манчжуріи во время своей поѣздки по этой странѣ въ 1895 году; коснусь поэтому характеристики китайцевъ, основанной и на прежнихъ наблюденіяхъ *).

Китайцы народъ очень гостепріимный, но лишь съ казовой стороны, то есть щедры на угощеніе лишь людей нужныхъ, отъ которыхъ можно ожидать реваншъ въ той или иной формѣ. Искренняго, радушнаго гостепріимства къ иностранцамъ нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ оно было бы въ совершенномъ противорѣчіи съ затаенною враждой, которую китайцы питаютъ ко всѣмъ „янгоузамъ", вломившимся къ нимъ насильно въ видѣ друзей или культуртрегеровъ. Какъ бы то ни было, а мнѣ лично, какъ офиціальному представителю нашего правительства, во время моей поѣздки по Сунгари, пришлось выдержать безконечный рядъ званыхъ обѣдовъ; при этомъ необходимо замѣтить, что званый китайскій обѣдъ тянется 3 — 4 часа, такъ что, не желая отклонять поступавшія иногда съ разныхъ сторонъ приглашенія, приходится отбывать эти обѣды

*) Помѣщены были въ „Истор. Вѣстн." въ 1897 г.

съ 7 часовъ утра и до поздняго вечера. Китайская кухня, по своей исключительной оргинальности, стоитъ того, чтобы о ней сказать нѣсколько словъ. Въ ряду нашихъ синологовъ немало горячихъ поклонниковъ китайской гастрономіи, которые пѣли ей безконечные диѳирамбы, ставя ее во всѣхъ отношеніяхъ выше европейской.

Китайскіе купцы, торгующіе пушниной.

Главное достоинство китайской кухни заключается прежде всего въ достиженіи значительнаго разнообразія пищи, при наименьшемъ обремененіи желудка: полный китайскій обѣдъ, какъ сейчасъ увидимъ, состоитъ изъ 64 блюдъ, которыя какъ-то укладываются незамѣтнѣе десятка нашихъ традиціонныхъ блиновъ.

Званый обѣдъ у китайцевъ всегда обставленъ большою торжественностью. Гости, по степени важности, распредѣляются въ нѣсколькихъ комнатахъ;

хозяинъ помѣщается, конечно, съ самимъ виновникомъ торжества, которому дается обѣдъ; въ сосѣднихъ комнатахъ размѣщаются прочіе гости, которыхъ угощаетъ замѣститель хозяина. Обѣдъ начинается съ *„лянъ-сай“*—холодныхъ закусокъ, которыхъ подается 8 различныхъ сортовъ: искусно нарѣзанное тончайшими ломтиками разное мясо, національныя китайскія блюда—трепанга, акульи перья, морская капуста, струганныя яйца, приготовленныя на китайскій ладъ, разная зелень и т. п. Затѣмъ подаютъ 8 *„цхау-панъ“*—разное жареное мясо: свинина, баранина, медвѣжатина, домашняя птица и т. п. Послѣ „цхау-панъ“ подаютъ 8 сладкихъ блюдъ, какъ дессертъ, состоящій изъ изюма, леденцовъ, китайскихъ бисквитовъ и т. п. Послѣ сладкаго слѣдуетъ 8 *„цунгъ-ванъ“*—супы, а затѣмъ опять сладкое, послѣ чего подаютъ 8 *„та-венъ“*—разное вареное мясо. Въ заключеніе всего подаютъ *самоваръ*, но не съ кипяченною водой, а съ безконечнымъ ассортиментомъ разнаго мяса, нарѣзаннаго тончайшими ломтиками, декорированнаго иногда съ большими претензіями; все это кладется въ разныя отдѣленія, на которыя въ китайскомъ самоварѣ разгорожена та часть, гдѣ въ нашемъ самоварѣ помѣщается вода. Эти заключительныя блюда варятся тутъ же на столѣ при гостяхъ, распространяя кругомъ обычный ароматъ кухни, смѣшанный съ отвратительнымъ запахомъ кунджутнаго масла. Наконецъ, въ знакъ того, что обѣдъ конченъ, подаются небольшія чашечки сухоговаренаго риса. Впрочемъ, иногда гостепріимный хозяинъ нарочно мистифицируетъ своихъ гостей тѣмъ, что послѣ заключительнаго риса, когда гость собирается вздохнуть свободно, начинаютъ опять все сначала—лянъ-сай, цхау-панъ

и т. д., преподнося своимъ гостямъ безъ передышки второе изданіе только что пережитаго ими обѣда.

Въ сервировкѣ и внѣшней отдѣлкѣ блюдъ китайскіе повара большіе мастера; тутъ сказываются присущія китайцамъ терпѣніе и усидчивость труда, которыя тратятся на внѣшнюю отдѣлку и декорацію подаваемыхъ блюдъ. Это одинаково относится, какъ къ обѣдамъ изысканнымъ, такъ и къ убогой трапезѣ простолюдиновъ: мнѣ пришлось однажды видѣть приготовленіе обѣда китайской рабочей артели, въ которой дневное питаніе человѣка обходилось на наши деньги въ *одну* копейку (20 чохъ); и при всемъ томъ морковь и свекла нарѣзаны были такъ художественно, что трудно было вѣрить, что это сдѣлано руками человѣка, а не машиной. Зато вся эта художественная стряпня была окутана такимъ душу выворачивающимъ смрадомъ, что непривычному человѣку невозможно было тутъ оставаться больше минуты. Въ отношеніи изобрѣтательности китайскіе повара тоже значительно перещеголяли своихъ европейскихъ собратовъ. Мнѣ пришлось однажды быть случайнымъ гостемъ китайскаго чиновника средней руки: несмотря на неожиданность моего посѣщенія, гостепріимный хозяинъ умудрился таки угостить меня обѣдомъ изъ *24 блюдъ*, которыя всѣ, безъ исключенія, приготовлены были изъ одного *поросенка*; кажется, даже копыта были пущены въ ходъ, а изъ крови какимъ-то способомъ приготовлены были два блюда, въ видѣ весьма красивыхъ грибовъ.

На европейскій вкусъ всѣ блюда китайскія при первомъ знакомствѣ съ ними кажутся очень непривлекательными: прежде всего отталкиваетъ трепанга. Это морской червь (Holoturia atra и Holoturia adulis)

довольно большихъ размѣровъ, до 5—6 вершковъ въ длину, съ сосковидными отростками по всему корпусу. Для продажи трепанга сохраняется въ соленомъ и сушеномъ видѣ, а передъ употребленіемъ ее варятъ очень долго, вслѣдствіе чего она разбухаетъ, становится студенистой и пріобрѣтаетъ очень неапетитный видъ; на вкусъ трепанга сильно напоминаетъ вязигу. Весьма своеобразенъ способъ приготовленія яицъ („пенъ-дань“,—то-есть видоизмѣненныя яйца) на китайскій ладъ: въ кипятокъ кладутъ соль, известь, черноземъ, уксусъ, кедровый хвой, и въ этомъ приходится варить яйца иногда въ теченіе двухъ недѣль, пока бѣлокъ совершенно преобразуется и получаетъ насквозь темнозеленый цвѣтъ; въ восточныхъ и южныхъ провинціяхъ приготовляютъ особаго рода замазку, въ которой яйца выдерживаются годъ и болѣе. Всѣ блюда на вкусъ очень прѣсны, такъ какъ китайской кухнѣ неизвѣстно употребленіе соли; иногда кушанье приправляется *соей*, приготовляемой изъ гаоляна, выдерживаемой въ подвалахъ такъ долго, что сложилась народная поговорка, согласно которой качество сои цѣнится *по количеству крысъ потонувшихъ въ чанахъ*...

Изъ спиртныхъ напитковъ подаютъ къ столу въ маленькихъ металлическихъ чайникахъ *сулю*—подогрѣтую водку, приготовляемую изъ гаоляна и содержащую въ себѣ значительную примѣсь сивушнаго масла *). Вмѣсто ножей и вилокъ употреблются *квайзы*

*) Кромѣ того, въ Манчжуріи производится еще въ большомъ количествѣ ханшинъ—та же водка, весьма скверныхъ качествъ, приготовляемая изъ проса, дѣйствующая крайне вредно на организмъ человѣка. Ханшинъ въ большомъ количествѣ вывозится контрабанднымъ путемъ на Амуръ, гдѣ раскупается нашими прибре-

(палочки), которыя, при достаточномъ навыкѣ, даютъ возможность свободно брать ими все, что нужно; впрочемъ китайцамъ квайзы служатъ прямо для выгребанія пищи изъ чашекъ непосредственно въ ротъ.

За обѣдомъ хозяинъ беретъ обыкновенно каждое блюдо изъ рукъ слуги и, приподнявъ выше головы, подноситъ гостю. По принятому обычаю, каждый изъ гостей, сидящихъ за однимъ столомъ (обыкновенно не больше 4-хъ) считаютъ долгомъ, прежде чѣмъ отвѣдать каждое блюдо, положить сначала своимъ сосѣдямъ; это безпрерывное подкладыванiе съ двухъ сторонъ производится съ неменьшею настойчивостью, чѣмъ угощенiе нашего безсмертнаго Демьяна, не взирая ни на какiе протесты страдательной стороны; поэтому въ чашечкѣ гостья получается въ концѣ концовъ такой невообразимый винигретъ, въ которомъ и китайскiй чортъ сломалъ бы ногу. Это подало поводъ нашимъ пограничнымъ офицерамъ, при угощенiи китайцевъ, весьма легко и просто состряпать обѣдъ даже изъ большаго числа блюдъ, чѣмъ у китайцевъ,—стоитъ только предоставить денщику смѣшивать убираемые со стола остатки.

жными казаками и кочующими инородцами, такъ какъ продается въ нѣсколько разъ дешевле нашей водки; кромѣ того, въ глазахъ усердныхъ потребителей спиртныхъ напитковъ, ханшинъ имѣетъ еще то своеобразное преимущество предъ водкой, что послѣ опьяненія отъ ханшина „выпилъ воды стаканъ и опять пьянъ“; такъ что, по словамъ казаковъ, „опохмѣлиться послѣ ханшина ничего не стоитъ...“

Характеристика японскихъ войскъ *).

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ японцевъ.

Военное образованіе и воспитаніе офицеры получаютъ въ шести провинціальныхъ кадетскихъ корпусахъ, въ которыхъ курсъ продолжается три года. Къ пріему допускаются по особому экзамену юноши 15 лѣтняго возраста послѣ предварительнаго экзамена по чтенію, письму, рисованію элементарной физикѣ, ариѳметикѣ, географіи и исторіи Японіи. Одна принадлежность къ военному или привилегированному сословіямъ не даетъ еще преимущественнаго права на пріемъ въ корпусъ. Это право и пріемъ на казенный счетъ предоставляются лишь дѣтямъ офицеровъ и высшихъ чиновниковъ, павшихъ на полѣ брани, или умершихъ на службѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей, или оказавшихъ особыя услуги государству. Сыновья прочихъ офицеровъ принимаются въ корпуса за половинную плату, составляющую 40 руб. въ годъ на наши деньги, при единовременномъ взносѣ на обмундированіе въ 10 руб.

Занятія ведутся очень интенсивно, допускаются лишь два каникулярныхъ періода, по двѣ недѣли лѣтомъ и зимою, причемъ лѣтними каникулами пользуются для обученія плаванію въ морѣ. Употребленіе табаку и спиртныхъ напитковъ строго преслѣдуется.

По окончаніи курса въ провинціальномъ корпусѣ

*) Излагаю какъ по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, вынесеннымъ изъ пребыванія въ Японіи и изъ участія въ минувшей войнѣ, такъ и по наблюденіямъ иностранныхъ европейскихъ офицеровъ.

воспитанники переходятъ въ центральный корпусъ въ Токіо. Здѣсь, по окончаніи двухгодичнаго курса, молодые люди удостоиваются производства въ офицеры, что всегда обставляется особой торжественной церемоніей въ присутствіи императора, или кого-нибудь изъ императорскихъ принцевъ; въ минувшемъ 1903 году было выпущено 701 офицеръ, въ томъ числѣ 25 китайцевъ *).

Корпусъ офицеровъ генеральнаго штаба комплектуется совершенно по образцу германскому. Встрѣчается, впрочемъ, немало офицеровъ, получившихъ высшее военное образованіе въ Парижѣ и Берлинѣ. Въ декабрѣ 1905 года введенъ новый законъ о предѣльномъ возрастѣ въ арміи, устанавливающій, кажется, наиболѣе ранній предѣлъ по сравненію со всѣми европейскими арміями, а именно: для капитана — 48 лѣтъ, подполковника — 53, полковника — 55, генералъ-маіора — 58, генералъ-лейтенанта —62 и генерала—65 лѣтъ.

Относительно характеристики японскихъ офицеровъ необходимо замѣтить, что они преданы военному дѣлу, которымъ положительно увлекаются; но внѣ спеціальнаго дѣла умственный кругозоръ ихъ очень ограниченъ. Нижніе чины почти всѣ грамотны; посѣщая суда японскаго флота, мнѣ постоянно приходилось видѣть нижнихъ чиновъ въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій, погруженными въ чтеніе газетъ, книгъ, писаніе писемъ домой и т. п.

Важнѣйшая особенность японцевъ кроются въ

*) Помѣщаемыя ниже наблюденія принадлежатъ, частію, иностранному европейскому офицеру и помѣщены были въ „Streffleur's mill. Zeitschr.“; заимствуются мною потому, что вполнѣ совпадаютъ съ моими собственными наблюденіями.

ихъ безграничномъ воодушевленіи во всемъ, что касается отечества, и въ трогательной вѣрности и преданности своему государю. Быть полезнымъ, какъ своей родинѣ, такъ и своему монарху—представляетъ собою вполнѣ конкретную цѣль существованія каждаго японца, готоваго всегда принести себя въ жертву этой цѣли. Своего государя японцы почитаютъ какъ высшее существо, какъ полубога. Всѣ свои личныя качества, достигнутые успѣхи на театрѣ войны,—японцы приписываютъ добродѣтелямъ своего государя, воодушевляющимъ ихъ на всякіе подвиги. Японецъ не боится смерти. Въ основу воспитанія вложена идея о ничтожности существованія, и въ противоположность этому—о наилучшей долѣ, когда возможно пожертвовать жизнью на благо государя и родины: эта мысль одухотворяется тѣмъ, что самопожертвованіе и заслуги цѣнятся и вознаграждаются и послѣ смерти. Многіе воины, павшіе во время минувшей войны, еще до ея окончанія, получили уже за свои подвиги разныя награды въ видѣ орденовъ титуловъ и другихъ отличій; тогда какъ всѣ прочіе воинскіе чины, которые остались въ живыхъ, были награждены не ранѣе окончанія войны. Награды мертвыхъ не остаются только платоническими: награжденные почитаются героями,—хотя бы не національными, но все же героями въ тѣсномъ кругу своей деревни, своихъ родныхъ и близкихъ.

Самообладаніе японца прямо изумительно; онъ никогда не даетъ воли своимъ нервамъ, а страданія и боли онъ переноситъ съ такой же стойкостью и хладнокровіемъ какъ тотъ легендарный спартанецъ, который попался съ краденой лисицей подъ

платьемъ. Терпѣніе и выносливость также присущи японцамъ въ высокой степени. Зато японцамъ чужда акуратность какъ въ служебной такъ и въ частной жизни; неоднократно во время минувшей войны случались въ японскихъ войскахъ запаздыванія на полчаса и болѣе при изготовленіи къ бою, выступленіи въ походъ и т. п.; и такія запаздыванія не вызывали никакихъ замѣчаній: потому что считалось не подлежащей сомнѣнію полная готовность всѣхъ и каждаго исполнить долгъ со всей точностью, и если случилось, при всемъ томъ, опозданіе, то, вѣроятно, въ силу уважительныхъ причинъ.

Въ общемъ японецъ отличается слабой воспріимчивостью ума; нѣтъ у него также быстроты сообразительности для принятія скораго рѣшенія. Но при тугомъ усвоеніи онъ обладаетъ способностью примѣнить воспринятое къ своимъ потребностямъ. Въ тоже время онъ находчивъ, отлично примѣняется къ обстоятельствамъ и отличается особымъ талантомъ подражательности.

Способности къ изученію иностранныхъ языковъ очень посредственны; поэтому нерѣдко можно встрѣтить японцевъ, которые долго жили за границей и все-таки плохо усвоили иностранный языкъ. Въ отношеніи изученія военныхъ наукъ японцы отличаются хорошими способностями, особенно во всемъ, что касается техники военнаго дѣла, благодаря присущимъ прирожденнымъ наклонностямъ къ этому дѣлу.

Японцы отличаются малымъ ростомъ, что объясняется отчасти коренящейся въ глубокой древности привычкой сидѣть на полу, — однообразіемъ пищи, состоящей большей частью изъ одного риса, а также и исключительной чистотой расы, которая не смѣ-

шивалась съ другими. При маломъ ростѣ они коренасты, имѣютъ крѣпкія ноги съ развитыми икрами, дѣлающія ихъ хорошими пѣшеходами; въ то же время туловище болѣе слабое, поэтому они болѣе способны къ пѣшей чѣмъ къ конной службѣ. Въ послѣднее время замѣчается нѣкоторое увеличеніе средняго роста, что объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что пища становится постепенно болѣе разнообразной, такъ какъ вводятся новые продукты питанія. Рьянымъ противникомъ укоренившагося обычая сидѣть всегда на полу на соломенныхъ матахъ является, между прочимъ, генералъ Ноги: съ молодыхъ лѣтъ онъ усвоилъ обычай европейцевъ сидѣть на стульяхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, обычай лежать на полу дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на энергію человѣка.

Необходимо замѣтить, что ростъ японцевъ не во всей странѣ одинаковъ: въ сѣверной Японіи населеніе отличается большимъ ростомъ, а на югѣ народъ меньше.

Въ началѣ минувшей войны подборъ людей былъ замѣтно лучше, чѣмъ въ концѣ, что легко объясняется тѣмъ, что при необходимости брать отъ населенія болѣе многочисленныя укомплектованія пришлось волей-неволей сдѣлать уступки въ отношеніи качествъ людей; тоже самое замѣтно было и въ первыхъ формированіяхъ запасныхъ частей; а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ исчерпаны были всѣ контингенты, стали попадать въ армію люди съ физическими недостатками.

Хорошимъ воспитаніемъ въ физическомъ отношеніи для поступающихъ на военную службу служитъ родъ занятій большей части японцевъ, которые за-

нимаются хлебопашествомъ, переноской тяжестей, джинно-рикши, ремесленники и т. д.;—все это содѣйствуетъ физическому развитію, доставляя хорошій элементъ для комплектованія арміи. Изъ городскихъ же жителей и фабричныхъ рабочихъ въ армію поступаетъ сравнительно немного. Природныя наклонности японцевъ также способствуютъ физическому развитію; хорошимъ развлеченіемъ служитъ у нихъ борьба, которая тоже развиваетъ ловкость и сноровки. Существуетъ даже особая каста борцовъ, которая пользуется въ населеніи большимъ почетомъ.

Общій духъ и направленіе арміи отличаются замѣчательнымъ единодушіемъ. Вопреки всякимъ мелочнымъ интересамъ личнаго свойства всѣ объединяются этимъ общимъ стремленіемъ, когда этого требуетъ общее дѣло—отстоять честь и благополучіе своего государя и родины. И у японцевъ это самопожертвованіе не пустой звукъ. Они рвутся въ бой, который по убѣжденію всѣхъ и каждаго непремѣнно принесетъ имъ побѣду. Когда армія преисполнена такого воодушевленія, то она неминуемо побѣдитъ, если она не уничтожена.

Дисциплина въ арміи выше всякой похвалы,—хотя по внѣшнему виду иностранцу покажется, что въ арміи нѣтъ никакой дисциплины, что это какая-то военная республика. Но у японцевъ дисциплина базируется не столько на привитомъ воспитаніи и требованіяхъ службы, сколько на глубокомъ сознаніи лично каждаго въ необходимости этого для общей пользы дѣла, а также—на взаимномъ довѣріи, что каждый со своей стороны сдѣлаетъ все отъ него зависящее съ требуемымъ для дѣла стараніемъ. Нижній чинъ признаетъ преимущества офицера, постав-

леннаго начальникомъ и руководителемъ; точно также офицеръ относится съ довѣріемъ къ нижнему чину, зная, что онъ постарается наилучшимъ образомъ сдѣлать свое дѣло.

Отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ, между офицерами и нижними чинами, совершенно не похожи на то, что мы привыкли видѣть въ европейскихъ арміахъ—ни по внѣшнему виду, ни по существу: въ японской арміи совсѣмъ не принято стоять на вытяжку, когда начальникъ отдаетъ приказаніе; нижній чинъ сохраняетъ при этомъ вольное положеніе, или даже остается сидѣть спокойно; отдавая свое приказаніе, офицеръ старается пояснить все возможно обстоятельно, и терпѣливо разъясняетъ непонятное. Никогда нижній чинъ не затруднится остановить перваго встрѣчнаго офицера, чтобы разспросить его о чемъ-нибудь, а офицеръ въ свою очередь сочтетъ своимъ долгомъ подѣлиться съ распрашивающимъ его нижнимъ чиномъ всѣмъ, чѣмъ можетъ. Приказаніе офицера солдатъ всегда исполнитъ точно и старательно,—въ виду довѣрія, которое онъ питаетъ къ офицеру, что онъ знаетъ свое дѣло, но въ тоже время и солдату предоставляется полная свобода въ изысканіи наилучшаго способа исполненія приказанія, такъ какъ относятся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, что онъ приложитъ для этого всѣ усилія.

Такія взаимоотношенія начальства и подчиненныхъ сказываются особенно ярко во время походныхъ движеній: не можетъ быть и рѣчи, чтобы можно было видѣть въ японской арміи какое нибудь подобіе *дисциплины марша*, какъ это понимается въ европейскихъ арміяхъ; на походахъ колонна двигается

всегда въ полномъ *безпорядкѣ*, не видать никакого сомкнутаго строя, ни стройности движенія вообще; каждый идетъ какъ будто самъ по себѣ. Кто чувствуетъ себя усталымъ, тотъ садится отдыхать: кому нужно— выходитъ въ сторону для своихъ потребностей, чтобы поправить снаряженіе, обувь, а то и для того, чтобы соснуть немного, а затѣмъ отдохнувши и поправивъ что нужно было, спокойно догоняетъ свою часть".

Внѣ службы отношенія между офицеромъ и солдатомъ совершенно напоминаютъ частную жизнь: оба живутъ вмѣстѣ въ одной фанзѣ, спятъ на одномъ канѣ, пьютъ вмѣстѣ чай, ведутъ общую бесѣду и т. д. Дисциплинарныя наказанія примѣняются рѣдко; и это совершенно понятно: потому что начальство относится съ такимъ довѣріемъ къ подчиненному, къ его доброй волѣ, что проступокъ съ его стороны не можетъ быть объясненъ дурными наклонностями, заслуживающими наказанія.

При общей характеристикѣ японскихъ войскъ необходимо указать еще на одну черту существенной важности. Это полное согласованіе страннаго воинскаго духа японцевъ съ новѣйшими теоріями военнаго дѣла. Время минувшей войны является для Японіи въ этомъ отношеніи чрезвычайно благопріятнымъ: старинная воинственность и боевыя качества, унаслѣдованныя отъ предковъ, пользуются еще и теперь у японцевъ почетомъ и вниманіемъ и тщательно поддерживаются; новыя вліянія европейской культуры еще не успѣли ослабить эти боевыя качества, хотя есть несомнѣнные признаки, указывающіе на вѣроятность ослабленія ихъ въ будущемъ,—какъ это было и въ государствахъ Запада.

Что касается военныхъ наукъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ армій, то японцы съумѣли извлечь оттуда только то, что оказалось вполнѣ пригоднымъ для ихъ арміи. Корпусъ молодыхъ офицеровъ стоитъ безусловно на высотѣ самыхъ строгихъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены современной арміи. Лѣтъ десять тому назадъ чисто боевыя качества въ японской арміи стояли, пожалуй, выше чѣмъ теперь; зато научныя познанія въ военномъ дѣлѣ были слабѣе. Лѣтъ черезъ десять воинственность можетъ быть еще поблекнетъ немного, но зато военныя познанія достигнутъ наивысшаго развитія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что едва-ли въ будущемъ получится когда-нибудь такое наивыгоднѣйшее сочетаніе прирожденной воинственности и военныхъ познаній какое было у японцевъ въ минувшую войну.

Не только сами офицеры, но и народъ считаетъ офицеровъ первымъ сословіемъ въ странѣ. Офицеры являются преемниками старыхъ „самураевъ“; они олицетворяютъ собою всѣ рыцарскія свойства самураевъ, составляющія гордость японцевъ. Офицерство представляетъ собою не ремесло, которое должно служить источникомъ для пропитанія, а—почетное званіе. Въ арміи служатъ люди съ самыми почетными и лучшими именами Японіи; важнѣйшіе сановники страны принадлежатъ къ корпусу офицеровъ. При такихъ условіяхъ стремленіе къ офицерскому званію весьма значительно, и это обстоятельство даетъ возможность быть очень разборчивыми въ подборѣ офицерскаго состава.

Офицеры воспитываются образцово. Изъ числа многихъ сотенъ офицеровъ едва ли найдется одинъ,

не имѣющій необходимыхъ для своего дѣла познаній. Офицеръ ничѣмъ не отвлекается отъ своего прямого дѣла, которому онъ преданъ душою и тѣломъ. Онъ не отецъ семейства, не спортсменъ, но всегда и всюду только „солдатъ“.

Небольшого роста, но коренастый, съ толстыми ногами, японецъ, съ всегда привѣтливымъ лицомъ, производитъ самъ по себѣ пріятное, симпатичное впечатлѣніе, хотя, по европейскимъ понятіямъ, не можетъ быть названъ красивымъ. Японцы никакъ не могутъ вполнѣ привыкнуть къ европейскому обмундированію. Ихъ величайшимъ врагомъ является европейская обувь, такъ какъ съ дѣтства они привыкли дома быть въ носкахъ, а на улицѣ въ сандаліяхъ изъ соломы. Во время похода въ этомъ отношеніи въ японской арміи существуетъ полная свобода: какъ только офицеръ слѣзъ съ лошади, онъ облекается въ туфли или сандаліи. Та же свобода царитъ и относительно всего остального обмундированія, какъ въ покроѣ и цвѣтѣ формы, такъ и относительно снаряженія; такимъ образомъ каждый носитъ то, что онъ считаетъ удобнымъ.

Особенное значеніе японскій офицеръ придаетъ своему мечу; онъ часто, вмѣсто служебной сабли, носитъ древній родовой мечъ, перешедшій по наслѣдству отъ отца къ сыну. По этому мечу можно узнать имѣется ли передъ вами древній самурай или нѣтъ. Японецъ питаетъ къ своей саблѣ трогательную дѣтскую привязанность. Онъ аккуратно завертываетъ ее въ полотно, а зимою въ толстый мѣховой чехолъ, точно дѣло идетъ о живомъ существѣ, которое тщательно надо уберечь отъ солнца, пыли и холода. Раненому сабля кладется на носилки, въ госпиталяхъ

она виситъ у его постели. Сабли убитыхъ возвращаются ихъ семьямъ.

Явные успѣхи японской арміи несомнѣнно доказываютъ высокія качества ея корпуса офицеровъ; но если ближе разсмотрѣть эти успѣхи, то окажется, что различныя категоріи офицеровъ, — какъ генералитетъ, генеральный штабъ и строевые офицеры въ совершенно различной степени вызвали эти успѣхи.

Всѣ командующіе арміями, даже большая часть начальниковъ дивизій—генералы той эпохи, когда высшей военной доблестью считалось умѣніе владѣть мечомъ; обладая личной храбростью, они отличаются хладнокровіемъ и спокойствіемъ. Они увѣрены въ себѣ, стойки и терпѣливы и безбоязненно берутъ на себя полную отвѣтственность за рѣшенія, принятыя большей частью генеральнымъ штабомъ. Вслѣдствіе этого генеральный штабъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ при другихъ, нормальныхъ условіяхъ. Офицеры генеральнаго штаба получаютъ прекрасную теоретическую подготовку и весьма дѣльны, но, казалось бы, мало несутъ службу въ строю. Они основательны и точны до такой степени, что въ критическій моментъ, не будучи вполнѣ оріентированы, не предпримутъ рискованнаго рѣшенія. По отношенію къ энергичному и предпріимчивому противнику подобный педантизмъ можетъ сослужить плохую услугу.

Достойно вниманія то обстоятельство, что младшіе начальники при всякомъ удобномъ случаѣ предлагали различныя мѣры своимъ начальникамъ, которые безпристрастно обсуждали такія положенія и въ случаѣ надобности приводили въ исполненіе.

Строевые офицеры составляютъ лучшій элементъ

японскаго корпуса офицеровъ. Получивъ основательныя теоретическія познанія въ школѣ, и изучивъ службу на практикѣ до мельчайшихъ подробностей, они идутъ въ бой съ воодушевленіемъ, выказываютъ храбрость, презрѣніе къ смерти и стойкость. Ошибки, допущенныя руководителями въ диспозиціи боя, часто исправлялись благодаря знанію тактики и стойкости офицеровъ.

Среди строевыхъ офицеровъ настоящими побѣдителями нужно прежде всего считать ротныхъ командировъ и ихъ младшихъ офицеровъ. Это они исполняли каждое данное приказаніе, они шли смѣло въ атаку по открытой равнинѣ, все они же выполняли по ночамъ фанатическіе рукопашные бои и оборонялись въ своихъ окопахъ, пока не наступала смерть. Подъ руководствомъ такихъ строевыхъ офицеровъ, каждый солдатъ становится героемъ, а каждый генералъ можетъ быть полководцемъ.

Вслѣдствіе значительной убыли офицеровъ и формированій вновь многихъ частей, приходилось брать офицеровъ изъ запаса. На сколько это было необходимо, эти офицеры зачислялись въ части, но преимущественно же оставлялись на службѣ въ тылу арміи. Въ дѣйствующей арміи они оказались менѣе полезными; не вслѣдствіе физической непригодности, такъ какъ въ этомъ отношеніи при выборѣ было обращено должное вниманіе, а вслѣдствіе полнаго отсутствія подготовки въ современной военной техникѣ. Эти офицеры сами высказывали, что они ничего не понимаютъ въ новомъ военномъ искусствѣ; но если дѣло коснется умѣнья владѣть мечомъ, то они справятся лучше многихъ молодыхъ офицеровъ.

Уже въ началѣ войны, возрастъ офицеровъ былъ по европейскимъ понятіямъ необычайно молодой. Убыль въ теченіе войны была причиной тому, что наконецъ всѣ должности, до командировъ полковъ включительно, были замѣщены молодыми офицерами".

Передъ наступленіемъ.

Послѣ 10-го сентября у насъ появились постоянные толки о предстоящемъ переходѣ въ наступленіе. Опредѣленнаго ничего не знаемъ, но приказано готовиться. Наступили холодныя ночи и мы блаженствуемъ, имѣя шинели; другіе полки нашей же дивизіи не столь счастливы, такъ какъ шинели ихъ сожжены были съ частью дивизіоннаго обоза во время отступленія отъ Ляояна.

19-го сентября у насъ происходило торжество раздачи Георгіевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ по 2 на каждую роту. Выясняется опредѣленно, что 22-го мы переходимъ въ наступленіе. Мнѣ предстоитъ опять видная роль — быть начальникомъ головного отряда. Всѣ настроены торжественно и бодро по случаю предстоящаго наступленія. Все же мнѣ сегодня представилась тяжелая диллема: явился откуда-то растерзанный китаецъ съ жалобой, что три солдата забрались къ нимъ въ деревню въ 4—5 верстахъ отъ нашего бивака, ограбили его и „обидѣли" его „мадаму"—другими словами изнасиловали китаянку. Весьма нетрудно было выяснить и установить виновниковъ этихъ гнусныхъ преступленій; въ осо-

бенности мнѣ показался противнымъ одинъ изъ этихъ мерзавцевъ, рядовой 7-й роты Тыринъ, съ крайне наглымъ взглядомъ, способный хоть сейчасъ на новое самое скверное преступленіе. Но что теперь дѣлать съ ними, когда завтра рано утромъ выступать? стою на передовой позиціи и чтобы отправить ихъ куда-нибудь понадобится конвой и, значитъ, сразу выбросить нѣсколько рядовъ бойцовъ; да и куда посылать?—не знаю и не слыхалъ о существованіи у насъ въ тылу судей и слѣдователей. Пришлось, въ виду предстоящихъ боевъ, предоставить все это Суду Божьему... предложивъ ротному командиру при каждомъ случаѣ во время боевъ имѣть это въ виду... Но, повидимому, неисповѣдимы судьбы людей: много времени спустя,—пережили мы всѣ бои Шахейскіе, многіе бои и стычки зимою, кровопролитные дни подъ Мукденомъ,—стоялъ полкъ въ дер. Чидяза; во время богослуженія на Страстной недѣлѣ подъ открытымъ небомъ мнѣ бросились въ глаза черты лица одного изъ нижнихъ чиновъ, проходившаго мимо меня къ аналою положить на тарелку копеечку; вижу, что лицо что-то знакомое, запавшее мнѣ въ память по какому-то случаю. И скоро вспомнилъ, что это вѣдь Тыринъ, 7-й роты!... Ротный его командиръ, который, по моему порученію, долженъ былъ когда-то служить посредникомъ между нимъ и Судомъ Божіимъ, самъ убитъ въ бою 19-го февраля подъ Ланьшаньпу, а этотъ Тыринъ перебывалъ во всѣхъ бояхъ и вышелъ невредимымъ, даже не раненъ! Какъ угодно,—а при ужасающихъ потеряхъ въ минувшую войну, строевой рядовой боецъ, несшій службу въ строю, могъ выйти живымъ изъ одного боя, двухъ; а остаться цѣлехонькимъ послѣ ряда кровопролитныхъ боевъ

возможно было не иначе какъ при вмѣшательствѣ особаго покровительства судьбы. Вотъ и суди тутъ послѣ этого людей близорукимъ судомъ человѣка!.. Какая эта великая истина, завѣщанная Спасителемъ— „Не судите, да не судимы будете“...

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.-Петербургъ, Колокольная 14.

Въ Китаѣ. Воспоминанія и разсказы 1901—1902 гг. *А. Верещагина*. Спб., 1903 г. Съ рисунками и портретами . 1 р. 25 к.

Лихунчжанъ или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Сочиненіе *Лянцичао*. Перевели съ китайскаго. *А. Н. Вознесенскій* и *Чжанчинтунъ*. Съ предисловіемъ Чжанчинтуна. Спб., 1905 г. 2 р.

Реорганизація китайской арміи. Переводъ китайскихъ документовъ французской службы капитана *Водеска*. **Краткій очеркъ новыхъ войскъ Китая (Лу-цзюнь).** Съ французскаго перевелъ и очеркъ составилъ генеральн. штаба капитанъ баронъ *А. Арнсгофенъ*. Спб., 1907 г. . 75 к.

Маневры китайскихъ войскъ въ окрестностяхъ города Чжанъ-Дэ-Фу въ Хэнаньской провинціи въ 1906 году. Отпечатано по распоряженію начальника Генеральнаго Штаба. Съ рисунками. Спб., 1908 г. 3 р.

Японія *Н. Д. Богуславскій*. Военно-географическое и статистическое обозрѣніе. Издано при содѣйствіи Главн. Штаба. Изд. 2-е. Спб., 1904 г. 3 р.

Предразсудки и боевая дѣйствительность. Составилъ генер. штаба капит. *Александръ Свѣчинъ*. Спб., 1907 г. 1 р.

Гибель 5 стрѣлковаго полка подъ Мукденомъ. Составлено офицерами 5 стрѣлковаго полка, участниками Мукденскихъ операцій. Спб., 1907 г. 40 к.

Какъ погибъ 5-й стрѣлковый полкъ подъ Мукденомъ. Воспоминанія Генеральнаго Штаба полковника *Циховича*. Спб., 1908 г. 50 к.

издание В. А. Березовскаго С.П.Б.

2007096543